

ИСТОРИЯ
И
КУЛЬТУРА
ДРЕВНЕРУССКОГО
ГОРОДА

ИСТОРИЯ
И
КУЛЬТУРА
ДРЕВНЕРУССКОГО
ГОРОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1989

Рецензенты:
доктор исторических наук *В. Б. КОБРИН*,
кандидат исторических наук *Н. А. МАКАРОВ*

Редакционная коллегия:
Г. А. Федоров-Давыдов (отв. редактор),
Е. А. Рыбина, *А. С. Хорошев*

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета*

И89 **История и культура древнерусского города.** — М.: Изд-во МГУ, 1989. — 275 с.
ISBN 5—211—00286—5.

Сборник объединяет статьи, содержащие сведения о новейших достижениях археологов, историков, лингвистов, искусствоведов в изучении средневекового города. Рассматриваются проблемы происхождения и формирования Новгородской республики, дается лингвистический и исторический анализ берестяных грамот, исследуются памятники архитектуры, прикладного искусства, эпиграфики и материальной культуры; освещаются также проблемы нумизматики и сфрагистики, древнерусской культуры и искусства, изучаются торговые связи и социальный строй средневековой Руси. Сборник отражает комплексный подход к изучению многообразия жизни древнерусского города.

Для историков, археологов, краеведов и читателей, интересующихся древностями нашей страны.

И 050400000—051
077(02)—89 33—89

ББК 63.3(0)4

Научное издание

**ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА
ДРЕВНЕРУССКОГО ГОРОДА**

Зав. редакцией *Н. М. Сидорова*
Редактор *В. В. Белугина*
Оформление художника *В. С. Стуликова*
Художественный редактор *М. Ф. Евстафиева*
Технические редакторы *К. С. Чистякова*, *М. Б. Герентьева*
Корректоры *И. А. Мушникова*, *Л. А. Кузнецова*

ИБ № 3162

Сдано в набор 04.04.88. Подписано в печать 02.03.89. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 17,0.
Уч.-изд. л. 19,72. Тираж 15 000 экз. Заказ 349. Изд. № 251. Цена 1 р. 60 к.

Ордена «Знак Почета» издательство Московского университета.

103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.

Типография ордена «Знак Почета» изд-ва МГУ.
119899, Москва, Ленинские горы

ISBN 5—211—00286—5

© Издательство Московского
университета, 1989 г.

От редколлегии

Проблема истории и культуры древней Руси по праву считается одной из узловых в отечественной истории. Значительные успехи советской исторической науки в ее освещении связаны прежде всего с последовательным творческим применением принципов марксистско-ленинской методологии при изучении исторических процессов.

В решении ряда вопросов истории и культуры древней Руси весомый вклад внесла археология. Широкомасштабные исследования крупнейших городских центров — Новгорода, Киева, Смоленска, Пскова, Суздаля, Чернигова, Старой Рязани и других древнерусских городов — позволили воссоздать широкую историческую картину, выявить как особенности социально-экономического, политического и культурного развития различных регионов восточнославянского мира, так и общие закономерности, характерные для древней Руси в целом.

Стремительное увеличение объема археологического материала обуславливает необходимость периодически суммировать накопленные факты. Кроме того, широкие круги исследователей на всегда имеют возможность целенаправленно использовать добытые археологией данные без специальной обработки. Поэтому основные результаты археологических изысканий необходимо превратить в источник, доступный всем специалистам. Такую задачу и поставил перед собой коллектив авторов предлагаемого сборника.

Путь к подлинному историзму требует постоянного совершенствования работы с археологическими источниками. Интеграция гуманитарных и естественных наук, использование комплексного метода изучения разнообразных материалов открывают огромные возможности и обещают новые открытия. Особенно актуально применение комплексного источниковедения для раннего этапа истории древней Руси, представляющего сложный узел исторических проблем. Успешное решение их возможно лишь на основе привлечения данных филологии, антропологии, палеоэтнографии, географии, исторической и социальной топографии. Продемонстрировать возможности и действенность использования комплексного метода при изучении конкретных вопросов истории и культуры древней Руси — такова цель коллектива авторов.

В целом предлагаемый сборник дает всестороннее представление о русском средневековье. Древнерусский город: его зарож-

дение и развитие, ремесло и торговля, социальная структура, складывание этноса и диалектов, история заселения Новгородской земли, формирование вотчины и институтов республиканского управления — таков далеко не полный перечень вопросов, которые рассматриваются исследователями разных специальностей в данном сборнике. Для его авторов характерно стремление не замыкаться в узких рамках специализации, но выходить на общеисторическую проблематику при использовании специфического материала.

Обращает внимание преобладание новгородской тематики. Это объясняется несколькими факторами, прежде всего историческим значением Новгорода, который был важнейшим политическим, экономическим и культурным центром древней Руси: своеобразная феодальная республика, вскормленная и поддерживаемая политическими амбициями боярской олигархии; важный пункт на «пути из варяг в греки», где сходилась греческий юг и скандинавский север, куда стекались товары из стран Западной Европы и Арабского Востока; город воинов, защитивших Русь от грозной внешней опасности; город великих художников и великих строителей, создавших величественные ансамбли Кремля и Дворища, Юрьева и Хутыни. Уникальность Новгорода — в обилии самых разнообразных исторических источников: летописи и акты, писцовые и лавочные книги, обширнейшая коллекция археологических находок, среди которых знаменитые грамоты на бересте, связавшие воедино исторические сведения и археологические комплексы, ставшие своеобразным индикатором при проверке точности исторических выводов. Многочисленные прежде исторические гипотезы и априорные построения благодаря грамотам наполнились реальным историческим содержанием либо отошли в область догадок, не подтвержденных исторической действительностью.

Особое место в изучении Новгорода принадлежит коллективу Новгородской археологической экспедиции, который более четверти века возглавляет профессор МГУ, член-корреспондент АН СССР, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР Валентин Лаврентьевич Янин — ученый широкого творческого диапазона, создатель новых концепций истории Новгорода, воспитатель и руководитель большого коллектива исследователей. Шестидесятилетию В. Л. Янина посвящается настоящий сборник.

* * *

Творческий путь В. Л. Янина определяется двумя понятиями — Московский университет и Новгород.

Уже в студенческие годы ярко проявилась творческая одаренность В. Л. Янина, подкрепленная солидным фундаментом занятий историей, углубленная лекционными курсами профессо-

ров университета Е. В. Тарле, А. И. Неусыхина, С. В. Бахрушина, А. В. Арциховского, К. К. Зельина, серьезным усвоением марксистско-ленинской теории исторического процесса. Желание посвятить себя изучению отечественной истории, ее ранним эпохам привели В. Л. Янина-студента на кафедру археологии, в исследовательскую школу А. В. Арциховского.

Дипломная работа, а затем и кандидатская диссертация В. Л. Янина были посвящены реконструкции денежно-весовых систем домонгольской Руси — старой нучной проблеме, над которой бились лучшие умы русской нумизматики. Восстановить эти системы, реконструировать вес гривны, куны, ногаты, резаны, проследить эволюцию этих весовых норм, связать их с арабскими дирхемами и западноевропейскими денариями — такова задача, которая стояла перед молодым ученым и которую он с успехом решил. В опубликованной монографии «Денежно-весовые системы русского средневековья» (МГУ, 1956) были выявлены формирование древнейшей денежно-весовой системы Руси, ее трансформация, ее зависимость от уровня политических взаимоотношений Русских земель.

Здесь впервые проявились основные свойства исследовательского стиля В. Л. Янина — строгая логичность и полнота формулировки темы, комплексность и оригинальность источниковедческих методик, органическое единство тонкой исследовательской техники и синтезирующих построений по конкретному, но важному вопросу русского средневековья.

Изучение нумизматического материала с его строгой внутренней логикой закономерно привело В. Л. Янина к использованию новейших методов исследования в сфрагистике и, естественно, к новгородской тематике. Интерес к новгородским древностям возник у него еще тогда, когда он, будучи студентом, включился в работу одной из крупнейших археологических экспедиций страны, основанной А. В. Арциховским в 1932 г.

Здесь для ученого открылось широкое поле деятельности: история и археология, нумизматика и сфрагистика, источниковедение и эпиграфика, историческая топография и топонимика, изучение берестяных текстов и проблемы монументального и прикладного искусства.

В. Л. Янин сочетает свои сфрагистические исследования с пристальным изучением новгородских письменных и археологических материалов. Печати князей, епископов, владычных наместников, посадников, тысяцких требовали нового подхода, мобилизации всей массы разнообразных источников: летописей, актов, писцовых книг, берестяных грамот. В результате синтеза разнообразных данных возникла докторская диссертация В. Л. Янина «Новгородские посадники» (МГУ, 1962). В этой работе ученый показал, как на основе кончанского представительства новгородского боярства формировался институт посадничества, как он развивался, какую играл роль в управлении феодальной республикой. Вскрываются важные особенности вечево-

го строя Новгорода, установлено, что важнейшие реформы государственной системы — результат острой классовой борьбы.

Одновременно продолжают сфрагистические исследования В. Л. Янина. Он собирает весь корпус древнерусских булл, изучает их по штемпелям, проверяет все сведения о них, дает их атрибуцию и комментарии к ним. Эта работа приводит автора к широким научным обобщениям. Итогом огромной работы по русской сфрагистике стал капитальный двухтомный труд «Актовые печати Древней Руси» (М., 1970). В нем скрупулезное изучение каждой печати сочетается с теоретическим осмыслением всего материала. Издание древнерусских печатей дало сильный толчок для развития русской исторической науки, породило особое направление в источниковедении древней Руси.

Не забывает ученый и своего давнего увлечения — русской нумизматики, разрабатывает некоторые проблемы нумизматики XV—XVII вв.

В монографии «Новгородская феодальная вотчина» (М., 1981) В. Л. Янин впервые в широком масштабе предпринял сопоставление данных писцовых книг XV в. с актовыми материалами XII—XV вв., что позволило реконструировать родословные крупнейших новгородских бояр-землевладельцев, игравших определяющую роль в политической истории средневекового Новгорода. Автор закономерно пришел к обоснованному выводу, что формирование вотчинной системы в XII—XIII вв. происходит в значительной степени путем государственной раздачи черных волостей как частным лицам, так и духовным учреждениям.

В цикле публикаций, посвященных политической истории Новгорода, проявились характерные признаки источниковедческого метода В. Л. Янина. Ученый постоянно стремится к взаимному обогащению приемов исследования разных вспомогательных исторических дисциплин, к их интеграции, к комплексному использованию разных методик при обследовании как отдельного источника, так и их совокупности, и в конце концов с помощью специфических источниковедческих методов приходит к выводам, которые прямо характеризуют реальные социально-экономические процессы и политические явления.

Широчайшие методические возможности комплексного источниковедения продемонстрированы В. Л. Яниным в учебном пособии «Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород» (М., 1977), где отдельные источниковедческие миниатюры объединены в цельную историческую картину.

Потребность в освоении новых пластов и новых видов источников отразилась в работах В. Л. Янина о берестяных грамотах. Трудно переоценить вклад ученого в этой области. К изучению этого специфически нового типа письменных источников В. Л. Янин подошел во всеоружии богатейшего опыта исследователя-источниковеда.

Берестяные грамоты — источник своеобразный, неотторжимый от своего археологического окружения, поэтому анализ тек-

стов этих документов требует постоянного их соотношения со всем комплексом, со всей совокупностью археологических находок. Совместное изучение всего репертуара древностей внутри хронологически и локально ограниченного комплекса, сохранение естественного синтеза берестяных текстов в совокупности археологического материала — основной методологический принцип В. Л. Янина.

Цикл его работ о берестяных грамотах разнообразный и постоянно пополняемый. Здесь подготовленный совместно с А. В. Арциховским том «Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962—1975 гг.)»; выдержавшая два издания книга «Я послал тебе бересту...» (1965 и 1975 гг.); научная повесть «Берестяная почта столетий» (М., 1978), а также серия статей, где автор демонстрирует возможности своего методологического принципа, исследует ряд узловых проблем политической, экономической и культурной истории средневекового Новгорода, рассказывает о частной жизни новгородцев — от посадников до рядовых граждан. Замечательным событием, характеризующим новый этап в изучении берестяных грамот, стала новая (совместная с А. А. Зализняком) публикация «Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). Комментарии и словуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951—1983 гг.)» (М., 1986).

Особое место в цикле исследований о Новгороде принадлежит книге «Усадьба новгородского художника XII в.» (в соавторстве с Б. А. Колчиным и А. С. Хорошевым) (М., 1981), где скрупулезный анализ всего археологического комплекса (включая берестяные грамоты), логическая цепь фактов позволили В. Л. Янину выдвинуть гипотезу, немислимую по своей смелости до сегодняшнего дня, — персонифицировать процесс развития древнерусского искусства, которое по существу остается анонимным. Исследователь установил имя одного из авторов всемирно известных фресок церкви Спас-Нередицы, расписанной в конце XII в. Им был Олисей Гречин, усадьба которого расколана в древнем Людине конце города. В последнее время появились новые доказательства, подтверждающие авторство Гречина.

Научному творчеству В. Л. Янина присуща целостность. Средневековая Русь — вот его основная специальность. Но как всесторонне широко, с каким полетом и эрудицией исследует он свои сюжеты из этой области исторической науки. В его трудах оживает и первобытная старина славян, и городские коммуны Италии, арабский халифат с его монетами и византийские печати, скандинавские древности и даже Рим, чьи монеты на территории Восточной Европы исследовал В. Л. Янин в своих метрологических изысканиях. Но все это подчинено теме средневековой истории Руси и органически в нее входит.

Известно, что гуманитарные науки наиболее динамично развиваются на базе высшего образования; недаром все крупные историки стремились преподавать в высшей школе. В работе со

студентами, в семинарах и на лекциях оттачиваются научные выводы, формулируются новые концепции. Живое общение со студенчеством весьма плодотворно для научной мысли. Педагогическая деятельность В. Л. Янина — наглядное подтверждение сказанному, она неотъемлемая часть творческого процесса профессора, заведующего кафедрой археологии МГУ, руководителя Новгородской археологической экспедиции. В. Л. Янин — педагог — активный противник авторитарного принципа обучения, обезличенного, формального, шаблонного подхода к воспитательному процессу. Ученому свойственны безграничная вера в творческие возможности студентов, уважительное отношение к ним как к коллегам по общему нелегкому делу.

Лекции В. Л. Янина лишены внешних эффектов, малейшего намека на позу. Это доверительный, живой разговор с аудиторией, где истина не предлагается в виде безоговорочной и безжизненной сентенции, а рождается в сотворчестве ученого и слушателя; это увлекательный рассказ увлеченного человека, приглашающего слушателя пройти шаг за шагом трудный, но притягательный путь обретения истины.

В лекционных курсах В. Л. Янина происходит постоянный процесс взаимообогащения. Характерно, что книги В. Л. Янина, многие статьи — результат теснейшей связи с преподавательской деятельностью, в которой ученый не ограничивается учебно-методическими задачами, а ставит перед собой в полной мере исследовательские цели.

В лекциях и семинарах В. Л. Янина студенты в живой и непосредственной форме получают то, что созревает в творческой лаборатории ученого, и часто узнают о результатах его исследований раньше, чем об этом прочтут ученые в солидных журналах и книгах.

Ученому-коммунисту В. Л. Янину присущи активность гражданской позиции, чувство сопричастности с временем. Внутренние, личные его устремления счастливо совпали с глубоким и все возрастающим интересом к социальному познанию, синтезировались в огромной работе В. Л. Янина по популяризации исторических и археологических знаний. Для публикаций историка характерен оригинальный новаторский подход, сочетающий научную логику с популярностью изложения. Это выражено в книгах «Я послал тебе бересту...» и «Берестяная почта столетий», в циклах статей «Таинственный век» и «Один день века» на страницах журнала «Знание — сила». Это проявляется в его лекциях и выступлениях в рамках Всесоюзного общества «Знание» и Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, в многочисленных интервью, в выступлениях по радио и на телевидении. И всегда поражает удивительное умение В. Л. Янина быть постоянно увлекательным.

Ученый всегда стремится к наиболее эффективной координации научно-исследовательской работы, к выдвижению кардинальных проблем развития науки, к поддержке каждого нового

и полезного начинания, каждой искры таланта. В этих вопросах В. Л. Янин всегда занимает партийную, принципиальную позицию.

В. Л. Янин бережно поддерживает и развивает научные традиции кафедры археологии исторического факультета МГУ, заложенные его учителем А. В. Арциховским. С именем В. Л. Янина связано создание новой системы планирования археологических работ, где на первое место выдвинута задача сохранения археологических памятников для науки, которая была введена в дальнейшем в «Закон об охране и использовании памятников истории и культуры».

Чрезвычайно плодотворна деятельность В. Л. Янина в редколлегиях исторических и научно-популярных журналов и изданий: «Вестник Московского университета», «Русский город», «Университетская библиотека», «Памятники Отечества», «Куранты», «Вспомогательные исторические дисциплины», «Новгородский исторический сборник», «Знание — сила». В течение ряда лет он возглавлял редакционную коллегию издания «Города Подмосковья», руководил лабораторией по истории городов при историческом факультете МГУ, являлся председателем Оргкомитета Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. В. Л. Янин — член Президиума ВООПИК, входит в состав учредителей Советского фонда культуры, куратор Новгородской секции ЛОИИ, сопредседатель Международной унии славистов-археологов.

Высок международный авторитет В. Л. Янина. Его книга «Я послал тебе бересту...» издана в ВНР. На страницах журналов и периодических изданий Бельгии, ГДР, Венгрии, Польши, ФРГ, США, Швеции В. Л. Янин знакомит зарубежного читателя не только с результатами собственных научных исследований, но и с достижениями советской историографии. Он постоянно и активно участвует в двусторонних встречах с историками Венгрии, Польши, Испании, Швеции. Его доклады и выступления на конгрессах и симпозиумах, разнообразные по своей проблематике, пользуются неизменным успехом и вниманием.

Свое шестидесятилетие Валентин Лаврентьевич встречает в расцвете творческих сил, в постоянном творческом поиске, что гарантирует нам новые и всегда желанные встречи с ученым.

На первом форзаце: план Новгорода, прорись Знаменской иконы

На втором форзаце: план Пскова, прорись с иконы Псково-Печерского монастыря

На фронтисписе: В. Л. Янин; фото С. А. Орлова

В. В. СЕДОВ

НАЧАЛО СЛАВЯНСКОГО ОСВОЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

Берестяные грамоты из раскопок в Новгороде, как показал их новейший лингвистический анализ, являются уникальным источником для изучения древненовгородского диалекта. Последний понимается в широком смысле: он включает говоры северо-западной части восточного славянства, т. е. славянского населения ранней Новгородской земли, от которой позднее отпочковалась и Псковская земля. Лингвистическое изучение новгородских берестяных грамот, произведенное А. А. Зализняком¹, дает возможность утверждать, что древненовгородский диалект не был результатом дифференциации восточнославянского языка, а образовался ранее последнего, непосредственно из праславянского. «В целом древненовгородский предстает как сильно обособленный славянский диалект, отличия которого от других восточнославянских диалектов в части случаев восходят к праславянской эпохе; некоторые фонетические, морфологические, синтаксические и лексические изоглоссы связывают его с западнославянскими языками (в особенности с севернолехитским) и со словенским»².

Одним из существенных моментов в характеристике древненовгородских диалектов является то, что они не знали второй палатализации. В новгородских берестяных грамотах до середины XIII в. нет ни одного примера с эффектом второй палатализации. Несколько раньше эта особенность древненовгородского диалекта была исследована С. М. Глускиной на материалах словаря псковских говоров. Собрав обширные сведения, автор утверждала, что ранние славяне древней Новгородской земли в языковом отношении какое-то время развивались обособленно от остального славянского мира. В то время, когда в праславянском языке происходил фонетический процесс, именуемый второй палатализацией, славяне, осев у озер Псковского и Ильмень, образовали территориальный и языковый континуум, просуществовавший несколько поколений. Сохранению заднеязычных согласных перед гласными переднего ряда, как полагает исследовательница, могли способствовать контакты славян древней Новгородской земли с прибалтийско-финским населением. Вместе с тем материалы Псковского областного словаря свидетельствуют об исходной раздельности псковских и собственно

новгородских говоров (внутри древненовгородского диалекта) и о более тесных контактах предков псковичей с балтами³.

Вторая палатализация — фонетический процесс, охвативший основную часть славянства в период праславянского языка. Он заключался в смягчении заднеязычных, в результате чего *g, k, x* изменились в *dz/z, ц, с*. Время второй палатализации определяется исследователями различно, но остается несомненным, что этот процесс хронологически взаимосвязан с проникновением в праславянский язык множества лексических заимствований из восточногерманских языков. Это было время активных связей и столкновений славян с германцами, особенно с готами, т. е. речь идет о первой половине I тыс. н. э.⁴

По периодизации Ф. П. Филина, процесс активного славяно-германского взаимодействия соответствует среднему этапу эволюции праславянского языка и археологически соответствует пшеворской и черняховской культурам, функционировавшим до V в. н. э.⁵

Отсутствие второй палатализации в древненовгородском диалекте дает основания полагать, что славяне, расселившиеся в бассейне озер Ильмень и Псковского, какое-то время жили изолированно от остального славянского мира и отделились от него не позднее середины I тыс. н. э.

Независимо от лингвистики к такому же выводу постепенно склоняются и археологи.

Наиболее ранними памятниками, которые можно связывать со славянским этносом в древней Новгородской земле, являются длинные курганы — невысокие валообразные земляные насыпи от 10—12 до 100 м и более 1 м длиной, расположенные обычно в могильниках вместе с круглыми (полусферическими) курганами. Среди последних есть и синхронные длинным, и более поздние, т. е. древнерусского времени (IX—XII вв.). Каждый длинный курган содержит по нескольку захоронений по обряду кремации. Трупосожжения совершались на стороне, в курганах помещались остатки сожжений, собранные с погребальных костров. Наиболее распространенными были захоронения в ямках, сделанных в готовых насыпях, помещение кальцинированных костей на поверхности курганов или на площадках, устраиваемых в процессе сооружения погребальных насыпей. Единичные погребения встречаются и в ямках, вырытых в основании курганов перед их насыпкой⁶.

Все особенности погребального ритуала ранних длинных курганов имеют аналогии в похоронной обрядности основной массы славянства начала средневековья, известной по памятникам пражского типа. В целом длинные курганы во всех деталях обрядности сопоставимы с курганами VI—VII вв. славянского населения Волыни, Прикарпатья и Повисленья. Различия наблюдаются лишь в форме погребальных насыпей⁷. Весьма существенно и то, что обрядность длинных курганов обнаруживает пол-

ную генетическую преемственность с последующими достоверными восточнославянскими древностями⁸.

До недавнего времени металлические находки из ранних длинных курганов — бляшки-скорлупки, пинцеты, пряжки и др. — сопоставлялись с вещевыми материалами из памятников соседних территорий Прибалтики, преимущественно с вещами из каменных могильников. Некоторые исследователи утверждали, что металлический убор ранних длинных курганов полностью соответствует прибалтийским параллелям, что послужило основанием для отнесения культуры северо-западных длинных курганов к финно-угорским древностям⁹. В исчезновении металлических предметов, встречаемых в ранних длинных курганах, Г. С. Лебедев видел какие-то «серьезные изменения деструктивного характера» в материальной культуре северо-западных земель в VIII—IX вв.¹⁰ и объяснял их миграцией славян в среду местного прибалтийско-финского населения.

Немецкий археолог И. Вернер обратил внимание на то, что В-образная рифленая пряжка из погребения, открытого при раскопках длинного кургана в Полибино, имеет не прибалтийские параллели, а соотносится со среднеевропейскими материалами, среди которых находятся ближайшие ее аналоги¹¹. Одна из характерных находок подобной пряжки происходит из могильника Притцир (погребение 252) в Мекленбурге, наиболее поздние захоронения которого относятся к первой половине V в.¹² В западноевропейских материалах В-образные рифленые пряжки, подобные тем, что известны из ранних длинных курганов, датируются не позднее V столетия.

По-видимому, этим временем следует датировать и другие находки В-образных рифленых пряжек, происходящие из длинных курганов. Таковы курган 9 в Линдора (юго-восточная Эстония)¹³ и курган 2 в могильнике близ д. Мерево (Лужский р-он Ленинградской обл.)¹⁴, на которые уже обратил внимание К. Годловский, отнеся их к концу V в.¹⁵ Другие вещевые находки из длинных курганов с В-образными рифлеными пряжками не противоречат их ранней датировке. Бляшки-скорлупки, принадлежащие к находкам, по которым определяется начальная дата культуры длинных курганов, по материалам эстских каменных могильников датируются от II до начала VI в.¹⁶ К числу ранних предметов принадлежит также бронзовая пинцетка из кургана 16 в Линдора¹⁷. Она имеет аналогию в вещевом материале эстонского каменного могильника Ябара и поэтому может быть отнесена к V—VI вв. К середине I тыс. н. э. принадлежат и другие прибалтийские пинцетки, сопоставимые с линдорской¹⁸. Интересно, что эти пинцетки сопоставимы с западноевропейскими, где они встречаются в поздних памятниках провинциально-римской культуры.

В настоящее время можно полагать, что В-образные рифленые пряжки, а может быть, и некоторые иные металлические предметы проникли в ареал ранних длинных курганов из Сред-

ней Европы. В этой связи допустимо предположение, что и вся культура длинных курганов является результатом миграции какой-то группы населения из Средней Европы в бассейны озер Псковского и Ильмень. Ведь эта культура не имеет корней (ни в погребальной обрядности, ни в металлических находках, ни в домостроительстве¹⁹) в местной прибалтийско-финской среде.

Можно предположить, что в середине I тыс. н. э. в северо-западном районе Восточной Европы имело место переселение нового населения. По всей вероятности, это была славянская группировка, оторвавшаяся от основного массива славянства еще до завершения языкового процесса, именуемого второй палатализацией.

Расселившись в бассейнах озер Псковского и Ильмень среди местного прибалтийско-финского населения, славяне и стали основателями культуры ранних длинных курганов. Обычай сооружать последние зародился уже на северо-западе. В настоящее время эволюция обрядности от грунтовых захоронений на специальных погребальных площадках к погребениям в курганных насыпях прослежена в ряде местностей. На юго-западном побережье Псковского озера погребальные площадки, окруженные ровиком, зафиксированы в структуре некоторых из раскопанных курганов²⁰. Площадка, окруженная ровиком, в которой имелось 8 захоронений в грунтовых ямках, исследована Е. Н. Носовым в могильнике культуры длинных курганов на берегу озера Съезжес²¹. Погребальная площадка, устроенная на природном возвышении и ограниченная ровиком, исследована А. Н. Башенькиным в бассейне Чагодоши у «Варшавского шлюза».

Присутствие в культуре длинных курганов отдельных прибалтийско-финских элементов вполне оправдано. Это результат взаимодействия пришлого населения с местным.

Говоры населения, оставившего культуру ранних длинных курганов, составляли древненовгородский диалект, отчетливо фиксируемый берестяными грамотами. Ареал ранних длинных курганов, относимых некоторыми исследователями к псковской группе, охватывает на западе бассейн Псковского озера с р. Великая, и простирается в восточном направлении через бассейны Ловати и Мсты до Мологи и, как теперь оказывается, Чагодоши, и, таким образом, соответствует территории древненовгородского диалекта.

Вопрос о том, откуда и какими путями продвигались славяне, осевшие в Новгородской земле в середине I тыс. н. э., на археологическом материале пока не может быть решен. Можно только со всей определенностью утверждать, что обширные пространства Верхнего Поднепровья и Подолско-Витебского Подвинья вплоть до VII—VIII вв. были заселены племенами днепровских балтов²². Итак, славяне, расселившись в бассейне озер Ильмень и Псковского, какое-то время были отрезаны от основной массы славянства. Подобная картина расселения славян на-

блюдается в начале средневековья и в некоторых других регионах Европы. Так, на юге Пелопоннеса славяне появились раньше, чем заселили основные пространства Балканского полуострова. Правда, на Пелопоннесе изолированная жизнь славянской группировки привела к ее ассимиляции.

Ю. Удольф на основе данных топонимики пытается наметить один из возможных путей миграции славян в Новгородскую землю из бассейна Вислы через Среднее Понеманье и Полоцкое Подвинье²³.

К этнической истории славян Поильменья прямое отношение имеет также культура сопок²⁴. Отличие последней от культуры длинных курганов, проявляемое в топографии поселений и керамических материалах, дает основание утверждать, что культура сопок оставлена второй волной славянского освоения северо-запада. Если культуру длинных курганов можно связывать с кривичами, то население, погребальными памятниками которого были сопки, со всей определенностью можно считать словенами «седоша около Илмеря, и прозвашася своимъ имянемъ и сделаша градъ и нарекоша и Новъгородъ»²⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Зализняк А. А. К исторической фонетике древненовгородского диалекта // Балто-славянские исследования. 1981. М., 1982. С. 61—80; Он же. Наблюдения над берестяными грамотами // История русского языка в древнейший период. М., 1984. С. 36—153; Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1977—1983 гг. М., 1986. С. 111—119, 217, 218.

² Зализняк А. А. Наблюдения над берестяными грамотами. С. 151. См. также статью А. А. Зализняка в настоящем сборнике.

³ Gluskiņa Z. O drugiej palatalizacji spółgłosek tylnojęzykowych w rosyjskich dialektach północno-zachodnich // Slavia Orientalis. 1966. XV, 4. S. 184—192; Глускина С. М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров) // Псковские говоры. Псков, 1968. Т. 2. С. 21—28; Она же. Фонетические особенности древнепсковского диалекта (по данным картотеки Псковского областного словаря) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1982. С. 27—31.

⁴ Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961. С. 200—204; Филли Ф. П. Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962. С. 105, 106.

⁵ Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 53—74; 78—98.

⁶ Седов В. В. Длинные курганы кривичей // САИ. М., 1974. Вып. Е1—8.

⁷ Русанова И. П. Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом // САИ. М., 1976. Вып. Е1—25. С. 28—30; Zoll-Adamikowa H. Wczesnośredniowieczne cmentarzyska ciałopalne słowian na terenie Polski. Cz. 11. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1979. S. 70—114.

⁸ Седов В. В. Длинные курганы кривичей. С. 36—39; Он же. Об этнической принадлежности псковских длинных курганов // КСИА. 1980. Вып. 166. С. 5—10.

⁹ Булкин В. А., Дубов Н. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л., 1978. С. 61—85.

¹⁰ Там же. С. 65.

¹¹ Wegner J. Bemerkungen zum nordwestlichen Siedlungsgebiet der Slawen im 4—6 Jahrhundert // Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte, I. Berlin, 1981. S. 700.

¹² Schuldt E. Pritzier Ein Urnenfriedhof der späten römischen Kaiserzeit in Mecklenburg. Berlin, 1955. S. 71—73. Abb. 358.

¹³ Schmiedehelm M. Kääbaskalmistud Lindoras ja mujal Kagu--Eestis// //Slaavi--läänemeresoome suhete ajaloost. Tallinn, 1965. I.k. 34. Joon 5.

¹⁴ Лесман Ю. М., Виноградов А. В. Работы Оредежского отряда// //АО 1978 г. М., 1979. С. 23.

¹⁵ Godłowski K. Zur Frage der Slawensitze vor der Grossen Slawenwanderung im 6 Jahrhundert//Settimane di studio del Centro italiano die studi sull'alto medicevo. XXX. Spoleto, 1983. S. 277. Karte 2.

¹⁶ Шмидехельм М. Х. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955. С. 74—90.

¹⁷ Schmiedehelm M. Kääbaskalmistud Lindoras... Joon 8, 4.

¹⁸ Моога Н. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. В. 1. Dorpat, 1929. S. 147, 148, Taf. XXX., 15; В. 2. Tartu, 1938. S. 480; Шмидехельм М. Х. Археологические памятники... С. 84. Рис. 14, 19.

¹⁹ Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII—XIV вв. в северо-западной части СССР//Тезисы докл. межреспубликанского симпозиума. Рига, 1985.

²⁰ Аун М. Э. Развитие курганного обряда в юго-восточной Эстонии во второй половине I тыс. н. э.//КСИА. 1981. Вып. 166. С. 17—22.

²¹ Носов Е. Н. Поселение и могильник культуры длинных курганов на озере Съэзжее//КСИА. 1981. Вып. 166. С. 65, 66.

²² Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 29—45.

²³ Udolph J. Die Landnahme der Ostslaven im Lichte der Namenforschung//Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. B. 29. Wiesbaden, 1981. S. 321—336; Udolph J. Kritisches und Antikritisches zur Bedeutung slavischer Gewässernamen für die Ethnogenese der Slawen//Zeitschrift für slavische Philologie. B. XIV—1. Heidelberg, 1985. S. 40. Karte 3.

²⁴ Седов В. В. Новгородские сопки//САИ. М., 1970. Вып. EI—8.

²⁵ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. I. С. 11.

А. А. ЗАЛИЗНЯК

НОВГОРОДСКИЕ БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ И ПРОБЛЕМА ДРЕВНИХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ДИАЛЕКТОВ

Слависты единодушно признают, что современное разделение восточнославянской ветви на три языка — русский, белорусский и украинский — не соответствует диалектному членению древнерусского языка эпохи Киевской Руси (X—XII вв.). Однако на вопрос о том, каким же именно было диалектное членение в указанную эпоху, единого ответа нет. Согласно А. А. Шахматову¹, существовали северный, южный и восточный диалекты. Согласно Т. Лер-Сплавинскому², Н. С. Трубецкому³ и ряду других исследователей, различались лишь два основных диалекта; Н. С. Трубецкой обозначает их как северный и южный. Далее, само существование этих диалектов рассматривается либо как результат расщепления существовавшего некогда единого правосточнославянского языка, либо как непосредственное наследие праславянской эпохи, когда внутри славянской общности происходили многократные перемещения племен относительно друг друга, приводившие к образованию временных диалектных объединений. Вторая точка зрения (отрицающая существование единого правосточнославянского языка) наиболее отчетливо выражена Г. А. Хабургаевым⁴.

Для решения этого комплекса вопросов нужны в первую очередь данные так называемого раннедревнерусского периода, т. е. времени до падения редуцированных (точнее, до окончательного завершения этого процесса), поскольку в дальнейшем древние диалектные различия были в значительной мере перекрыты новыми различиями, возникшими в связи с этим процессом (из письменной истории древнерусского языка раннедревнерусский период охватывает XI—XII вв.). При этом крайне необходимы именно подлинные документы XI—XII вв., а не позднейшие списки, так как главные диалектные различия относятся к фонетике и морфологии, а отражения на письме фонетических и морфологических особенностей как раз легче всего утрачиваются (или искажаются) при переписке.

Основная трудность в том, что подавляющая часть письменного наследия XI—XII вв. — это книги (или их фрагменты), а все они написаны по-церковнославянски. Это значит, что свойства древнерусского языка могут «вычисляться» на их основании с помощью косвенных (и часто весьма гипотетических) умоза-

ключений. Понятно также, что таким методом могут быть выявлены лишь некоторые из этих свойств; большинство же из них полностью скрыто церковнославянскими нормами. Более информативными для лингвиста, чем сам текст книги, иногда могут быть записи и приписки писцов. Но все же и они написаны по-церковнославянски, а не по-русски; просто число отклонений от церковнославянских норм здесь обычно больше, чем в тексте книги.

Помимо книг, в подлинниках XI—XII вв. до нас дошли две пергаментные грамоты (Мстиславова, ок. 1130 г., и Варламова, после 1192 г.), а также надписи на стенах церквей и на различных предметах. К сожалению, и эти документы в основном довольно далеки от живой диалектной речи (а большинство надписей — это вообще лишь стереотипные церковнославянские клише).

Открытие новгородских берестяных грамот и постоянное пополнение их фонда дали в руки лингвистов новый, уникальный по ценности источник информации: во-первых, эти грамоты стоят ближе к живой диалектной речи, чем любые другие древние источники; во-вторых, они датированы с достаточной для лингвиста точностью (порядка четверти века); в-третьих, более двухсот из этих грамот относится именно к XI—XII вв.

Лингвистический анализ берестяных грамот, в особенности ранних, позволил обнаружить ряд весьма важных черт древненовгородского диалекта, которые либо вообще не усматривались из всего ранее известного материала, либо представляли в совершенно искаженных пропорциях.

Ниже кратко разбираются основные черты древненовгородского диалекта XI—XII вв. (выявленные с учетом данных берестяных грамот), отличавшие его от диалекта южной части древней Руси. Необходимо сразу же оговориться, что такое сравнение несколько однобоко, поскольку для Южной Руси этой эпохи мы не располагаем документами, аналогичными берестяным грамотам. Отсюда, разумеется, определенный элемент гипотетичности в реконструкции самих противопоставлений.

Древненовгородский диалект рассматривается в широком смысле — как совокупность всех говоров древней Новгородской земли. Мы сравниваем его с диалектом памятников, максимально ему противопоставленных, — галицко-волынских, а также квалифицируемых в более общей форме как «южные» (т. е. скорее всего киевских или близких к ним). Эти два элемента сравнения далее обозначаются просто как северный и южный диалекты.

Вопрос об отношении прочих говоров (смоленско-полоцких, ростово-суздальских, рязанских и др.) к этому основному противопоставлению в настоящей работе не рассматривается; отметим лишь в самой общей форме, что в подавляющем большинстве пунктов приводимого ниже списка эти говоры, по-видимому, совпадали с южным диалектом.

Следует подчеркнуть, что предлагаемый ниже перечень различий носит очень сжатый, конспективный характер; приведение всего относящегося к делу материала и полной аргументации было бы возможно только в работе большего объема. Даже материал берестяных грамот приводится полностью лишь в тех случаях, когда нет возможности дать простую отсылку. Кроме того, по ряду пунктов данные северного диалекта несколько упрощены, а именно опущен разбор возможных различий (в соответствующем пункте) между разными говорами этого диалекта.

Начнем разбор с тех различий между северным и южным диалектами раннедревнерусского языка, которые считаются общепризнанными.

1. Соотношение свистящих и шипящих.

а) В северном диалекте произошла инновация — совпадение фонем /ц/ и /ч/ («цоканье»), тогда как в южном диалекте противопоставление этих фонем сохраняется. Данная инновация, которую часто связывают с влиянием соседних финно-угорских языков, несомненно, относится к дописьменному периоду: смешение на письме букв ц и ч наблюдается практически во всех письменных источниках новгородско-псковского происхождения, начиная с самых ранних.

б) Другой северной инновацией сходного характера является совпадение /с'/ с /щ/ и /з'/ с /ж/ (так называемое «шепелявенье»). Оно отмечается преимущественно в псковских памятниках и говорах. В новгородских берестяных грамотах и других не книжных источниках примеры соответствующих буквенных смещений встречаются, но сравнительно редко (самый ранний из них — *заожеричь* «житель Заозерья» в свинцовой грамоте первой трети XII в.). В южном диалекте противопоставление рассматриваемых фонем последовательно сохраняется.

2. В 1-м лице мн. числа презенса и императива в северном диалекте выступали окончания *-мъ* и *-ме*, в южном — *-мъ* и *-мо* (вариант *-мы* в ранний период, по-видимому, был возможен только в книжном языке). Древность этого различия подтверждается тем, что исходное **-те* отразилось также в болгарском, чешском и словацком, исходное **-то* — в словенском и сербскохорватском (а также в некоторых болгарских и словацких говорах).

Далее имеется несколько различий, существование которых в XI—XII вв. признается почти всеми славистами и лишь немногими из них ставится под сомнение.

3. Северному взрывному [г] соответствует южное фрикативное [ɣ]. В данном случае мы имеем дело с инновацией в южном диалекте, общей со словацким, чешским и верхнелужицким языками (а также с западнословенскими говорами). Правда, в этом вопросе письменные источники (по крайней мере, в XI—XII вв.) дают чрезвычайно мало. Достаточно надежным свидетельством фрикативизации может служить лишь написание *осподара* на чаре черниговского князя Владимира Давыдовича

(1139—1151 гг.), вероятным — написания *изнието* «изгннет» в Изборнике 1076 г. и *кѣнѣхъши* в Изборнике 1073 г. Однако сам характер географического распространения данной инновации в славянском мире служит важнейшим аргументом в пользу ее раннего происхождения; соответственно значительная часть исследователей относят эту инновацию (или, по крайней мере, ее начало) к праславянской эпохе и почти все — к дописьменному периоду⁵.

4. По крайней мере в части говоров северного диалекта (преимущественно в псковских) праславянские **tl*, **dl* сохранились в виде *кл*, *гл* (например, *чѣкли*, *блюгли*), тогда как в южном диалекте они упростились в *л* (*чѣли*, *блюли*). В данном отношении южный диалект сходен с южнославянскими языками. Сохранение взрывного элемента в северном диалекте объединяет его с западнославянскими языками (где нормально выступают *tl*, *dl*). При этом реализация данного элемента именно в виде *к*, *г* (а не *т*, *д*) объединяет северный древнерусский диалект с севернолехитскими говорами; в обоих случаях такая реализация прозрачным образом связана с влиянием восточнобалтийских языков, где произошел переход *tl*, *dl* в *kl*, *gl*.

Попытки рассматривать *кл*, *гл* в *чѣкли*, *блюгли* и т. п. как результат вторичного развития из *чѣли*, *блюли* (с введением заново согласной из основы презенса) неубедительны, поскольку такие рефлексы отмечаются не только в *l*-причастиях, но и в словоформах иной структуры, например *жерегло* «узкий пролив» (из **žerdlō*), *ѣгла* «ель» (из **jedla*), *моцигло* «болото» и др.

5. На месте праславянских **zdj*, **zgj* на севере выступает звукосочетание, записываемое как *жг* (в тех случаях, когда оно не «зашифровано» книжной орфограммой *жд*), на юге — звукосочетание, записываемое как *жч* (опять-таки если только оно не передано книжным *жд*). Предполагают, что за *жг* стоит [ж'г'], [ж'ћ] или (по Н. С. Трубецкому) [ж'у'], за *жч* — [ж'дж']. По аналогии для соответствующего глухого звукосочетания, записываемого как *щ*, предполагается северная реализация [ш'к'], [ш'ћ] или [ш'х'] и южная [ш'ч'].

Другая точка зрения состоит в том, что за написаниями *жг* и *жч* не стоит никаких фонетических различий (т. е. это лишь разные орфограммы, принятые в разных местных традициях). Против этой точки зрения свидетельствует, однако, смешение *щ* и *шк* в новгородских памятниках⁶.

Как можно видеть, традиционный список старых диалектных различий в раннедревнерусском очень невелик. Исследование берестяных грамот с сопутствующим пересмотром материала многих ранее известных источников показало, что между северным и южным диалектами в XI—XII вв. существовало гораздо большее число различий, причем некоторые из них по своей значимости превосходят любое из различий, фигурирующих в традиционном списке.

Соответственно наш список может быть продолжен.

6. Особенности северного диалекта, прямо или косвенно связанные с отсутствием в нем эффекта второй палатализации.

а) В области фонетики различие первостепенной важности между северным и южным диалектами состояло в том, что в северном диалекте не осуществлялась так называемая вторая палатализация заднеязычных (т. е. переход *к, г, х* в *ц, з, с* перед *ѣ* и *и*, восходящими к **oi*)⁷. Так, например, в северном диалекте в Д. ед. *рукѣ* выступало */k/*, с фонологической точки зрения тождественное фонеме *[к]*, тогда как в южном *руцѣ* уже было представлено *[ц']*, воплощающее ту же фонему, что, например, в *водица, ловыць*, т. е. */ц/*. Реальная сфера проявления данного различия была довольно широка: она охватывала прежде всего определенные грамматические формы многочисленных слов с основой на *к, г, х*, ср. сев. Д. ед. *рукѣ, ногѣ, снѣхѣ*, И. мн. *вѣлки, вороги, пастухи*, императив *волоки, стереги* и т. п. — южн. *руцѣ, нозѣ, снѣсѣ, вѣлци, ворози, пастуси, волоци, стерези*; кроме того, различался и ряд корней, ср. сев. *кѣле, кѣдиги, кѣвѣка, кѣне, хѣре, хѣде* и др. — южн. *цѣлѣ, цѣдиги, цѣвѣка, цѣбѣ, сѣрѣ, сѣдѣ*.

Данная особенность отличает северный древнерусский диалект не только от южного древнерусского, но и вообще от всех остальных славянских диалектов. Он оказывается в этом отношении единственным диалектом, непосредственно сохранившим праславянское состояние.

б) Точно такое же различие между двумя диалектами существовало в рефлексах *кв, гв, хв* перед *ѣ, и, ъ*: сев. *кѣте, кѣлци, гѣзда* и др. — южн. *цѣтѣ, цѣлци, зѣзда*. В этом пункте северный диалект совпадает с западославянскими языками, южный — с южнославянскими.

Таким образом, в отношении второй палатализации все древние славянские диалекты распадаются на три группы: а) северный древнерусский диалект непосредственно сохраняет праславянское состояние (*кѣле, гѣзда* и т. п.); б) западославянские языки реализовали вторую палатализацию при непосредственном контакте заднеязычных с гласной, но сохранили древние сочетания с *ѵ* (ср., например, польск. *caly*, но *gwiazda*); в) южный древнерусский диалект и все южнославянские языки реализовали вторую палатализацию в обеих названных позициях (*цѣлѣ, зѣзда*).

в) В тесной связи с предыдущими стоит также различие в фонемном составе слова «весь»: сев. *вѣхе, вѣха, вѣхо* — южн. *вьсь, вьсѵ, вьсе*⁸. В данном пункте, как и в пункте «а», северный древнерусский диалект непосредственно сохраняет праславянское состояние и этим отличается от всех остальных славянских диалектов. Южный древнерусский диалект с фонетической точки зрения совпадает здесь с южнославянскими языками (в западославянских выступает основа **ubš-*).

г) Отсутствие в северном диалекте эффекта второй палатализации имело и определяющее морфологические последствия.

Так, в склонении имен с основой на *к, г, х* в Зв. ед. муж. (и равном ему И. ед. муж.) на *-е* здесь, по-видимому, произошло выравнивание основы по остальным формам: *человѣке, вороге, пастухе* и т. п. (сама возможность такого выравнивания была обеспечена существованием [к'], [г'], [х'], выступавших перед передними гласными в И. мн. *человѣки, Д. ед. ногѣ* и т. п.). В южном диалекте такого выравнивания не было; здесь сохраняются (как и во всем остальном славянском мире) исконные формы Зв. ед. муж.: *человѣче, вороже, пастуше* и т. п.

Данная инновация осуществилась в северном диалекте в дописьменный период: в берестяных грамотах, начиная с самых ранних, встречаются только формы на *-ке, -ге, -хе*. В частности, в грамотах XI—XII вв. представлены: *замѣке* № 247, *новѣгородьске* № 562, *бѣрковьске* Ст. Р. 20 (7 раз), *Лазѣвке* № 105, *Жадѣке* № 235, *лихе* № 163, *Милоке* <ль> № 663, *Ѧенеге* <Уенѣге> № 663 (во всех этих примерах выступает И. ед.).

д) Такое же выравнивание произошло в северном диалекте перед притяжательным суффиксом *-ин-*, например *Лукине, Пинѣкине, Ольгине*. В южном диалекте сохраняются фонетически закономерные *ч, ж, ш*, например *Лучинѣ, Пинѣчинѣ, Ольжинѣ*.

Данная инновация произошла тоже очень рано: в берестяных грамотах во всех надежных примерах этой категории находим только *-кин-* (или *-кын-*), *-гин-*. В частности, в грамотах XI—XII вв. отмечены основы: <Нѣжатѣкин> Ст. Р. 13 (*-кин-* переправлено из *-кын-*), <Коростѣкин> № 663, <Хроушькин> № 336. Ср. также: *Настокине* <Настѣкине> «Насткин», *Недѣлькине* <Недѣлькине> «Неделькин» (подразумевается праслесь) — надписи на пряслицах, найденных в Новгороде в слоях 2-й пол. XII в.; *Смолько Нинѣкинничѣ* — надпись в новгородском Софийском соборе (№ 47, 2-я пол. XI — 1-я пол. XII в.).

7. В сфере морфологии самое важное различие между северным и южным диалектами состояло в том, что южному окончанию И. ед. муж. (твердого *о*-склонения) *-ѣ* соответствовало северное *-е*. Это различие в равной степени проявлялось в склонении существительных, местоимений, нечленных прилагательных и причастий; а также в образовании *l*-причастий, выступающих в составе перфекта, например: сев. *Иване, хлѣбе, саме, вѣхе, кѣле, дешеве, погублене, вѣзале, привезле* — южн. *Иванѣ, хлѣбѣ, самѣ, вѣшь, цѣлѣ, дешевѣ, погубленѣ, вѣзалѣ, привезлѣ*⁹. Южный диалект совпадает в этом пункте со всем остальным славянским миром, тогда как в северном представлена уникальная морфологическая особенность.

Замечание. Правда, окказиональное употребление звательной формы в роли именительного падежа известно во многих славянских языках (в частности, в сербских народных песнях). Но только в древненовгородском диалекте окончание *-е* в именительном падеже носит характер нормы, распространяется не на одни лишь существительные, а на все склоняемые слова, включая причастия, и не ограничено функцией подлежащего, а

обслуживает также функции именного сказуемого и определения.

Рассматривая эту особенность, необходимо прежде всего подчеркнуть, что она, несомненно, существовала уже в дописьменный период: в берестяных грамотах она представлена с самого начала эпохи берестяной письменности. Более того, на протяжении XI—XII вв. процент берестяных грамот с этой морфологической особенностью постепенно падает; максимальный процент таких грамот обнаруживается как раз в самый ранний период XI и XII вв. Эти факты недвусмысленно указывают на полное господство в северном диалекте окончания *-e* в дописьменный период и постепенную его утрату под влиянием соседних диалектов в последующие века.

В нашей работе¹⁰ разобраны факты, свидетельствующие о морфологическом (а не фонетическом) происхождении окончания И. ед. *-e*. Согласно Вяч. Вс. Иванову¹¹, это окончание восходит к общеиндоевропейской эпохе. Для нас существенно прежде всего то, что различие между северным древнерусским *-e* и южным *-ъ* не могло успеть сформироваться за время существования единого древнерусского государства (X—XII вв.): оно было унаследовано от более раннего времени.

8. В Р. ед. твердого *a*-склонения в северном диалекте выступает исторически новое окончание *-ъ*, тогда как в южном сохраняется исконное *-ы*, например: сев. *бес кунъ, полъ гривнъ, отъ Нъжатъ* — южн. *бес куны, полъ гривны, отъ Нъжаты*¹². Данная инновация произошла в северном диалекте в дописьменный период: в бытовых берестяных грамотах XI—XII вв. практически всегда выступает *-ъ* (а не *-ы*). Как и в случае с И. ед. на *-e*, в более поздних грамотах процесс примеров с окончанием Р. ед. *-ъ* постепенно снижается.

В результате данной инновации в твердом *a*-склонении Р. ед. совпал с Д. М. ед. (в дальнейшем это привело к такому же совпадению и в мягком *a*-склонении). Тем самым возникло не только материальное, но и структурное отличие от южного диалекта, где такого совпадения падежных форм не было.

9. И. В. мн. *a*- и *o*-склонения.

а) В И. В. мн. твердого *a*-склонения в северном диалекте выступает (по крайней мере в части говоров) новое окончание *-ъ*, ср. исконное *-ы*, в южном диалекте; например: сев. *кунъ, кълъ* — южн. *куны, цълы*. Здесь следует различать два случая: 1) после числительных *три* и *четыре* словоформы с *ъ* употребляются в новгородских берестяных грамотах с полной регулярностью с самого начала письменной эпохи (*три гривнъ, четыре ногатъ* и т. п.); такие сочетания явно поддерживались существованием сочетаний типа *дъвъ гривнъ*, где *-ъ* исконно; 2) без числительных словоформы И. В. мн. с *-ъ*, возможно, конкурировали в северном диалекте со словоформами на *-ы* (материал берестяных грамот XI—XII вв. здесь невелик; в нем преобладают сло-

зоформы с *-ѣ*; особенно показателен ранний пример: *дѣври кѣлѣ* «двери целы», № 247, XI в.).

б) Новое окончание *-ѣ* проникло в северном диалекте (по-видимому, в качестве факультативного варианта) также в В. мн. и И. мн. твердого *о*-склонения мужского рода; в южном диалекте устойчиво сохраняются исконные окончания — *-ы* в В. мн. и *-и* в И. мн. По-видимому, инновация вначале захватила В. мн. (где мужской род совпадал с женским) и лишь позднее распространилась также и на И. мн.; во всяком случае *л*-причастия, выступающие в составе перфекта, в берестяных грамотах XI—XIII вв. всегда оканчиваются во мн. числе мужского рода на *-ли* (словоформы с *-лѣ* появляются лишь с начала XIV в.). В ранних берестяных грамотах отмечены следующие примеры нового окончания: *4 золотыиѣ* (скорее И. мн., чем В. мн.) № 644 (2-я четв. XII в.), *абегениѣ* («абетьиѣ») В. мн. Ст. Р. 12 (1-я пол. XII в.), *цѣтьри* (*тъ* вместо *ты*) *бѣрьковьскѣ* («*-скѣ*») И. мн. № 630 (1-я пол. XII в.), *Коростокине* («*-тъкинѣ*») И. мн. № 663 (2-я пол. XII в.), *4 сѣро[ц]ѣ[ке]* («*сорочькѣ*») (И. мн. или В. мн.) № 650 (XII/XIII), *оперьсникѣ*, *п[о]к[ро]ѣѣ* (в обоих случаях И. мн. или В. мн.) № 648 (XII/XIII), *со цѣтьри безмене* («*-мѣнѣ*») В. мн. № 439 (XII/XIII), *колобагѣ* («*гѣ*»). И. мн. № 222 (XII/XIII). Неясен род слова «колтки» в примерах *кѣлѣтъкѣ* *цѣтьри* В. мн. № 335 (3-я четв. XII в.) *во три колотоѣ* В. мн. № 644 (2-я четв. XII в.). Добавим еще *пирогѣ* («*гѣ*») В. мн. в надписи № 203 из повгородского Софийского собора (2-я пол. XII — 1-я пол. XIII в.), а также *городѣ* В. мн. (2 раза) в Синодальном списке I Новгородской летописи (под 1214 г.). Старые окончания у существительных представлены гораздо реже: если не считать малопоказательных *роди* И. мн. № 9, *на сѣводи* В. мн. № 109 (в грамотах, возможно, отражающих не новгородский диалект), это только И. мн. *смѣрьди* № 247 (XI в.), *сторови* № 424 (1-я четв. XII в.), *въжники* № 550 (2-я пол. XII в.). Вполне показательные примеры В. мн. на *-ы* отмечены лишь начиная со 2-й четв. XIII в.

Новое окончание *-ѣ*, выступающее в северном диалекте вместо *-ы* в Р. ед. жен., И. В. мн. жен., а также в В. мн. муж. (но не И. мн. муж.), можно сравнить с окончанием *-е*, представленным во всех этих формах в словенском и сербскохорватском языках; ср., например, серб. Р. ед. *ногѣ*, И. В. мн. *ноге*, В. мн. *језике*. Хотя *-е* здесь восходит, конечно, к **e*, а не к **ě*, само соотношение «южнослав. **e* — восточнослав. **ě*» для флексий регулярно. Как в словенском, так и в сербскохорватском *-е* во всех этих формах известно с самого начала письменной истории (хотя в некоторых памятниках и говорах сохраняются и старые окончания). Следует полагать, однако, что сходные инновации осуществились в древненовгородском диалекте и в западных южнославянских языках независимо друг от друга, поскольку, если бы речь шла об общей инновации в праславянскую эпоху, мы ожидали бы в сербскохорватском эффекта палатализации в

основах на *к, г, х* (в словенском такой эффект устранялся). Таким образом, здесь можно говорить лишь о сходстве «первоначального импульса» осуществившихся позднее аналогических замен.

10. Особенности членных форм прилагательных. Общей чертой членных форм в южном диалекте является относительно раннее появление у них окончаний местоименного склонения. В северном диалекте, напротив, этот процесс начинается довольно поздно — лишь в самом конце раннедревнерусского периода. Здесь дольше, чем на юге, сохраняется старый облик членных форм, при котором в большинстве случаев начальная часть членной формы еще просто равна соответствующей нечленной форме, например: Р. ед. муж. *нова+го*, М. ед. муж. *новѣ+мь*, Д. ед. жен. *новѣ+и*. В силу этого инновации, возникающие в именном склонении, обычно могут проникать здесь и в членные формы; ср., например, Р. ед. жен. *новѣ+ѣ*.

Конкретные различия между двумя диалектами таковы.

а) В Р. ед. жен. членных форм в северном диалекте древнейшим (из засвидетельствованных в не книжной письменности) является окончание *-ѣѣ* (как при мягких, так и при твердых основах). В нем отразилась замена *-ы* на *-ѣ* в Р. ед. твердого *а*-склонения существительных. Однако уже в раннедревнерусский период здесь происходит еще одна инновация: в Р. ед. жен. членных форм начинает факультативно употребляться окончание Д. М. ед. жен., а именно в раннем варианте *-ѣи* (при твердых и мягких основах), в более позднем — *-ои/-еи*. Этот процесс совпадения Р. ед. жен. с Д. М. ед. жен. очевидным образом обусловлен таким же совпадением форм у существительных (см. выше, п. 8). Материал берестяных грамот XI—XIII вв. таков. Окончание *-ѣѣ*: *семѣѣ*, *третьѣѣ* № 526 (посл. треть XI в.); по-видимому, сюда же *стее*, *стѣе* «святой» № 657 (2-я пол. XII в.); ср. также в Синодальном списке I Новгородской летописи *Иванѣковее* (под 1177 г.), *Бѣлеѣ* (под 1200 г.). Окончание *-ѣи*: *Ньжатѣкины* Ст. Р. 13 (XI в.), *Поутоковы* № 630 (2-я пол. XII в.). Кроме того, в ряде случаев графика не позволяет отличить *-ѣѣ* от *-ѣи*: *Боришьковее*, *Горегевее*, *Орышнее*, *Тышьѣ*, *Короцьковее* Ст. Р. 21 (1-я пол. XII в.), *Безуевее*, *Боришекоее*, *Надеековее*, *Несодицевее*, *Таишнее*, *Хъловее* Ст. Р. 22 (то же время), *Арѣшекоее* № 228 (рубеж XII и XIII вв.), *Иелее* № 348 (2-я пол. XIII в.), *Павловее* № 212 (кон. XIII в.). Окончание *-ои* отмечается в берестяных грамотах лишь с XIV в.

В южном диалекте для Р. ед. жен. следует предполагать существование следующих типов окончаний: 1) исконное *-ѣѣ* (с мягким вариантом *-ѣѣ*, который мог аналогическим путем заменяться на *-иѣ*); 2) более позднее *-ѣѣ/-еѣ*, перенесенное из местоименного склонения. Заметим, что в северном диалекте XI—XII вв. оба этих типа окончаний практически отсутствовали: *-иѣѣ* уже в дописьменный период сменилось на *-ѣѣ*, а местоименное *-ѣѣ/-еѣ* не успело развиться, поскольку к тому моменту, когда и

в северном диалекте членные формы начали усваивать местоименные окончания, Р. ед. жен. здесь уже совпал с Д. М. ед. Примеры окончания *-ѣѣ/-еѣ* в новгородской книжной письменности (встречающиеся очень редко) следует рассматривать как результат влияния внодиалектной нормы.

б) В И. В. мн. жен. в северном диалекте выступало, по крайней мере в части говоров, окончание *-ѣѣ* (не только при мягкой, но и при твердой основе), тогда как в южном диалекте при твердой основе сохранялось старое *-ыѣ*. В берестяных грамотах XI—XIII вв. в И. В. мн. жен. при твердой основе находим: *великѣѣ* Ст. Р. 8 (1-я пол. XII в.), *кѣромьне* (*кѣрѣмьнѣѣ*) № 650 (рубеж XII—XIII вв.), *сѣднею* — № 213 (2-я пол. XIII в.).

Вероятно, в северном диалекте окончание *-ѣѣ* уже в ранний период было возможно и в В. мн. муж. Практически, однако, ранее XIV в. можно указать лишь пример *городѣ черниговьскѣне* (В. мн.) в Синодальном списке I Новгородской летописи (под 1214 г.). Позднее (начиная с XIV в.) в новгородских документах появляется окончание *-ѣи* в И. мн. и В. мн. женского и мужского родов¹³.

в) В Р. ед. муж. и сред. в северном диалекте, по-видимому, до середины XIII в. еще господствовало старое окончание *-аго*. Так, в берестяных грамотах этого периода находим только *-аго* (о № 246 см. особо ниже): *поногатыаго* № 640 (рубеж XII—XIII вв.), *подвоискаго* № 147 (2-я четв. XIII в.), *малаго* № 68 (70-е гг. XIII в.); при этом ни одна из указанных грамот не написана в «книжном стиле». Прочие новгородские памятники данного периода тоже не дают ни одного достоверного примера окончания *-аго*. Самые ранние примеры этого окончания в новгородских памятниках относятся ко 2-й половине XIII в. (отметим, что начиная с рубежа XIII и XIV вв. новгородские берестяные грамоты, напротив, уже не содержат ни одного примера *-аго*).

В южном диалекте окончание *-аго* (воспринятое из местоименного склонения) появляется существенно раньше; самые ранние ныне известные примеры — *рѣсьского* (В. ед.) на печати Владимира Мономаха (указано В. Л. Яниным) и *великого жнд* (3А) (В. ед.) на чаре Владимира Давыдовича (1139—1151 гг.). Отметим, что в смоленском говоре, который в данном отношении совпадает с южным диалектом, в первой трети XIII в., судя по договорным грамотам, уже последовательно представлено окончание *-аго*. Между тем в XI в. в берестяной грамоте № 246, имеющей смоленское или полоцкое происхождение¹⁴, мы еще находим *-аго* (*лоуцьшаго*, В. ед.).

Замечание. В имеющемся в настоящее время фонде берестяных грамот XI и XII вв., к сожалению, не встретилось ни одной членной формы прилагательного в И. ед. муж.; поэтому неясно, каким здесь было древнейшее окончание (при твердой основе) — *-еѣ* или *-ѣѣ*. В более поздних пергаменных новгородских и псковских памятниках отмечен ряд примеров И. ед. муж. на *-еи*, но трудно сказать, имеем ли мы здесь дело с древним

наследием или с новообразованиями. Дальнейшие раскопки в Новгороде рано или поздно, несомненно, принесут ответ на этот вопрос.

11. В северном диалекте в Р. ед. муж. и сред. местоименного склонения паряду с исконным *-ого* могло выступать также новое *-ога* (с конечным *а*, возникшим под влиянием именного склонения). В берестяных грамотах это явление отразилось в примерах: *моога* № 82 (посл. четв. XII в.), *тога* № 222, 227 (обе рубежа XII и XIII вв.). В более позднее время, когда и в северном диалекте в членные формы прилагательных стали проникать окончания местоименного склонения, окончание *-ога* начинает встречаться и в адъективном склонении, ср. *боургалскога* № 288 (1-я пол. XIV в.). Наследником этого окончания является современное *-ова*, выступающее (обычно наряду с *-ово*) в вологодских и некоторых других северновеликорусских говорах.

В южном диалекте последовательно сохраняется исконое *-ого*.

Замена *-ого* на *-ога* составляет, как известно, одну из характерных отличительных черт западной подгруппы южнославянских языков (словенского и сербскохорватского), причем здесь она произошла уже в дописьменный период; в других славянских языках этого явления нет. Учитывая нетривиальный характер данной инновации, следует признать возможным, что в древненовгородском диалекте она развилась не независимо от западного южнославянского, т. е. что ее «первоначальный импульс» относится еще к праславянской эпохе. Подтвердить или опровергнуть это предположение должны будущие находки новых берестяных грамот XI в.

12. В северном диалекте во 2-м лице мн. и дв. числа императива первоначальные *-ѣте/-ите*, *-ѣта/ита* (с *ѣ* после твердых, *и* после мягких основ) были весьма рано заменены едиными *-ите*, *-ита* (для всех типов основ). Так, в берестяных грамотах XI—XII вв. при твердой основе находим только: *идите* № 424 (1-я четв. XII в.), *(б)ерита* Ст. Р. 12 (1-я пол. XII в.), *кѣрините* «купите» № 160 (сер. XII в.), *вѣзмитъ* № 219 (рубеж XII и XIII вв.).

В южном диалекте описанной выше унификации не было (единичные примеры типа *метимъ* «бросим!» в Архангельском евангелии 1092 г. малопоказательны, поскольку отдельные примеры с *и* отмечаются в старославянских памятниках, ср. *вѣметите* в Ассеманьевом евангелии). Напротив, здесь со временем (по крайней мере в части говоров) начинается противоположная унификация — в сторону *-ѣте*, *-ѣта* (также *-ѣмъ* в 1 мн.). Из-за отсутствия ранних не книжных памятников этого диалекта выяснить, когда именно начинается этот процесс, не удается. В книжной письменности самый ранний недвусмысленный (т. е. заведомо не перенесенный из старославянского) пример такого рода отмечен в Христинопольском Апостоле XII—XIII вв. (*не хвалѣтеса*)¹⁵.

Заметим, что такое же направление выравнивания, как в северном древнерусском диалекте, наблюдается в словенском и сербскохорватском языках, такое же, как в южном диалекте, — в болгарском.

Приведенный список старых различий между северным и южным диалектами, несомненно, неполон: мы предпочли не включать в него такие пункты, которые требуют более сложного анализа и где может быть поставлена под сомнение хронология явления или характер его реализации в одном из диалектов (обычно в южном). Упомянем здесь лишь некоторые из таких явлений.

«Вставные», т. е. вторые гласные в полногласных сочетаниях *оро, оло, ере, ело* по своей фонетической реализации и фонологическому статусу, очевидно, были неодинаковы на севере и юге¹⁶. Различной была (еще до прояснения редуцированных) фонетическая реализация /ъ/ (равно как и /ь/) перед /j/. Переход *кы, гы, хы* в *ки, ги, хи* в раннедревнерусский период осуществился на юге, но не на севере. У местоимения «тот» на севере в ранних берестяных грамотах находим словоформы с *и* (*тихъ, тимъ, тими*); на юге было *тѣхъ, тѣмъ, тѣми* (хотя, по-видимому, встречалось также и *тихъ* и т. д.). В функции целевого союза на севере употреблялось *дати* (*даты*), *ати* (*аты*) и *оти* (*отъ*), на юге, по-видимому, только *ати* (*аты*).

Несомненно, существовали также старые различия в сфере лексики и словообразования; но этот вопрос требует особого исследования.

Из рассмотренных выше различий между северным и южным диалектами некоторые, несомненно, восходят к праславянской эпохе, т. е. не могут быть объяснены как результат расщепления первоначально единого восточнославянского языка. Таковы различия *кѣ, гѣ, хѣ* — *цѣ, зѣ, сѣ* (п. ба), *кѣѣ, гѣѣ* — *цѣѣ, зѣѣ* (п. бб), *вѣхо* — *вѣсе* (п. бв), *кѣ, гѣ* — *л* (п. б), И. ед. муж. на *-е* — на *-ѣ* (п. 7), I мн. презенса на *-ме* — на *-мо* (п. 2). Весьма вероятно, что такого же происхождения различие [г] — [γ] (п. 3). «Возраст» прочих различий может быть меньшим (но все же и здесь он может, хотя бы в части случаев, достигать праславянской эпохи). Эти факты свидетельствуют в пользу концепции конвергентного развития двух различных праславянских диалектов в рамках древнейшей восточнославянской языковой общности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1916.

² Lehr-Splawiński T. Stosunki pokrewieństwa języków ruskich. Rocznik Slawistyczny. IX. Kraków, 1921.

³ Trubetzkoy N. Einiges über die russische Lautentwicklung und die Auflösung der gemeinrussischen Spracheinheit//Zeitschrift für Slavische Philologie. В. I. 1925.

⁴ Хабургаев Г. А. Этнонимия «Повести временных лет» (в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза). М., 1979; Он же. Становление русского языка. М., 1980.

⁵ Жовтобрюх М. А., Русанівський В. М., Скляренко В. Г. Історія української мови. Фонетика. Київ, 1979. С. 165—169; Хабургаев Г. А. Становление русского языка. С. 87—89.

⁶ Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения//Яшип В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1977—1983 гг.); Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам: (Из раскопок 1951—1983 гг.). М., 1986. § 30.

⁷ Глушкина С. М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров)//Псковские говоры. Псков, 1968. Т. 2; Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты... § 25—32.

⁸ Глушкина С. М. Указ. соч.; Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты... § 29.

⁹ Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты... § 43—48.

¹⁰ Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты... § 48.

¹¹ Иванов Вяч. Вс. Отражение индоевропейского casus indefinitus в древненовгородском диалекте//Russian Linguistics. Dordrecht; Boston, 1985. Vol. 9, № 2—3.

¹² Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты... § 50.

¹³ Там же. § 57.

¹⁴ Там же. § 75.

¹⁵ Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М., 1907. С. 252.

¹⁶ Гард П. К истории восточнославянских гласных среднего подъема//Вопросы языкознания. 1974. № 3; Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985. § 3.3.

Н. Н. ГРИНЕВ

ЛЕГЕНДА О ПРИЗВАНИИ ВАРЯЖСКИХ КНЯЗЕЙ

(об источниках и редакциях в Новгородской первой летописи)

Летописный рассказ, который принято называть легендой о призвании варяжских князей, в отечественной историографии изучается уже более двух с половиной веков. До начала нашего века он рассматривался исключительно в связи с вопросом о происхождении Древнерусского государства. И норманисты и антинорманисты принимали летописный текст как достоверное доказательство привнесения государственных начал в восточно-славянскую среду; борьба велась главным образом вокруг этнической природы упомянутых в нем варягов. Попытки объяснить происхождение легенды сводились к общим замечаниям исследователей о возможных причинах призвания¹.

Принципиально важные изменения в подходе к изучению летописного сказания произошли в связи с двумя независимыми друг от друга обстоятельствами. Во-первых, после перехода отечественной исторической науки на позиции марксизма и изменения взгляда на происхождение государственности вообще советские историки убедительно доказали, что Древнерусское государство нельзя рассматривать в качестве силы, извне навязанной обществу, что его образование стало закономерным следствием глубоких процессов внутреннего социально-экономического развития, формирования классового общества в восточно-славянских землях². Норманизму и антинорманизму был нанесен сокрушительный удар³. В связи с этим новый подход к изучению рассматриваемой проблемы наиболее точно был сформулирован Д. С. Лихачевым: «Мы не должны смешивать вопрос о происхождении и тенденциях легенды о призвании варягов с вопросом о происхождении Русского государства. Хотя эти вопросы близки друг другу, но не идентичны... если мы отделим вопрос о происхождении и историософских установках легенды от вопроса о происхождении русских князей и от вопроса о роли норманов в политической и культурной жизни Руси IX—XI вв., то анализ легенды о призвании трех братьев-варягов сможет решаться более спокойно и объективно»⁴.

Во-вторых, после работ А. А. Шахматова в начале нашего века стало очевидно, что рассматривать происхождение варяжской легенды в отрыве от истории древнерусского летописания нельзя.

А. А. Шахматов связывал возникновение легенды с Новгородом, где, по его мнению, она была создана в 1050 г. в противовес существовавшему в киевском летописном своде 1039 г. упоминанию о дани варягам словен, кривичей, мери и чуди. Из повгородского свода 1050 г. легенда без существенных изменений была перенесена в киевский Начальный свод 1095 г.⁵ и через него попала в НПЛ⁶. В 1116 г. в легенду были внесены существенные изменения Сильвестром (Лаврентьевская редакция ПВЛ), а в 1118 г. — новым редактором Василием (Ипатьевская редакция ПВЛ)⁷. А. А. Шахматов, таким образом, выделял в наших летописях три самостоятельных редакции легенды.

Д. С. Лихачев вслед за М. Н. Тихомировым поставил под сомнение существование новгородского свода 1050 г.⁸ Легенда впервые, по его мнению, была создана в Киеве Никоном в 60—70-е годы XI в. на основе пересказанных ему новгородских, изборских и белозерских преданий о древнейших местных князьях⁹.

Позднее Б. А. Рыбаков и А. Г. Кузьмин обратили внимание на чрезвычайную близость текста Лаврентьевской и Ипатьевской редакций ПВЛ. Б. А. Рыбаков объяснил это обстоятельство тем, что материалы, подготовленные Владимиром Мономахом для нового великокняжеского свода, были использованы Сильвестром в 1116 г. частично, а редактором 1118 г. — полностью¹⁰. А. Г. Кузьмин считает оба летописных текста (Лаврентьевский и Ипатьевский) самостоятельно передающими источник, к которому они восходят¹¹.

Более определенно эту мысль выразил М. Х. Алешковский, показавший, что различия в текстах ПВЛ в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях не носят редакторского характера и возникли в результате погрешностей в работе нескольких переписчиков¹². Он также считал, что первый великокняжеский летописный свод возник в Киеве не ранее 60-х годов XI в. В 90-е годы XI в. свод был отредактирован Нестором, доведшим его до своего времени, а затем продолжившим погодными записями до 1115 г. и превратившим, таким образом, в первую редакцию ПВЛ. В 1116 г. несколько сокращенный текст Нестора был положен в основе новгородского летописания и дошел до нас в НПЛ, а в 1118—1119 гг. в результате работы одного редактора — Василия — возникла окончательная редакция ПВЛ, сохранившаяся со следами работы переписчиков в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях¹³. Нам хотелось бы обратить внимание на эту схему происхождения начальных текстов дошедших до нас летописей, так как она является наиболее простой, логичной, хорошо аргументированной и, по сути дела, подготовленной всем предшествующим изучением начальных этапов древнерусского летописания.

Наблюдения исследователей над текстом ПВЛ ставят под сомнение отмеченное А. А. Шахматовым существование в нем двух самостоятельных редакций легенды. В Лаврентьевской ле-

тописи текст легенды имеет очевидные утраты¹⁴, которые восстанавливаются по Ипатьевской летописи, а утраты Ипатьевской¹⁵ могут быть успешно восстановлены по той же Лаврентьевской летописи. Считая причину разночтений двух летописных текстов достаточно ясной¹⁶, мы можем восстановить первоначальный текст легенды в ПВЛ путем соединения чтений Лаврентьевской и Ипатьевской летописей. Полученный рассказ не будет свободен от описок и искажений отдельных слов, допущенных переписчиками, но текст окажется достаточно полным и понятным.

В НПЛ младшего извода, передающей более раннюю редакцию Начальной летописи, другой более ранний текст легенды о призвании сохранился только в одном Академическом списке XV в., тем не менее характер этого текста не дает оснований считать его искаженным при переписке¹⁷.

Таким образом, в отличие от мнения А. А. Шахматова сегодня есть основания считать, что во всех ранних летописях легенда о призвании варяжских князей представлена только двумя редакциями. Однако этот вывод будет не совсем верен, так как специальное рассмотрение текста легенды в НПЛ позволяет выявить в нем две самостоятельные редакции — проследить следы работы двух летописцев, из которых один создал текст, а другой внес в него существенные изменения.

К труду первого летописца в тексте легенды НПЛ мы можем отнести связный рассказ о древнейшей истории словен, кривичей и меря (еще А. А. Шахматов показал, что «чудь» вставлена в рассказ позднее¹⁸), в которых автор видит жителей Новгорода, так как называет их «новгородскими людьми». М. Н. Тихомиров считал, что термин «новгородские люди» расшифровывается только словами «рекомии словени», а кривичи и меря к нему отношения не имеют¹⁹. Это замечание не может быть принято, так как тому же летописцу принадлежит рассказ о дани, установленной «словеном», «кривичем» и «мерям», которая платится от Новгорода²⁰, т. е. и словене, и кривичи, и меря в его представлении — «новгородские люди».

Автор текста понимает «новгородских людей» как представителей особой социальной категории — потомков родоплеменной элиты, так как в своем прошлом они «каждо своим родом владаше», описывает их переселение в созданные ими «грады», до появления которых «словене свою волость имели, а кривичи свою, а мере свою».

Упомянутые «грады» предшествуют Новгороду, так как создают их «новгородские люди», но Новгородом эти «грады» летописец не называет, т. е. в его представлении термин «Новый город» не является их изначальным названием.

Междоусобная борьба летописных «градов» оказывается, таким образом, борьбой населяющей их родоплеменной элиты. Итог борьбы раскрывает ее причину: она завершается призванием одного князя — «князя поищем...».

Фразу, кончающуюся словами «...суть новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжска», мы должны отнести к труду указанного летописца, так как в ней фигурируют «варяги-находники» и «новгородстии людие», упомянутые ранее в его тексте. Обычно приведенные слова летописи воспринимаются как указание на «варяжское» происхождение жителей Новгорода или на присутствие в Новгороде большого количества варягов²¹. Однако об этническом происхождении новгородцев от варягов речь не может идти, так как вся их древнейшая история, ранее изложенная летописцем, противоречит такому пониманию текста. Нет оснований рассматривать эту фразу как искаженную при переписке, грамматическая конструкция ее такова, что не требуется разъяснения, что именно получили новгородцы «от рода варяжска». Речь идет о происхождении названий с корнем «Русь» — «...От тех варяг... прозвашася Русь, и от тех словет Руская земля...», значит, и «новгородстии людие» получают «от рода варяжска» название, т. е. до времени написания текста — «до днешнего дни» — они могут называться «Русью» или «русскими». Зная, что летописец имел в виду под «новгородстиими людими» определенную социальную категорию населения Новгородской земли — потомков родоплеменной элиты, мы вправе понимать, что термин «Русь» у него ассоциировался с социальным положением тех, кто его носил, хотя само происхождение термина он связывал с варягами.

Сообщения о прибытии трех князей, их размещении и смерти мы не можем отнести к труду упомянутого летописца, так как в них разрушена логика предшествующего повествования. Словесно, кривичи и меря выступают уже не как «новгородстии людие», а в качестве самостоятельных племен, имеющих свои столицы в Новгороде, Изборске, Белоозере. Вместо одного искомого князя появляются три, два из них скоропостижно умирают. Налицо вторжение в текст другого летописца — редактора.

Ответить на вопрос: чем руководствовался автор текста в своем изложении событий и что заставило редактора внести в повествование изменения в определенной мере позволяют современное представление о древнейшем прошлом Новгорода, полученное путем анализа результатов геологического бурения его территории и материалов археологических раскопок, и рассмотренные противоречия, существующие в самом летописном тексте.

На заре своего существования политический центр Новгородской земли представлял собой сложную топографическую конструкцию из трех поселков, положивших начало Славенскому, Неревскому и Людину концам города²². Все его древнейшее население изначально жило на больших усадьбах, что позволяет судить об изначальности социального неравенства их обитателей²³ и предполагать переселение готовых социальных структур усадеб, сложившихся вне поселков и до их возникновения.

Одновременное создание не одного, а трех поселков в одной местности ставит вопрос либо о переселении их жителей с раз-

личных территорий, либо о существовании между ними этнических, языковых или религиозных различий. Археологические материалы не позволяют судить об этнической обособленности прослеженных поселков, мерянских древностей среди них нет, но одновременное существование в Новгородской земле двух типов погребально-культовых памятников — сопок и длинных курганов, ассоциирующихся у исследователей со словенами и кривичами²⁴ или славянским и чудским населением²⁵, — позволяет допускать различное этническое происхождение и жителей города.

Общее название — Новый город — поселки получили лишь с возникновением городского детинца²⁶. Время его создания по археологическим материалам не прослежено. Первое упоминание о нем обычно находят в сочинении Константина Багрянородного, относящемся к середине X в., где описываются однодревки, приходящие в Константинополь из Невогарды²⁷. Еще М. Н. Тихомиров обратил внимание на скандинавское окончание названия, употребленного византийским императором, выдающее в его информаторе варяга²⁸. Однако скандинавы применяли к политическому центру Новгородской земли термин «Холмгард», означавший «скопление поселений сельского типа»²⁹ и отражавший топографические особенности первоначальной его застройки. Поскольку несущий на себе скандинавский отпечаток термин «Невогарда» этимологически не может восходить к скандинавскому «Холмгард», следует признать, что скандинавский источник Константина Багрянородного имел в виду какой-то другой центр «внешней Руси» и не должен рассматриваться как свидетельство в пользу существования новгородского детинца в середине X в.

До возникновения детинца выявленные исследователями поселки должны были иметь собственные названия, которые следует искать в названиях выросших из них городских концов. Неизвестно, являлось ли изначальным название Людина конца, в летописи оно впервые упоминается лишь под 1195 г.³⁰, но прослеживаемая созвучность Славенского и Перевского концов летописным словенам и мери показывает, что древнейшие названия жителей политического центра Новгородской земли (ретроспективно — «новгородских людей») могли быть произведены летописцем от названий трех составляющих его поселков — «градов», как позже жителей Новгорода называли новгородцами. При этом сами названия поселков, возможно, не имели прямого отношения к этнической принадлежности их жителей. Не случайно тот же летописец под 980 г., говоря об этническом составе новгородского войска Владимира, упоминал варягов, приглашенных «из-за моря», словен, кривичей и чудь³¹, т. е. употребленный ранее термин «меря» не связывался им с присутствием среди «новгородских людей» мерянского населения.

Археологические материалы показывают, что в летописном рассказе картина предыстории и древнейшей истории политиче-

ского центра Новгородской земли воспроизведена достаточно точно.

Сравнение уже упомянутого сообщения НПЛ о дани словен, кривичей и мери «от Новагорода... мира деля», где указано, что во время составления текста эта дань не платится — «еже не дают», с ПВЛ, где эта приписка расшифрована — «еже до смерти Ярославе даяше варягом»³², показывает, что автор рассматриваемого текста в НПЛ работал после смерти Ярослава, т. е. после 1054 г. В это время политический центр Новгородской земли уже назывался Новгородом (отсюда в летописи «новгородстии людне»), и картину древней его истории можно было восстановить только на основе народной памяти, дополненной квалифицированным анализом топографических, топонимических и социальных особенностей устройства современного летописцу города. Лучше всего это мог сделать новгородец, однако видеть в авторе рассматриваемого рассказа новгородца не позволяет характер последующего летописного текста, посвященного исключительно истории княжеского рода и церкви, крайне бедно-го собственно новгородскими событиями³³. Киевлянин же мог воспользоваться устным сообщением о древней истории Новгородской земли, что после 1054 г. особенно легко было сделать во времена Изяслава Ярославича, занимавшего одновременно киевский и новгородский столы. В пользу устного источника этой части легенды о призвании свидетельствует искажение названия жителей Неревского конца Новгорода. В «мерю» они могли превратиться только под пером человека, писавшего с чужих слов.

Рассказ о дани варягам и изгнании их «за море», о борьбе «новгородстиих людей» за власть и решении «поискать» одного князя должен восходить к тому же устному источнику новгородского происхождения.

Сообщение о поисках князя у варягов «за морем» логически вытекало из предшествующего рассказа. Варягов следовало искать там, куда они были изгнаны.

Авторский текст о приходе одного искомого князя в НПЛ не сохранился, он замснен редакторским сообщением о прибытии трех братьев. Повод для его создания обычно видят в новгородских, изборских и белоозерских преданиях о местных князьях³⁴, однако еще Е. А. Рыдзевская отметила отсутствие ранних следов таких преданий в Изборске и Белоозере³⁵. Если имя Рюрик существует у скандинавских народов и, хотя и нечасто, его носили русские князья, то имен Синеус и Трувор нет в Скандинавии, и они никогда больше не встречаются на страницах наших летописей.

В литературе высказывалось мнение, что в качестве имен Синеус и Трувор были использованы прозвища каких-то легендарных лиц (например, Синеус — от «Синий ус»). Это мнение, однако, не объясняет, почему летописец-редактор ввел имена братьев в готовый рассказ своего предшественника, где речь шла о призвании одного князя, тем более что вслед за этим он:

поместил сообщение о скоростыжной смерти обоих братьев.

Историки давно обратили внимание на возможность перевода этих имен с древнешведского языка. Синеус (*sine hus*) переводится как «свой род», а Трувор (*thru varing*) — как «верная дружина»³⁶. Если это так, то сообщение о трех братьях означает приход Рюрика «с родом своим и верной дружиной», т. е. в летописный текст оказалась включенной русская транскрипция древнешведской фразы.

Признавая правомерность такой расшифровки имен братьев-князей, Б. А. Рыбаков в основе их видит непонятый летописцем рассказ заезжего варяга о походах скандинавского конунга Рюрика, воспринятый в духе распространенного, по его мнению, в XI в. североевропейского сказания о трех братьях — основателях государства³⁷. Однако в этом случае непонятно, почему столь ненадежный источник, как устный рассказ иностранца (к тому же непонятный?), был использован для правки ответственного сообщения о начале княжеского рода.

Примечательно, что слова, имеющие значение «с родом своим и верной дружиной», в рассматриваемом летописном рассказе использованы дважды: сначала они переведены на древнерусский язык — «с роды своими и дружиной многой», затем припеты за скандинавские личные имена. Имя же Трувор неточно отражает фонетику древнешведского «*thru varing*»³⁸. Это обстоятельство может означать: во-первых, что в существующем сегодня в НПЛ рассказе о трех братьях-князьях также сохранились следы работы двух летописцев; во-вторых, что оба летописца и автор рассказа, и его редактор использовали один источник, переводившийся с древнешведского языка, причем первый, сообщивший о призвании одного князя, понимал его и перевел на древнерусский язык фразой «Рюрик с родом своим и дружиной многой», а второй — озвучил источник фонетически неточно, перевести не смог, но в полученной транскрипции увидел три княжеских имени и включил два недостающих в рассказ своего предшественника, тем самым породив необходимость объяснять, где обосновались призванные, по его мнению, братья, и для приведения получившегося в результате редактирования рассказа в соответствии с последующим текстом поместить сообщение о смерти двух из них.

Как мы видели, автор летописного рассказа о призвании работал после смерти Ярослава, т. е. после 1054 г., а в отразившемся в НПЛ Начальном своде 90-х годов XI в. рассказ уже несет на себе следы редактирования. Между этими двумя датами, по единодушному мнению исследователей, существовал только один летописный свод, созданный в Киеве в 60—70-е годы XI в. Редакционные изменения в него мог внести только сам составитель Начального свода. Это позволяет более точно указать на 60—70-е годы XI в. как на время составления летописного рассказа о призвании и на 90-е годы XI в. как на время его редактирования. В этих условиях автор и редактор могли обра-

щаться к одному источнику только в случае, если он был письменным.

Имеющаяся в нашем распоряжении информация о времени и характере использования летописцами прослеженного нами источника позволяет составить представление о некоторых его особенностях.

Во-первых, его текст не мог быть написан на древнерусском языке, в противном случае летописец-редактор не испытывал бы трудности в его понимании, и приведенные им имена князей (Синеус, Трувор) не переводились бы с древнешведского языка.

Во-вторых, источник не мог представлять собой латинский текст, так как ко времени обращения к нему русских летописцев в Швеции латышь еще не использовалась для записей на народном языке, ее стали применять лишь с XII в., после утверждения христианства в качестве официальной государственной религии Швеции.

В-третьих, до введения латинского алфавита для записей на древнешведском языке использовались руны. Так как прослеженный нами источник переводился с древнешведского языка и был использован в древнерусском летописании уже в 60—70-е годы XI в., он мог быть написан только рунами.

Руническая письменность в Скандинавии в своем развитии прошла несколько этапов. До IX в. использовался общегерманский старшерунический алфавит, состоявший из 24 знаков, в котором каждому знаку соответствовало одно звуковое значение. С IX в. начал применяться новый рунический алфавит — «младшие руны», каждый знак которого имел от 2 до 7 звуковых значений³⁹. До X в. этот алфавит существовал в двух вариантах: шведско-норвежском и датском. С X в. по всей Скандинавии начали употребляться датские руны.

Если прослеженный нами древнешведский источник был написан «младшими рунами», то в связи с их звуковой многозначностью не понимавший текста летописец-редактор 90-х годов XI в. не смог бы создать достаточно точную фонетическую транскрипцию древнешведских слов, поддающуюся переводу с древнешведского языка. Если даже допустить, что существовал какой-то неизвестный нам ключ, позволявший однозначно воспринимать многозвучные «младшие руны», то он не был известен не сумевшему понять текст летописцу-редактору. Поскольку же приведенная им транскрипция принятых за княжеские имена древнешведских слов оказывается достаточно точной, она переводится так же, как переводил эти слова летописец 60—70-х годов XI в. Приходится признать, что использованный в русском летописании древнешведский текст мог быть написан однозвучными «старшими рунами».

Этот вывод должен найти возражения с точки зрения традиционных представлений о характере использования «старших рун» в практике скандинавских народов. Дошедшие до нас стар-

шерунические тексты датируются III—VIII вв. и представляют собой надписи на металле и камне — оружии, брактеатах, могильных плитах. Их содержание носит в основном магический характер. В скандинавской поэзии, как эдической, так и скальдической, и «старшие» и «младшие» руны упоминаются как магические знаки в связи с колдовством. Только в одном произведении эдической поэзии («Речи Атли») говорится об использовании «старших рун» для переписки, а в «Саге об Эгиле» и «Саге о Греттире» — о применении «младших рун» для записи поэтических произведений. Эти упоминания обычно рассматриваются как поновление текста, приписывающее рунам ту функцию, которую много позднее при записи саг выполняла латинская письменность⁴⁰.

Общий вывод исследователей относительно «старших рун» сводится к тому, что в своей основе они восходили к одному из южноевропейских алфавитов и возникли как фонетические знаки, сочетания которых могли образовывать слова, служившие сообщениями, и использоваться для составления текстов любого содержания, однако в скандинавском обществе III—VIII вв. не было ни условий для широкого распространения письменности, ни потребностей в таком ее применении⁴¹.

На прослеженный нами письменный источник летописного рассказа о призвании, который в силу вышеописанных обстоятельств мог являться только старшеруническим текстом, приведенное мнение исследователей о возможностях старшерунической письменности в III—VIII вв. не может распространяться, так как понимавший текст древнерусский летописец 60—70-х годов XI в. связывал используемый им источник с событиями Новгородской земли, т. е. в его представлении к скандинавскому обществу текст отношения не имел. Кроме того, оба летописца связывали содержащиеся в источнике сведения с событиями середины IX в. В летописном своде 60—70-х годов XI в. не было абсолютных дат, но логика последовательности изложенных в нем событий позволяет описание обстоятельств появления княжеского рода относить к середине IX в. Составитель же Начального свода ввел в летопись абсолютные даты и рассматриваемый рассказ поместил между 854 и 920 гг.

Источник летописного рассказа не мог относиться ко времени ранее IX в. еще и потому, что древнешведский язык, с которого он переводился, выделился из древнескандинавского языкового единства на рубеже VIII—IX вв. В это время в самой Швеции получила распространение младшеруническая письменность, но «старшие» руны еще не были забыты. В одной из древнейших древнешведских надписей — надписи на рёкском камне, чаще всего датируемой IX в., «старшие» руны использованы в качестве фонетических знаков одновременно с «младшими»⁴². В древнешведской надписи на деревянном стержне из Старой Ладogi, датируемой серединой IX в., среди «младших» рун также присутствуют старшерунические знаки⁴³.

Датировать прослеженный нами письменный источник временем позже IX в. мы не можем в силу отсутствия каких-либо сведений об использовании «старших» рун в X—XI вв.

По своему характеру текст, использованный летописцами при работе над рассказом об обстоятельствах появления княжеского рода, мог быть либо иностранным литературным произведением, например, сагой о походах какого-то скандинавского конунга Рюрика с его родом и дружиной, либо повестью о реальном Рюрике, приглашенном на службу родоплеменной знати Новгородской земли и ставшим родоначальником княжеской династии, возникшей в скандинавском окружении князя и отраженной в какой-то мере реальные события, либо документом, фиксирующим условия, на которых приглашался служилый князь со своим родом и дружиной.

Если летописец 60—70-х годов XI в. использовал случайное иностранное литературное произведение, не имевшее непосредственного отношения к описываемым в летописи событиям, то совершенно непонятно, что заставило летописца-редактора три десятилетия спустя обращаться к тому же произведению для внесения изменений в труд своего предшественника. Поскольку такое обращение состоялось, мы вправе сделать вывод, что во второй половине XI в. в Киеве существовала традиция связывать использованный летописцами источник с конкретными событиями начальной истории княжеского рода.

Если же использованный текст являлся повестью, возникшей в скандинавском окружении приглашенного князя или его потомков, княживших в Киеве, то непонятно, почему для его записи в эпоху бытования «младших» рун были использованы старше-рунические знаки, а также почему пользовавшееся неизменным вниманием летописцев литературное произведение так и не было переведено на русский язык.

Более вероятно, на наш взгляд, использование при составлении летописного рассказа о призвании документа, имевшего характер договора с приглашенным княжеским родом. В пользу такой интерпретации прослеженного нами источника свидетельствует то, что авторский вариант легенды о призвании (60—70-е годы XI в.) кроме сообщения о древней истории «новгородских людей» включал в себя рассказ об их посольстве к варягам и содержал фразу: «Рюрик с родом своим и дружиной многой» (ее следы мы находим в рассказе о трех братьях-князьях, и именно так переводится транскрипция древнешведских слов, принятых редактором за княжеские имена), которая производит впечатление устойчивой формулы, связанной с поименованием князя при официальном к нему обращении. Эта вторая часть легенды находит определенную аналогию в поздних документах новгородского происхождения — договорах с князьями, приглашавшимися в Новгород на княжение в XIII—XV вв.

Формуляр дошедших до нас договоров с московскими и тверскими великими князьями включает в себя благословение епис-

копа, поклон от всего Новгорода, за которыми следуют ссылки на ранее подписанные договоры с отцами и дедами князей, «старину и пошлину» и перечисление условий нового договора. Особняком среди них стоит договор с польским королем и великим князем литовским Казимиром IV 1470—1471 гг. Особенности его формуляра связаны с тем, что у этого договора не было предшественников, с польским королем он подписывался впервые. Это самый большой по размеру и подробный документ.

Договор, подготовленный в Новгороде, написан от имени Казимира. Начинается он с полного титула короля и описания новгородского посольства к нему, сообщает о докончании мира с Новгородом, после чего перечисляются новгородские условия «привзвания»⁴⁴.

Сходство элементов описания «привзвания» Рюрика в легенде и описания «привзвания» Казимира IV позволяет предположить, что прослеженный нами письменный источник, использованный при составлении летописной легенды, мог быть документом, описывавшим условия соглашения с княжеским родом, т. е. также являвшимся договором. В этом случае может стать понятно, почему он переводился с древнешведского языка и был написан старшими рунами. Договор между разноязычными сторонами в IX в. не мог быть записан на славянском языке в связи с отсутствием в это время славянской письменности. Получившие в это время распространение «младшие» руны в силу своей многозначности не позволяли создать однозначно трактуемый документ, что в данном случае было обязательным, а выходявшие из употребления, но все еще используемые в середине IX в. «старшие» руны такую возможность открывали.

Этот вывод должен найти возражения с точки зрения отсутствия каких-либо сведений о договорной основе взаимоотношений скандинавских конунгов с европейскими государствами. Однако во время походов в Европу скандинавские викинги добивались своих прав и власти силой, характер их взаимоотношений с европейскими народами исключал договор. Рассматривая же особенности новгородской государственности, мы должны признать, что политическое устройство Новгородской земли не имело себе аналогий ни в отечественной, ни в европейской истории, в связи с этим не могло быть аналогий и обстоятельствам его возникновения.

Таким образом, у нас существует достаточно оснований считать дошедший до нас текст легенды о призвании варяжских князей в НПЛ результатом работы двух летописцев. Первый из них, работавший в 60—70-е годы XI в. в Киеве, для создания повести о начале княжеского рода привлек документ из великокняжеского архива, дополнив содержащуюся в нем информацию сведениями из устного источника новгородского происхождения. В 90-е годы XI в. другой киевский летописец, положивший труд своего предшественника в основу нового летописного свода, не смог понять отразившейся в рассказе о начале княжеского ро-

да специфики Новгородской земли. В приведенных в летописи названиях «новгородских людей» он увидел жителей трех самостоятельных земель, приглашающих одного князя. Считая с позиций политической действительности своего времени, что его предшественник допустил ошибку, летописец-редактор обратился к тому же документу из великокняжеского архива, однако полностью разобраться в нем не смог. В полученной транскрипции древнешведского текста он увидел недостающие имена князей, включил их в летопись, приведя, таким образом, количество князей в соответствие с количеством земель, их призывавших. Смерть фантастических братьев понадобилась для приведения получившегося рассказа в соответствие с последующим текстом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: Иловайский Д. И. Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю. М., 1876. С. 236—237; Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1906. Ч. 1. С. 166.

² Об этом подробно см.: Шаскольский И. П. Норманская теория в современной буржуазной науке. М.; Л., 1965. С. 15—23; Он же. Норманская теория в советской историографии//Советская историография Киевской Руси. Л., 1978. С. 152—166; см. также: Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Послесловие к кн.: Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 230—245.

³ Шаскольский И. П. Антиномизм и его судьбы//Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1983. Вып. 7. Генезис и развитие феодализма в России. С. 35—51.

⁴ Ляхачев Д. С. Легенда о призвании варягов и политические тенденции русского летописания второй пол. XI — нач. XII в.//Доклад на конференции в г. Орхусе в 1968 г. Varangian Problems. Copenhagen, 1970.

⁵ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 308, 312, 314; Он же. Сказание о призвании варягов//ИЮРЯС. 1904. Т. IX. Кн. 4. С. 352—353.

⁶ Шахматов А. А. Разыскания... С. 1—13, 378—398; Он же. Повесть временных лет. СПб., 1916. Т. 1. С. XLIX.

⁷ Шахматов А. А. Сказание... С. 334—336, 353—363.

⁸ Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. М., 1940. Т. I. С. 55; Ляхачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 42, 62, 89.

⁹ Ляхачев Д. С. Русские летописи... С. 93.

¹⁰ Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 285.

¹¹ Кузьмин А. Г. К вопросу о происхождении варяжской легенды//Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 53.

¹² Алешковский М. X. Первая редакция Повести временных лет//АЕ за 1967 год. М., 1969. С. 16—17.

¹³ Там же. С. 13—40.

¹⁴ ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. Стб. 19—20.

¹⁵ ПСРЛ. Л., 1926. Т. 2. Стб. 14.

¹⁶ Сам Лаврентий ссылался на то, что писал свою летопись с ветхого списка и не мог разобрать многих слов (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 488).

¹⁷ НПЛ. М.; Л., 1950. С. 106—107. (В древнейшем Комиссионном списке НПЛ первые листы рукописи утрачены, Толстовский и Воронцовский списки НПЛ содержат рассказ о призвании, но являются копиями с Академического, сделанными в XVIII и XIX вв.).

¹⁸ Шахматов А. А. Сказание... С. 317—319; Он же. Разыскания... С. 294.

¹⁹ Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1974. С. 64.

²⁰ НПЛ. С. 107.

²¹ Шахматов А. А. Разыскания... С. 303; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 299.

²² Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода: (К постановке проблемы)//ИС. 1971. № 2. С. 32—61; Кушнир И. И. Новый город. Где же старый?//У древних стен у Ильмень-озера. М., 1980. С. 601—606.

²³ Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы новгородской археологии//Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 34—35; Колчин Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет//Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 112.

²⁴ Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 53—56, 64—65.

²⁵ Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л., 1978. С. 21—24; Конецкий В. Я. Население центральных районов Новгородской земли в начале II тыс. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: Л., 1978.

²⁶ Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода... С. 32—61; Янин В. Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований//Новгородский исторический сборник. Л., 1982. Вып. 1(11). С. 79.

²⁷ Известия ГАИМК. М.; Л., 1934. Вып. 91. С. 8.

²⁸ Тихомиров М. Н. Русское летописание... С. 41.

²⁹ Мельникова Е. А. Восточно-европейские топонимы с корнем *gard* — в древнескандинавской письменности//Скандинавский сборник. Вып. XXII. Таллин, 1977. С. 203.

³⁰ НПЛ. С. 41, 234.

³¹ НПЛ. С. 125.

³² НПЛ. С. 107; ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. Стб. 24.

³³ Примечательно, что, посвятив много места описанию обстоятельств принятия христианства, летописец даже не упомянул крещения Новгорода. Существующее сообщение о нем вставлено в текст не ранее 60-х годов XII в. (см.: Шахматов А. А. Разыскания... С. 251—252).

³⁴ Необычную точку зрения по этому поводу высказал Д. А. Мачиновский (см.: Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 20).

³⁵ Рыздзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. М., 1978. С. 168.

³⁶ Рерих Н. К. Собр. соч. М., 1914. Кн. 1. С. 130; Рыбаков Б. А. Киевская Русь... С. 298.

³⁷ Рыбаков Б. А. Древняя Русь... С. 293; Он же. Киевская Русь... С. 298; ср.: Шаскольский И. П. Современные норманнсты о русской летописи//Критика новейшей буржуазной историографии. М.; Л., 1961. С. 344, 348, 371.

³⁸ Ловмянский Х. Русь и норманны. Комм. С. 275.

³⁹ Стеблин-Каменский М. И. История скандинавских языков. М.; Л., 1953. С. 37; Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. М., 1977. С. 11.

⁴⁰ Стеблин-Каменский М. И. Древнескандинавская литература. М., 1979. С. 14, 18.

⁴¹ Стеблин-Каменский М. И. Древнескандинавская литература... С. 10. (В последние десятилетия мнение об исключительно магическом значении рунических знаков было несколько поколеблено открытием в раскопках 60-х годов в г. Бергене (Норвегия) более 400 младшерунических текстов XII—XIV вв., среди которых кроме заговоров и амулетов были бирки с именами владельцев, деловые записи, связанные с торговлей, грамоты, записи скальдических стихов и фрагментов эдической поэзии. Эти тексты относятся к эпохе широкого распространения в Скандинавии латинской письменности и показывают, что рунические знаки наряду с магией использовались для повседневного делового письма и кроме камня и металла вырезались на дереве); Гуревич А. Я. Находки новых рунических надписей в Норвегии//ВИ. 1965. № 1. С. 195—196.

⁴² Стеблин-Каменский М. И. История скандинавских языков. С. 38—40.

⁴³ Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. С. 158—162.

⁴⁴ ГВНИП. М.; Л., 1949. № 77. С. 129—132.

Е. Н. НОСОВ

ОГНИЩАНЕ И ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ НОВГОРОДСКОГО БОЯРСТВА

«Восстановить постепенное нарастание Новгорода и его внутренней организации — дело невозможное» — так в 1909 г. пессимистически оценил перспективы в изучении древнейшей истории города А. Е. Пресняков в своих известных очерках по русской истории X—XII вв.¹ Однако время показало, что, несмотря на крайнюю сложность темы и скудость письменных свидетельств, разработка ее вполне реальна, и в первую очередь благодаря успехам археологии Новгорода. Синтез письменных источников и археологических данных, особенно ярко воплотившийся в трудах руководителя Новгородской экспедиции В. Л. Якина, позволил придать новый импульс решению вопросов сложения социально-политической структуры древнего Новгорода, отказаться от одних, казалось бы, уже устоявшихся положений и считать наиболее вероятными другие, на которые ранее не обращалось должного внимания².

Одна из центральных проблем изучения древней истории Новгорода — формирование высшего социального слоя города, боярства. Она охватывает наряду с прочими такие крупные вопросы, как взаимоотношения князя и городской общины, княжеской дружины и «нарочитых» мужей, далеко выходя за рамки сугубо новгородской истории и тесно смыкаясь с историей общерусской.

Еще в дореволюционной историографии отмечалось, что класс древнерусского боярства образовался из двух элементов, а именно: если употребить слова М. Ф. Владимирского-Буданова, «во-первых, из лучших людей среди жителей каждой земли, а во-вторых, из высших членов княжеского двора — дружинников»³. В работах советских историков, прежде всего Б. Д. Грекова и С. В. Юшкова, это положение получило дополнительное подтверждение. «Бояре нашей древности состоят из двух слоев, писал Б. Д. Греков. Это наиболее богатые люди, называемые часто людьми «лучшими, нарочитыми, старейшими» — продукт общественной эволюции каждого данного места — туземная знать, а также высшие члены княжеского двора, часть которых может быть пришлого и неславянского происхождения»⁴.

Касаясь вопросов формирования новгородского боярства, исследователи обычно отмечали специфику данного процесса — более значительную роль местной знати (при различии в оценках

(ее экономической основы) по сравнению с другими территориями древней Руси. В. О. Ключевский указывал на «своеобразное положение» новгородского боярства, которое «переродилось из древней городской знати, правившей городом еще до князей»⁵. М. Ф. Владимирский-Буданов полагал, что «все новгородские бояре суть земские бояре» и в городе «княжеские дружинники никогда не могли сделаться местными боярами» (правда, в другом месте исследователь формулирует свою мысль не столь категорично, отметив, что в Новгороде «дружинный элемент» в составе боярства все же был, но «имел наименьшее значение») ⁶. Советские историки также подчеркивали роль местного «земского» боярства в формировании Новгородской республики⁷. Именно эта линия отечественной историографии прослеживается в трудах В. Л. Янина, который считает, что боярство, составлявшее высший слой новгородского общества, было обязано «своей сословной принадлежностью только происхождением от родоплеменной старейшины древнейшего периода новгородской истории, от той сословной верхушки, которая консолидировалась в замкнутую касту еще на протогосударственной стадии»⁸. Эти выводы находятся в неразрывной связи с комплексом наблюдений В. Л. Янина о вторичности князя по отношению к Новгороду, об особой роли княжеских институтов в политической структуре города⁹ и убедительно показывают ограниченность схем, выводящих боярство исключительно из рядов «служилой военно-дружинной знати»¹⁰.

Соглашаясь с безусловно определяющей ролью «земской» знати в формировании новгородского боярства (и в данном случае, не столь важно, были ли это потомки родоплеменных старейшин или верхи новообразованной городской общины), следует поставить вопрос о том, являлся ли этот путь единственным. Имел ли место в Новгороде процесс слияния в единое аристократическое сословие местной знати и старшей княжеской дружины, характерный для других древнерусских земель?

В этой связи представляется крайне важным рассмотрение такой высшей социальной группы новгородского общества, как огнищане. Сведений о них в письменных источниках мало. Это прежде всего четыре статьи Краткой Русской Правды, начиная с Правды Ярославичей (ст. 19—21, 33), две статьи Пространной Правды (ст. 12, 78)¹¹, сообщения Новгородской Первой летописи под 1166, 1195 и 1234 гг.¹² и упоминание в «Уставе князя Ярослава о мостех»¹³.

Отечественная историография прошла сложный путь в стремлении выработать единый подход к пониманию социальной сущности и места огнищан в иерархической структуре древнерусского общества. Следуя за наблюдениями С. М. Соловьева и развивая его заключения, основанные на том, что огнищанин Правды Ярославичей в других списках Русской Правды заменяется выражением «княж муж», учитывая контекст статей 19—22, 33 Краткой Русской Правды, где огнищанин оказывается в тесной связи с другими княжими мужами, с жизнью княжеского домена, иссле-

дователи пришли к однозначному выводу о близости огнищан с князем, с его двором — «огнищем» (С. М. Соловьев, П. Мрочек-Дроздовский, М. Ф. Владимирский-Буданов, Н. П. Павлов-Сильванский, А. Е. Пресняков, С. В. Юшков, Б. А. Романов и др.)¹⁴.

Несколько разошлись мнения историков при более конкретной характеристике этой группы княжих людей. Господствовала точка зрения о принадлежности огнищан к ближайшему окружению князя, к старшей дружине (С. М. Соловьев, П. Мрочек-Дроздовский, М. Ф. Владимирский-Буданов и др.). В 1901 г. Н. П. Павлов-Сильванский также писал об огнищанах как «высшем разряде» дружины, однако впоследствии писал, что это «вообще княжеские дружинники, княжи мужи, как старшие, так и младшие»¹⁵. А. Е. Пресняков намечал эволюцию в емкости термина, полагая, что если первоначально огнищанами назывались все дружинники князя, то позднее — лишь их высший слой¹⁶. С. В. Юшков рассматривал огнищан сугубо со стороны их роли в хозяйстве князя, при княжеском дворце, считая их высшими дворцовыми слугами, отделенными от младших слуг, и подчеркивая, что их нельзя отождествлять с дружинниками¹⁷. Л. В. Черепнин справедливо отмечал, что термин огнищанин обнимал как княжих слуг, занятых в управлении дворцовым хозяйством и вотчинами в городе и в сельской местности, так и дружинников, имевших административные поручения, выходявшие за рамки дворцового ведомства¹⁸. По существу, такую же позицию занимал Б. А. Романов, который, разбирая соответствующие статьи Правды Ярославичей об убийстве огнищанина на хозяйственном дворе, писал, что «этот огнищанин у княжой клети, конечно, одно из многих бытовых положений, открытых для дружинника»¹⁹.

Нельзя не согласиться с позицией Л. В. Черепнина и Б. А. Романова. Облик огнищанина как княжеского дворецкого, управляющего хозяйством, отчетливо вырисовывается из ряда статей Русской Правды, что вполне естественно и связано с самим типом источника этих сведений — Правдой Ярославичей — сводом законодательных норм, охраняющих хозяйственную жизнь княжеской вотчины в окружении сельских общин²⁰. Но из летописей выступает на первое место совсем иная — военная — сторона деятельности огнищан, стоявших по своему положению выше гридей — воинов-дружинников. Напомним эти сообщения: 1166 г. — «...приде Ростиславъ ис Кыева на Луки, и позва новгородьце напорядъ: огнищане, гридь, купьце вячьшее»; 1195 г. — «...позва Всеволодь новгородьце на Чьрниговъ на Ярослава и на все Ольгово племя; и новгородьци не отпърешася ему, идоша съ княземъ Ярославьмъ огнищане и гридьба и купци»; 1234 г. — «...изгониша Литва Русь оли до тьргу, и стала рушане, и засада: огнищане и гридьба, и кто купьць и гости, и выгнаша я ис посада оячь, бьющесе на поли»²¹. Эти огнищане, по мнению Н. П. Павлова-Сильванского, входили в «передовой военный отряд», и летописные известия о них сопоставимы с известиями «о военных действиях новгородских князей этого же времени со своим двором и с:

дружиной»²². Огнищане, полагал А. Н. Насонов, образовывали «военную организацию», созданную в Новгороде князем²³.

Особую позицию среди современных историков в вопросе об огнищанах занял М. Х. Алешковский. Как и большинство исследователей, он признал, что огнищане — «главная военная сила местного общества», и в военном отношении они стали выше гридей и купцов, но, по его мнению, за термином «огнищане» скрывается все новгородское боярство²⁴. Комплекс сведений об огнищанах, прежде всего, статей Русской Правды, М. Х. Алешковский не разбирал, ограничившись рассмотрением одного из вариантов объяснения этимологического значения самого слова, что, надо заметить, не равнозначно выяснению социальной сути данной группы новгородского населения XI—XIII вв. Построения М. Х. Алешковского противоречивы. Дело в том, что огнищане Русской Правды определенно отождествляются с «княжими мужами», и в отечественной историографии данный вопрос достаточно детально разработан. Доказать противоположное невозможно. Если принять посылку М. Х. Алешковского о том, что огнищане — все бояре Новгорода, то надо признать, что все бояре города — княжие мужи или их потомки, т. е. служилая военно-дружинная знать. Но своими работами М. Х. Алешковский доказывает как раз обратное. Вместе с В. Л. Яниным он привел ряд весьма убедительных аргументов о вторичной роли князя и княжеских институтов в Новгороде, о местной городской знати как основе формирующегося боярства, чьи интересы уже с древнейших времен новгородской истории противостояли интересам князя, определяя специфику формирования государственного строя на севере Руси²⁵.

И здесь чрезвычайно важное значение приобретает упоминание огнищан в «Уставе князя Ярослава о мостех», датируемом с наибольшей вероятностью, как показал В. Л. Янин, 60-ми годами XIII в.²⁶ Речь в Уставе идет об организации работ по мощению главных торговых магистралей города и дорог, ведущих к пристаням и на городской торг. Согласно статьям Устава за огнищанами закреплен участок близ торгового и близ княжеской резиденции. Если вслед за М. Х. Алешковским рассматривать огнищан вообще как новгородских бояр или в данном контексте Устава только как бояр Славенского конца, что предлагает В. Л. Янин, принимая основной вывод М. Х. Алешковского²⁷, то возникает целый ряд вопросов. В таком случае «необъяснимо, — отметил В. Д. Назаров, — почему остальные разделы памятника членят население по топографическому (уличанскому или кончанскому) признаку, а не социальному»²⁸. Кроме того, почему славенское боярство и вообще бояре города корпоративно отвечают лишь за мощение одного участка? Разве не было бояр среди жителей Михайловой и Витковой улиц или среди прихожан Ильинской церкви, также упомянутых в Уставе? Почему никакие отдельные группы бояр-огнищан не упоминаются при разверстке мостовой повинности среди населения Софийской стороны — Людина конца, Чудинцевой улицы

и загородцев? Ответить на эти вопросы можно, лишь признав, что огнищане представляли особую социальную группу новгородского населения, отличную от большинства бояр города, и размещенную компактно в Славенском конце близ торгового и городской резиденции князя. К подобному выводу о локальном расселении в Новгороде огнищан приходили большинство исследователей, обращавшихся к рассмотрению сведений о них в «Уставе князя Ярослава о мостех»²⁹.

Своей особой ролью в структуре новгородского общества огнищане, в свете имеющихся фактов, обязаны происхождением от членов княжеского огнища-двора, представителей высшего слоя княжих мужей, поселившихся в городе близ резиденции князя и постепенно, по мере роста своей экономической самостоятельности, вливавшихся в состав новгородской аристократии, сохраняя при этом традиционные связи с княжеской властью. О том, что подобный процесс имел место в Новгороде, дополнительно свидетельствуют имена посадников середины XIV в. — Евстафия и Александра Дворянниковых, чье фамильное прозвище появилось, безусловно, из-за принадлежности их предков к княжескому двору, на что справедливо обращает внимание В. Д. Назаров³⁰.

Можно предполагать, что оседание княжих мужей на территории Новгорода началось в первой половине XI в. Дело в том, что именно в это время, при Ярославе Владимировиче, как показали археологические исследования последних лет на Городище и их сопоставление с результатами раскопок в Новгороде, княжеская резиденция, находившаяся в IX—X вв. на Городище, впервые была перенесена в город на Ярославово Дворище. Князь занял окраинный участок Славенского холма, к началу XI в. еще свободный от застройки. Резиденция князя не была защищена стенами детинца и оказалась, по существу, в одном ряду с богатыми городскими усадьбами новгородской знати. Рядом с ней разместились дворы княжих мужей, отделившихся от князя «хлебом и именем». В конце XI в., наиболее вероятно во время вокняжения на новгородском столе в 1088—1089 гг. малолетнего Мстислава Владимировича и появления в городе института посадничества нового типа — органа непосредственно боярской власти и противостоявшего княжеской администрации, князя вновь были вынуждены вернуться на Городище³¹. В то же время компактный район, заселенный мужами, которые сами или предки которых были тесно связаны с князьями отношениями службы и личного вассалитета, сохранился и продолжал существовать и в XIII в., как это видно по «Уставу князя Ярослава о мостех».

Однако если происхождение огнищан XI в. из числа «княжих мужей» достаточно определено, то их место в социальной структуре Новгорода XII—XIII вв. источники почти не освещают; они позволяют высказать лишь некоторые соображения на этот счет. Прежде всего поминание огнищан в «Уставе о мостех» показывает, что еще во второй половине XIII в. они обладали социальным и территориальным единством в городе, почему и отвечали за мо-

щение одного из участков торговых магистралей корпоративно, а не в составе уличанских общин, куда входили жители улиц, в том числе и «нарочитые» новгородские мужи (бояре). Экономически огнищане были отделены от князя и достаточно самостоятельны, поскольку в противном случае их интересы представлял бы князь. Они жили в городе постоянно (летописец называет их новгородцами), имели свои усадьбы, в то время как князья в Новгороде менялись и начиная с конца XI в. находились в основном на Городище. Новгородские огнищане XII—XIII вв., видимо, отличались от членов дворов новгородских князей в понимании двора как группы лиц, более или менее постоянно находившихся при князе и тесно связанных с функционированием княжеского аппарата власти³². А. Н. Насонов считал важным фактом то, что в 1166 г. огнищан приглашал «на поряд», а в 1195 г. — в поход на Чернигов не новгородский князь, а великие князья из Киева и Владимира, и делал отсюда вывод, что «именно огнищане, гридьба и купцы составляют ту местную среду, на которую опирается в первую очередь иногородний князь-сюзерен»³³. Вероятно, новгородские огнищане XII—XIII вв. находились в городе в двойственном положении. С одной стороны, они были новгородскими феодалами (в таком понимании их допустимо отождествить с частью славянского боярства), с другой же стороны, они являлись традиционной опорой князей среди жителей города и этим выделялись среди новгородской знати.

Локализация огнищан на небольшой территории в районе резиденции князя на Торговой стороне — еще одно подтверждение особой, вторичной, роли княжеских институтов в Новгороде, свидетельство подчиненного значения служилой военно-дружинной знати (княжих мужей) в сложении новгородской аристократии. Вместе с тем в Новгороде, при всех его специфических особенностях, шел тот же процесс формирования правящего класса из местной (городской) и военно-служилой знати, что и в других землях древней Руси.

И в заключение коротко остановимся на происхождении слова «огнищанин». С лингвистической точки зрения оно считается производным от общеславянского «огнище», но поскольку в древней восточнославянской письменности встречается только в ранних новгородских памятниках, то и рассматривается исследователями обычно как древний северный (словенский) или новгородский лексический диалектизм (В. М. Туркин, М. Г. Булахов, Ф. П. Филин)³⁴. Ф. П. Филин допускает также, что оно принадлежит к разряду словенско-западнославянских диалектизмов³⁵.

Слово «огнище» имело два значения: «очаг» и «пашня на месте подсеки»³⁶. В дореволюционной историографии большинство исследователей считали исходным для образования термина «огнищанин» первое значение слова «огнище», однако некоторые историки, в частности И. Д. Беляев, признавали таковым второе значение. П. Мрочек-Дроздовский пытался увязать оба предлагаемых варианта³⁷. Указанные два подхода присутствуют в совре-

менных исторических работах. Так, по мнению А. Н. Насонова и Б. А. Романова, слово «огнищанин» восходит к «огнищу» в значении княжеского очага, дома, двора³⁸. М. Х. Алешковский полагает, что термин «уводит» в эпоху подсечного земледелия, к кругу близких родственников во главе с огнищанином³⁹. Об огнищанине как «хозяине подсеки» пишет А. С. Львов⁴⁰.

Следует иметь в виду сделанное еще С. М. Соловьевым верное наблюдение, что «объяснением слова огнищанин служит... позднейшее: дворянин, означающее человека, принадлежащего ко двору, дому княжескому, а не имеющего свой двор или дом, следовательно, и под огнищанином нет нужды разуместь человека, имеющего свое огнище»⁴¹. Этот вывод поддержал Н. П. Павлов-Сильванский, указавший, что «приставка *-анин*, кажется, всегда означала принадлежность»⁴². Аналогично С. М. Соловьеву объяснил происхождение слова «дворянин» и В. Д. Назаров, подтвердивший именно такой путь словообразования ссылкой на мнение В. В. Виноградова о том, что «обозначение лиц по происхождению из какой-нибудь местности, по связи с какой-нибудь территорией или по принадлежности к нации, к какому-нибудь коллективу, организации» происходит путем присоединения к основам имен существительных суффикса *-анин/-янин*⁴³. Поэтому, а также учитывая изложенный нами ранее материал об огнищанах, полагаем, что данный термин происходит от «огнища» в значении княжеского очага, дома, двора.

Наконец, отметим, что если новгородские «нарочитые» мужи представляли собой социальную верхушку славянского общества Приильменя, то среди княжеской служилой знати (княжих мужей) в X—XI вв. были представители разных этносов. А закрепление в новгородской среде за высшими членами княжеского двора славянского наименования «огнищане» свидетельствует о решающей роли славянского элемента в формировании феодального класса Северной Руси.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X—XII столетий. СПб., 1909. С. 189.

² Янин В. Л. Проблемы социальной организации Новгородской республики//Россия и Италия. М., 1972. С. 69—85; Он же. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований//Новгородский исторический сборник. Л., 1982. Вып. 1(11). С. 79—95; Он же. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981; Он же. Археологический комментарий к Русской Правде//Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 138—155.

³ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Изд. 3-е. Киев; СПб., 1900. С. 28.

⁴ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1949. С. 122, 340; Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 230—231, 241—244. Библиография работ о существовании в Древней Руси местной и служилой знати и их слиянии приведена в книге М. Б. Свердлова «Генезис и структура феодального общества в Древней Руси» (Л., 1983. С. 43—45).

⁵ Ключевский В. О. Боярская дума в Древней Руси. 5-е изд. Пг., 1919. С. 179—181.

⁶ Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч. С. 30, 32.

⁷ Монгайт А., Федоров Г. Вопросы истории Великого Новгорода (до включения его в состав русского централизованного государства)//ВИ. 1950. № 9. С. 110.

⁸ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 213.

⁹ Янин В. Л. Проблемы социальной организации... С. 69 и сл.; Он же. Социально-политическая структура Новгорода... С. 87 и сл.

¹⁰ Горский А. А. Дружина и генезис феодализма на Руси//ВИ. 1984. № 9. С. 28.

¹¹ Правда Русская. Под ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1940. Т. I. Тексты.

¹² НПЛ. С. 32, 42, 73, 219, 234, 235, 283. Один раз огнищане упомянуты в Московском летописном своде конца XV в., но в передаче новгородского события (то же в Тверской летописи под 1165 г.); Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972. С. 585, 586.

¹³ Российское законодательство X—XX веков. М., 1984. Т. I. Законодательство Древней Руси. С. 236—238.

¹⁴ Из-за ограниченного объема статьи мы не имеем возможности привести полную библиографию вопроса. Обширный, хотя далеко не исчерпывающий, обзор, имеется в комментариях к академическому изданию Русской Правды (Правда Русская М.; Л., 1947. Т. II. Комментарии. Под ред. Б. Д. Грекова. С. 138—146). Более сжатые историографические замечания см.: Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 251—253.

¹⁵ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. Спб., 1901. С. 5; Он же. Феодализм в удельной Руси. Спб., 1910. С. 465.

¹⁶ Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 231.

¹⁷ Юшков С. В. Указ. соч. С. 253.

¹⁸ Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда//Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 188.

¹⁹ Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. 2-е изд. М.; Л., 1966. С. 113.

²⁰ Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 142.

²¹ НПЛ. С. 32, 42, 73, 219, 234, 235, 283.

²² Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. С. 461.

²³ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 44.

²⁴ Алешковский М. X. Социальные основы формирования территории Новгорода IX—XV веков//СА. 1974. № 3. С. 100.

²⁵ Янин В. Л., Алешковский М. X. Происхождение Новгорода: (К постановке проблемы)//ИС. 1971. № 2. С. 36 и сл.

²⁶ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 91—122; Российское законодательство X—XX веков. Т. I. Законодательство Древней Руси. С. 233—248.

²⁷ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. С. 107.

²⁸ Назаров В. Д. О феодальном землевладении в новгородской республике: (К выходу книги В. Л. Янина «Новгородская феодальная вотчина. Историко-генеалогическое исследование. М., 1981»)//ИС. 1984. № 2. С. 119.

²⁹ Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 231; Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. С. 453; Насонов А. Н. Указ. соч. С. 44.

³⁰ Назаров В. Д. О феодальном землевладении... С. 119. Оба посадника являлись представителями Плотницкого конца города (см.: Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 377, 381).

³¹ Детально вопрос о соотношении Городища и Ярославова Дворища и о месте размещения резиденции новгородских князей рассмотрен нами в специальной статье: Носов Е. Н. Городище — резиденция новгородских князей IX—XII вв.//Новгородский исторический сборник. Вып. 3(13). Рукопись.

³² Назаров В. Д. «Двор» и «дворяне» по данным новгородского и северо-восточного летописания (XII—XIV вв.)//Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 123.

³³ Насонов А. Н. Указ. соч. С. 44. Здесь А. Н. Насонов допускает в изложении несколько фактических неточностей. Правильно назвав киевским кня-

зем, приглашающим «на поряд» Ростислава, он затем именует его Мстиславом. Новгородским князем назван Ярослав Всеволодович вместо Ярослава Владимировича, который приходился Всеволоду свояком.

³⁴ Филли Ф. П. Указ. соч. С. 585 (здесь же приведена соответствующая литература).

³⁵ Там же. С. 586.

³⁶ Там же.

³⁷ Мрочек-Дроздовский П. Исследования о Русской Правде. Приложения по второму выпуску//ЧОИДР. 1886. Кн. 1. С. 120—121.

³⁸ Насонов А. Н. Указ. соч. С. 44; Романов Б. А. Указ. соч. С. 113.

³⁹ Алешковский М. X. Указ. соч. С. 100.

⁴⁰ Львов А. С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975. С. 210, 211.

⁴¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. 5-е изд. М., 1874. Т. I. С. 225.

⁴² Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. С. 463.

⁴³ Назаров В. Д. «Двор» и «дворяне». С. 105.

В. ВОДОВ

К ИСТОРИИ ОФОРМЛЕНИЯ ДОКОНЧАНИЙ НОВГОРОДА С КНЯЗЬЯМИ В XIII В.

(наблюдения над политической лексикой)

В многочисленных работах В. Л. Янина, посвященных истории Новгорода, затрагивается вопрос о сущности княжеской власти¹. Так, в известной монографии о новгородских посадниках дается новая оценка роли князя: отвергая традиционный взгляд на новгородского князя как исключительно на «предводителя городского ополчения», автор доказывает, что в XII в. компетенция княжеской власти была значительно шире; только к концу столетия «антикняжеская борьба боярства» достигла некоторых, пока еще скромных, результатов². Этот хронологический рубеж в истории отношений Великого Новгорода с князьями был отмечен другим советским исследователем, Л. В. Черепниным, выдвинувшим тезис о политическом значении семнадцатилетнего (с перерывами) княжения в Новгороде Ярослава Владимировича (1182—1199), правнука Мономаха³. В. Л. Янин этот тезис принимает с некоторой оговоркой, считая, что ссылка в первой сохранившейся докончальной грамоте Ярослава Ярославича указывает на то, что и до княжения его отца (1215—1236 гг. с перерывами) договорный формуляр не отличался устойчивостью⁴. Но уже Л. В. Черепнин, опираясь на тождество формулы «без вины мужа волости не лишити» в первых подлинных грамотах и в Новгородской Первой летописи (далее: НПЛ) под 1218 г.⁵, пришел к заключению, что окончательный формуляр был выработан при Ярославе Всеволодовиче⁶. Однако упоминание в НПЛ в первой трети XIII в. «грамот Ярославлих»⁷ указывает на существование письменных договоров между Новгородом и князьями, начиная со времени Ярослава Владимировича, может быть, с того момента, когда в 1196 г. в докончании с Всеволодом Юрьевичем «Новгородъ положиша вси князи въ свободу: где имъ любо, ту же собе князя поймають»⁸.

Подобная форма политических взаимоотношений отличается от порядка, господствовавшего в предыдущем периоде, когда смена князей в Новгороде зависела прежде всего от смены князей либо в Киеве, либо в других политических центрах⁹. Разумеется, и тогда мог уже существовать «ряд» между князем и Новгородом, но, судя по данным НПЛ, об устойчивом формуляре таких актов в эту эпоху говорить не приходится¹⁰. Об изменении хотя бы формальной процедуры избрания князя в Новгороде на рубеже XII

и XIII вв. можно найти кое-какие указания в употреблении летописцами княжеского титула.

Речь идет здесь о «князье» — носителе верховной власти в Новгороде, а не о представителе «владиминова племени»¹¹. Тут в раннюю эпоху в НПЛ, как и в других источниках, наблюдается «безразличие к титулу», т. е. князья названы почти исключительно по имени¹²: до 1136 г. термин «князь» в применении к Новгороду встречается лишь четыре раза: под 1045, 1169, 1103, 1133 гг.¹³ Начиная с 1136 г. его употребление становится более частым, например в этом же году: «...сдумаша, яко изгонити князя своего Всеволода... Въ то же лето стрѣлиша князя милостьничи Всеволожи, но живѣ бысть»¹⁴. Постепенно термин «князь» выступает параллельно с терминами, обозначающими другие политические должности в Новгороде, как «епископ» («архиепископ») или «посадник»¹⁵. Но в рассказах, относящихся к XII в., трудно признать употребление княжеского титула последовательным. Это наблюдение относится, в частности, к повествованиям о призвании нового князя на новгородский «стол»: с 1136 по 1197 г. княжеский титул в этом контексте появляется 9 раз, а отсутствует 18 раз. При этом только в двух случаях политическое значение княжеского титула подчеркивается его употреблением при описании посажения на стол, тогда как в рассказе о предварительных переговорах между будущим новгородским князем и его избирателями слово «князь» отсутствует: в 1139 г. — «послашася новгородци Киеву по Святослава по Олговиця... Въ то же лето въниде князь Святослав Олговиць Новугороду и седе на столе месяца декабря в 25»; в 1196 г. — «послаша Църнигову къ Ярославу (Всеволодовичу. — В. В.) по сынѣ», ниже в 1197 г. — «приде князь ис Църнигова Новугороду Яропѣлькъ Ярославиць на вѣрьбницу»¹⁶.

Зато подобное противопоставление между кандидатом на новгородский стол и уже признанным новгородцами князем становится правилом для повествований о призвании князей в следующем периоде до конца XIII в.: Святослав Всеволодович в 1199—1200 гг.: «Идоша людье съ посадникомъ и съ Михалкомъ къ Всеволоду; и прия е съ великою честью и вда имѣ сынѣ Святославѣ... Приде же князь Святослав въ Новѣгородѣ сынѣ Всеволожѣ вѣнукѣ Гюргевиѣ месяца генваря въ 1, на святого Василия, и посадиша и на столе въ святеи Софии, и обрадовася весь Новѣгородѣ»¹⁷.

Константин Всеволодович в 1205 г. В уста Всеволода Большое Гнездо вложены следующие слова: «...даю вы сынѣ свои старейшии Константиниѣ», а далее повествуется: «Въ то же лето приде князь Костянтинѣ Всеволодиць... въ Новѣгородѣ, месяца марта въ 20»¹⁸.

Ярослав Всеволодович в 1215 г.: «Того же лета новѣгородци, много гадавѣше, послаша по Ярослава по Всеволодиця... Гюргя Иванѣковиця посадника и Якуна тысяцьскаго и купецѣ старейшихѣ 10 муж; и въниде князь Ярославъ въ Новѣгородѣ, и усрете и архиепископѣ Антонѣ съ новгородци»¹⁹.

Всеволод Юрьевич в 1221 г.: «Послаша владыку Митрофана и посадника Иванка и стареншии мужи Володимирю къ Гюргю къ Всеволодицю по сынъ, и вда имъ Всеволода на всеи воли новгородьстєи. Приде князь Всеволодъ в Новъгородъ, и владыка и вси мужи одарени бещисла; и ради быша новгородьци, и бысть миръ»²⁰.

Ярослав Всеволодович в 1222—1223 гг.: «Тогда же новгородци послаша мужи стареншии къ Гюргю: «оже ти не угодно държати Новагорода сыномъ, а вѣда ны брат»; и дасть имъ брата своего Ярослава. Въ лето 6731. Приде князь Ярослав в Новъгородъ, и ради быша новгородци»²¹.

Всеволод Юрьевич в 1223—1224 гг.: «Новгородьци же послаша къ Гюргю по сынъ, и дасть имъ опять сынъ свои Всеволодъ. Въ лето 6732. Приде князь Всеволодъ Гюргевиць въ Новъгородъ»²².

Михаил Всеволодович (Черниговский) в 1224—1225 гг.: «Новъгородци же послаша мужъ свои по Михаила. ... Въ лето 6733. Приде князь Михаилъ в Новъгородъ, сынъ Всеволожь, внукъ Олговъ; и бысть льгъко по волости Новугороду»²³.

Ярослав Всеволодович в 1225—1226 гг.: «Новгородци же послаша къ Ярославу Перяславлю ... Въ лето 6734. Приде князь Ярослав в Новъгородъ, и не положи того въ гневъ, оже не пошьли по немъ»²⁴.

Михаил Всеволодович в 1228—1229 гг.: «...и послаша по Михаила въ Черниговъ Хота Станимировиця, Гаврилу на Лубяници ... Въ лето 6737. Приде князь Михаилъ ис Чернигова въ Новъгородъ, по велице дни ... и ради быша новгородци своему хотению. И целова крестъ на всеи воли новгородьстєи и на всехъ грамотахъ Ярославлихъ»²⁵.

Александр Ярославич (Невский) в 1240—1241 гг.: «Тогда же сдумавше новгородци, послаша владыку с мужи опять по Олександра., олна вда Ярославъ сына своего Александра опять ... Въ лето 6749. Приде Олександръ князь в Новъгородъ, и ради быша новгородци»²⁶.

Ярослав Ярославич в 1263—1264 гг.: «...а по Ярослава послаша, по брата Александрова, во Тферь сынъ посадничъ и лучшии бояры. Въ лето 6773. Посадиша в Новегороде на столе князя Ярослава Ярославича месяца генваря в 27»²⁷.

В приведенных одиннадцати отрывках (об исключениях будет сказано ниже) княжеский титул употребляется только при упоминании вступления князя на стол, будь даже это вступление вторичным. До этого момента при описании переговоров с будущим князем либо с его отцом или старшим братом этот титул в летописи отсутствует²⁸.

Такое употребление княжеского титула в НПЛ дает основание предполагать, что между предварительными переговорами с будущим князем и его посажением на стол имел место важный юридический акт. Принимая во внимание высказанное Л. В. Черепниным предположение о существовании с конца XII в. «грамот Ярославлих», можно выдвинуть гипотезу, что этим юридическим актом могло быть как раз составление письменного докончания,

сопровождающее обряд крестоцелования²⁹. Как было сказано выше, формуляр этих ранних грамот неизвестен. Можно, однако, предположить, что в этих письменных dokonчаниях встречались формулы, подобные той, которая обращена к Ярославу Всеволодовичу в 1228 г. по его возвращении из Переяславля: «на всей воли нашей и на всехъ грамотахъ Ярославлихъ ты нашъ князь»³⁰.

Исключений в данном хронологическом отрезке немного. К их числу принадлежат рассказы о том, как покидающий Новгород князь оставляет там своего сына: тогда, вероятно, никакого договора не заключалось. Так или иначе княжеский титул не употребляется ни под 1228—1230 гг. для молодых Ярославичей, Федора и Александра, или для Ростислава, сына Михаила Черниговского, ни под 1236 г. для Александра Ярославича, ни под 1256 г. для сына последнего, Василия³¹. Эти молодые князья-наместники в других местах НПЛ именуются «княжичами»³². Большого внимания заслуживают другие исключения: княжеский титул отсутствует при описании вступления на новгородский стол смоленских Ростиславичей, Мстислава Мстиславича Удалого под 1208 и 1216 гг. и Святослава Мстиславича под 1217 г.³³ В первом случае отступление от принятого порядка в изложении событий может быть объяснено теми обстоятельствами, при которых Мстислав призывается в Новгород: оба раза он изображен как защитник новгородцев против «насилья» или «зла» от его соперников, Святослава и Ярослава Всеволодовичей, а Новгород представлен как его «отчина»³⁴, но для Святослава Мстиславича подобного объяснения в тексте летописи нет. Наконец, вокняжение в Новгороде его брата, Всеволода, в 1218 г. описано как исполнение новгородцами веления их отца, Мстислава Романовича киевского: «примете собе князя Всеволода... Новгородьци же волю его створиша»³⁵. Очевидно, никакого тут договора не было.

Кроме Михаила Всеволодовича черниговского все те случаи, когда летописец отличает кандидата на новгородский стол от признанного «князя», относятся к потомству Всеволода Большое Гнездо. Может быть, способы оформления договоров между Новгородом и будущими князьями не были одинаковыми с каждой княжеской династией? Разумеется, на этот вопрос дать ответ невозможно. Остается ясным лишь стремление летописцев в подавляющем большинстве описаний призвания в Новгород нового князя пользоваться княжеским титулом лишь для последней стадии этой процедуры, когда между обеими сторонами уже был оформлен письменный договор.

Эта последовательность, однако, нарушается при Ярославе Ярославиче (1264—1271), когда описывается его борьба с племянниками, Дмитрием и Андреем Александровичами, за новгородский стол³⁶. Дело тут в том, что с середины XIII в. должность князя новгородского стала фактически совмещаться с великокняжеским столом. Таким образом, постепенно, вплоть до второго княжения

Андрея Александровича (1294—1304)³⁷, официальным титулом в Новгороде становится «князь великий». История этой перемены требует особого исследования³⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Langer L. V. L. Janin and the History of Novgorod//Slavic Review. T. XXXIII. Seattle (Wash.), 1974. P. 115.

² Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 110—116; см. также: Подвигина Н. Л. Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII—XIII вв. М., 1976. С. 116—117.

³ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы. М.; Л., 1948. Т. I. С. 252—253. Политическая и судебная деятельность Ярослава Владимировича подтверждается большим числом печатей этого князя, найденных в Новгороде (см.: Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970. Т. I. С. 204).

⁴ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 115, 136; см. ниже, прим. 28.

⁵ НПЛ. С. 59; ГВНИП. № 1, 2, 3. Ссылки на летопись даются по Синодальному списку, который в приведенных цитатах редко расходится с Комиссионным списком (ср. прим. 11, 13, 16).

⁶ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы. С. 253.

⁷ НПЛ. С. 67, 68, 70; см.: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы. С. 249.

⁸ НПЛ. С. 43. Этот принцип снова сформулирован под 1215 г. Мстиславом Мстиславичем Удалим: «вы вольны въ князяхъ» (НПЛ. С. 53).

⁹ Черепнин Л. В. К вопросу о характере и форме древнерусского государства X — начала XIII в.//ИЗ. М., 1972. Т. 89. С. 399—401; Толочко П. П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII—XIII веков. Киев, 1980. С. 177.

¹⁰ Черепнин Л. В. К вопросу о характере и форме древнерусского государства. С. 401. Автор предполагает существование письменных договоров, протвией, подобных «крестным грамотам», засвидетельствованным на юге Ипатьевской летописью с середины XII в. (там же. С. 371). Со своей стороны Н. Л. Подвигина (указ. соч. С. 117) приводит некоторые формальные совпадения между текстом НПЛ о событиях XII — начала XIII в. и старейшими сохранившимися грамотами, но ссылки на «старину и пошлину» или на времена «отцов и дедов» встречаются слишком часто в древнерусской письменности, что не может служить доказательством существования грамот. Отметим, что «уставы старых князей» в докончаниях XIII в. не упоминаются. Более осторожно о форме докончаний между Новгородом и князьями в XII в. пишет В. Л. Янин (Новгородские посадники. С. 116).

¹¹ См. противопоставление этих двух значений термина «князь» в упоминании договора 1196 г. (прим. 8). В Синодальном списке слово «князь» применяется вне Новгорода впервые под 1044 г. (НПЛ. С. 16), но остается редким, в XII в. наиболее регулярно этот титул применяется при повествовании о кончине киевских князей под 1157, 1170, 1171 гг. или об убийстве князей «страсто-терпцев» Игоря Ольговича и Андрея Боголюбского под 1147 и 1174 г. (НПЛ. С. 28, 30, 33, 34); среди других случаев употребления княжеского титула вне Новгорода (НПЛ. С. 28, 35, 36, 42) заслуживает внимания противопоставление под 1165 г. «князя русского» (т. е. киевского) и «князя новгородского» (НПЛ. С. 31). В младшем изводе первый пример — под 1078 г. (НПЛ. С. 201).

¹² Каштанов С. М. Интитуляция русских княжеских актов X—XIV вв.//Вспомогательные исторические дисциплины. Т. VIII. Л., 1976. С. 80; Vo-doff W. La titulature des princes russes du Xe au début du XIIe siècle//Revue des Etudes slaves. T. LV. Paris, 1983. P. 139—140.

¹³ НПЛ. С. 16, 17, 19, 23; в первом случае княжеский титул отсутствует в младшем изводе (НПЛ. С. 181).

¹⁴ НПЛ. С. 24. О значении событий 1136 г. для определения компетенции княжеской власти в Новгороде см.: Янин В. Л. Новгородские посадники.

С. 62—72, 81; Черепнин Л. В. К вопросу о характере и форме древнерусского государства. С. 399.

¹⁵ НПЛ. С. 31, 33, 59, 76.

¹⁶ НПЛ. С. 25, 43.

¹⁷ НПЛ. С. 44—45.

¹⁸ НПЛ. С. 49, 50.

¹⁹ НПЛ. С. 53.

²⁰ НПЛ. С. 60.

²¹ НПЛ. С. 61.

²² Там же.

²³ НПЛ. С. 64.

²⁴ НПЛ. С. 64, 65. До своего вторичного вступления в Новгород Ярослав Всеволодович со своим «двором» при поддержке новоторжских, псковских и торопецких сил, но без новгородцев одержал победу над Литвой, что объясняет последнее предложение.

²⁵ НПЛ. С. 67—68. Принятые Михаилом условия были, вероятно, до этого отвергнуты Ярославом Всеволодовичем, ушедшим в Переяславль (см.: Подвигина Н. Л. Указ. соч. С. 145).

²⁶ НПЛ. С. 78.

²⁷ НПЛ. С. 84.

²⁸ В сохранившихся докончаниях между Новгородом и Ярославом Ярославичем (1264—1270), заключенных во время предварительных переговоров, княжеский титул употребляется (ГВНП. № 1—3; Зимин А. А. О хронологии договоров грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XIV вв.//Проблемы источниковедения. М., 1956. Т. V. С. 302—303, 306). В данном случае Ярослав выступает как «князь» тверской и как член княжеской династии; к тому же в последней трети XIII в. в новгородском княжеском титуле наблюдается перемена, о которой идет речь в данной статье.

²⁹ См. повествование о вокняжении Михаила Всеволодовича черниговского в 1229 г. (НПЛ. С. 68).

³⁰ НПЛ. С. 67.

³¹ НПЛ. С. 66, 68, 70, 74, 81.

³² НПЛ. С. 67, 68, 70.

³³ НПЛ. С. 51, 54, 58.

³⁴ Черепнин Л. В. К вопросу о характере и форме древнерусского государства. С. 403.

³⁵ НПЛ. С. 59.

³⁶ НПЛ. С. 85—89.

³⁷ О значении второго княжения Андрея Александровича для истории оформления договоров Новгорода с князьями см.: Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 160.

³⁸ А. Поппэ в статье о великокняжеском титуле на Руси (Poппе А. O tytule wielkoksiążęcym na Rusi//Przegląd Historyczny. T. LXXV. Warszawa, 1984, n° 3. S. 423—439) привел интересные и убедительные данные о возникновении этого титула при дворе Всеволода Большое Гнездо, но оставил открытым вопрос о признании этого титула Новгородом (Poппе А. Op. cit. С. 433).

И. О. КОЛОСОВА

ПОСАДНИЧЕСТВО И ФОРМИРОВАНИЕ КОНЧАНСКОЙ СИСТЕМЫ В ПСКОВЕ (XIV—XV вв.)

В XIV—XV вв. Псков, как и Новгород, делился на концы — самоуправляющиеся городские районы. По принципу представительства от концов формируется посадничество¹ — один из важнейших государственных институтов, право на участия в котором имело только боярство.

И. К. Лабутинна установила: в 60—70-х годах XV в. в Пскове было шесть концов, т. е. Опозкий (впервые упоминается под 1421 г.), Боловинский (1453), Богоявленский (1458), Городецкий (1459)², Остролавицкий (1459), Кузьмодемьянский³. В то же время отсутствие упоминания концов в летописных известиях XIV — начала XV в. еще не свидетельствует о том, что кончанская система возникла позднее⁴. По мнению А. В. Арциховского, «...псковское кончанское деление едва ли моложе новгородского»⁵. В. Л. Янин и М. Х. Алешковский высказали предположение, что Псков, подобно Новгороду, возник на базе разнородных в этническом отношении поселков: Крома и Городца. Население этих поселков составило городскую общину, установившую свою власть над окрестными жителями⁶. Итак, по гипотезе авторов, история одного из псковских концов — Городецкого — имеет догородские истоки.

Топоним «Городец» упоминается в псковских летописях под 1335 г.; очевидна его связь с Городецким концом сообщений 1459 и 1484 гг. Местоположение этого конца определяется по церкви Михаила Архангела в Городце. Примерные границы Городецкого конца очерчены И. К. Лабутиной: на севере он граничил с Торгом, на северо-востоке — с Остролавицким концом. На западе Городецкий конец мог доходить до р. Великой, на юге — до стены 1309 г.⁷ Городецкий копец занимал западную часть Среднего города (в пределах стены посадника Бориса 1309 г.).

В середине и второй половине 50-х годов экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством Г. П. Гроздилова проводились раскопки на месте Дома связи (у церкви Михаила Архангела), а также к западу от ул. Советской, между площадью Ленина и зданием старой почты. Всю эту территорию исследователь связывал с летописным Городцом. Раскоп 1954 г. на месте Дома связи позволил выявить особенность древнего рельефа участка. Оказалось, что при длине раскопа 50 м толщина культурного

слоя в его восточной части не превышает 0,6—0,75 м, а в западной части (у Советской улицы) доходит до 5 м. Следовательно, в древности к востоку от современной Советской улицы существовала возвышенность⁸.

Если эта возвышенность связана с первоначальным Городцом — древним укрепленным поселением на холме, то его следует помещать в узком пространстве между западной частью раскопа 1954 г. и открытым в середине 70-х годов некрополем⁹. Нижние слои раскопа 1954 г. датируются временем не ранее X в.¹⁰ К концу IX — первой половине X в. относятся древнейшие погребения некрополя¹¹; нивелировка и застройка этого участка датируются второй половиной XI в.¹² Следов укреплений Городца в раскопе 1954 г. не обнаружено. Нет пока данных о том, что в X в. существовало поселение на холме, отделенное от Крома незастроенным пространством. Все раскопы к западу от ул. Советской (в пределах укреплений 1309 г.) дают, как и раскоп 1954 г., материалы X в.

Вся территория летописного Городца, а не какая-то его часть была застроена уже в X в. И. К. Лабутина предположила, что в X — первой половине XI в. Городец являлся укрепленной частью раннего посада Пскова или отдельным поселением¹³. Со второй половины XI в. заселяется территория к востоку от Городца — Остролавицкий и Боловинский концы — известий XV в. Итак, три конца складываются в пределах укреплений 1309 г. И. К. Лабутина обратила также внимание, что основная часть территории Опочского конца не входила в состав укреплений 1309 г.; этот конец начал формироваться позже Городецкого, Остролавицкого и Боловинского. В то же время территория Опочского конца застраивается не позднее XII в.¹⁴ Концы на Запсковье (Кузьмодемьянский и Божоявленский) оформились позднее, но они существовали уже в 50—60-е годы XV в.¹⁵ Освоение отдельных участков Запсковья по археологическим данным датируется XII—XIII вв.¹⁶

Рассматривая вопрос о формировании кончанской системы в Пскове, следует учесть не только данные о заселении междуречья Великой и Псковы и Запсковья, но и сведения о крепостном строительстве XIV—XV вв. Согласно наблюдениям М. Х. Алешковского, для Пскова характерно не только деление населения на бояр и не-бояр, но и на мужей-псковичей и посажан. Мужей-псковичи составляли городскую общину, были участниками веча и войска; они жили в пределах городских укреплений. Посажане живут за чертой укреплений и не пользуются привилегиями горожан. Но «...одновременно с окружением новых территорий посада стенами посад этот становился городом, а посажане — псковичами; состав веча расширялся, а за новыми стенами начинал разрастаться новый посад, появились новые посажане, только с течением времени превращавшиеся в псковичей»¹⁷.

Отсюда следуют два важных вывода. Во-первых, жители территории, выступавшей в известиях XV в. как Городецкий, Боло-

винский и Остролавницкий концы, получают статус мужей-псковичей не ранее конца XIII — начала XIV в.¹⁸; население района, известного позднее как Опозкий конец, — не ранее середины 70-х годов XIV в.¹⁹; жители Запсковья — в середине 60-х годов XV в.²⁰ Во-вторых, для XIV—XV вв. характерна тенденция к расширению городской общины и, следовательно, социальной базы института законодательной и исполнительной власти. Одновременно действует и другая тенденция — растут имущественное и социальное расслоение городской общины, углубление противоречий внутри нее, закономерно ведущее к падению вечевых порядков²¹.

Важное значение в процессе формирования кончанской системы имел политический фактор. В самом деле, получение какой-либо частью посада статуса городского конца открывало боярским семьям, так или иначе связанным с этим районом, доступ к высшей государственной должности посадника²². Следовательно, в реформах посадничества XIV—XV вв. должно найти отражение и формирование кончанской системы.

Псковские посадники упоминаются в источниках с 1308 г.²³ Появление местного посадничества стало возможным в результате выделения Псковской земли из состава Новгородской феодальной республики во второй половине XIII в.²⁴ Первоначально из среды местных бояр выдвигался только один посадник, правивший пожизненно. На рубеже 30—40-х годов XIV в. вводится коллективное посадничество. Под 1343 г. в псковских летописях названы три посадника: Володша, Корман и Илья²⁵. Еще один псковский посадник — Данила — назван в Новгородской Первой летописи²⁶. Таким образом, уже в первой половине 40-х годов XIV в. в Пскове одновременно действуют не менее четырех посадников²⁷. Такое положение сохраняется до начала XV в. Во второй половине XIV—начале XV в. из этих четырех посадников — пожизненных членов боярского совета — избирался на определенный срок глава совета; с середины 30-х годов XV в. эта должность постоянно упоминается в источниках как степенное посадничество²⁸.

Расширение состава боярского совета происходит между 1403/1404 и 1406 гг.: к четырем посадникам летописного сообщения об укреплении каменной стены вдоль р. Псковы присоединяются два новых посадника: Юрий Филиппович Казачкович и Ларион Дойникович²⁹. Весной 1407 г. в Пскове было уже не менее семи посадников³⁰; максимальное число посадников до конца 50-х годов XV в. — восемь³¹. С конца 20-х годов стали чаще сменяться степенные посадники: если раньше степенный посадник избирался на один год, то теперь этот срок сократился до полугода³².

С конца 50-х — начала 60-х годов намечается тенденция к новому увеличению количества посадников; общее число посадников в начале 60-х годов XV в. близко к 10—12; для начала 70-х годов — не менее 14. В начале 80-х годов одновременно действуют 16 посадников. Во второй половине 60-х годов было введено двойное степенное посадничество³³. Такая организация посадничества

остаётся неизменной до присоединения Пскова к Русскому централизованному государству в 1510 г.

Число посадников 40-х годов XIV — начала XV в. соответствует количеству концов в центральной части Пскова. Отметим, что ещё в 1329 г. в состав псковского посольства к Ивану Калите входили посадник и три боярина³⁴, что, возможно, служит указанием на оформление четвертого конца — Опочского — уже к концу 20-х годов XIV в. Крепостная стена сооружалась в середине 70-х годов XIV в. на месте невысокой («мало выше мужа») дубовой стенки. Эта деревянная стена должна была уже существовать, если не к 1329 г., то, во всяком случае, к середине 40-х годов XIV в., когда оформилось коллективное посадничество³⁵.

Со второй половины XIII в. изменяется характер застройки Крома и Довмونتова города. Если для более раннего времени здесь зафиксирована жилая застройка, то в XIV—XV вв. на Крому помещались клетки для хранения имущества — в северной части, а также Троицкий собор и вечевая площадь — в южной части. Территория Довмونتова города в XIV—XV вв. была занята храмами и другими постройками общественного назначения³⁶. Логичным представляется вывод о переселении жителей Крома и Довмонтонтова города — мужей-псковичей с семьями — на посад. В связи с этим в 1309 г. сооружается каменная крепостная стена. Посажане, дворы которых вошли в пределы укреплений 1309 г., стали членами городской общины и получили статус мужей-псковичей.

Раскопки Г. П. Гроздилова на месте Дома связи в 1954 г. показали, что в XI—XII вв. участок близ будущей церкви Михаила Архангела был занят небольшими по площади (400—500 м²) дворами ремесленников. На уровне горизонта Б (XIII—XIV вв.) отмечена перепланировка: все вошедшие в пятно раскопа постройки имели хозяйственное назначение и относились к какой-то одной крупной усадьбе³⁷. Несколько ниже, на уровне горизонта В (XII—XIII вв.), найдены две печати наместников новгородского архиепископа в Пскове конца XIII—XIV в. (с изображением Богоматери «Знамение» и креста). По мнению автора раскопок, эти печати могли попасть в слой XII—XIII вв. сверху³⁸. Известны списки с псковских земельных актов в XIV в., подлинники которых были скреплены именно такими печатями³⁹.

Не связано ли появление на месте небольших дворов ремесленников крупной усадьбы, возможно, принадлежавшей землевладельцу, с выносом жилой застройки из Крома и Довмонтонтова города и сооружением каменной крепостной стены в 1309 г.? Понятия «бояре» и «мужи-псковичи» до конца XIII в. были тождественными: все они жили в черте городских укреплений и составляли городскую общину, относительно единую и сплочённую. Ещё в начале XIV в. бояре выдвигают из своей среды только одного посадника без каких-либо ограничений сроков посадничества. Расселение бояр на территории бывшего посада уже само по себе создавало предпосылки для некоторого разобщения, никогда, впро-

чем, не перераставшего в антагонизм: в источниках нет сведений о каких-либо межкончанских столкновениях.

Возникновение кончанской системы в Пскове, как нам представляется, следует датировать первой половиной XIV в. Получение Псковом независимости сделало необходимыми изменения в социальной структуре городской общины. Прежние посажане, ремесленники и торговцы, получили статус мужей-псковичей, что привело к расширению состава веча и увеличению псковского войска⁴⁰. Но это в свою очередь потребовало совершенствования организации местной знати. Оформляются концы, самоуправляющиеся городские районы, включающие как привилегированное население, бояре, так и «черных людей», объединенных в сотни⁴¹. По принципу представительства от концов формируется посадничество, причем доступ к этой важнейшей государственной должности имели только бояре. Псковские посадники XIV—XV вв. были прямыми наследниками мужей-псковичей X—XIII вв., составлявших замкнутую и малочисленную городскую общину.

Не позднее 1406 г. вводится двойное представительство от концов в боярском совете. Расширение состава совета в конце 50—60-х годах XV в. следует связывать как с увеличением норм представительства от старых концов, так и с введением представительства от Запсковья. Возможно, что во второй половине XV в. нормы представительства от концов были неравными: при общем числе посадников, равном 16, по 3 представителя от старых концов и по 2 — от запсковских. Итак, оформление концов на Запсковье может быть отнесено к концу 50-х — началу 60-х годов XV в. Неясно пока, были ли на Запсковье боярские усадьбы или представительство от него принадлежало боярским семьям, жившим в старых концах.

Концы в центральной части города возникают примерно в одно и то же время⁴² и получают совершенно одинаковый статус. Нет оснований считать, что один из них — Городецкий — ведет свое происхождение от поселка, существовавшего на его месте. Городецкий конец был обязан древнему Городцу только своим названием. Поселение на Крому доминировало как на ранней — протгородской — стадии истории Пскова, так и в более позднее время. Бояре, владельцы клетей на Крому, возглавляли городскую общину в XIV—XV вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962; Кафенгауз Б. Б. Древний Псков. Очерки по истории феодальной республики. М., 1969. С. 60—61.

² Городец назван в псковских летописях под 1335 г. (ПЛ. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 17; М., 1955. Вып. 2. С. 24, 92).

³ Лабутяна И. К. К топографии городских концов Пскова в XV в. // Новое в археологии: (К 70-летию А. В. Арциховского). М., 1972. С. 264—270; Она же. Историческая топография Пскова XIV—XV вв. М., 1985. С. 124—125, 130—133.

⁴ Лабутяна И. К. Историческая топография... С. 130.

⁵ Арциховский А. В. Городские концы древней Руси//ИЗ. М., 1945. Т. 16. С. 9.

⁶ Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода: (К постановке проблемы)//ИС. 1971. № 2. С. 60; Алешковский М. Х. Военно-оборонительное зодчество//Достопримечательности Псковской области. Л., 1973. С. 105—107.

⁷ Лабутина И. К. Историческая топография... С. 132.

⁸ Гроздилов Г. П. К вопросу о топографии древнего Пскова//Археологический сборник. Государственный Эрмитаж. Л., 1964. Вып. 6. С. 145—147; Он же. Раскопки древнего Пскова//Археологический сборник. Государственный Эрмитаж. Л., 1962. Вып. 4. С. 14—28; Он же. Раскопки древнего Пскова в 1955 г.//Сообщения Эрмитажа. Л., 1957. Вып. XI. С. 63—65; Он же. Раскопки древнего Пскова (1956, 1958—1960 гг.)//Сообщения Эрмитажа. Л., 1962. Вып. XXIII. С. 64—66.

⁹ Лабутина И. К. Итоги изучения культурного слоя Пскова//КСИА. 1981. Вып. 164. С. 28—29; Лабутина И. К., Кильдюшевский В. И., Урьева А. Ф. Древнерусский некрополь Пскова: (По раскопкам 1976 г.)//КСИА. 1981. Вып. 166. С. 69—77.

¹⁰ Гроздилов Г. П. Раскопки древнего Пскова. С. 14—28.

¹¹ Лабутина И. К. Итоги изучения... С. 28—29; Лабутина И. К., Кильдюшевский В. И., Урьева А. Ф. Указ. соч. С. 69—77.

¹² Лабутина И. К. Итоги изучения... С. 28—29.

¹³ Лабутина И. К. Историческая топография... С. 132.

¹⁴ Там же. С. 151.

¹⁵ Там же. С. 132—133, 151—152.

¹⁶ Белецкий С. В. Охранные раскопки на ул. Школьной в Пскове//АО 1980 г. М., 1981. С. 5.

¹⁷ Алешковский М. Х. Социальные основы формирования территории Пскова X—XVI вв.: (В связи с проблемой археологического изучения древнерусского города)//СА. 1978. № 2. С. 119.

¹⁸ М. Х. Алешковский высказал предположение о том, что уже в конце XIII в. на месте каменной стены 1309 г. существовала деревянная стена (см.: Алешковский М. Х. Социальные основы формирования территории Пскова. С. 120).

¹⁹ ПЛ. Вып. 1. С. 23; Вып. 2. С. 29, 105.

²⁰ ПЛ. Вып. 1. С. 71, 72; Вып. 2. С. 161, 162.

²¹ Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота и ее время. Л., 1980. С. 223 и др.

²² Янин В. Л. Новгородские посадники.

²³ ПЛ. Вып. 1. С. 14; Вып. 2. С. 22, 88.

²⁴ Колосова И. О. Псковские посадники первой половины XIV в.//Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов... Псков, 1982. С. 31. О получении Псковом самостоятельности см.: Колетилова С. И. К вопросу о положении Пскова в составе Новгородской феодальной республики//ИС. 1975. № 2. С. 145—152.

²⁵ ПЛ. Вып. 1. С. 11, 20; Вып. 2. С. 25, 26, 97; НПЛ. С. 357, 459.

²⁶ НПЛ. С. 356—357.

²⁷ В рядной на землю Подграмскую, которая датирована 30—40 годами XIV в., в качестве посадника назван также Иван, возможно, тождественный посаднику Ивану летописного сообщения 1349 г. (ПЛ. Вып. 2. С. 99; Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 330; Колосова И. О. Псковские посадники XIV—XV вв.: Автореф. дис. ... канд. ист.-наук: М., 1984. С. 18).

²⁸ Колосова И. О. Степенные посадники в Пскове XV в.//Вестн. Моск. ун-та. Сер. История. 1984. № 2. С. 85.

²⁹ ПЛ. Вып. 1. С. 27—29; Вып. 2. С. 31—32, 111—113.

³⁰ ПЛ. Вып. 1. С. 30; Вып. 2. С. 33, 114.

³¹ Колосова И. О. Псковские посадники XIV—XV вв. С. 21.

³² Колосова И. О. Степенные посадники в Пскове XV в. С. 84—88.

³³ Там же. С. 88—89.

³⁴ ПЛ. Вып. 2. С. 91.

³⁵ М. Х. Алешковский считал, что эта стена возводилась после пожара

1367 г. (см.: Алешковский М. Х. Социальные основы формирования территории Пскова... С. 121).

³⁶ Белецкий В. Д. Топография Довмонтова города//Тезисы докладов на юбилейной научной сессии Гос. Эрмитажа. Л., 1967. С. 22—25; Мокеев Г. Я. Столичный центр вечаемого Пскова: Автореф. дис. ... канд. архитектуры: М., 1983. С. 12—13; Белецкий С. В. Некоторые итоги археологического изучения Псковского городища//Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов. Псков, 1980. С. 8—10; Он же. Раскопки Псковского городища в 1977—78 гг.//Древнерусские города. М., 1981. С. 40—62; Белецкий С. В., Мокеев Г. Я. Клетки псковского Крома//Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов... Псков, 1984. С. 6—8.

³⁷ Гроздилов Г. П. Раскопки древнего Пскова. С. 14—28; Он же. Краткий отчет о раскопках Гос. Эрмитажа в Пскове в 1954 г.//Архив ИА АН СССР. № 982. С. 7—24.

³⁸ Там же.

³⁹ Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV—XV вв. М., 1966. С. 47—51.

⁴⁰ Алешковский М. Х. Социальные основы формирования территории Пскова... С. 117—121.

⁴¹ Там же. С. 122—125.

⁴² Лабутина И. К. К топографии городских концов Пскова. С. 269.

В. Г. МИРОНОВА

ИЗ ИСТОРИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

При раскопках 1985 г. в г. Старая Русса (раскоп XV по ул. Минеральная, 61) в слое первой половины XII в. (пласт 19, квадрат 11) была обнаружена берестяная грамота, получившая очередной номер среди старорусских берестяных документов — № 15¹. Это целый свиток длиной 31 и шириной 3,3 см. На слова грамота делится так: «(От) Петра къ Василеви въдаи 6 коунъ и гривну Вышате али и ти не дасть а пристави на нь отро(к)ъ». Перевод грамоты достаточно прост: «От Петра к Василию. Дай (выдай) 6 кун и гривну Вышате. Если (же) он тебе не отдаст, то приставь на него отрока (т. е. предъяви ему иск через отрока)».

«Въдаи» — повелительное наклонение от глагола «въдати» — дай, выдай; «али» — если; «и» — местоимение мужского рода единственного числа 3 лица — он; «ти» — тебе; «а» — то; «-нь» — винительный падеж мужского рода единственного числа от местоимения «и» — (он) — него.)

Грамота представляет интерес для истории юридической практики в Древней Руси, в частности, при взимании долга: при несвоевременном возвращении долга к должнику «приставляется» отрок — младший должностной судебный исполнитель, представитель так называемой «молодшей дружины» (отсюда позднейшее «пристав» как «должностное лицо, приставленное к чему-либо») ².

Словно ответом на эту грамоту является старорусская берестяная грамота № 6, гласящая (в переводе): «От Дедилы к Демьяну. Не шли отрока. Иду сам и 2 гривны везу» ³. По-видимому, должник, просрочив время возвращения долга и понимая, чем это ему грозит, предупреждает события и сообщает своему кредитору, чтобы тот приостановил общепринятое в таких случаях начало судебной тяжбы.

Подобная же ситуация фиксируется старорусской берестяной грамотой № 7: «От Солмира к Нежку. Скажи отроку своему, пусть не ходит...» ⁴. Очевидно, должник, осознав критическую ситуацию, добровольно желает возратить взятую в долг ссуду.

Интересным представляется здесь указание на «своего» отрока. По всей вероятности, кредитор — Нежка — для ведения своих дел имел специального, «своего» отрока. Трудно сказать, обслуживал ли этот отрок лишь одного боярина или он мог находиться на «государственной службе», исполняя свои обязанности как

представитель юридической администрации в должности младшего судебного исполнителя.

В берестяных грамотах Новгорода упоминания об отроках в связи с указанием на выполнение ими своих обязанностей немногочисленны. Так, «отрок» упоминается в грамоте 241⁵. Фрагментированная фраза грамоты «...а на отроке... въда...», возможно, несет именно смысл выдачи отроку некоей суммы, т. е. вполне вероятно, что здесь зафиксирован непосредственный пункт одной из обязанностей отрока — возвращение кредитору путем юридического (?) воздействия заемной ссуды.

Кто такой упоминающийся в Новгородской свинцовой грамоте «Заожерич отрок» и что представлял «нам» — процент или плату за наем⁶ — из-за спорной интерпретации текста грамоты, выяснить полностью не удалось.

Пространная Правда называет отрока в качестве помощника вирника (ст. 7)⁷, сборщика пошлины в княжеском суде (ст. 16)⁸, помощника старшего княжеского дружинника (ст. 67)⁹, помощника мостника (ст. 91)¹⁰, участника поимки беглого холопа в качестве представителя посадника (ст. 108)¹¹. Одним словом, Правда фиксирует деятельность отроков именно как «младших помощников», непосредственных исполнителей «черной» работы в системе княжеско-боярской администрации.

Хотелось бы отметить тот факт, что все процессуально-юридические моменты, связанные с деятельностью отроков, фиксируются берестяными грамотами Старой Руссы и Новгорода, относящимися к концу XI — первой половине XII в. По всей вероятности, именно в это время складывается отраженная в грамотах и в какой-то степени узаконенная практика взимания и востребования просроченных долгов. Эта задача была возложена на судебного исполнителя низшего ранга — отрока, который представлял в данном случае интересы своего патрона — боярина-ростовщика. Одной из первостепенных задач и насущных проблем, стоявших в это время перед набирающим силу боярством, были накопление и наращивание капитала. Как показывают берестяные документы, в XI—XII вв. основной сферой деятельности боярства являлись финансово-денежные операции, позволяющие ему увеличивать средства при помощи денежно-ростовческих сделок. Это дало возможность феодализирующейся знати к середине XII — началу XIII в. накопить такой фонд денежного капитала, который позволил ей вплотную приступить к «атаке» на свободно общинные земли с целью утверждения их «на фундаменте вотчинной системы»¹².

Именно с этого времени коренным образом меняются суть и содержание берестяных грамот — резко возрастает процент тех из них, которые относятся к различным поземельным сделкам¹³. На рубеже XIII—XIV вв. преобладают документы, фиксирующие куплю-продажу земельных участков. Это связано с формированием крупных земельно-вотчинных хозяйств новгородских феодалов, что позволило им стать действительными правителями Новгородской олигархической республики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Палеографический анализ грамоты здесь не приводится, но ее палеография соответствует стратиграфической дате.

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980. Т. 3. С. 445.

³ Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1962—1976 гг.). М., 1978. С. 148.

⁴ Там же. С. 148, 149.

⁵ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963. С. 63, 64.

⁶ Там же. С. 154; Зализняк А. А. Наблюдения над берестяными грамотами//Вопросы русского языкознания. М., 1984. Вып. V. С. 107, 117, 118; Куза А. В., Медынцева А. А. Заметки о берестяных грамотах//Нумизматика и эпиграфика. М., 1974. Т. XI. С. 217.

⁷ Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953. С. 89.

⁸ Там же. С. 91.

⁹ Там же. С. 103.

¹⁰ Там же. С. 107.

¹¹ Там же. С. 111.

¹² Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 256.

¹³ Коновалов А. А. Периодизация новгородских берестяных грамот и эволюция их содержания//СА. 1966. № 2. С. 68.

А. Л. ХОРОШКЕВИЧ

МОНГОЛЫ И НОВГОРОД В 50-е ГОДЫ XIII в.

(по данным берестяных грамот № 215 и 218)

Проблема «Монголы и Русь» в последнее время почти не привлекает внимания ученых. После классического труда А. Н. Насонова под этим же названием, вышедшего в 1940 г., исследователи почти не обращались к этой теме. Можно назвать лишь отдельные замечания М. Н. Тихомирова, В. Л. Янина и Л. В. Черепнина, высказанные попутно с изучением городских восстаний или новгородских берестяных грамот. Основной комплекс источников — коллекцию ханских ярлыков в ее краткой редакции — издал А. А. Зимин, он же установил главные этапы создания краткой и полной ее редакции. Наконец, в 1983 г. увидела свет специальная работа В. Л. Янина, касающаяся выполнения и периодичности финансовых обязательств Новгорода по отношению к ордынцам в конце XIV в.¹ Этим исчерпывается вся новейшая литература вопроса.

Важность его, однако, несомненна. Степень воздействия иноземного ига на развитие русской экономики и государственности до сих пор остается спорной.

Цель настоящей заметки — попытаться оценить значение сообщений ряда новгородских грамот о характере взаимоотношений Новгорода с монголо-татарами в конце 50-х годов XIII в.

История их, впрочем, хорошо документирована известиями Новгородской Первой летописи², тщательно исследованными в связи с изучением городских движений (М. Н. Тихомировым) и новгородского посадничества (В. Л. Яниным). Тем не менее берестяные грамоты, как всегда, содержат более конкретные и живые детали минувшего, чем летописи.

Среди берестяных грамот, найденных в 13-м ярусе Неревского раскола, на территории усадьбы К. А. В. Арциховский и В. Л. Янин выделили комплекс из четырех грамот³, которые последний считал частью одного документа — № 215—218. Л. В. Черепнин протестовал против этого предположения, указывая, что они (две грамоты хорошей сохранности и два фрагмента) написаны разными почерками⁴. Думается, правы в данном случае первые из них. По наблюдениям А. А. Зализняка, грамота № 215 написана вторым почерком грамоты № 218, которому принадлежит текст, начинающийся со слов «у кума» (благодарю Е. А. Рыбину за это сообщение). Все четыре грамоты отличаются совершенно особым палеографическим оформлением. Сообщение о каждом новом

лице выделено либо вертикальной линией, либо прямым углом с вершиной слева вверху перед именем. По-видимому, оба этих знака играли роль современных абзацев. В новгородских берестяных грамотах много перечислений долгов и должников разного рода, однако подобного выделения в других опубликованных грамотах нет. Обращает на себя внимание и характер зачеркиваний отдельных лиц и причитающихся с них сумм и продуктов; косыми мелкими черточками погашена первая запись в грамоте № 215. Можно думать, что в составлении этих документов сказалась какая-то иная, не новгородского происхождения традиция составления делопроизводственных документов.

Что же представляли из себя данные грамоты и фрагменты грамот? Их определить должна помочь стратиграфическая дата — 1268—1281 гг., с одной стороны, и терминология грамот — с другой. Эта терминология привлекла внимание ряда исследователей: В. Л. Янин и А. А. Зализняк подробно проанализировали слово «намо» (проценты), Л. В. Черепнин подчеркнул соответствие термина «дар» иноязычной «туске»⁵.

Ключ к разгадке характера документов содержит именно слово «туска». Кроме берестяной грамоты № 218, оно упомянуто также в рассказе Новгородской Первой летописи о событиях 1259 г. Напомним вкратце историю новгородско-монгольских отношений конца 50-х годов. Ханские послы, явившиеся в Новгород в 1257 г., потребовали уплаты тамги и десятины. Новгородцы отказались, ограничившись лишь «дарами» хану — «цесарю». В 1259 г. притязания новых ханских послов звучали иначе. В передаче некоего Михаила Пинешинича они формулировались: «аже не иметеса по число, то уже полкы на Низовской земли» (если не согласитесь на число, то войско уже в Низовской земле). Под угрозой вторжения новгородцы согласились. Зимой 1258/59 г. в город прибыли и сами послы Беркай и Касачик с женами и «иными». В Новгороде произошел «мятеж», «и по волости много зла учиниша, беруче туску оканьным татаром». О «туске»-то и идет речь в грамоте № 218. В. Г. Тизенгаузен отождествляет это слово с «тузгу» (тюрк.) — провиант и подарки для прибывающих владельцев или послов⁶. Это объяснение приняли и М. Н. Тихомиров, и Л. В. Черепнин⁷. Автор в свое время высказал другое, менее обоснованное предположение о туске как соляной пошлине⁸.

В грамоте № 218 туска выражена в денежных единицах, взимавшийся одновременно «потц», «почт» (по определению Л. В. Черепнина, «почестье») — в натуральной форме (полоть мяса и четверть пшеницы). В грамоте № 215 исчисленные дара и почестья с некоего половника Марка, ведется вместе. В ней указаны и денежная сумма — 3 гривны, и полоть мяса⁹. Тем не менее можно предполагать, что собственно туска взималась в денежной форме, а почестье — в натуральной, составляя дополнение к туске-дару.

Вернемся к летописному рассказу. Обнаружив немногочисленность свиты послов, требовавших «дайте нам число», новгородская чернь отказалась от данного ранее обещания. По-видимому, и в

боярской среде образовались две партии: одна требовала принять условия послов, другая («кто добрых») разделяла настроения черни, заявлявшей: «умрем честно за святую Софию и за дома ангельския». Под угрозой нападения жители Торговой стороны покидали свои жилища, перебирались на Софийскую сторону и готовились к ее защите: «положим главы своя у святой Софи». До вооруженных действий дело не дошло. Князь Александр Невский и монгольские послы выехали с Городища, а новгородцы — «злых свѣтом» (советом) согласились на «число», т. е. проведение переписи, при этом с указанием конкретного расклада платежей. По поводу распределения платежей в летописи сказано очень четко: «творяху ...бояре себе легко, а меньшим зло».

Некоторое представление о принципах расклада дают грамоты № 215 и 218. В них указаны не только денежные суммы туски и дара, но и процент с этих сумм. Выражение «столько-то гривен по 10 «резан» послужило предметом оживленной дискуссии, итог которой подвел А. А. Зализняк, указавший, что эти резаны и были процентом с 1 гривны¹⁰. Если продолжить эти размышления, то можно понять, что процент, исходя из равенства гривны 50 резанам¹¹, был довольно высок — 20%. Он соответствовал максимуму допустимого «реза» согласно Пространной редакции Русской Правды и вдвое превышал размер заемного процента в Великом Новгороде в XV в.¹²

Кому и за что шли эти проценты согласно берестяным грамотам? Здесь начинается область догадок. Однако в связи с обнаружением грамот на одной из богатейших усадеб Софийской стороны можно предположить, что туску платили за чернь бояре, получая за это высокий процент. Натуральные платежи в счет почестья не облагались процентом и, вероятно, поставлялись сразу же. В свете данных грамот № 215 и 218 становятся понятны lamentации летописца по поводу переписи: «навел бог... звери дивия ясти сильных плъти и пити кровь боярьскую». Правда, летописец неточен. В роли этих «зверей» выступают и сами бояре, на 20% усугублявшие тяжесть монгольского побора, взимавшегося с черни.

В грамотах указаны лишь имена без отчеств, что ясно свидетельствует о социальной принадлежности «численных людей», если употреблять термин, бытовавший в Московском княжестве, — совершенно очевидно, черных людей. Один из них назван и точнее — «исповником», т. е. зависимым человеком, обрабатывавшим пашню из доли уржая.

В составе плательщиков указан и «попович», однако в довольно странном контексте: «У... (пропуск 6 букв)ава 2 гривне. У поповица по 10 резано». При пунктуации издателей получается, будто некий, не названный по имени попович был обязан одним только процентом. Скорее всего с него же причитались и 2 гривны, а во фразе просто инверсия: «У ... ава, у поповица 2 гривне по 10 резано». Попович облагался лишь денежным побором — даром или туской, но не почестьем. Согласно ярлыку Менгу-Темира от 1 августа 1267 г. в той его части, которая принадлежит именно этому хану,

а не его предшественникам¹³, значит освобождение поповской семьи — братьев и сыновей, живущих «в едином доме» со священником, от уплаты любых поборов в пользу хана. Однако среди этих поборов ни дар, ни почестье не значатся¹⁴. Впервые они упомянуты в ярлыке Тайдулы 1351 г.¹⁵ Берестяная грамота № 215 свидетельствует о более привилегированном положении поповича среди остальных податных людей. К сожалению, сопоставление с ярлыком Менгу-Темира не облегчает дела точной датировки грамоты. Видимо, попович вел независимое от отца хозяйство и не подлежал освобождению ярлыка от 1 августа 1267 г.

Неразрешенными остаются — надеемся, что пока — и некоторые другие вопросы, например касались ли грамоты взимания туски в городе или в волости? Судя по упоминанию исполовника, скорее речь шла о сельской округе Новгорода. Неясно и соотношение числа и предусмотренных им податей и дара — туски и почестья. И. И. Срезневский полагает, что «число» — это дань¹⁶, по В. И. Далю — просто перепись населения¹⁷.

Если в 1257 г. шла речь о предоставлении хану тамги и десятины, то в 1259 г. говорилось лишь о форме взимания неизвестно каких поборов. Берестяные же грамоты сообщают о распределении дара — туски и почестья. Так и остается неясным, удалось ли новгородцам отказаться от уплаты тамги и десятины, сведя свои повинности в пользу ордынской власти к указанному в грамотах дару и почестью, или они вынуждены были платить полный комплекс податей. М. Н. Тихомиров полагает, что новгородским черным людям удалось добиться каких-то уступок от ханских послов¹⁸. В. Л. Янин считает, что в 1259 г. попытка распространения ордынской дани на Новгород удалась¹⁹. Подтверждение своего мнения он видит в событиях 1270 г., когда сторонники князя Ярослава Ярославича заявляли хану «лживое слово»: «мы дани прошали тебе, и они (новгородцы. — А. Х.) нас выгнали, а инех избили, а дома наша розграбили, а Ярослава бещьствовали»²⁰. В этом сообщении обращает на себя внимание термин «прошать» (просить) дани, который, по-видимому, свидетельствует о том, что сбор ее еще не стал регулярным явлением, ее нужно было «просить», а не просто взимать.

Впрочем, этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении. Важно подчеркнуть, что берестяные грамоты № 215 и 218, к какому бы времени их ни относить (1259/60 или 1270 г.), показывают характер раскладки поборов в пользу ханской власти, поясняют сообщения летописи о внутренней политике новгородского боярства, проливают новый свет на причины ожесточенной классовой борьбы в Новгороде в 50-е годы XIII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Насонов А. Н. Монголы и Русь. М.; Л., 1940; Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955; Черелнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М.,

1969; Памятники русского права. М., 1955. Вып. III. С. 465—471; Зинин А. А. Краткое и пространное собрания ханских ярлыков, выданных русским митрополитам // АЕ за 1961 год. М., 1962. С. 28—40; Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962; Он же. «Черный бор» в Новгороде XIV—XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 98—106.

² НПЛ. С. 82—83.

³ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963. С. 36—39; Янин В. Л. Я послал тебе бересту... М., 1965. С. 164; Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986. С. 237.

⁴ Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 254—255.

⁵ Янин В. Л., Зализняк А. А. Указ. соч. С. 166—168; Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1962—1976 гг.). М., 1978. С. 126; Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 255.

⁶ Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941. Т. II. С. 304.

⁷ Vegrpadsky G. The Mongols and Russia. New Haven; London. 1953. P. 221 (здесь же см. литературу вопроса); Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 273; Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 255.

⁸ Хорошкевич А. Л. Городские движения на Руси второй половины XIII — конца XVI в. // Социально-экономическое развитие России. М., 1986. С. 42.

⁹ Трудно согласиться с Л. В. Черепниным, что в состав «почестья» в грамоте № 215 входили «и денежные суммы, и натуральные поставки», а взимаемые почестья и дара по той же грамоте производились деньгами (Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 254, 255).

¹⁰ Сначала это выражение рассматривалось как доказательство существования гривны в 10 резан (Арциховский А. В., Янин В. Л. Указ. соч. С. 36). Это мнение оспорил Л. В. Черепнин. Итоги дискуссии см.: Янин В. Л., Зализняк А. А. Указ. соч. С. 167.

¹¹ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1966. С. 40.

¹² Правда Русская. М.; Л., 1947. Т. II. С. 425—428; Клейненберг И. Э. Заемный процент в Великом Новгороде первой четверти XV в. // ВИД. Л., 1974. Т. VI. С. 247.

¹³ О выделении отдельных частей в ярлыке Менгу-Темира см. подробнее: Плигузов А. И., Хорошкевич А. Л. Краткое собрание ярлыков и русско-ордынские отношения // Вопросы научного атеизма. М., 1987. Вып. 37.

¹⁴ Памятники русского права. 1955. Вып. III. С. 467.

¹⁵ Там же. С. 468. Данное освобождение повторено в ярлыках 1357 и 1379 гг. (Там же. С. 469, 465—466).

¹⁶ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. М., 1955. Т. III. Стб. 1524.

¹⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. IV. С. 606.

¹⁸ Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 274.

¹⁹ Янин В. Л. «Черный бор» в Новгороде XIV—XV вв. С. 98—99.

²⁰ НПЛ. С. 88—89, 319—320.

Е. А. РЫБИНА

СВЕДЕНИЯ О ТОРГОВЛЕ В БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТАХ

Берестяные грамоты наряду с традиционными письменными документами и археологическими материалами (массовые предметы импорта) стали незаменимым источником в изучении средневековой торговли, поскольку в них содержатся сведения о торговой деятельности новгородцев, отсутствующие в упомянутых источниках. Являясь неотъемлемой частью археологических комплексов, берестяные грамоты дают возможность выделять купеческие усадьбы, исследовать их структуру и устройство.

Несмотря на относительную малочисленность берестяных документов, связанных с торговой тематикой¹, поражает разнообразие обсуждаемых в них сюжетов. Грамоты содержат информацию о внутренней и внешней торговле, о ценах на различные товары, разнообразные сведения о складничестве, торговых конфликтах и связях с другими землями.

Выход в 1986 г. очередного тома «Новгородских грамот на бересте» с подробнейшим лингвистическим анализом существенным образом пополнил фонд документов, свидетельствующих о торговле. В нем не только опубликованы новые находки, связанные с торговой тематикой, но уточнено чтение многих ранее изданных грамот, что привело к переосмыслению хорошо известных текстов. Наряду с общеупотребительными торговыми терминами — продать, купить, торговать, товар — были уточнены и выявлены следующие термины: припривадить — «доставить товар» (№ 282), править, исправить — «приводить в исполнение торговое или налоговое обязательство» (№ 61, 68, 344, 439, 548), вырути (рути) — в торговой практике «подвергать конфискации имущество» (№ 246, 332), крити — «купить» (№ 153, 160, 381, 456), складник — «совладелец, компаньон» (№ 133, 354, 490), гозба — «гостьба» (дальняя торговля) (№ 567)².

Внешнюю торговлю характеризуют грамоты XIV в. о покупке немецкой соли (№ 282), деревянного масла (№ 173), ткани «зендянце» (№ 125). Деревянное масло — низший сорт оливкового масла, поступавший в Новгород с юга, зендянь — ткань бухарского производства, называемая по местности, где она производилась. Грамота № 282, сообщающая о покупке немецкой соли, т. е. соли, купленной у ганзейских купцов, содержит важную информацию о способе торговых сделок. В ней имеется термин «припривадил», означающий, что сделка состоялась, но товар еще

не получен покупателем: «Я купил соль немецкую, доставил бы ты ее сюда»³. С внешней торговлей связана и грамота № 44 (вторая половина XIV в.): «Науму с Леновихтом и крестное целование не требуется... бежали в немецкую землю, а товар у...»⁴. Можно только сожалеть о фрагментарности столь интересного текста, в котором речь идет о каком-то конфликте между ганзейскими и новгородскими купцами, очевидно, Наумом и Леновихтом, в результате которого бежали в немецкую землю именно ганзейские купцы, оставив у кого-то свой товар. Замечу, что вторая половина XIV в. изобилует торговыми конфликтами между Новгородом и Ганзой, которые в итоге превратились в торговую войну, длившуюся с 1385 по 1391 г.⁵ Об одном из таких конфликтов и сообщалось в рассмотренной грамоте.

Информация о внутренней торговле содержится в ряде грамот, где в качестве товаров упоминаются кони (№ 109, 160, 163, 350, 354, 437, 469), бобы (№ 420), нерпа (тюленья кожа) (№ 133, 622), шуба (№ 381), гребни, ножи (№ 438), мыло (№ 129), воск (№ 129, 439), лосиная кожа (№ 153), рожь, жито (№ 97, 350, 364, 581), овес (№ 271), соль (№ 32, 624, старорушанская грамота № 2), рыба (№ 92, 144, 169, 186, 249, 258, 260, 280), мед (№ 61), сыр, масло (№ 528).

В ряде грамот упоминаются цены на различные товары. Из грамоты № 335, относящейся к XII в., стала известна стоимость дорогих женских украшений — золотых колтов, каждый из которых стоил полгривны (25 граммов серебра). К стати сказать, в грамоте № 644 (также XII в.) указан и вес колта, составляющий около 6 г драгоценного металла. Автор грамоты № 442, происходящей из слоя первой половины XIII в., сообщает, что полвоза ржи стоят 9 гривен. В грамоте № 420 (из слоев XIII в.) сказано, что сорок бобров проданы за 10 гривен серебра, что является большой суммой для указанного времени (по 50 г серебра за одну шкурку). В старорушанской грамоте № 2 (начало XV в.) сообщается, что соль продают по рублю за 7 лубов, а соленую рыбу — по 5 гривен за бочку. Ценность перечисленных сведений состоит в том, что грамоты фиксируют фактическую стоимость тех или иных товаров в конкретный исторический период.

Из грамот о торговле хлебом можно узнать о снабжении Новгорода этим жизненно необходимым продуктом. В округе города с давних пор возделывались различные хлебные злаки, зерна которых постоянно встречаются при раскопках. Сельскохозяйственные заботы землевладельцев и земледельцев нашли широкое отражение в берестяных грамотах, исследование которых показало, что основным массивом земли владели богатые новгородские феодалы, в чьих руках сосредоточивалась и торговля хлебом. Например, в дошедшей в обрывке грамоте № 97, адресованной посаднику Юрию Онцифоровичу, сообщается о продаже ржи, цена которой, к сожалению, не сохранилась. Автор письма № 364 Семен просит Сидора, одного из членов посадничьей семьи Онцифоровичей, продать ему ржи на полтину. Озабочены покупкой овса

и ржи авторы писем № 271, 350, 581. Перечисленные грамоты свидетельствуют о торговле хлебом, выращенном, очевидно, в новгородской округе. Однако в неурожайные годы Новгороду не хватало собственных хлебных запасов, и он вынужден был ввозить хлеб из других земель, в частности из южной Руси и Низовских земель. Зависимость Новгорода от хлебного ввоза в голодные годы хорошо иллюстрирует грамота № 424 начала XII в., в которой автор письма Георгий пишет своим родителям: «...продавше двор, идите сюда в Смоленск или Киев. Дешев хлеб здесь. Если не придете, пришлите грамоту, здоровы ли вы». Вероятно, грамота была написана в неурожайный год, когда в Новгороде был голод, и заботливый сын, беспокоясь о судьбе родителей, зовет их к себе, где дешевый хлеб. Кажется только странным, что дешевый хлеб из Смоленска и Киева не везут в Новгород, где его можно было бы продать по высокой цене. Очевидно, здесь мы имеем дело с торговой блокадой Новгорода, о чем неоднократно упоминают летописи именно в связи с доставкой хлеба.

Для данного сюжета большой интерес представляет грамота, найденная в 1985 г. при раскопках древней Твери в слое XIV в. Это совершенно исключительный по своей сохранности и содержанию документ: «Поклон от Григория к матери. Будь у меня в Торжке побыстрей. Спрятавши свое имущество, приезжай в Торжок. Если застанешь меня, я тебя везу, если не застанешь меня в Торжке, ты меня жди, я сам за тобой приеду. А что заплатишь за провоз до Торжка, то я плачу. Узнай, пускают ли рожь новгородцам без пакости и пришли (весть) поскорей. Я сам еду»⁷. Достаточно ясный текст не требует особых комментариев, поэтому остановимся на последней фразе, где Григорий просит узнать, «пускают ли рожь новгородцам без пакости», т. е. можно ли везти в Новгород рожь на продажу. Несомненно, речь снова идет о торговой блокаде Новгорода, во время которой хлеб из Низовских земель, идущий через Тверь, не поступал в Новгород, что происходило в период обострения отношений между Новгородом и Тверью. В XIV в. не раз возникали конфликтные ситуации между Новгородом и Тверью, но особенно отношения обострялись дважды: в 1316 г. и в 70-е годы. Для торговых связей характерен конфликт начала 70-х годов XIV в., во время которого тверской князь Михаил конфисковал товары новгородских и новоторжских купцов и закрыл торговые пути к Новгороду. Лишь в 1375 г. между князем Михаилом и Новгородом была заключена договорная грамота, ликвидировавшая возникшее «нелюбие». Вероятно, берестяная грамота из Твери фиксирует состояние взаимоотношений между Новгородом и Тверью до или после описанного конфликта, когда неясно, существует ли блокада Новгорода, «пускают ли рожь новгородцам без пакости». Когда будет уточнена датировка грамоты, станет возможно непосредственно увязать ее содержание с конкретным событием 1316 г. или 1370-х годов.

Вообще берестяные грамоты свидетельствуют о широких торговых связях Новгорода с древнерусскими землями. Они фикси-

руют поездки новгородцев в Киевскую Русь, Переяславль (№ 105), Киев (№ 105, 524, 675), Суздаль (№ 439, 675), Великие Луки (№ 675). Особенно интересна в этом отношении грамота № 246 XI в., одна из древнейших в коллекции новгородских берестяных документов. На первый взгляд она не относится к числу торговых, так как речь в ней идет о долге: «От Жировита к Стоянови. Како ты у мене и честное древо вземъ и вевериць ми не присълеши, то девятое лето, а не присълеши ми полу пята гривны, а хоцу ти вырути въ тя лучшаго новъгорожанина. Посъли же добром»⁸. В свое время грамота вызвала разноречивые толкования из-за непонятого слова «вырути», которое не поддавалось сколько-нибудь разумному объяснению. Лингвистический анализ этой грамоты, проведенный А. А. Зализняком, показал: во-первых, она написана не новгородцем, а жителем одного из западных городов Руси — Полоцка, Смоленска или Витебска; во-вторых, что особенно важно, было установлено, что глагол «рути» (в грамоте «вырути») означает «подвергать конфискации», и этому же глаголу соответствует его более поздняя форма «рубити», от которой происходит термин «рубеж», широко представленный в торговых договорах. Конструкция «хоцу ти вырути в тя лучшего новгорожанина» означает не что иное, как «хоцу конфисковать за твой долг товар лучшего новгородца». А. А. Зализняк в лингвистическом разборе данной грамоты приводит убедительные аналогии такому толкованию⁹. Подобную конструкцию находим на одной стороне частично сохранившейся двусторонней грамоты № 332 (XII—XIII): «...а хоцу вырути...». Таким образом, в грамоте № 246 речь идет о том, что автор письма Жировит, живущий в одном из названных выше городов, требует у своего адресата, новгородца Стояна, возвращения долга в 4,5 гривны, которые тот должен ему девятый год. В случае невозвращения долга Жировит намерен конфисковать в счет долга Стояна товар одного из знатных новгородских купцов, находящихся в городе, где живет Жировит. Рассмотренная грамота свидетельствует о торговых контактах Новгорода с западными городами Руси в столь раннее время и демонстрирует применение на практике «рубежа», т. е. конфискации товаров у купцов. Отмечу, что санкции наложения ареста на товары купцов, принадлежащих к одной национальности или общине с провинившимися купцами, были широко распространены в средневековье, о чем говорят многочисленные письменные документы. В торговых договорах постоянно присутствует статья — «рубежа не творить», а предъявлять иск только виновному лицу. Тем не менее это правило регулярно нарушалось в торговой практике. В связи с этим примечательна жалоба 1412 г. новгородцев, «порубных людей», которых немецкие купцы «порубили», т. е. конфисковали у них товар за вину других новгородцев¹⁰. Обращает внимание не только сохранение с XI до XV в. самой акции «рубежа», но и полное совпадение юридических норм и грамматической конструкции сообщений о «рубеже» как в XI, так и в XV в.

Особый интерес представляет группа грамот, фиксирующих торговое складничество, тем более что традиционные письменные источники практически не содержат сведений в этой области. Впервые складничество («складство») упомянуто в «Рядной Тешаты и Якима», относящейся ко второй половине XIII в.¹¹; в дальнейшем торговые складники встречаются в письменных документах только со второй половины XIV в.¹²

Грамоты на бересте о складничестве составляют самую большую группу документов торгового содержания. Это и понятно, поскольку торговля в средние века, особенно дальняя, сопряженная с постоянным риском, велась не отдельными купцами, а товариществами купцов. Сам термин «складник» впервые встречен в грамоте XIV в. № 133 и еще раз зафиксирован в грамоте № 490, также относящейся к XIV в. Однако первые свидетельства о складничестве находим в нескольких грамотах XII в. (№ 105, 107, 165, 381, 548, 675). Среди них особенно интересен документ № 105, автор которого Семка объясняет адресату Кулотке, что деньги, о которых Кулотка говорил Несде, Семка отдал Лазовке в Переяславле, когда Кулотка с Лазовком были в Киевской земле. Несомненно, автор грамоты связан денежными расчетами со своими компаньонами и совершает торговые поездки в Киевскую землю. О поездке в Киев и денежных делах свидетельствует и грамота № 524 также XII в.

Интересные сведения содержит уже упоминавшийся документ № 490, автор которого сообщает, что он, находясь в городе, ходил к своему адресату и к его складнику. Далее автор упрекает адресата, что тот «не явился к нему куны шить ношами». Последняя фраза письма примечательна, так как в ней говорится не просто о кунах, а упоминается об их шитье, т. е. подтверждаются сообщения иноземцев о существовании на Руси «меховых денег». Например, в рукописи XII в. арабского путешественника аль-Гарнати подробно описывается процесс шитья таких денег¹³.

Много лет в русской нумизматической литературе дискутируется вопрос о том, чем была заменена мелкая разменная монета в так называемый безмонетный период. Как видно из приведенных рукописи и берестяной грамоты № 490, к числу товаро-денег относились и шкурки пушных зверей, особенно малоценных пород.

Берестяные грамоты сообщают важные сведения о специализации среди складников. Одни из них занимались торговлей цветными металлами, другие — солью, третьи — кожами и мехом и т. д. Автор грамоты № 420 извещает своих компаньонов, что он продал сорок бобров за 10 гривен серебра, и дает распоряжения, как поступить со шкурками и деньгами. Некий Григорий (грамота № 133) пишет, что он послал со своим складником кипу нерпы, тюленьих кож и узкую веревку, очевидно кожаные ремни, для продажи. Складничество в добывании нерпы и продажи ее шкур зафиксировано в чрезвычайно интересной грамоте № 622, найденной в слоях XIV в. Грамота написана эмоционально, автор

упрекает своих компаньонов, что они не присылают его долю, несмотря на общую договоренность.

В связи с проблемами складничества большой интерес представляет практически целая грамота № 439 рубежа XII—XIII вв., обнаруженная в раскопе, находящемся в непосредственной близости к Торгу. Ее автор, чье имя осталось неизвестным, сообщает адресату Спирку, что он продал олово, свинец и все клепание и теперь ему не нужно ехать в Суздаль, поскольку воск уже куплен. Судя по тексту, в торговых операциях участвуют по крайней мере четыре человека: кроме автора и адресата еще Матвей и Прус, также причастные к описываемым делам. Кроме примера складничества данный документ важен и для вопроса организации новгородской торговли: в нем показано, как в одних руках, в данном случае у группы складников, концентрируются импортные товары (цветной металл), которые купцы получали в обмен на экспортные товары (воск).

В ряде грамот зафиксированы торговля солью и складничество в этой области. Вообще солеторговля подробно изучена по письменным источникам¹⁴, но берестяные грамоты существенно дополняют эти материалы. О доставке в Новгород в XIV—XV вв. немецкой соли, т. е. соли, поставляемой ганзейскими купцами, сообщает уже упоминавшаяся грамота № 282. Что касается раннего времени, то в XI—XII вв. соль в Новгород поступала, очевидно, из Русы, окрестности которой были ближайшим к Новгороду местом соледобычи. При раскопках в Старой Руссе (древняя Руса) уже в слоях XI в. встречаются отходы соляного производства — сидерит, остатки солеваренных печей, обломки противней для выпаривания соли¹⁵. Об этом же говорят и берестяные грамоты. Например, в старорушанской грамоте № 21 XII в. перечислены лица с указанием у каждого из них определенного количества товара, выраженного в берковцах (1 берковец равен 10 пудам, в которых измерялись мед и соль). Судя по контексту, в данной грамоте речь идет о соли. Складничество в торговле солью зафиксировано и в старорушанской грамоте № 2, в которой автор Кузьма извещает своих компаньонов (среди них находится и его сын) о ценах на соль и малосоленную рыбу. Для раннего времени интересна новгородская грамота № 624 рубежа XII—XIII вв., где автор письма просит адресата прислать ему берковец соли в обмен на необходимый товар. Несомненно, здесь мы также имеем дело со складничеством в солеторговле в ранний период.

О сборе соли в качестве пошлины свидетельствуют грамоты № 32 XIV в. и № 586 начала XV в.

В берестяных грамотах содержится информация о том, что новгородские купцы входили в систему сделок с поставщиками и, возможно, даже занимались ростовщичеством. Материал для этого мы находим в двух грамотах середины XIII в. (№ 61 и 68), написанных одной рукой. Оба документа дошли в обрывках, но основной смысл их ясен: это переписка братьев-партнеров по торговому делу. В одной из грамот говорится о получении процентов

с основного капитала, о поставке 10 пудов меда и о сроке в 3 года, в другой — один брат дает другому указания, как вести торговлю.

Берестяные грамоты показывают, что в орбиту новгородской торговли были вовлечены практически все слои населения — от крупных феодалов до ремесленников. Полутно торговлей занимались новгородские данники, отправлявшиеся на Север, что нашло отражение в грамотах № 222 и 249.

Сама система хозяйствования в Новгородской земле была основана на прочной связи городской усадьбы с сельскохозяйственной и промысловой округой. На боярских усадьбах в больших количествах скапливались оброк и дани, которые получал боярин с принадлежащих ему земель. Вотчинное ремесло, развитое на боярских усадьбах, обладало определенной товарностью. Поскольку излишки продуктов и изделий ремесленников требовали сбыта, это приобщало к торговле все слои новгородского населения — от владельцев усадеб до вотчинных ремесленников, не говоря о профессиональных купцах.

Несколько лет назад при раскопках на древней Буяней улице на Торговой стороне Новгорода впервые была исследована часть усадьбы, социальную характеристику владельца которой удалось определить благодаря берестяным грамотам. В слоях рубежа XII—XIII вв. был обнаружен комплекс грамот (8 экз.), в том числе и № 439, торгового содержания¹⁶. В них перечисляются товары с указанием их стоимости, сообщаются цены на разные товары, производятся денежные расчеты. Полученный материал характеризует владельца усадьбы как крупного купца, ведущего торговлю разнообразными товарами и участвующего в купеческих объединениях. Приходится сожалеть, что первая купеческая усадьба не была изучена полностью, поскольку лишь частично попала в зону раскопа. Надо надеяться, что будущие раскопки в Новгороде откроют не одну купеческую усадьбу, а новые берестяные грамоты будут дополнять наши знания о торговле в средневековом городе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Источниковедческую характеристику берестяных грамот из раскопок 1951—1976 гг., связанных с торговой тематикой, см. в работах: Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969. С. 267—268; Рыбина Е. А. Археологические очерки истории новгородской торговли X—XIV вв. М., 1978. Гл. III.

² Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1977—1983 гг.). Комментарий и словоуказатель к берестяным грамотам: (Из раскопок 1951—1983 гг.). М., 1986. С. 168—176.

³ Там же. С. 176.

⁴ Там же. С. 185.

⁵ Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII—XVII вв. М., 1986. С. 52—56.

⁶ Янин В. Л. Я послал тебе бересту... 2-е изд. М., 1975.

⁷ Благодарю руководителя раскопок Л. А. Попову за предоставление текста грамоты для публикации.

⁸ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963. С. 68.

⁹ Зализняк А. А. Указ. соч. § 74.

¹⁰ Хорошкевич А. Л. Новые новгородские грамоты XIV—XV вв.//АЕ за 1963 год. М., 1964. С. 274.

¹¹ ГВНИИП. № 331.

¹² ГВНИИП. № 44.

¹³ Монгайт А. Л., Большаков О. В. Путешествие Абу Хамида аль Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153). М., 1971.

¹⁴ Хорошкевич А. Л. Торговля Новгорода Великого с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV вв. М., 1963.

¹⁵ Медведев А. Ф., Смирнова Г. П. Раскопки в Старой Руссе//АО 1974 г. М., 1975. С. 25.

¹⁶ Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1962—1976 гг.). М., 1978. С. 39—46.

Ю. Л. ШАПОВА

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ДВЕ НОВГОРОДСКИЕ НАХОДКИ (Венецианское стекло в Новгороде)

Хронология древностей и их происхождение — самые первые задачи, к решению которых обращается исследователь. Надежная новгородская стратиграфия, топография и дендрохронология позволили упростить решение хронологических задач, придав им исключительную для археологии точность. Стремление с той же надежностью и точностью установить происхождение предмета представляется вполне оправданным. Прямым археологическим путем это удастся редко: приходится обращаться к дополнительным методам и средствам.

На основе надежных определений времени и места изготовления предметов решаются сложные, важные и исторически значительные проблемы, среди которых история ремесел и торговли, история путей сообщения, культурных связей и влияний. Для решения последних двух проблем нередко приходится выходить за рамки собственно археологии и древней технологии, обращаясь к письменным источникам и исторической литературе. В тех случаях, когда археологический контекст делает известным имя или род занятий возможного владельца вещи, ее история приобретает особый смысл и значение.

В этой связи наше внимание привлекли два стеклянных обломка.

Обломок одного сосуда был найден на Неревском раскопе в слое 5/6 ярусов на усадьбе Онцифоровичей-Мишиничей. Стратиграфическая дата находки 1396—1422 гг.¹ Находка опубликована, но оставлена без комментария, а только вписана в круг предметов, одинаковых по составу².

Примечательная деталь находки — выпуклый двуцветный декор: «слезы», соединенные горизонтальными нитями (рис. 1, 2). Подобный элемент декора известен на сосудах, относящихся к классу стаканов (высота открытого сосуда больше его диаметра). В реконструкции, предпринятой с помощью формальных аналогий, более всего известных в Коринфе³, сосуд выглядит следующим образом: край выпуклый, расходящийся, венчик наклонный, тулово цилиндрическое, дно вогнутое (рис. 1, 1).

Другой осколок был найден на Михайловском раскопе на усадьбе, принадлежавшей представителю новгородского смешанного суда⁴. Стратиграфическая дата находки 1396—1416 гг.⁵ Двуцвет-

ный выпуклый узор составляет примечательную деталь и этой находки: «слеза» и вертикальная нить, отходящая от нее, украшены точками (рис. 2, 2). Подобный элемент декора известен на сосудах, относящихся к классу банок (высота сосуда больше его максимального диаметра, а диаметр устья меньше его). В реконструкции, произведенной также с помощью формальных аналогий, — это сосуд, имеющий край выпуклый, расходящийся, горло коническое, расходящееся, усеченное, дно вогнутое (рис. 2, 1).

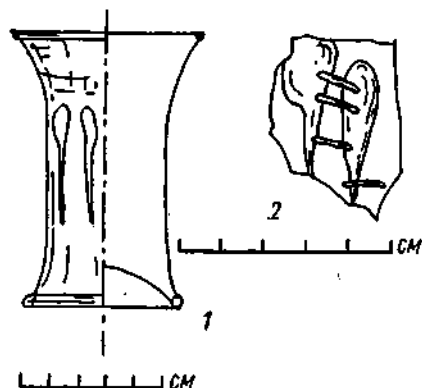

Рис. 1. Стекланный сосуд из Венеции (Неревский раскоп): 1. Реконструкция; 2. Фрагмент

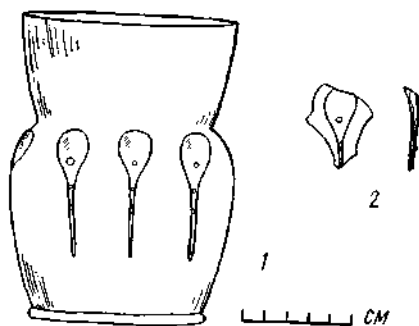

Рис. 2. Стекланный сосуд из Венеции (Михайловский раскоп): 1. Реконструкция; 2. Фрагмент

Сосуды подобной формы известны довольно широко: они есть в Италии (Пестум, Сан-Руфино, Апулия), Югославии (Босния, Герцеговина, Сербия), Чехословакии, особенно в Праге и Кутне Горе; они нередки в Венгрии, Голландии, их можно встретить в Мекленбурге, Шверине, на Рейне и в Любеке⁶. Новгородская находка дополняет список.

Из географии находок и хронологических сопоставлений нельзя сделать вывод о происхождении сосудов.

Обратимся к составу стекла найденных сосудов. Оно принадлежит к разным классам.

Неревский сосуд изготовлен из стекла класса сода-известь-песок, для изготовления михайловского вместо соды употреблен поташ (в соединении с известью и песком). В обоих случаях стекломасса обесцвечена окисью марганца⁷. Принимая во внимание состав стекла, нужно признать, что оба сосуда, несмотря на одинаковое время существования, на сходство формы декора и общую стилистику, изготовлены в разных мастерских. Неревский сосуд, изготовленный с применением соды, происходит, вероятнее всего, из венецианской мастерской, михайловский — изготовлен в мастерской, расположенной на Европейском континенте⁸. Стекло подобного состава известно в Северной Франции, Северной Германии и Чехии в памятниках XIV—XVI вв.⁹, и, следовательно,

сосуд, найденный в Новгороде, мог быть изготовлен в одном из этих районов. Появление северонемецкой и даже северофранцузской вещи у владельца усадьбы, расположенной неподалеку от Немецкого и Готского дворов могло бы и не вызвать вопроса. Сложнее объяснить появление сосуда, изготовленного в чешских мастерских. (Состав стекла такую возможность не исключает, но данных для ее решения не содержит.)

Появление венецианского сосуда у Онцифоровичей — интересный факт, но удивительного и в этом мало, поскольку редкие образцы «далекого импорта» отличали материальную культуру высших слоев феодального общества. И тем не менее неясно, как и почему сосуды, похожие друг на друга декором и, возможно, формой и стилем, почти одновременно оказались в Новгороде.

Относительно происхождения сосудов, аналогичных рассматриваемым, единства мнений нет. Подобные сосуды, найденные на территории современной Италии, Югославии, Австрии и Венгрии, считают обычно венецианскими¹⁰. Историки чешского стекла считают венецианскими лишь меньшую часть подобных сосудов, найденных на территории Чехословакии, полагая их большую часть продукцией местных мастерских¹¹. Свое мнение чешские специалисты обосновывают ссылками на архивные документы, стилистический и морфологический анализ изделий, расчетами пропорций с учетом системы мер¹².

Разрабатывая проблему, исследователи ограничивают себя морфологией и художественной стилистикой, с помощью которых надежно устанавливается сходство предметов, а их родство — лишь предположительно. Более надежно родство предметов устанавливается по внутренним признакам, в нашем случае по технологии и по материалу, вернее по его химическому составу. Однако ни А. Гаспаретто, ни В. Хан, ни К. Хеттеш, Д. Хейдова и Я. Бржова не используют составы стекла в своей аргументации, хотя и приводят их¹³.

Принимая во внимание результаты морфологического анализа, полученные Д. Хейдовой, Я. Бржовой и М. Резничковой, дополняя сведения о составе стекол, приводимых К. Хеттешем, и сопоставляя с нашими результатами, следует признать, что михайловский сосуд изготовлен в чешской мастерской.

Дополнительные и столь необходимые для решения проблемы данные, с помощью которых можно было бы понять и географию европейских аналогов, и пути попадания венецианского и чешского сосудов в Новгород, можно извлечь из европейской истории второй половины XIV — начала XV в., если учесть роль Венеции в развитии ремесла и торговли северонемецких городов и Ганзы.

В 1346—1378 гг. в Чехии правил король Карел I, как император Священной Римской империи он известен под именем Карл IV из династии Люксембургов. До своего избрания королем Чехии он управлял землями в Северной Италии (1331—1333). Став королем Чехии, он вел активную внешнюю политику, присоединив Верхний Пфальц, Тюрингию, Саксонию, Бранденбург и другие

земли, заключив династическую унию с Венгрией и Польшей. Благодаря активной внутренней политике Карла IV развивались торговля, ремесла, добыча руд и минералов, искусство и т. д. Нас особенно интересуют два факта: в 1365 г. Карл IV предоставил венецианским купцам новый путь по Влтаве и Эльбе для транспортировки их товаров во Фландрию. Конечная цель этого пути — Брюгге¹⁴. Сам Брюгге и кратчайшая дорога к нему интересовали венецианцев в связи с более важными делами, чем торговля стеклом. И тем не менее именно этим путем скорее, чем каким-либо другим, венецианские и чешские сосуды могли в столь большом числе попадать на западноевропейские рынки. Приняв во внимание этот путь и его совместную чешско-венецианскую эксплуатацию, можно ожидать (начиная с 1365 г.) появление венецианских сосудов в Мекленбурге, Голландии и т. д.

Другой факт: в 1370 г. венецианские мастера были приглашены для исполнения мозаичных работ в соборе св. Витта. Многочисленные документы, относящиеся к эпохе Карла IV и его наследника Венцеслава IV, свидетельствуют о частых контактах чешских и венецианских мастеров и торговцев в Чехии, Моравии, Словакии, Силезии и в самой Венеции. Нет ничего более естественного, как показал А. Гаспаретто, что некоторые венецианские изделия стали моделью для чешских мастеров во второй половине XIV—XV в.¹⁵

Вслед за производством продукции возникает проблема ее распространения. В стекольном производстве известны два основных способа ее решения. В одних случаях, когда речь идет о производстве больших объемов оконных стекол или мозаик, мастерские создаются непосредственно вблизи возводимых объектов¹⁶. В тех же случаях, когда перевозили изделия, мелкие украшения и мозаику транспортировали россыпью, упакованными в специальные сосуды, амфоры или горшки. Стекланные сосуды перевозили бережно упакованными в глиняную обмазку¹⁷. Такой способ хорош для транспортировки уникальных предметов или небольших партий товара. Позднесредневековые гравюры донесли до нас образ торговца сосудами и другие способы их переноски и торговлю ими. Стекланные сосуды были хрупким и дорогим товаром, ими торговали вразнос.

Транспортировка больших партий товара требовала иных способов решения, причем не только упаковка, но и выбор транспортных средств были существенны. Из документов петровской эпохи известно, что в недлинной дороге от Ямбурга до Петербурга погибала большая часть отправленной продукции: «...оконничных кругов целых 86 да битых, которые по пуповинам... 94; в том числе полукругов да четвертин 30. А остальное перебилось в мелкие части»¹⁸. В качестве предупредительной меры был издан указ: «...в Петербург впредь всякое стекло с заводов посылать водою, а не сухим путем...»¹⁹.

Приведенные данные позволяют в новом свете взглянуть на открытие водного пути по Влтаве и Эльбе. Этот путь, облегчая

доставку товаров, стеклянных сосудов в том числе, способствовал тому, что именно в Любеке, Мекленбурге, Голландии и на Рейне оказались сходные венецианские и чешские сосуды.

Расшифровать дальнейший совместный путь следования в Новгород двух сосудов: одного — венецианского, а другого — сделанного на венецианский манер, не представляет большого труда, поскольку ганзейские города во главе с Любеком были главными контрагентами в новгородской торговле с Западом. Если полагать вероятной предлагаемую нами расшифровку, то в стратиграфической дате самих находок, 1396—1416 и 1396—1422 гг., нужно сделать акцент на ее ранней части. Такое уточнение необходимо по следующим причинам. Собственные взаимоотношения Венеции и Чехии с северонемецкими городами и Ганзой менялись, а начавшиеся гуситские войны еще более их усложнили, изменив и внешнеторговую ориентацию в Европе в целом, особенно после смерти Карла IV. После 1392 г. главенство в новгородской торговле с Западом переходит к лифляндским городам: Риге, Дерпту и Ревелю, а Любек, игравший дотоле главную роль в Ганзейском союзе, утрачивает свое значение²⁰. Возможно, эти изменения и в истории Чехии, и в истории новгородской торговли не связаны столь непосредственно со временем поступления рассматриваемых сосудов в Новгород, но не обратить внимания на эти обстоятельства нельзя.

Находки, действительно, происходят из слоя самого начала XV в., но, принимая во внимание указанные обстоятельства, можно думать, что к своим владельцам они попали значительно ранее: до 1392 г., и 1365—1378 гг. наиболее вероятно как время поступления их в Новгород. Обстоятельства, при которых один, венецианский, сосуд попал к Онцифоровичу, а другой, сделанный на венецианский манер, — к деятелю новгородского смешанного суда, можно пытаться угадать, но вряд ли это нужно делать, хотя не заметить субординации социального положения лиц и соответствующей «субординации» вещей нельзя.

Каким образом это оказалось учтено — сказать трудно. Нелегко ответить и на вопрос, кто привез эти сосуды: ганзейский купец в Новгород или новгородский из Ганзы. Хотелось бы предпочесть второй вариант. Стеклянная посуда венецианская, чешская или западноевропейская в целом была вне торговых интересов обеих сторон, и ее появление в Новгороде — выражение интересов и вкусов ее покупателя, дарителя или владельца.

В этой связи хотелось бы заметить еще одну деталь. Стеклянные сосуды в эпоху позднего средневековья относились к предметам роскоши, они в буквальном смысле слова — царский подарок. Великий князь Василий Дмитриевич, например, дважды, в духовной грамоте 1417 г., а затем в 1423 г. упоминает, назначая сыну своему князю Василию, «кубок хрустальной, што ми король прислалъ»²¹. Изготовлением специальных сосудов отмечались вступление в брак, вступление в должность, юбилей цеха, открытие ратуши и т. д. Новгородские находки, видимо, нужно оценивать,

исходя из этой системы ценностей, особенно выделявшей чистые прозрачные стеклянные сосуды с богатым и вместе с тем ясным декором.

В заключение хотелось бы еще раз заметить, что работы Новгородской археологической экспедиции меняют характер изучения материальной культуры средневековья: в поле зрения истории вещей не только проблемы атрибуции и хронологии. Подбор аналогий в поисках места изготовления предмета перестает быть главным средством, скорее, напротив, он теряет свое значение; в работе с вещами акценты расставляются по-новому. Более того, к абстрактно-научному и даже к прикладному вещеведению прибавляется история вещей. И это не менее важно и, безусловно, не менее интересно и увлекательно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Паспорт находки: Н-56. Пл. 13. Кв. 1390. Яр. 5/6.

² Щапова Ю. Л. Стелянные изделия древнего Новгорода//МИА. 1963. № 117. С. 117. Рис. 4; С. 120—129, 158—159. Ан. 115:20 (по книге регистрации аналогов, хранящейся на кафедре археологии МГУ им. М. В. Ломоносова).

³ Davidson G. R. A mediaeval glass—factory at Corinth//American Journal of Archaeology. 1940. Vol. XLIV. № 3. P. 297—327. Fig. 12,4.

⁴ Колчин Б. А., Хоррошев А. С. Михайловский раскоп//Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 161—167.

⁵ Паспорт находки: Н-70. НИИМ. КФ 25 295(2). Пл. 14. Кв. 74. № 649.

⁶ Gasparetto A. La verrerie venetienne et ses relations avec le Levant Balkanique au moyen âge//Verre medieval aux Balkanes (V^e.—XVe s.). Belgrad, 1975. P. 146—149; Bulletin de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre (1973—1976). N 7. P. 121. Abb. 152.

⁷ Ан. 115:20 и 483:9.

⁸ Щапова Ю. Л. Очерки истории древнего стеклоделия: (По материалам долины Нила, Ближнего Востока, Средиземноморья и Европы). М., 1983.

⁹ Безбородов М. А. Химия и технология древних и средневековых стекол. Минск, 1969. Анализ 420—434.

¹⁰ Gyöngy K. H. Glasfunde aus dem 13—14 Jahrhundert in mittelalterlichen Dominikanerkloster von Buda//Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1971. Vol. 23. S. 199—301; Kojic L., Wenzel M. Medieval Glass Found in Jugoslavia//Journal of Glass Studies. 1967. Vol. IX. P. 76—93; Lubinkovic-Corovic V. Fragments du verre trouvés à Novo Brdo//Compte Rendu. Bruxelles, 1965.

¹¹ Hettes K. Venezianisches Glas. Praha, 1960.

¹² Hejđová D., Reznicková M. Article on the method of reconstruction of mediaeval glass vessels//Glass review. 1973. Vol. XXVIII. N 4. P. 3—7; Brožová J. The concept of measure in mediaeval glass, especially bohemian glass//Ibid. P. 12—17.

¹³ Hettes K. Venetian trends in bohemian glassmaking in sixteenth and seventeenth centuries//Journal of Glass Studies. 1963. Vol. V. P. 39—53.

¹⁴ Gasparetto A. Op. cit. P. 149—151.

¹⁵ Ibid. P. 151—153.

¹⁶ Фармаковский М. В. Римские стекловаренные печи//Изв. ИАТ. Пг., 1922. Т. 1. С. 96—98.

¹⁷ Philippe J. Le monde byzantin dans l'histoire de la verrerie. Bologna, 1970. P. 26, 28; Froener W. La verrerie antique: Description de la collection Charvet. Nomenclature de verriers Grecs et Romains. Le Pecq, 1879. P. 23; Edgar C. C. Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire//Le Caire, 1905. Pl. VIII.

¹⁸ 150 лет Никольско-Бахметьевского хрустального завода князя А. Д. Оболенского. Спб., 1914. Прил. 50. С. 206—207.

¹⁹ Там же. С. 202.

²⁰ Рыбина Е. А. Археологические очерки новгородской торговли X—XIV вв. М., 1978. С. 58—59; Halaga O. Košice-Balt. (Vyroba a obcho v styku východosloenských miest z Pruskom (1275—1526). Košice, 1975.

²¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. С. 57, 61.

А. С. ХОРОШЕВ

К ВОПРОСУ О «ЯЗЫЧЕСКОМ МОГИЛЬНИКЕ» НА ЯРОСЛАВОВОМ ДВОРИЩЕ

Широкомасштабные археологические исследования Новгорода в послевоенные годы дают полноценный материал как для решения вопросов динамики средневекового города, так и для пересмотра некоторых частных вопросов, гипотетическое обоснование которых было выдвинуто на ограниченном материале. К их числу относятся вопросы о существовании языческого некрополя на Ярославовом Дворище и о датировке нижних горизонтов этой части города X в. Обе версии постоянно фигурируют в научной литературе и в значительной степени влияют на представления историков о формировании городской территории на древнейшем этапе его существования¹. Необходимо подробнее рассмотреть материалы археологических исследований дворища, результаты которых определили появление гипотезы о существовании здесь дохристианского могильника.

В 1937 г. А. А. Строков, В. А. Богусевич и Б. К. Мантейфель в ходе исследований восточной части Ярославова Дворища столкнулись со «значительным» (по мнению авторов) явлением: открытием части языческого некрополя X в. Значение подобной гипотезы, а также краткость отчета руководителей работ заставляют обратиться к цитированию материалов.

«Раскоп 2 располагался на Ярославовом дворище между церквями Никольским собором и Параскевой Пятницы. Площадь раскопа (6×12 м) была равна 72 кв. м. Прямоугольной формы. Прямоугольник вытянут с юга на север.

Самым значительным явлением в ходе наших археологических изысканий является обнаружение дохристианского могильника X в. на глубине 2,90 м в слое песка, в восточной половине раскопа. Прежде всего были видны большие зольные пятна, которые имели неправильную форму, при расчистке их выяснилось, что в глубине этих зольных пятен были обнаружены следы погребального кострища, а именно: слой, становившийся интенсивно черным, с большим содержанием угля, тут же находились в значительном количестве камни, служившие для усиления трупосжигания, причем эти камни от действия огня пришли в полурассыпчатое состояние. Среди угля и камней было много остатков обожженных человеческих костей и костей животных (обгорелые части человеческих костей, ребра и позвонки и пр.). Из костей животных найдены часть челюсти лошади, отдельные части костей

и часть основания конского хвоста. В большом количестве в этих же кострищах находились части глиняных сосудов разнообразной формы и разных размеров. Все они сделаны на гончарном круге, что в свою очередь свидетельствует о широком применении гончарного круга в Новгороде в X веке... Тут же найден дирхем, птичьи кости и рыба «чешуя»².

Текст отчета был дословно воспроизведен новгородскими археологами в публикации 1938 г. Дополнительно был приведен чертеж материковых пятен, интерпретированных руководителями работ как кострища (подобный отсутствовал в отчете). Здесь же был описан итог исследований не только Ярослава Дворища, но и всей Торговой стороны: «Вопреки неоднократно высказывавшемуся предположением о большей древности городского поселения на Торговой стороне ни раскопки А. В. Арциховского на Славне, ни наши исследования 1937 года на Ярославовом Дворище не подтверждают этих взглядов»³.

Это положение, но в более развернутой форме приводится в статье А. А. Строкова: «Таким образом, Ярославово Дворище в X в. не было заселено. Здесь был дохристианский могильник и, возможно, культовое урочище древнего Новгородского поселения. Наличие большого количества керамики, сделанной на гончарном круге, позволяет датировать могильник временем не ранее X века, так как следов человека в VIII или IX веке обнаружено не было»⁴.

Здесь же автор предпринял попытку разъяснить назначение остатков столбовой конструкции. А. А. Строков считал, что столбы использовались во время «погребального обряда». Отметив, что подобные «части от столбов встретились и на другом участке раскопа на Ярославовом дворе (на восток от церкви Прокопия)», автор полагал, что, «судя по описанию обычаев русов Ибн-Фадланом, эти столбы служили для целей культа. Он (Ибн-Фадлан. — А. Х.) пишет, что с хлебом, мясом и молоком идут они (язычники. — А. Х.) на поклонение к высокому столбу, имеющему лицо, похожее на человеческое, а кругом его малые изображения; позади этих изображений вставлены в землю высокие столбы»⁵.

Интерпретация зольных пятен в нижних слоях раскопа 1937 г. как погребальных кострищ сохраняется в новейшей археологической литературе⁶, хотя существовало определенное негативное отношение у некоторых исследователей, о чем ниже.

Ярославо Дворище, без сомнения, одно из самых привлекательных мест для новгородских археологов. Показательны неоднократные работы в этом районе. Пять сезонов велись здесь раскопки: в 1937—1940 гг.; в 1947—1948 гг. Исследования проводились экспедициями во главе с А. В. Арциховским и сотрудниками Новгородского музея, в то время не объединенными в единый научный коллектив. Итоги работ довоенных раскопок были подведены в статье А. В. Арциховского⁷ (рис. 1). Из участков, исследованных археологами, особое внимание привлекает раскоп 3 (1938). Его площадь 96 кв. м. Он непосредственно примыкал к восточ-

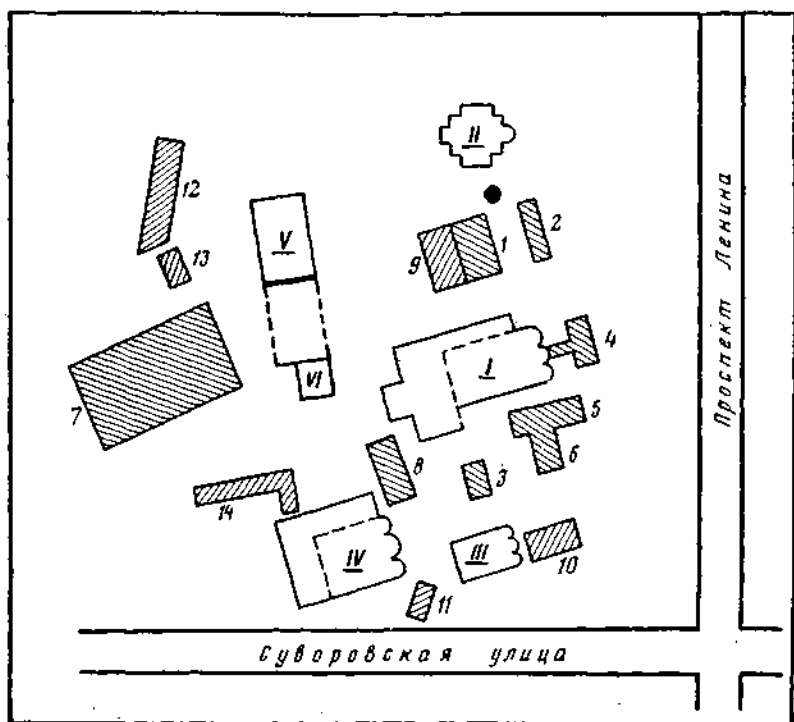

Рис. 1. Раскопы на Ярославском дворике (1—6 — раскопы Новгородской экспедиции 1938—1939 гг.) 7, 8 — раскопы Новгородской археологической экспедиции 1947—1948 гг.; 9—11, 14 — раскопы Новгородского музея 1937—1940 гг.; 12, 13 — раскопы Новгородского музея 1946—1947 гг.); I — Никольский собор, II — церковь Параскевы Пятницы, III — церковь Прокопия, IV — церковь Жен Мироносиц, V — воротная башня Гостиного двора, VI — колокольня

ной стенке раскопа Новгородского музея, т. е. к той части раскопа 2, где было обнаружено погребальное кострище. Хотя А. В. Арциховский ничего не говорит о выборе места для раскопа, определенная связь с работами А. А. Строкова, В. А. Богусевича и Б. К. Мантейфеля несомненна. Вопреки мнению А. А. Строкова, считавшего, что «проф. Арциховский тоже обнаружил указанное кострище»⁸, сам А. В. Арциховский был категоричен: «В раскопе 3 подобных пятен не было». Вероятно, этим обстоятельством можно объяснить определенный скептицизм А. В. Арциховского, касающийся выводов новгородских археологов. Он подчеркивал в связи с этим: «..производители раскопа считают (пятна. — А. Х.) остатками языческих славянских трупосожжений X в.»⁹. Негативным было отношение к находке языческого некрополя П. И. Засурцева, который, упоминая о раскопе 1937 г., умалчивал о могильнике¹⁰.

А. В. Арциховский все-таки признал факт существования могильника. Более того, датировал нижний горизонт раскопа 3 X в., т. е. в соответствии с датировкой некрополя. Причиной послужило обнаружение в предматериковых слоях раскопа (т. е. стратиграфически одновременно с пятнами раскопа 2) деревянного настила. Необходимость объяснить назначение настила из хорошо подогнанных тонких плах, уложенных прямо на материковый песок, привела автора к следующему заключению: «Настил не мог служить для повседневной ходьбы и совершенно не годился для езды, будучи при этом сделан очень тщательно. Он был устроен еще до заселения данного района, на специально выравненном чистом материковом песке. Надо предположить его культовое назначение и связь с близлежащим языческим могильником. На север настил мог вести к жертвенному месту, на юг не вел никуда»¹¹. А. А. Строков еще более категорично утверждал принадлежность вымостки к культовому месту. Он считал, что «...над ней был навес»¹².

Аргументация А. В. Арциховского нуждается в уточнении. Зольные пятна располагались в восточной части раскопа 2, вплотную к западной части раскопа 3. Настил ориентирован с севера на юг. Он проходил параллельно пятнам, а не в направлении к ним. С равной долей вероятности настил мог вести к пятнам как на север, так и на юг, а его связь с пятнами весьма гипотетична (рис. 2).

Еще более сомнительной представляется датировка А. В. Арциховским нижнего горизонта раскопа 3. Связав наличие вымостки с «близлежащим языческим могильником», автор заключает: «Нижний пласт раскопа 3 можно таким образом датировать X в.»¹³. Вещевой материал, подтверждающий хронологическое обобщение, отсутствует. Ошибка исследователя становится очевидной при обращении к хронологической и стратиграфической характеристике напластований.

Заслугой А. В. Арциховского является выделение нескольких строительных прослоек, не вызывающих сомнений с точки зрения методики полевых исследований. Культурный слой был расчленен на три хронологических пласта. Первый, верхний, слой мощностью 1—1,2 м покоился на строительной прослойке, датированной ремонтом церкви Пятницы в 1650 г. Второй слой мощностью от 0,6 до 0,8 м покоился на прослойке строительного мусора ремонта церкви Пятницы в 1340 г. Третий слой толщиной от 0,7 до 1 м имел два стратиграфических горизонта, образованных вклиниванием строительной прослойки толщиной 0,1—0,2 м. Прослойка образовалась при сооружении каменной церкви Пятницы в 1207 г. От этой прослойки до материка всего 0,2—0,3 м. А. В. Арциховский комментирует: «По толщине культурных отложений нигде нельзя судить о их возрасте; здесь тонкие напластования откладывались, по-видимому, более двух веков, поскольку началось это, вероятно, в X в., о чем ниже»¹⁴. Дальнейшая аргументация исследователя воспроизводилась ранее: она увязана с обна-

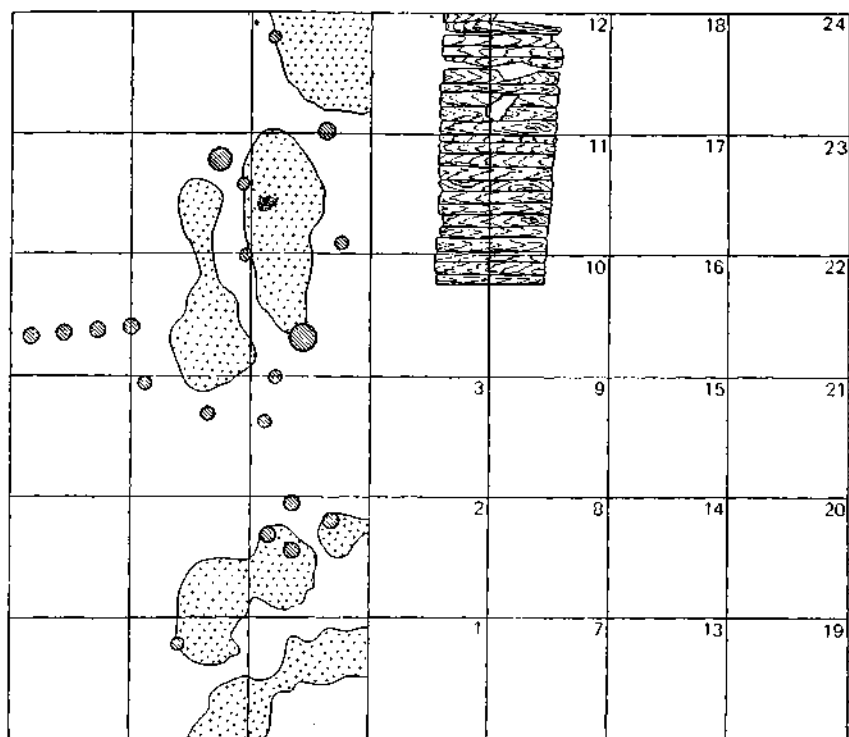

Рис. 2. Сводный план нижнего горизонта раскопа 2 и 3 на Ярославском дворе

руженным новгородскими археологами языческим могильником X в.

Таким образом, датируя нижний горизонт раскопа 3 X в. А. В. Арциховский не имел ни достаточных стратиграфических, ни убедительных хронологических аргументов. В данном случае более логичным представлялся пересмотр датировки «части некрополя», однако в то время исследователи не располагали достаточным сравнительным материалом. Раскопки киевского некрополя, обобщенные в публикациях М. К. Каргера и Л. А. Голубевой¹⁵, имеют весьма существенный методический просчет: погребения с трупосожжениями даны в основном по кратким заметкам. В ряде случаев курганы не были сnivelированы позднейшей городской застройкой.

Наиболее выразительный сравнительный материал представляют работы в Пскове, где в ходе исследований последнего десятилетия были обнаружены остатки курганного некрополя¹⁶.

К настоящему времени могильник Пскова изучен на площади более 2 тыс. кв. м. Вскрыто 28 погребений. Общая площадь мо-

гильника, по мнению археологов, не менее 10 тыс. кв. м. Отметим, что киевский некрополь тоже большой: даже отдельные курганные кладбища, выделяемые из общей площади киевского некрополя, занимают значительное пространство¹⁷.

В отличие от киевского в псковском некрополе «курганные насыпи были сильно повреждены или уничтожены позднейшей застройкой, поэтому среди обнаруженных погребений оказались нарушенные и переотложенные». Остатки псковских курганных погребений датируются X — началом XI в.¹⁸

Материалы некрополя Пскова позволяют отметить некоторые его характерные черты. Во-первых, имеются четкие следы курганных насыпей, обнаруженные под слоем, близким по характеристике к предматериковым напластованиям. Во-вторых, примесь кальцинированных костей животных очень незначительна. В-третьих, погребения строго индивидуальны. В-четвертых, трупосожжения в ямах отсутствуют. В ямах только трупоположения. Даже в случае трупосожжений на местах (что нетипично) прах помещался в специальное углубление рядом с кострищем (погребения 9а, 11). В-пятых, очертания не только ям с погребениями, но и кострищ четкие и имеют достаточно правильную конфигурацию. Некрополь смешанный: при преобладании трупосожжений имеются погребения по обряду трупоположения. Аналогичен по составу киевский некрополь. И наконец, все индивидуальные погребения псковского могильника дают вещевой материал.

Характер пятен, вскрытых на раскопе 2 на Ярославовом Дворище Новгорода, не отвечает ни одному из указанных признаков. Пятна, определяемые А. А. Строковым как остатки языческого некрополя новгородского поселения, не сопровождались характерными следами насыпей. «Кострища» Ярослава Дворища свидетельствуют, по мнению руководителей раскопок, о неоднократном использовании площадок. При этом заполнение ям-«кострищ» абсолютно стерильно: практически никаких индивидуальных предметов. Наличие кальцинированных костей животных в них столь же значительно, как и «человеческих». Совершенно необъяснимо присутствие в новгородских «кострищах» костей птиц и рыбьей чешуи. Станным представляется значительный керамический материал в новгородских кострищах. В Пскове керамика немногочисленна. Если в Новгороде это свидетельства тризны, то они вряд ли совместимы с кострищами. Также невозможно представить неоднократное помещение урны с прахом (и остатками тризны?) внутри кострища. В подобном случае неизбежны были бы находки целых горшков, по крайней мере в верхних слоях заполнения ям. Обратим внимание на наличие в псковском могильнике X — начала XI в. лепной керамики. В ямах Ярослава Дворища ее нет, а в жилых напластованиях Новгорода 30—50-х годов X в. подобный материал присутствует, хотя и в единичных экземплярах.

Дополнительно отметим, что гипотетический некрополь Новгорода занимает весьма ограниченное пространство, т. е. фактиче-

ски в пределах раскопа 2. Позднейшие работы к востоку (а именно в этом направлении располагались пятна), северу и западу в раскопках А. В. Арциховского подобного материала не дали. Отсутствовали они при шурфовках М. Х. Алешковского у церкви Пятницы, т. е. к югу.

Кальцинированные остатки человеческих костей, обнаруженные на Ярославовом Дворище, к сожалению, не подвергались квалифицированной экспертизе. К настоящему времени материал утрачен. Однако весь характер заполнения ям на Дворище не оставляет никакого сомнения в том, что мы имеем здесь дело с остатками хозяйственных сооружений и ям, часто встречающихся в нижних горизонтах новгородских напластований.

Убеждены также, что остатки столбов, определяемые А. А. Строковым как основания языческих идолов, никакого отношения к гумусированным пятнам не имеют, являясь по времени более поздними: на плане четко видно, что семь из них нарушают фон самих пятен. Не исключаем, что в данном случае были вскрыты остатки частоколов двух ярусов застройки.

Таким образом, анализ материалов раскопок 1937 г. убеждает в том, что нет никаких оснований для атрибутирования комплекса как языческого могильника — капища¹⁹, а учет материалов раскопок А. В. Арциховского 1938 г. дает возможность поставить под сомнение правомерность датировки нижнего горизонта X в.

Отсутствие какого-либо вещевого материала раскопа 2 1937 г., определенная зависимость датировки нижнего горизонта раскопа 3 А. В. Арциховского от располагавшегося здесь предполагаемого могильника X в. заставляют обратиться к материалам других участков в пределах Ярославова дворища, датированных тем же временем. Такой раскоп только один, исследованный в 1947—1948 гг. Материалам этого раскопа не повезло. Они померкли перед великолепием Неревского комплекса, хотя ценность их несомненна. Отдельные предметы привлекались в публикациях В. Л. Янина и А. Ф. Медведева²⁰.

Руководитель экспедиции, первоначально высоко оценивший материал, рассчитывал подвести итог работ «со временем в особой обширной публикации», но ограничился кратким отчетом, в котором отметил: «Впервые за 20 лет раскопок в Новгороде удалось найти слой IX в. (если не VIII) с лепной керамикой (как доказано раскопками, в X в. в Новгороде вся керамика делалась на гончарном кругу)»²¹.

Вновь обратившись к материалам раскопок 1947—1948 гг. в историческом очерке А. В. Арциховский более сдержан в оценках: «На Ярославовом Дворище в 1948 г. обнаружено небольшое наслоение IX в. Но площадь его измеряется несколькими метрами. Это следы не города, а одного дома, притом не сохранившегося»²². Впрочем, датировка нижнего горизонта в целом X в. не подвергалась сомнению, за исключением публикаций П. И. Засурцева, относившего заселение Ярославова Дворища к XI в.²³,

и Е. А. Рыбиной, склоняющейся к датировке нижних горизонтов XII в.²⁴ Анализ материалов авторы еще не представили.

Основным аргументом А. В. Арциховского в пользу датировки нижнего горизонта раскопа 1947—1948 гг. было присутствие лепной керамики в массе гончарной, безоговорочно относимой автором к X в. Слова исследователя «как доказано раскопками» вновь возвращают нас к материалам работ 1937 и 1938 гг. наличие лепной керамики в новгородских жилых напластованиях 50-х годов X в. отмечалось выше.

Возникает потребность общей характеристики вещевого материала раскопа 1947—1948 гг. с учетом той типохронологической шкалы, которая создана на более тщательном изучении массовых категорий находок. Трудности хронологической характеристики объясняются сложностью стратиграфии участка и выделения комплексов нижних горизонтов.

Еще при подведении итогов довоенных раскопов на Ярославом Дворище А. В. Арциховский обратил внимание на малочисленность обломков стеклянных браслетов. «Почему-то их в этом районе оказалось во много раз меньше, чем на Славне, всего 12, из них I во втором слое и II в третьем». Третий слой датировался с X в. по 1340 г. Такая категория, как шиферные пряслица, массовые находки которых в слоях X — 40—50-х годах XIII в. типичны, здесь малочисленна. Автор отмечает: «Даже шиферных пряслиц только одно»²⁵.

Несколько большим количеством экземпляров представлены те же категории в комплексе материалов раскопа 1947—1948 гг. Стеклянных браслетов — 24, из них 2 обнаружены в выбросе. Шиферных пряслиц — 8. Еще одно без этикетки. По пластам они распределены следующим образом:

	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
Браслеты	—	—	—	—	5	4	—	4	3	5	1
Пряслица	2	3	—	2	—	—	—	1	—	—	—

Если признать, что находки 9 браслетов в 14-м—15-м пластах приходится на пик их распространения в городских напластованиях, то дата отмеченных горизонтов — в пределах 50—40-х годов XIII в. Однако тогда нетипичен новый рост количества находок в нижних горизонтах (17-й—19-й пласты). Если признать раннюю датировку нижних горизонтов, то их количество здесь должно быть невелико, а вернее, полностью отсутствовать. На других участках города с середины XII в. браслеты единичны. Нетипичность комплекса 1947—1948 гг. подчеркивается полным отсутствием шиферных пряслиц в 14-ом—20-ом пластах, где они должны быть массовой категорией находок.

В комплексе вещевого материала раскопа 1947—1948 гг. датирующие категории представлены небольшими группами. Исключение составляют деревянные гребни — их 36. Все они прямоугольные с широкой датировкой. Костяных гребней — 9. Нет односто-

ронных расчесок и футляров к ним — предметов, характерных для новгородских напластований X — последней трети XI в.

Немного ювелирных изделий. Среди них имеются прекрасные экземпляры: энколпионы, створчатые браслеты, одежная булавка с ромбическим орнаментальным навершием и вставками розового стекла, перстни: биллоновый рубчатый и круглодротовый с разомкнутыми концами; печати с изображением льва и креста. Все они имеют достаточно широкую хронологическую характеристику и для наших целей бесполезны. Так же как и два шарообразных бубенчика со щелевидной прорезью, бытование которых определяется временем с середины XI до середины XIV в.

Топоров достаточно много — 9 экз. Среди них один раннего типа — с опущенным лезвием, обнаруженный в 18-м пласту. Топор с симметричным лезвием переходного типа (середина XII — середина XIII в.) из 17-го пласта предшествует находкам более поздних вариантов с симметричным лезвием (5 экз.) и утяжеленных I типа. Вероятно, обнаружение топора раннего варианта объяснимо нарушением стратиграфии.

Кресал мало — 10 экз. Одно из выброса. Большинство овальных коротких (XIII — первая четверть XV в.) — 8 находок. Сменяющие этот вариант овальные заостренные кресала (первая треть XII — первая треть XIV в.) представлены двумя экземплярами. Калачевидные кресала и калачевидные с язычком, характерные для ранних горизонтов, отсутствуют.

Необычно мало замков и ключей — соответственно 2 и 11 экз. Еще один ключ из выброса. По типам эта категория предметов распределяется следующим образом: ключ от цельнодеревянного замка с «желудями» — 1, но находка его в 13-м пласту — явное свидетельство перекопа; в следующем горизонте обнаружен ключ от навесного замка типа А (со щелевидной прорезью), но он также предшествует находкам более поздних вариантов: ключей типа Б (3 экземпляра), типа В I (1 экземпляр), типа В II (1 ключ и 2 цилиндрических замка с прорезью под данный тип ключа), типа Г (2), ключей от нутряного замка позднего варианта (1).

Изделий из стекла мало. О браслетах говорилось выше. Бусин — 9. Почти все — единичные экземпляры. Из них две находки ранних типов — боченкообразная серебряная и лимонovidная синяя. К раннему варианту принадлежит глазчатая гладкая бусина, но ее находка в 9-м пласту, как и в других случаях, — свидетельство нарушенной стратиграфии. Еще одна подобная бусина — из 12-го пласта. Остальные более поздних типов: синяя цилиндрическая, 2 синие шаровидные, эллипсоидная светло-голубая. Стекланных перстней — 3. Из них два относятся к вариантам, имеющим относительно узкие датировки: фиолетовый непрозрачный (XIV в.) и перстень-печатка (XII—XIII вв.). Вставок в перстни — 2 экз. Отсутствуют обломки стеклянных сосудов, наличие которых в новгородских напластованиях с середины XI до первой половины XIII в. фиксируется повсеместно.

Подводя итог краткому обзору коллекции находок раскопа на Ярославом Дворище в 1947—1948 гг., можно отметить безусловное отсутствие среди них предметов X в. Причем не одного варианта, а целых категорий. Наличие некоторых находок с широкой датировкой до X в. незначительно и не может повлиять на общую датировку нижнего горизонта рубежом XI—XII вв.

Итак, основные выводы предпринятого исследования сводятся к следующему. Во-первых, факт существования на Ярославом Дворище дохристианского могильника является фикцией, обоснованной только произвольной трактовкой археологического материала.

Во-вторых, в настоящее время мы не располагаем убедительными доказательствами датировки нижних горизонтов территории Ярослава Дворища временем ранее рубежа XI—XII вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 23; Порфиридов Н. Г. Древний Новгород. М.; Л., 1947. С. 21, 22; Монгайт А. Л. Археология в СССР. М., 1955. С. 365; Алешковский М. Х., Красноречев Л. Е. О датировке вала и рва новгородского острога: (В связи с вопросом о формировании городской территории)//СА. 1970. № 4. С. 68—71; Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы новгородской археологии//Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 43; Авдусин Д. А. Происхождение древнерусских городов: (По археологическим данным)//ВИ. 1980. № 12. С. 40; Рабинювич М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978. С. 254—255 и другие работы.

² Строков А. А., Богусевич В. А., Мантейфель Б. К. Отчет о раскопках на Ярославом Дворище г. Новгорода 1937 г.//Архив Ленинградского отделения Ин-та археологии АН СССР. Ф. 2. № 237. С. 9, 14.

³ Строков А. А., Богусевич В. А., Мантейфель Б. К. Раскопки на Ярославом Дворище//Новгородский исторический сборник. Новгород, 1938. Вып. III—IV. С. 205.

⁴ Строков А. А. Дохристианский могильник: (По данным археологических раскопок на Ярославском Дворище)//Новгородский исторический сборник. Новгород, 1939. Вып. 6. С. 53.

⁵ Там же. С. 52.

⁶ Колчин Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет//Новгородский исторический сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 19.

⁷ Арциховский А. В. Раскопки восточной части Дворища в Новгороде//МИА. 1949. № 11. С. 152—176.

⁸ Строков А. А. Дохристианский могильник... С. 52.

⁹ Арциховский А. В. Раскопки восточной части... С. 158.

¹⁰ Засурцев П. И. Новгород, открытый археологами. М., 1967. С. 27—28.

¹¹ Арциховский А. В. Раскопки восточной части... С. 159.

¹² Строков А. А. Дохристианский могильник... С. 52. Прим. 2.

¹³ Арциховский А. В. Раскопки восточной части... С. 159.

¹⁴ Там же. С. 156—157.

¹⁵ Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. I; Голубева Л. А. Киевский некрополь//МИА. 1949. № 11.

¹⁶ Лабутина И. К. Раскопки в Пскове//АО 1973 г. М., 1974; Лабутина И. К., Кильдюшевский В. И., Щалова Ю. Л. Раскопки в Пскове на ул. Ленина//АО 1976 г. М., 1977. С. 24; Лабутина И. К. Итоги изучения культурного слоя Пскова//КСИА. 1981. Вып. 164. С. 28; Лабутина И. К., Кильдюшевский В. И., Урьева А. Ф. Древнерусский некрополь Пскова: (По раскопкам 1976 г.)//КСИА. 1981. Вып. 188. С. 69—76.

¹⁷ Голубева Л. А. Указ. соч. С. 117—118.

¹⁸ Лабутина И. К. Итоги изучения... С. 78.

¹⁹ Мнение о существовании в X в. дохристианского могильника, следы которого вскрыты на раскопе 2, было справедливо оспорено Е. Н. Носовым (Носов Е. Н. Новгород и новгородская округа IX—X вв. в свете новейших археологических данных: (К вопросу о возникновении Новгорода)//Новгородский исторический сборник. Л., 1984. Вып. 2(12). С. 25—28). Представляется, что вывод автора мог быть дополнен при обращении к материалам других раскопов Дворища.

²⁰ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. I—II. М., 1971; Медведев А. Ф. Оружие древнего Новгорода//МИА. 1959. № 65.

²¹ Арциховский А. В. Раскопки в Новгороде//КСИИМК. 1950.

²² Арциховский А. В. Археологическое изучение Новгорода//МИА. 1956. № 55. С. 42.

²³ Засурцев П. И. Указ. соч. С. 27—28.

²⁴ Рыбина Е. А. Археологические очерки истории новгородской торговли. X—XIV вв. М., 1978. С. 106.

²⁵ Арциховский А. В. Раскопки восточной части... С. 172.

И. К. ЛАБУТИНА

ЯЗЫЧЕСКОЕ СВАТИЛИЩЕ ПСКОВА

Раскопки 1982 г. на ул. Ленина в Пскове, в ходе которых был открыт неизвестный культовый памятник, являлись продолжением работ ряда предшествующих лет. Раскоп 1981—1982 гг. (236 кв. м) находился в северо-восточной части территории, изучавшейся археологами сплошной площадью в 1976, 1978, 1981—1982 и в 1983—1985 гг. Место раскопов входило в пределы стены 1309 г., огородившей плотно застроенную часть Пскова.

Работы 1976, 1978 и 1981—1982 гг. показали, что мощность культурного слоя от поверхности до материка колебалась в пределах 270—380 см. Слой подразделялся на три основных части: верхние послесредневековые отложения (около 150 см), средневековые отложения с остатками жилой застройки (80—140 см) и подстилающий слой периода существования курганного кладбища (80—96 см).

По раскопкам предшествующих лет время заселения близлежащей территории было определено предварительно как вторая половина XI в.¹ Курганные погребения, открытые в 1976, 1978, 1979 гг., отнесены к X—началу XI в.² Особенность изучавшегося некрополя, объясняющаяся его расположением непосредственно под культурным слоем, — нарушенность насыпей в результате нивелировки при застройке и последующей хозяйственной деятельности. Она требовала применения особой методики, позволявшей, фиксируя распространение древнего дерна, выявлять погребения и остатки насыпей.

В ходе раскопок 1981—1982 гг. были изучены остатки жилой и хозяйственной застройки участка, представленной 12 ярусами сооружений (от рубежа XI—XII по XVIII в.). Плотная застройка прослежена с уровней 8-го и 7-го ярусов, что соответствует второй половине XIII и началу XIV в. Несомненно, что строительство стены 1309 г., защитившей эту часть Пскова, содействовало активизации строительства и благоустройства. Но и в более раннее время, с уровня 11-го яруса, участок осваивался: здесь имелись срубные и иные строения, частоколы, указывающие на наличие владений. Застройка с самого начала согласовывалась с улицей (дорогой?), проходившей в направлении с юго-востока на северо-запад, к центру Пскова. Первоначально и вплоть до XIV в. улица не имела регулярного замощения, но уличный проход застраивался и поэтому фиксируется достаточно четко³. Такова археоло-

гическая ситуация над песчаными отложениями периода существования кладбища и рассматриваемого культового объекта. В ходе зачистки и снятия песка были открыты 3 погребения, совершенные по обряду трупосожжения на стороне (погребения 26, 28) и на месте (?) — фрагмент погребения 27 (на кострище). Все они находились в западной половине раскопа. Близкая ситуация наблюдалась в раскопе 1976—III, к которому примыкал с севера участок работ 1981—1982 гг. и где погребения отмечались лишь в западной части⁴. Восточная часть раскопа 1976—III имела много нарушений с разных уровней, что можно было объяснить отсутствием следов погребений. Но видимо, для северной части этого раскопа имело значение и существование объекта, открытого раскопками 1982 г.

Выявлению памятника способствовала методика, принятая для изучения остатков курганного некрополя. Как показали раскопки, песок, гумусированный или чистый, под основной частью культурного слоя является перемещенным в результате нивелировки курганов. Часть его передвигалась, возможно, и в период функционирования кладбища. Таким образом, дерновые покрытия части склонов курганов, ровиков и межкурганных пространств оказывались прикрытыми песком, не говоря уже о древнем погребенном дерне под курганами. В ходе раскопок производилось снятие песка по пластам с выявлением по всей площади обнаруживаемых участков гумуса, оказывавшихся, как правило, следом дерна периода существования кладбища.

В процессе работ по снятию песка и обнаружению дерна в восточной и центральной частях раскопа были открыты ровик и площадка круглой формы, составлявшие по топографическим и стратиграфическим признакам единый комплекс (рис. 1). Границы площадки обнаруживались по мере выявления поверхности древнего дерна в ровике. Они проявились целиком на уровне 11—12-го пластов. Заглубление площадки от современной поверхности — около 250 см. (Величина пласта 20 см. Отсчет глубин велся от 0 со значением +45,98 в балтийской системе высот. Поверхность в восточной части пятна раскопа имела отметки от +10 до +40 над 0.)

Место площадки, как и ровик, было засыпано песком, но слой песка на площадке прослеживался не повсеместно и был небольшим, до 10 см. Наблюдалось падение поверхности песка на площадке с северо-востока на юго-запад от 190—200 до 210 см⁵.

Под песком прослеживался слой древнего дерна, который покрывал площадку везде, где не было позднейших нарушений⁶. Этот слой — серый песок со слабым коричневатым оттенком и включением мельчайших гумусных частей углистого цвета (видимо, след перегнивших корней). В некоторых местах (на входе-перемычке в юго-западной и северо-восточной частях площадки) он имел сверху более интенсивную коричневую окраску, отражающую поверхность дернового покрова. По склонам и особенно на дне ровика окраска была ярче выражена. Мощность слоя на по-

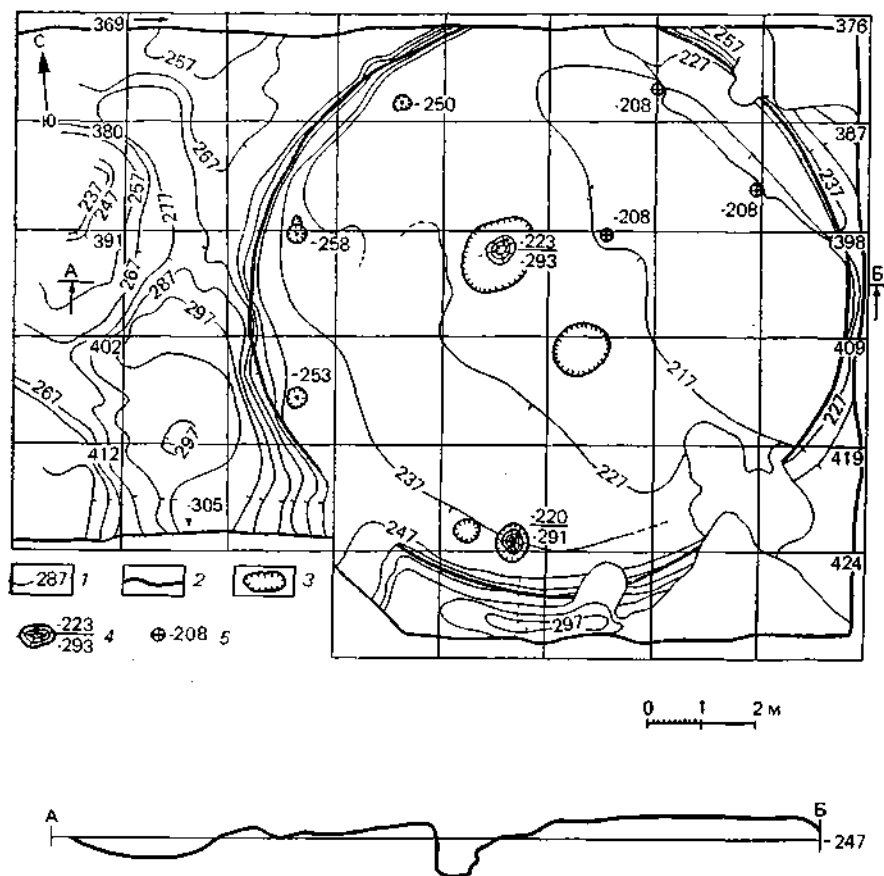

Рис. 1. Святилище Пскова X в. (на уровне материка, без позднейших ям). 1 — линия горизонтали с глубиной отметкой (от 0 раскопа), 2 — край площадки; 3 — яма; 4 — столб времени функционирования площадки; 5 — высшая точка площадки

верхности площадки колебалась от 10 до 20 см, что говорило о долгой задерживанности. Падение поверхности дерна с северо-востока (—196) на юго-запад (—236) отражало перепад высот на площадке на уровне материка. Как и на уровне материка, поверхность дерна образовывала плоскость с наклоном к юго-западу.

Снятие слоя дерна обнажило площадку и убедило в искусственности этого сооружения (рис. 1). Она имела диаметр 10,8—11,2 м (по верхнему краю). Несколько большим был диаметр на уровне основания. С юго-западной стороны находилась перемычка — вход на площадку, имевшая ширину 160 см. Высшая точка площадки — 208 см находилась в 7 м от входа на нее, где отметка

поверхности материка была — 247 см. Такой же постепенный перепад прослеживался и выше, на уровне дерна⁷. Плоскость площадки имела небольшой уклон в сторону входа, и, судя по ровности материка, такое устройство было целенаправленным.

Материк — первоначальная поверхность площадки — был представлен в верхних отложениях серо-желтым или желто-розовым песком, подстилавшимся на глубине — 240—254 см желто-розовой глиной.

Поверхность площадки и склоны были искажены разновременными ямами. Меньше пострадала ее северо-восточная часть, где позднее прошла улица, по трассе которой значительных ям не было. Анализ хода выявления ям и их заполнения позволил определить, что часть из них относилась к периоду функционирования площадки (рис. 1)⁸. Это столбовые ямы по краю площадки (квадраты 372, 382, 393, 404, 416, 421). Три из них располагались у западного края площадки в определенном ритме, на расстоянии 270--280 см. Ближние к перемычке ямы были симметричны входу на площадку. В одной из ям по южному краю (квадраты 416, 421) сохранилось основание столба высотой 71 см, диаметром 40 см, опущенного в яму до глубины — 291 см и заглубленного относительно поверхности материка на 54 см. Верхняя часть столба находилась на уровне песка над дерном (глубина — 220 см). Заполнение ямы было смешанным: черная земля с песком, включениями угля. Ямы по западному краю площадки имели диаметр около 25—30 см и заглубление в материк на 10—25 см. Возле одной из них, в квадрате 382, было обнаружено основание кола с отметками — 225 — — 250 см.

В центральной части площадки имелись две ямы, одна из которых сохранила столб. Яма в квадратах 384, 395, располагавшаяся рядом с позднейшей улицей, оказалась нарушенной в верхней части. Ее контуры с северной и восточной сторон были изменены в ходе застройки участка, а сама яма перекрыта заполнением вышележащих ям и переотложенным слоем. Следом более поздних нарушений материка были прямки в квадрате 384 и восточной части квадратов 395 и 396. В связи с этим собственные контуры ямы выявились на уровне 12-го пласта (— 221 — — 228 см), куда не заглублялись другие вторжения. Она имела овальную форму: длинная ось по линии Ю-З и С-В равнялась 144 см, короткая — 123 см (рис. 2). Стенки ямы были отвесны лишь с восточной стороны, где, очевидно, имелись нарушения, наблюдалась некоторая отлогость. Яма прорезала материковый песок, вторгаясь с глубины — 241 — — 255 см в материковую глину. На глубине — 284 см яма сужалась за счет уступа шириной около 10 см, проходившего по ее периметру. Дно ямы в центральной части (под столбом) приподнималось на 6—7 см. Ширина ямы у дна 56—80 см. Верхняя отметка ямы у северо-восточного края — 221 см, нижняя — — 294 см.

В яму был опущен дубовый столб диаметром 50 см с плоской вершиной (глубина — 223 см), почти не выступавшей над матери-

ком. Нижняя отметка столба — 293 см, высота 70 см. Нижний конец столба был плоским, несколько вогнутым от контакта с выступом на дне ямы. Весь почерневший, очень тяжелый, при извлечении из ямы столб развалился. Удалось взять спил размером с сектор и несколько отдельных кусков древесины. Заполнение ямы — темно-серый супесчаный слой почти без включений (немного известнякового щебня, обрывков бересты, скорлупа лесного ореха). На уровне 13-го пласта был найден обломок железного остря (гвоздя?), небольшое количество круговой керамики.

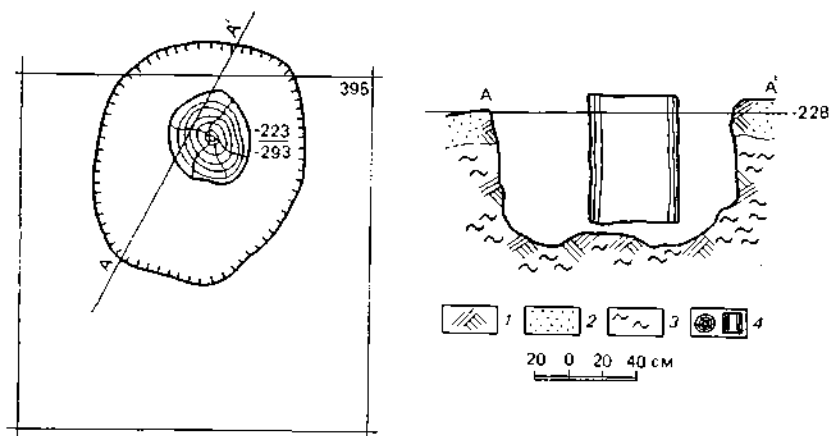

Рис. 2. Яма с дубовым столбом в квадратах 384, 395. План и разрез. 1 — материк, 2 — песок, 3 — глина, 4 — столб.

Другая яма в центральной части площадки (рис. 1, квадраты 396, 407) на уровне 11-го пласта оказалась частично перекрытой переотложенным песком. Судя по разрезам стенок, она прорезала древний дерн, с уровня которого, вероятно, была выкопана. Ее размеры в поперечнике — 94—114 см, глубина — 273 см (около 50 см от поверхности дерна). Заполнение — песок, смешанный с черной землей, вкраплениями угля. В заполнении на уровне 13-го пласта было встречено несколько фрагментов круговой посуды XI—XII вв. В устройстве ямы прослеживались черты сходства с ямой с дубовым столбом, в частности в центре дна ямы имелся небольшой взгорбок (под столбом?). Видимо, столб был удален из ямы, и в ходе вторичной засыпки в нее попала керамика XI—XII вв.

Ровик вокруг площадки был прослежен по ширине (от 160 до 410 см) лишь с ее западной стороны, так как с других сторон в раскоп попадал лишь его внутренний край. Его глубина — 30—50 см. Наиболее широким и глубоким (60 см) он был у перемычки, севернее сужался и становился меньше. По дну ровика и его склонам почти везде сохранился древний дерн. На дне ровика, на

границах квадратов 403—404, 392—393 прослеживалось угольное пятно площадью около 80×80 см. Его мощность 5—7 см. В квадратах 403, 413 на глубине—289—293 было обнаружено пятно спрессованного песка с углем (коstriще, засыпанное песком?). Здесь были встречены лепная керамика, железный предмет. Угли подслаивались песком, лежавшим на дерне. Толщина дерна на дне ровика 3—5 см. Здесь же имелась ямка (глубина—324 см), где, как и в коstriще, были встречены неопределимые кальцинированные кости (консультация В. П. Данильченко и В. Н. Звягина). Южнее скопления на дне ровика была выявлена горелая плаха.

На древнем дерне по склону ровика, обращенному к площадке, была найдена челюсть лошади не моложе 6 лет (определение В. П. Данильченко).

Для хронологического определения памятника были бы важны одновременные ему вещевые находки, но они малочисленны. Лепная керамика из коstriща в ровике сохранилась фрагментарно, хотя дает ориентировочную верхнюю дату (не позднее X в.). Имеют значение следующие стратиграфические наблюдения. На внешний край ровика в квадрате 392 наплывала пола насыпи кургана с погребением 28, отнесенным к X в.⁹ Ни одно из погребальных сооружений не распространялось на площадь памятника, что позволяет считать, что курганное кладбище и площадка существовали одновременно. Соотношение с погребальной насыпью (погребение 28) и лепная керамика из ровика дают возможность утверждать, что сооружение площадки и ровика произошло не позднее X в. Время прекращения функционирования площадки—не ранее второй половины X—первой половины XI в. (керамика этого периода была найдена в слое древнего дерна над площадкой в месте прохождения улицы)¹⁰. Здесь же, над дерном, в слое гумусированного песка, относящегося к периоду нивелировки памятника, были найдены единичные фрагменты керамики X—XI¹¹ и XI—XII вв.¹² Вероятно, нивелировка ровика и частичная засыпка площадки произошли не позднее рубежа XI—XII вв. Косвенным свидетельством служит наличие в указанное время застройки, согласованной с улицей, прошедшей через площадку, в районе ее продолжения—на месте раскопа 1973—1974 гг.¹³

О назначении памятника свидетельствуют следующие наблюдения. Раскопки показали, что для устройства площадки было выбрано естественное возвышение, оформленное с помощью ровика в круглую площадку. Образующие отложения—песок и подстилающая его глина—прослеживались и на соседних участках, где залегли немного ниже. Плоскость площадки сформирована искусственно; древний дерновой покров на дне и склонах ровика образовался одновременно с дерновым покровом на поверхности площадки, что установлено стратиграфически. Площадка и ровик сосуществовали с курганным кладбищем, располагавшимся в непосредственной близости от них. Они близки и по времени пре-

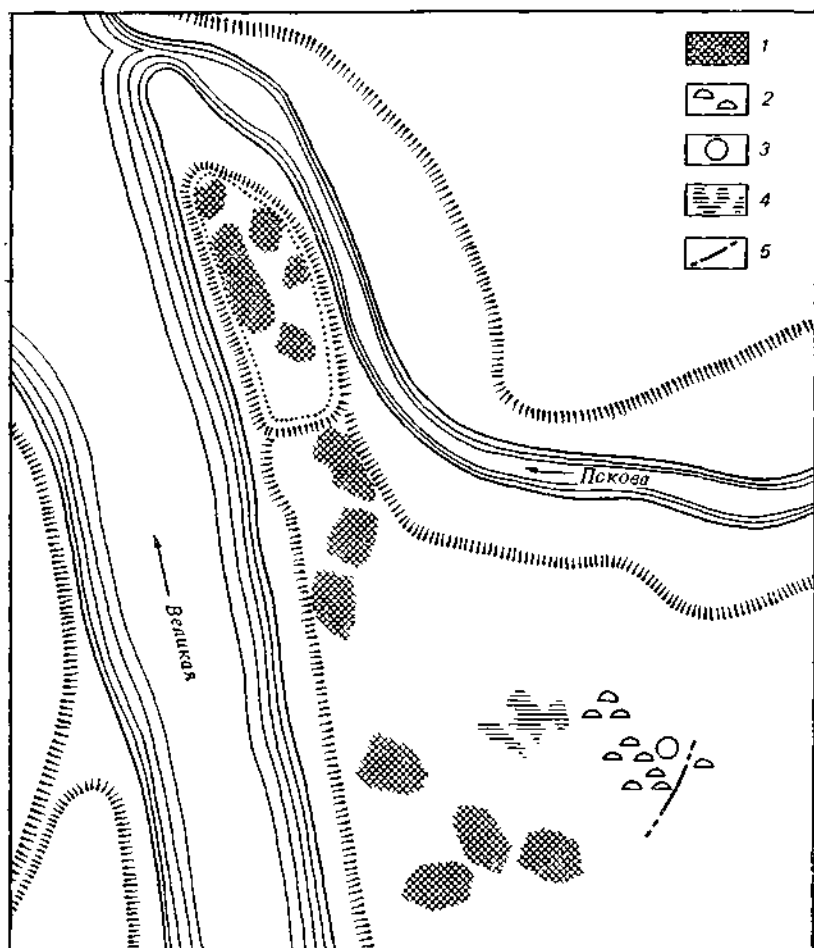

Рис. 3. Псков X века. Схема. 1. Места обнаружения культурного слоя X в. и его переотложенных следов. По материалам археологических раскопок; 2. Остатки курганных захоронений под культурным слоем; 3. Языческое святилище; 4. Болото; 5. Место обнаружения остатков крепостной стены 1309 г.

кращения функционирования. На площадке и в ровике следов какой-либо хозяйственной деятельности не встречено. Поблизости, с восточной стороны площадки, протекал ручей, русло которого обнаружено раскопками 1976 и 1984—1985 гг.¹⁴ В устройстве объекта имеются черты, присущие ряду святилищ Восточной и Центральной Европы: круговая планировка, столбовые ямы в центре и по периметру площадки, наличие ровика, следы костров в ровике¹⁵. Возможно, связаны с ритуалом близость к воде и на-

ходка челюсти лошади на склоне площадки. Все это позволяет интерпретировать памятник как святилище Пскова языческой поры.

Святилище было, по-видимому, открытого типа или имело легкий навес, для поддержания которого могли использоваться столбы по периметру площадки. Не исключено, что эти столбы имели определенное значение в ритуале. В ровике горели ритуальные костры. Вероятно, неслучайными были юго-западное положение входа и наклон площадки в его сторону. Входивший на площадку поворачивался в сторону солнца. Симметричное положение центральных столбовых ям не находит точного объяснения. Здесь могли находиться два идола; возможны и другие толкования, но все они предположительны. Сохранившийся столб — из дуба, священного дерева славян. Он был когда-то срублен «под корень», после чего осталось только основание, вкопанное в яму на 70 см. Верхняя плоскость столба носила следы изношенности, заглаженности, создающей впечатление использования после формирования поверхности.

После прекращения действия святилища и засыпки ровника через северо-восточную часть его площадки около рубежа XI—XII вв. была проложена улица (дорога), долгое время не имевшая регулярного замощения. Тогда же началось хозяйственное освоение территории бывшего кладбища. Однако следы древнейших сооружений на самой площадке относятся только к XIII в.¹⁶

Возможно, следами рецидивов язычества являются насыщенный углем и перекаленным булыжником слой в основании отложений периода заселения и ряд ям с таким же заполнением. Среди последних особенно интересна двухчастная яма в квадратах 392—393, 403—404, прорезавшая песок в заполнении ровика с западной стороны площадки, над местами древних кострищ. Яма могла быть костровой, неоднократно возобновлявшейся¹⁷. Не исключено также, что культовыми являлись небольшие железные топорики, обнаруженные в заполнении ямы II-го яруса к западу от площадки и погребя 9-го яруса, врезанного в склон площадки с ее юго-восточной стороны¹⁸.

Открытый памятник важен для понимания топографической структуры раннего Пскова. Вместе с курганным кладбищем он входил в X в. в культовый участок, располагавшийся в междуречье рек Псковы и Великой к юго-востоку от Детинца (рис. 3).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лабутина И. К. Изучение начальных отложений культурного слоя в пределах стены 1309 г. // Археологическое изучение Пскова. М., 1983. С. 158.

² Лабутина И. В., Кильдюшевский В. И., Урьева А. Ф. Древнерусский некрополь Пскова: (По раскопкам 1976 г.) // КСИИ. 1981. Вып. 166. С. 76; Лабутина И. К. Продолжение охранных раскопок на ул. Ленина в Пскове // АО 1978 г. М., 1979. С. 23; Колосова И. О., Харлашов Б. Н. Дружинное погребение псковского могильника // СА. 1983. № 2. С. 244.

³ Лабутина И. К. Работы на ул. Ленина в Пскове // АО 1982 г. М., 1984. С. 17; Она же. Отчет по открытому листу № 322 о раскопках на ул. Ленина в г. Пскове в 1982 г. // Архив ИА АН СССР. С. 101 и др.

⁴ Лабутина И. К., Кильдюшевский В. И., Урьева А. Ф. Древнерусский некрополь Пскова. С. 70. Рис. 1, 1.

⁵ Лабутина И. К. Отчет... С. 29, 45. Черт. 9, 17.

⁶ Там же. Черт. 19.

⁷ Там же. Черт. 17. Бровка II.

⁸ Там же. Характеристика ям в описании пластов.

⁹ Там же. С. 105, 108.

¹⁰ ПОМЗ 16017/1004, 1005, 1017.

¹¹ Там же. 16017/1019.

¹² Там же. 16017/1027.

¹³ Лабутина И. К. Изучение начальных отложений культурного слоя...

С. 157.

¹⁴ Лабутина И. К., Кильдюшевский В. И., Шапова Ю. Л. Раскопки в Пскове на ул. Ленина//АО 1976 г., М., 1977. С. 23.

¹⁵ Dostál V. Slojanske kultovní místo na Pohansku u Břeslavi.//Vlastivědný věstník moravský. 1968. S. 20; Седов В. В. Восточные славяне в XI—XIII вв. М., 1982. С. 261—268. Табл. LXXIII, LXXIV.

¹⁶ Лабутина И. К. Отчет... С. 99.

¹⁷ Там же. С. 80—82.

¹⁸ ПОМЗ. 16017/900, 896.

А. Н. СОРОКИН

**ФЕДОРОВСКИЙ РУЧЕЙ
В ДРЕВНЕМ НОВГОРОДЕ**
(вопросы топографии)

Вопросы исторической топографии древнего Новгорода первоначально изучались на основании письменных и графических источников XVI—XVIII вв. (писцовые книги, описи, планы), которые зафиксировали уже сложившуюся систему улиц, ко времени перепланировки города 1778 г. (Е. Болховитинов, И. И. Красов, А. И. Семенов). В последние десятилетия источниковедческая база этих исследований значительно расширилась благодаря широкомасштабным раскопкам (Новгородская археологическая экспедиция) и наблюдениям за культурным слоем (С. Н. Орлов). Однако изучение планировки Новгорода в динамике возможно только при знании его древнего рельефа и того, как он изменялся в процессе жизнедеятельности человека. На основе комплексного сопоставления данных различных источников (письменных, графических, материалов геологического бурения, археологических раскопок и наблюдений за культурным слоем) рассматривается один из сюжетов, связанных с исторической топографией древнего Новгорода.

В историографии под Федоровским ручьем принято понимать русло, соединявшее Волхов и ров Окольного города на Торговой стороне. Оно просуществовало до начала 50-х годов нашего века, когда при строительстве нового капитального моста через Волхов его засыпали и в этом месте проложили проспект Ю. А. Гагарина. Особняком стоит мнение П. И. Сумарокова и А. В. Арциховского, которые продолжали Федоровский ручей к югу по рву Окольного города и далее по ручью Тарасовцу до его соединения с Волховом¹.

Не вызывает сомнений, что своим названием Федоровский ручей обязан церкви Федора Стратилата, расположенной на его северном берегу². Это подтверждается тем, что впервые он появляется в летописном известии под 1340 г.³, сразу же после первого упоминания церкви Федора Стратилата под 1329 г.⁴ Однако многие исследователи⁵ отождествляют Федоровский ручей с летописными топонимами «Ручей» (сообщения под 1105⁶, 1152⁷, 1181 гг.⁸) и «Плотницкий ручей» (1134 г.⁹). В то же время есть данные, позволяющие предполагать существование церкви Федора Стратилата уже в XII в.¹⁰ Если это действительно так, то возникает вопрос: почему ручей, протекавший вблизи нее, получает

название «Федоровский» только с XIV в., и тогда действительно топонимы «Ручей» и «Плотничный ручей», с одной стороны, и «Федоровский ручей» — с другой, обозначали одно и то же урочище? Углубленное изучение всего комплекса уже опубликованных и хорошо известных источников заставляет по-новому взглянуть на остающиеся еще спорными вопросы происхождения и назначения Федоровского ручья.

Наиболее последовательно гипотеза о его естественном происхождении представлена в работах С. Н. Орлова, аргументация которого сводится к двум основным положениям: во-первых, Федоровский ручей, как и любой другой подобный естественный водоем, имел высокий (коренной) — в данном случае северный берег и низкий (пойменный) — южный; при этом направление течения Федоровского ручья определялось С. Н. Орловым с востока на запад¹¹, во-вторых, по наблюдениям С. Н. Орлова, над стратиграфией культурного слоя и составом материка при впадении Федоровского ручья в Волхов существовал естественный лиман¹².

Противоположная точка зрения впервые была четко высказана А. Л. Монгайтом. По его мнению, течение Федоровского ручья «в обратную естественному склону берега сторону и прямизна русла вызывают мысль о том, что он был искусственно выведен из Волхова в ров, идущий вокруг Торговой стороны»¹³. Столь противоречивые сведения о направлении течения Федоровского ручья являются аргументом в пользу второй гипотезы, так как в искусственных каналах, как правило, отсутствуют постоянные течения. Более важным является наблюдение А. Л. Монгайта, касающееся прямизны русла Федоровского ручья, которое, действительно, больше напоминает гидротехническое сооружение, чем естественную водную протоку. Утверждение С. Н. Орлова о том, что Федоровский ручей оформился «в виде рва» только в XIX в.¹⁴, не убеждает, потому что на плане Новгорода XVII в. он обозначен прямой линией¹⁵. В. Л. Янин в ряде своих работ также придерживается мнения об искусственном происхождении Федоровского ручья¹⁶.

Дополнительным аргументом в дискуссии могут служить наблюдения над стратиграфией материковых отложений в Новгороде. На Софийской стороне под культурным слоем чаще всего залегает серо-сизая глина¹⁷, которая подстилается красной¹⁸, а та, в свою очередь, пестрыми ленточными глинами¹⁹. Наибольший интерес представляет полный разрез материка, полученный в одном из котлованов. «Толщина культурного слоя в этом пункте, — по сведениям С. Н. Орлова, — достигает 3,7 м. На этой глубине залегает сизая глина слоем в 0,2—0,3 м, а ниже идет красная жирная глина, которая на глубине 5 м от поверхности переходит в ленточные глины»²⁰. На Торговой стороне культурные напластования также обычно подстилаются серо-сизыми глинами²¹. По данным С. Н. Орлова, полученным им при фиксации материковых слоев под внутренней ополчиной вала на южной красной линии проспекта Ю. А. Гагарина, где они, как можно

предполагать, не были потревожены, материк «состоит из темно-серой глины, которая ниже переходит в красную»²². По сообщению В. С. Передольского, при бурении скважины для артезианского колодца к югу от перекрестка современных улиц Кировской и Первого Мая была отмечена аналогичная ситуация²³.

В этой связи представляет интерес еще одно наблюдение В. С. Передольского, сделанное им при углублении и расчистке русла Федоровского ручья. «При впадении его в Волхов, — сообщал новгородский краевед, — обнаружено было совершенно отчетливо залегание... светло-синей глины до глубины русла ручья; чем дальше от Волхова, тем более и более уменьшалась толщина этой глины; саженья в 50 она не превышала аршина; тут она круто опустилась на дно русла клином, а на уклон ее налегла обыкновенная в окрестностях города и во всех приильменских низинах красноватая кирпичная глина, едва приметно опускавшаяся в направлении к Федоровскому мосту и скрывшаяся, не дойдя сажень 25, в русле ручья»²⁴. Место, где, по В. С. Передольскому, исчезает светло-синяя глина, совпадает с разрывом горизонтали 21,0, которая обозначает древний холм, руслом Федоровского ручья на плане, составленном по итогам геологического бурения в Новгороде²⁵. Исходя из стратиграфии материка, этот факт объясняется следующим образом: к востоку от перекрестка современных проспектов В. И. Ленина и Ю. А. Гагарина серо-сизые глины, из которых, вероятно, был сложен холм, оказались выбранными, обнажив более глубокий пласт красной материковой глины.

Итак, в обеих гипотезах о происхождении Федоровского ручья есть рациональное зерно: естественный характер лимана Федоровского ручья и искусственность его восточной части, начиная от разрыва горизонтали 21,0.

Для того чтобы определить местоположение естественного русла Федоровского ручья, необходимо обратиться к особенностям топографии Славенского конца. В летописных описаниях пожаров неоднократно в качестве его северной границы упоминается Нутная улица²⁶. Есть все основания предполагать, что этот рубеж был не случайным, а соответствовал древнему рельефу. Между Знаменским собором и церковью Филиппа на Нутной улице В. С. Передольским было отмечено значительное понижение современной дневной поверхности, которое, по его мнению, представляет собой сnivelированное русло ручья или протоки, которая «огибает Предтеченскую церковь и склоняется в берег Волхова, примерно, где Буяновская улица. Следы желобины едва заметны, начиная от Знаменской улицы, которую она пересекает близ Московской (ныне улицы Большевиков, Первого Мая и Проспект В. И. Ленина.— А. С.)...»²⁷. Материалы наблюдений С. Н. Орлова над стратиграфией культурного слоя и характером материка подтверждают предположение В. С. Передольского относительно существования русла древней протоки на участке от вала Окольного города до Партизанского переулка, которая вы-

ходила из Тарасовца двумя рукавами²⁸. Вероятно, древний ручей являлся протокой Малого Волховца. Именно такая ситуация отражена на древнейшем плане Новгорода XVII в.²⁹ А там, где, согласно предположению В. С. Передольского, она впадала в Волхов, по наблюдениям С. Н. Орлова, «все побережье ... было занято лиманом устьев Федоровского ручья и второго ручья неизвестного названия»³⁰. По материалам геологического бурения в западной части улицы Большевиков отмечено значительное понижение древнего рельефа, что подтверждает выводы В. С. Передольского и С. Н. Орлова³¹.

В том месте, где ручей делал поворот с востока на северо-запад, в письменных источниках встречается топоним «Опоки», обозначающий меловой известняк, известковатый суглинок, белую или сероватую глину, т. е. обнажение материковой породы, вызванное естественным размывом почвы³². Летописи упоминают на Опоках храм Иоанна Предтечи; согласно описи Новгорода 1615 г., здесь же находились церкви Дмитрия Великомученика и Борисоглебская, но не числится церковь Георгия, хотя она располагалась в двух десятках метров к югу³³. Местоположение указанных церквей на Опоках известно³⁴, причем оказывается, что они как бы выстраиваются цепочкой, по-видимому, вдоль берега древнего ручья.

Его дальнейшая судьба была прослежена А. И. Семеновым, обратившим внимание на топоним «Труба» в писцовых книгах Новгорода³⁵. Сопоставив данные, касающиеся местоположения урочища «Труба» по этому источнику, с наблюдениями В. С. Передольского над желобинной древнего ручья, А. И. Семенов пришел к выводу об их полном совпадении и определил направление «Трубы» от вала Окольного города к Немецкому торговому двору³⁶. О том, что водная протока была заключена в дренажную систему, свидетельствуют находки в ее русле водоотводных деревянных труб³⁷. По мнению А. И. Семенова, ручей могли «взять в значительную по размерам трубу, проложенную по его руслу», «при устройстве нового вала и рва на Торговой стороне в 1387—1392 гг.» или же «позднее XIV в., но во второй половине XVI в., как указывают писцовые книги, она уже была»³⁸. С. Н. Орлов также относит данное событие к концу XIV в.³⁹ Существует ряд косвенных данных, позволяющих это уточнить.

Так, в «Рукописании князя Всеволода», датированном В. Л. Яниным последней третью XIII в.⁴⁰, упоминается «Кончанский мост», находившийся около церкви Иоанна на Опоках⁴¹, что определенно указывает на существование древнего ручья еще в это время. Дренажная система, обнаруженная на Кировском расколе и, по-видимому, связанная с осушением поймы ручья, который протекал поблизости, дендрохронологически датируется 1302—1306 гг.⁴², но здесь необходимо учитывать датировку всего 5-го яруса, к которому она отнесена (1299—1311⁴³), так как в древнем Новгороде широко применялась древесина во вторичном использовании.

До 1329 г. искусственного русла Федоровского ручья как будто еще не существовало. Летописное описание пожара, случившегося в этом году, в качестве северной границы его распространения упоминает только церковь Федора Стратилата. При описании пожара 1340 г. в летописи впервые появляется «Федоровский ручей». Сопоставление летописных свидетельств позволяет утверждать, что осушение древнего ручья произошло не в 1387—1392 гг., как предполагал А. И. Семенов, и не в конце XIV в., как считает С. Н. Орлов, а в начале XIV в. На это указывает и датировка дренажной системы Кировского раскопа. Тогда же было прорыто искусственное русло, получившее название «Федоровский ручей». Эти гидротехнические работы позволили приступить к освоению поймы древнего ручья под жилую застройку.

Таким образом, в результате проведенного исследования становится возможным сделать некоторые выводы и предположения.

1. Топонимы «Ручей» и «Плотницкий ручей» относятся к древней протоке между Волховом и Малым Волховцом. Именно на нее следует ориентироваться при локализации границы распространения летописных пожаров XII в., а не на более позднее урочище «Федоровский ручей», располагавшееся севернее.

2. Древняя протока являлась естественной северной границей между Славенским и Плотницким концами, которая почти без изменений сохранилась вплоть до времени позднего средневековья. Писцовые книги конца XVI в. проводят ее по Ильиной улице, видимо, проходившей по северному берегу ручья и пересекавшей его между церквами Успения Богородицы и Иоанна на Опоках, где располагался Кончанский мост, упоминаемый в «Рукописании князя Всеволода».

3. Древний ручей, вероятно, имел важное значение для Торговой стороны, являясь ее оборонительным рубежом. Поэтому его осушение должно было привести к необходимости создания надежных укреплений. Не было ли в связи с этим строительство в 1335 г. каменной стены от церкви Ильи на Холме к Павлову монастырю предприятием, вызванным ликвидацией ручья? Остатки этой стены были открыты в ходе археологических раскопок А. В. Арциховского и наблюдений С. Н. Орлова⁴⁴.

4. Датировка Федоровского ручья тесно связана с его назначением, поэтому логично предположить, что он не мог появиться раньше, чем в этом возникла необходимость. Версия, согласно которой Федоровский ручей являлся оборонительным рвом, встречает возражения, так как к югу от него не зафиксировано никаких следов вала. Более того, выброс из искусственного русла лег на северный берег, который, по наблюдениям С. Н. Орлова, выше южного.

По-видимому, после того как было засыпано русло древней протоки, возможно, в связи с необходимостью освоения под жилую застройку новых земель (1310—1330-е годы), на Торговой стороне начались наводнения, так как, особенно весной, дренажная система не справлялась с нагрузкой. Согласно описи оборо-

нительных сооружений Новгорода 1675 г., вал Окольного города от Ильинской до Воскресенской башни постоянно разрушался вследствие того, что «весною и летом от Ильменя озера в большую воду вода приходит в том месте немалая», поэтому «на промном плохом месте валу земляного нет», его «размыло водою»⁴⁵. Даже в XVIII в. на одном из планов, относящихся к этому времени, «места, которые весною водою понимаются», отмечены не только за валом Окольного города, но и внутри него в восточной части улиц Нутной и Лубяницы⁴⁶. Поэтому, вероятно, и было прорыто искусственное русло для сброса паводковых вод, которое прошло вблизи церкви Федора Стратилата (между 1329—1340 гг.). Таким образом, Федоровский ручей, по всей вероятности, является дренажным сооружением.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сумароков П. И. Новгородская история. М., 1890. Вклейка; Арциховский А. В. Раскопки на Славне в Новгороде//МИА. 1949. № 11. С. 135. Рис. 12,а.

² В. С. Передольский считал, что «в старину» Федоровский ручей назывался «Коржевым» (Передольский В. С. Новгородские древности. Записка для местных названий. Новгород, 1898. С. 51).

³ НПЛ. С. 351.

⁴ Там же. С. 99, 312.

⁵ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 382; Орлов С. Н. К топографии новгородских городских концов//СА. 1965. № 2. С. 92—96.

⁶ НПЛ. С. 19, 203.

⁷ Там же. С. 29, 215.

⁸ Там же. С. 37, 226—227.

⁹ Там же. С. 23, 208.

¹⁰ Орлов С. Н. К топографии и истории оборонительных сооружений древнего Новгорода//Учен. зап. Новгород. гос. пед. ин-та. Новгород, 1965. Т. 1. Вып. 1. С. 31—32; Каргер М. К. Новгород. Л., 1980. С. 229.

¹¹ Орлов С. Н. Топография Новгорода X—XIII вв.//Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. 2. С. 199.

¹² Орлов С. Н. К топографии Новгорода X—XVII вв.//Новгород. К 1100-летию города. М., 1964. С. 282; Он же. К топографии новгородских городских концов. С. 96; Он же. Топография Новгорода Великого. Ч. 2. Материалы археологич. наблюдений. Рукопись (хранится в архиве Ин-та археологии АН СССР). С. 307—329.

¹³ Монгайт А. Л. Оборонительные сооружения Новгорода Великого//МИА. 1952. № 31. С. 12.

¹⁴ Орлов С. Н. Топография Новгорода Великого: Автореф. дис. ... докт. ист. наук: Л., 1967. С. 9.

¹⁵ Янин В. Л. «Чертеж Пальмквиста» и его место в истории новгородских фортификаций//Русский город: (Проблемы градообразования). М., 1980. Вып. 3.

¹⁶ Янин В. Л. Великий Новгород//По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953. С. 223; Он же. Новгородские посадники. М., 1962. С. 372.

¹⁷ Орлов С. Н. Топография Новгорода Великого. Ч. 2. С. 47—49, 55—57, 68—69, 72—76.

¹⁸ Там же. С. 69—71, 163.

¹⁹ Там же. С. 53, 83—85, 236—237.

²⁰ Там же. С. 196—197.

²¹ Там же. С. 280—281, 285, 290—291, 294—295, 307—329, 334—335.

²² Там же. С. 442.

²³ Передольский В. С. Новгородские древности. С. 102.

- ²⁴ Там же. С. 103.
- ²⁵ Кушнир И. И. К топографии древнего Новгорода//СА. 1975. № 3. Вклейка.
- ²⁶ НПЛ. С. 80, 307, 453, 359, 371.
- ²⁷ Передольский В. С. Новгородские древности. С. 104.
- ²⁸ Орлов С. Н. К топографии Новгорода X—XVII вв. С. 279. Рис. 2.
- ²⁹ Янин В. Л. «Чертеж Пальмквиста»... Вклейка.
- ³⁰ Орлов С. Н. К топографии Новгорода X—XVII вв. С. 282.
- ³¹ Кушнир И. И. К топографии древнего Новгорода. Вклейка.
- ³² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. II. С. 681. По мнению В. Л. Янина, опирающегося на исследования И. И. Кушнира, ручей протекал между церквями Иоанна на Опоках и Успения на Торгу, где находилась переправа через него, носившая название «Козья Бородка» (см.: Янин В. Л. Буевиче «Петрятину в двориче в Новгороде»//АЕ за 1980 год. М., 1981. С. 84, 86).
- ³³ Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808. С. 86.
- ³⁴ Янин В. Л. Буевиче «Петрятину двориче» в Новгороде. С. 85.
- ³⁵ Майков В. В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. Спб., 1911. С. 218.
- ³⁶ Семенов А. И. Древняя топография южной части Славенского конца Новгорода//Новгородский исторический сборник. Новгород, 1959. Вып. 9. С. 67—68.
- ³⁷ Орлов С. Н. Топография Новгорода Великого. Ч. 2. С. 410.
- ³⁸ Семенов А. И. Древняя топография... С. 67.
- ³⁹ Орлов С. Н. Топография Новгорода Великого: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. С. 33.
- ⁴⁰ Янин В. Л. К хронологии «Торгового устава» князя Всеволода//АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 60—68.
- ⁴¹ НПЛ. С. 560.
- ⁴² Колчин Б. А., Рыбина Е. А. Раскоп на улице Кирова//Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 182.
- ⁴³ Там же. С. 194.
- ⁴⁴ Арциховский А. В. Раскопки на Славне в Новгороде. С. 132—135; Орлов С. Н. Топография Новгорода Великого. Ч. 2. С. 438.
- ⁴⁵ Монгайт А. Л. Оборонительные сооружения Новгорода Великого. С. 129—130.
- ⁴⁶ Муравьев Н. Н. Исторические исследования о древностях Новгорода. Спб., 1828. Вклейка.

В. И. ПОВЕТКИН

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГУСЛЕЙ С ИГРОВЫМ ОКНОМ

(из опыта восстановительных работ)

В средневековом Новгороде различные между собой струнные щипковые носили общее название — гусли. По форме резонаторного корпуса их можно разделить на два типа: шлемовидные и крыловидные¹. Помня об условности терминов, будем различать гусли не только по внешним очертаниям, но прежде всего по тем особенностям звукообразования, которые связаны с устройством струнодержателя и по существу отражают типы; внешние же контуры позволяют (не в пользу принятой классификации) присваивать гуслиям, особенно археологическим, новые названия. Под струнодержателем, состоящим из одной или комплекса деталей, мы подразумеваем способ крепления (как взаимосвязи) противоположного от колков конца рабочей части струны к корпусу. От его устройства зависит характер передачи колебаний струны резонатору, и в итоге формируется основа тембра той или иной разновидности струнных. Нам предстоит различить два основных вида струнодержателя: один с подставкой (кобылкой) — подвижный, другой без нее — стационарный. Струнодержатель, определяя нижнюю границу рабочей части струны, указывает на особенности принципа звукообразования и связан с истоками инструмента.

Крыловидные гусли, отличавшиеся от шлемовидных малым числом струн и своеобразным струнодержателем в виде двух «ушек» с перекладиной, стержнем, были в древнем Новгороде наиболее популярны. В этом убеждают два фактора: количество археологических находок и их традиционность для новгородского края. Эти гусли имели внутритильные различия: сохраняя единое устройство струнодержателя, одни из них (XI—XIII вв.) снабжались игровым окном, другие (XII—XV вв.) такового не имели.

Крыловидные гусли с их характерными деталями, за исключением окна, впоследствии бытовали не только у северо-западных славян, но и у финно-угорских и балтских народов — жителей прибалтийского региона. Раскопки в Финляндии, Карелии или Эстонии, Латвии или Литве пока не дали сведений о древних струнных. В то же время эпическая память народов Прибалтики знает образы волшебных кантеле, каннеля, куокле, канкlesa. В этнографических собраниях прибалтов, особенно в Латвии и Литве, имеются инструменты, которые по архаичному внешнему

облику занимают промежуточное звено между новгородскими археологическими и поздними традиционными гуслими. Поэтому достаточно рассмотреть устройство струнодержателя в некоторых из них.

В восьмиструнном канклесе, хранящемся в Каунасском государственном объединенном историко-архитектурном и литературном музее им. М. К. Чюрлениса (Т 2800), переключатель струнодержателя закреплена в ушках, подобные которым имеются в новгородских гуслих XI в. с тем лишь различием, что в гуслих они выструганы как единая деталь вместе с полочкой (декой), а в канклесе — как единая деталь с корпусом (корытцем). Вспомним старейшие в этнографических собраниях кюокле с надписью «1710» из Музея истории Латвии (МИ ЛССР—СУУМ 22239). В их корпусе на месте существующей ныне металлической скобы струнодержателя прежде располагались ушки, от которых заметны не до конца стесанные основания. Еще убедительнее то, что в ряде канклесов неизменно повторяется деталь съемного струнодержателя — «утица». Две такие детали найдены в Новгороде в слоях XIV в., которые были правильно атрибутированы благодаря именно литовским аналогиям².

Ссылаясь на первую публикацию канклеса с утицами, А. С. Фаминцын писал, что на нем играли, держа канклес «стоймя (ножкой вниз) на коленях», левой рукой придерживали его и «отбивали такт» на басовой струне, правой — заставляли звучать все остальные³. Что это, — перенесенные на канклес положение и отчасти способ игры, присущие «Давидовой арфе»? Или это отголосок давнего обычая, идущего от прототипа канклеса, похожего, например, на арфообразное кантеле, построенное Вьянямейне-ном из челюсти чудовищной щуки⁴, или же этот прототип опять-таки был подобен новгородским гуслим с игровым окном? При бесспорном наслоении на образ канклеса христианских традиций однозначного ответа дать нельзя. Важна постановка вопросов, особенно последнего. Ведь известно, что способ игры и форма инструмента нередко взаимосвязаны. Поэтому вертикальное положение канклеса при игре дает повод к тому, чтобы существование прототипа канклеса с игровым окном предположить на основе конструктивно-ремесленных связей в инструментарии народов Прибалтики и северо-западных славян. Здесь эти связи существенны. Например, изображение «крылообразного» псалтиря можно найти на костяной пиксиде XIV в. или серебряных чашах XII в. из Византии⁵, а «чешское крыло» с веером струн — в миниатюрах и фресках в Чехии⁶, но в них мы не найдем столь знакомый и важный для типологии гуслей струнодержатель.

Последний запечатлен лишь однажды — на браслете из Старорязанского клада XII—XIII вв.; гусли, не имеющие окна, поэтому у играющего перстами гудца они лежат на коленях. Благодаря ясности этого изображения правильно читается и браслет из Киевского клада XII в.: на нем также выгравированы крыло-видные гусли, хотя и обобщенно, без заострения ювелиром вни-

мания на струнодержателе. А вот изображений гуслей с игровым окном, кажется, вообще неизвестно, что создает вокруг них ореол таинственности и отчасти усложняет задачи их реконструкции.

Одно свидетельство об инструменте с окном, который держат при игре вертикально, находим в миниатюре Новгородской Псалтири конца XIII в., в сцене Давида, окруженного музыкантами, но признать в нем гусли не можем, так как он опять-таки лишен струнодержателя⁷. Кроме того, зная теперь о высокохудожественных формах раскопанных гуслей, трудно поверить, что это они воплотились в столь обобщенных очертаниях. Вероятнее другое: следуя «документальности» библейского сюжета, миниатюрист заботился об экзотичном для Новгорода инструментари. Вот почему этот инструмент, перекликаясь с новгородскими находками, равно напоминает и лирообразные Западной Европы. Чем же последние отличались? Какова их распространенность? Вкратце рассмотрим их и сопутствующие им инструменты.

На миниатюре из Чешской Библии Велислава 1340 г. у одной из женщин в руках в вертикальном положении «цитра» (рис. 2, 3), грушеобразный корпус которой лишен так называемого резонаторного отверстия, «голосника». В верхней части — игровое окно, в нижней — на широкой площадке своеобразно закреплены восемь струн. Так же они крепятся и в инструменте без окна — чешском крыле у стоящей рядом музыкантши: индивидуальные для каждой струны порожки рассеяны на округлом выступе крышки (деки)⁸. Созвучие этой конструкторской мысли мы находим на изображении, хранящемся в библиотеке Парижа: Leierzither X в. унизан на разных уровнях трех-четырёхструнными порожками (рис. 2, 2)⁹.

Заметим, что различные чешские щипковые, с окном и без окна, что не мешает их все держать при игре вертикально (вспомним о канклесе), по общему у них способу крепления струн составляют семейство гуслеобразных. Не случайно в книге «История чешской музыки в картинах» инструмент, напоминающий крыловидные гусли, назван чешским крылом, а рассмотренный выше с игровым окном и еще один — «кобзообразный» (по Фаминцыну) из Чешского Пассионала 1314—1321 гг. — именуется цитрой и в скобках толкуются как вид гуслей¹⁰.

Цитра из Библии Велислава сходна по очертаниям (но, как выясним, не более чем по очертаниям) с щипковой лирой, нарисованной в Эгбертинской Псалтири X в. К сожалению, лира показана с тыльной стороны, и через окно видны лишь расположенные веером шесть струн, но неизвестен способ их крепления¹¹. Лира с выраженной талией и другая с вставной колковой планкой вверху окна обобщенно нарисованы в Утрехтской Псалтири 850 г.¹² В этих и других изображениях варьируются формы лир, которые, как установил К. Закс, связаны с определенными районами Европы¹³. Разные по форме, они не разрушают конструктивную сущность лиры, основанную на воспринятом от антично-

сти принципе звукообразования. К сожалению, главный показатель этого принципа — струнодержатель — нередко изображался условно. Так, в Кентерберийской Псалтири VIII в. изображен Давид, играющий на лире с прямыми боками, шесть струн которой веером проходят от колковой планки окна до нижнего края резонатора¹⁴. Чтобы получить звуки на таком инструменте, необходимо струны приподнять над корпусом при помощи кобылки (подставки). На миниатюре эта важная деталь подразумевается

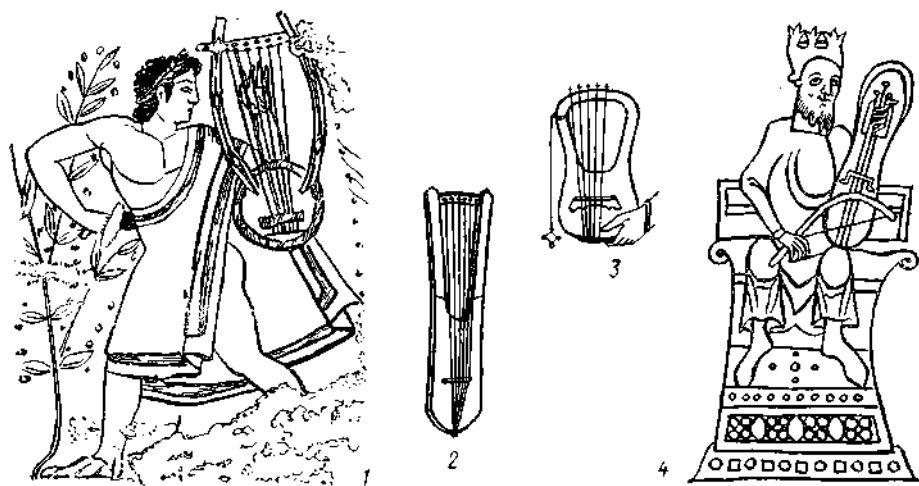

Рис. 1. Инструменты с универсальным струнодержателем.

1. Изображение лиры (барбитона) на фреске в Этрурии. 475 г. до н. э.
2. Лира (рота), найденная в вонском могильнике на юге Германии. V—VIII вв. Реконструкция XIX в.
3. Изображение лиры в манускрипте из Сен-Блез. Не позднее XIII в.
4. Давид, играющий на кроте. Миниатюра из кодекса св. Марциала Лиможского. XI в.

под правой рукой музыканта. Бесспорное же наличие кобылки демонстрирует аббат Мартин Жербер в своем «Трактате о музыке», приводя изображение лиры из манускрипта из Сен-Блез (рис. 1.3). Эта лира, являясь чуть ли не копией инструмента из Эгбертинской Псалтири, в отличие от своего двойника показана с лицевой стороны, поэтому хорошо виден веер из пяти струн, фигурная кобылка и плектр, подвешенный на ниточке к окну¹⁵.

Данные миниатюр подтверждаются археологическими находками. Замечательны целые раннесредневековые кобылки из янтаря и кости, две из которых найдены в Швеции и одна — в Нидерландах¹⁶. Их форма позволяет расположить на них 5—6 (7?) струн в одной плоскости, что указывает на их принадлежность щипковым лирам. В Норвегии на хуторе Кравик в районе Нумедаль найден корпус позднесредневековой лиры¹⁷. Корытце вместе

с окном выдолблены из одного бруса, в колковой площадке размещены 8 отверстий, внизу корпус кончается выступом-держателем для струн; такой выступ (кнопка) дает гарантию, что лира имела под струнами кобылку. Подобным приспособлением обладает лира из Кельна VIII в.¹⁸ Особенно популярна лира (рота), найденная в 1846 г. в воинском могильнике V—VII вв. на юге Германии. Плоский дубовый корпус реконструированного в прошлом веке инструмента снизу имел кнопку-струнодержатель, а сверху, между боковыми стойками окна — отдельную планку с шестью отверстиями для колков. Под струнами располагалась кобылка. Верхняя крышка без каких-либо отверстий (рис. 1, 2)¹⁹. Эта раннесредневековая лира-рота поразительно сходна с лирой, изображение которой (к сожалению, с тыльной стороны) во время щипания на ней струн через игровое окно донесла до нас золотая диадема IV в. до н. э., найденная в селе Сахновка Черкасской области²⁰. Эта находка убеждает в том, что вертикальное положение лиры при игре уходит в глубь времен.

Струнодержатель с кобылкой среди прочих оказался универсальным и незаменимым при конструировании в Европе смычковых. Не случайно щипковая лира на грани I и II тысячелетий обзаводится смычком. С новым способом звукоизвлечения в ее верхней крышке прорезаются отверстия. Но произошло это не сразу. Во всяком случае на миниатюре из кодекса св. Марциала Лиможского XI в. трехструнный крот (Croth) еще не имеет отверстий (рис. 1, 4)²¹.

В целом внешне похожие инструменты по особенностям звукообразования и по некоторым дополнительным признакам можно разделить на следующие группы.

1. **Лир ы щ и п к о в ы е.** Они унаследовали от греко-римских прототипов основные черты — игровое окно, веерообразное расположение струн, универсальный струнодержатель. В ранний период были распространены долбленные лиры с отдельной, вставной колковой планкой; позже они долбили из единого бруса уже вместе с планкой, крышка была без отверстий. Через Германию, Францию, Англию лира достигла Скандинавии. Западным славянам также был известен какой-то лирообразный инструмент, о котором упоминает под 591 г. Феофилакт Симокатта, рассказывая о трех славянах, имевших при себе «лиры-кифары»²².

2. **Лир ы с м ы ч к о в ы е.** Известны с XI в. В них сохранены струнодержатель с кобылкой и полностью или частично окно, но щипковый способ звукоизвлечения заменен на смычковый. Это, наверно, связано с распространением с Востока смычковых с шейкой, называемых иногда лирами, лирицами. Появляются варианты с тремя струнами. В крышке прорезаются отверстия. Из Западной Европы смычковая лира попала в Швецию, Финляндию, Эстонию, где и поныне сберегла «античный» облик с веером от двух до четырех струн, причем одни долбятся с отдельной колковой планкой, другие — целиком из одного бруса. Таковы хийуканнель, йоухикантеле и др. Эту лиру не знали славяне и

балты, значит, и вышеупомянутая щипковая лира не была у них популярна.

3. Цитры с игровым окном. Щипковые, с многострунным веером, долбились, судя по изображениям, из одного бруса, крышка без отверстий. Струнодержатель у них устроен в виде неподвижных креплений каждой струны отдельно к резонатору. В плане звукообразования он родствен неподвижному «лютнево-му» струнодержателю, присущему греческим лирообразным псал-

Рис. 2. Инструменты с разновидностями стационарного струнодержателя.

1. Египетская лира. Фрагмент росписи 1420—1421, гг. до н. э.

2. Лира-цитра. Библиотека Парижа. Изображение X в.

3. Цитра на миниатюре из Чешской Библии Велислава, 1340 г.

тирям, разновидности античных кифар и еще более древним египетским (рис. 2, 1) и шумерским лирам, а по форме он встречается в Средней Европе с преобладанием в Чехии. Изображения цитр с таким креплением струн датированы началом XIV в., но сами они созданы раньше, возможно в X в. Отзвуки своеобразия конструкторской мысли, прослеженной в чешской иконографии, возможно, нашли отражения в поздних чехословацких²³ и венгерских цитрах²⁴. Поразительно, что солицеподобный выступ чешского крыла повторяется в поздних литовских канклесях, снабженных одновременно и утицами²⁵.

4. Крыловидные гусли с игровым окном. Щипковые, с веером струн от пяти до восьми (девяти?), долбились из целого бруса; в полочке, известной по двум находкам, не было

отверстий. Струнодержатель — стержень, стабильно связанный посредством ушек с резонатором, по особенностям звукообразования также родствен египетским и шумерским лирам, греческим лирам-псалтирям и относительно поздним арфоподобным псалтирям, изображенным на византийских чашах XII в., но по форме, кажется, нигде в Европе со средневековья не встречается, кроме прибалтийского региона. Для точности рассмотрим следующий факт.

Струны некоторых нарисованных на вазах античных лир внизу корпуса крепятся к стержню, чем вполне напоминают гусликантеле. Далее, эти же струны проходят через кобылку, которой, как помним, заканчивается комплекс подвижного струнодержателя: отсюда, но не от стержня, начинается рабочая часть струны. Следует ли в подобных лирах видеть предпосылки к формированию у гуслей-кантеле стационарного струнодержателя? Думается, нет, так как среди европейских инструментов неизвестно ни одного, который, обладая одновременно стержнем для крепления струн и кобылкой, являл бы собой переходную стадию и создавал временной и географический мост между древним миром и зоной Прибалтики II тысячелетия. Напротив, случаи неизменного сохранения в тысячелетиях (!) комплекса стержень — кобылка нам известны. С таким комплексом пришел из древности, например, эфиопский инструмент — баганна. Так что здесь налицо вероятность конвергентного образования в разных местностях единого комплекса струнодержателя.

Таким образом, от древнейших цивилизаций через античные лиру, кифару и другие импульс в формировании в Европе лирообразных получил два направления: одно, связанное с германским и северными народами, включая и прибалтийских финнов, диктовало струнодержатель с подвижной подставкой (рис. 1, 1)²⁶, другое, по-видимому, отчасти пролегало через Запад, но преимущественно через Византию порождало у западных и северо-западных славян и балтов разновидности стационарного струнодержателя. Свидетельствами общего импульса у этих направлений были игровое окно, веерообразное расположение струн, вертикальное положение при игре, отсутствие отверстий в крышке. Местные лирообразные объединялись европейскими приемами — долблением из цельного бруса и изготовлением врашающихся колков, очень сомнительно, что последние уже входили в комплекс лиры-псалтиря из гробницы в Уре²⁷.

Очевидно, гусли с оклом находят аналогию всем своим формам, кроме струнодержателя. Впитав европейский опыт конструирования, они обогатили его новым элементом. Временем возникновения гусли также обязаны причинам общеевропейского масштаба: в IX—XI вв. в сельский уклад жизни в Европе врывается город с его торгом, христианский культ распространяется на новые территории, наряду с устной традицией появляется письменная, помимо обрядовой гудьбы, преисполненной сакрального, зарождается светское профессиональное музицирование с его

устремленностью в эстетическое. Стремясь укрепить позиции причудливой мифологии, в которой почитались магические инструментальные звуки, а вместе с тем способствуя переменам, конструируются, модифицируются инструменты. В этот период, в связи с началом проникновения в Европу восточных тамбуровидных щипковых и смычковых, на миниатюрах появляются основополагающие, иногда «экспериментальные» образцы будущего европейского инструментария. Знаменательно, что именно в Новгороде, крупном торговом и культурном центре средневековой Европы, в слое второй половины XI в. найдены гусли, в облике которых воплотились две культурные традиции: устная, потому что ее атрибутом являются сами гусли, и письменная, потому что на их корпусе была сделана резная славянская надпись «Словиша». Согласно общеевропейской ситуации процесс сложения гуслей с окном мог завершиться в IX—X вв., и одним из активных центров, ускоривших его, был Новгород. Закономерно, что и в последующие века Новгород был своего рода гусельной мастерской, влиявшей на «лицо» инструмента. Нагляден переход от гуслей с окном к гуслиям «цельным»; с конца XII до 40—60-х годов XIII в. они бытовали параллельно, а уже в XIV—XV вв. утверждается инструмент без окна. Думается, что способы игры обеими руками поверх гуслей, позволявшие неизменно исполнять традиционные «сыгрыши-наигрыши», способствовали исчезновению окна как пережитка древности. Однако этот пережиток был устойчив в облике гуслей несколько веков, стал необходимым звеном в их дальнейшем формоизменении и ныне позволяет проследить истоки цельных гуслей. Переход к цельным гуслиям — особый этап в их истории, но он не исключителен, и позже конструкторская мысль народов — носителей гусельной традиции воплощалась в разновидностях гуслей. Не столь очевиден процесс складывания гуслей с окном, однако внести ясность в эту проблему помогают две находки гуслей с территории современной Польши.

В 1949 г. в Гданьске в слое 1255—1275 гг. обнаружен долбленный из липы корпус инструмента с игровым окном и пятью отверстиями для колков (рис. 3, 3)²⁸. По очертаниям — это вариация новгородских гуслей, не хватает лишь полочки и струнодержателя. Другой инструмент найден на юге Польши в Ополе в границах укрепленного города X—XIII вв. в слое третьей четверти XI в. (рис. 3, 2)²⁹. Вверху липового корпуса частично уцелело окно с одним колковым отверстием. По форме он также близок новгородским гуслиям, но маленький (возможно детский), длина примерно 28 см, ширина 4 см. Тем не менее строился он с соблюдением всех столярных приемов: полочка, от которой найдены лишь предполагаемые фрагменты, вставлялась в корпус сверху в паз, отобранный по периметру долбленного корытца. Этот пример известен по новгородским гуслиям, найденным в слое начала XIII в. (рис. 3, 1).

Работы польских исследователей по реконструкции этих находок привели к следующим результатам. В. Голубович и Л. Петке-

вич графически изображают инструмент из Ополе с тремя струнами как смычковый³⁰. В. Каминский также строит его смычковым, но уже практически снабжает двумя струнами и механическим устройством для их укорачивания при игре, поводом к чему стали загадочные полукруглые выемки в торцевых стенках крыльца. Однако единственное достоверное колковое отверстие им никак не использовано, отступление от данных документа очевидно³¹. Гданьский инструмент сделан С. Мадайским по рекомендациям З. Шульца как шипковый и одновременно как смычковый³².

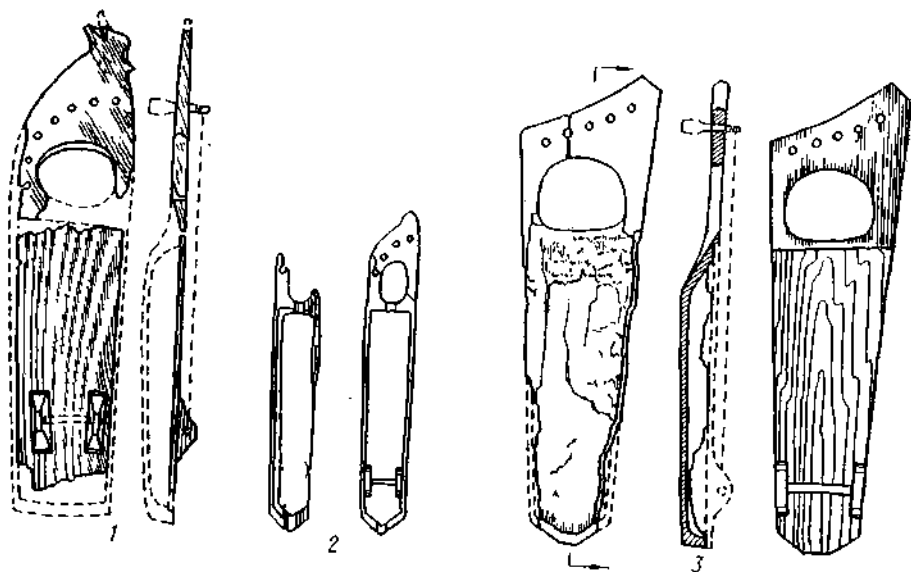

Рис. 3. Новгородские и польские находки струнных инструментов и варианты их реконструкции.

1. Гусли начала XIII в. Новгород.
2. Гэньшье XI в. Ополе.
3. Гэньшье XIII в. Гданьск

В практических вариантах полочки снабжены отверстиями. Неудивительно, что все варианты в силу отнесения их к смычковому или переходному шипково-смычковому типу сохраняют общес — струнодержатель с кобылкой. Указанные работы осуществлялись на фоне различных теоретических догадок. В частности, А. Аырапаа и О. Андерссон представляли гданьский инструмент шипковым, принадлежащим к роду финско-балтийских кантеле-капклевсов. Об этом упоминает в своем труде К. Яжджевский, хотя и придерживается иной точки зрения.

Предполагая переходный тип, он отмечает в названиях инструментов генетическую последовательность от шипковых к смычковым, например, харпа и стракхарпа, кантеле и йоухикантеле, и

указывает на амбивалентное к тем и другим применение в древности польского *geśle* (гэншьле)³³. Список примеров можно продолжить. В прошлом веке фриульские словины под словом *góslie* понимали иногда скрипку, иногда род мандолины, а соседние с ними резяне именем *óslie* называли цитрообразный инструмент. Однако, равно как и гэншьле, все эти названия не выявляют инструмент переходного типа, а лишь означают вообще струнные, что замечено А. С. Фаминцыным³⁴. На этом пути нас ожидает больший сюрприз: белорусы словом гусли называют не только струнные, но и духовые инструменты³⁵. Бесспорно, что не всякий щипковый инструмент обладает предпосылками к превращению его в смычковый, последовательность в названиях и последовательность в конструкции не одно и то же. Ранее мы убедились, что мостом к созданию йоухикантеле было не кантеле, а лира с универсальным струнодержателем. Славянские же смычковые с шейкой (!), сформировавшиеся под влиянием Востока, если и соприкасались когда-либо с упомянутой разновидностью лиры, то являли собой лишь стимул к тому, чтобы струны последней загудели под смычком. А лиры-кифары славян VI в.? Более вероятно, что у них был стационарный струнодержатель. К. Яжджевский приводит упоминание монаха Герменрика из Эльвангена о наличии у славян в первой половине IX в. псалтиря³⁶. Псалтирь — сугубо щипковый инструмент, и, чтобы заиграть на нем смычком, необходимо, оформив его кобылкой, вмешаться в особенности исконого для него принципа звукообразования. Допустим, Герменрик назвал псалтирем лирообразный инструмент, который в обилие польских находок в XI—XIII вв. сделался переходным к смычковым. Его история на этом оборвется, ибо по наличию окна он не найдет себе продолжения в польских смычковых, а по струнодержателю с кобылкой разминется и с чешскими цитрами XIV в., и с этнографическими канклесами соседних литовцев, и, наконец, с современными ему, хотя и отдаленными географически, гуслиями из Новгорода. Зато в щипковом варианте инструмент, подобный польским находкам, не окажется столь одиноким.

Располагая блестящим собранием новгородских гуслей, найдя им аналогии в польских гэншьле не только по внешним контурам, но и по столярным приемам, учитывая данные обзора лирообразных, можно сделать вывод о том, что польские и новгородские находки — произведения единой школы изготовления музыкальных инструментов. Это дает нам право предложить вариант реконструкции гданьского инструмента как щипкового со струнодержателем, состоящим из ушек и стержня и сделанным из одного бруса вместе с полочкой, лишенной отверстий. Такой же вариант приложим и к трех- четырехструнным гэншьле из Ополе, но с оговоркой. Не видя оригинала, трудно судить о происхождении выемок в торцевых стенках его корытца, однако заметим, что иногда деградированное дерево расслаивается с аккуратным выпадением сердцевины. Не тот ли это случай? Краткость изложения материала не позволяет остановиться на многих деталях ре-

конструкции польских находок, а дает возможность решить лишь главный вопрос.

В истории крыловидных гуслей важная роль отводится балтам и финно-уграм. Приурочивать процесс формирования гуслей с окном к кануну складывания городов, в частности Новгорода, значит прийти к выводу, что гусли строились в обстановке этнокультурных взаимосвязей разных народов: гипотеза В. Л. Янина и М. Х. Алешковского об объединении трех поселений — кривичей, словен и меря, положивших начало Новгороду, подкрепляется особенностями его политической и административной жизни в XII—XV вв.³⁷ Важно, что гданьские гэншьле найдены вблизи границы с балтским племенем пруссов. Было бы трудно понять отдаленность польских находок от новгородских без осознания обширного прибалтийского региона как носителя в древности общего для нескольких народов шипкового инструмента. Начальный опыт этих народов по строительству эпических струнных из костей, следы которого отмечались в устройстве некоторых западнославянских смычковых еще в 1788 г.³⁸, в русле общеевропейских конструкторских усилий растворился в строго организованном инструменте из дерева.

Связь в конструктивно-ремесленном плане между отдаленными в прибалтийской зоне славянами была шире. Археологически она прослеживается в формах деревянных ковшей, ложек, в фигурках «идолов», детских игрушках. Из этнографических параллелей назовем две выдающиеся вещи-формулы, известные в архангельском крае, куда переселялись новгородцы, и в Польском Поморье. Это — детский шаркунок, сложенный из многих взаимно крепящих одна другую деревянных деталей, и щепная птица.

Все это дополняет известную гипотезу о древнем переселении славян, заселивших Новгородскую землю, из Польского Поморья и об их длительном контакте с балтами по мере продвижения на восток³⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вертков К. А. Типы русских гуслей. Славянский музыкальный фольклор. М., 1972. С. 275.

² Slavinskas Z. Lietuviu Kanklės. Tautasakos Darbai. Kaunas, 1937. T. 3. Fofo 25, 37, 39, 44; Поветкин В. И. Новгородские гусли и гудки//Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 305.

³ Фаминцын А. С. Гусли — русский народный музыкальный инструмент. Спб., 1890. С. 54.

⁴ Калевала. Перевод Л. П. Бельского. Спб., 1902. С. 105—106. Руна 40.

⁵ Даркевич В. П. Светское искусство Византии. М., 1975. С. 90—91, 170.

⁶ Volek T., Jareš S. Dějiny české hudby v obrazech. Praha, 1977. Obr. 22, 24, 29—31.

⁷ В связи с изготовленными в прошлом веке и опубликованными копиями этой миниатюры, на одной из которых интересующий нас инструмент по воле копииста дополнен струнодержателем, предлагаем обратиться к оригиналу (ГИМ. Собр. Хлудова. № 3) или к его качественной репродукции в книге О. С. Попова. Русская книжная миниатюра XI—XV веков (на фр. языке) (Л., 1975. Рис. 27).

⁸ Volek T., Jareš S. Op. cit. Obr. 29.

- ⁹ Sachs C. Handbuch der Musikinstrumentenkunde. Leipzig, 1966. Abb. 32.
- ¹⁰ Volek T., Jareš S. Op. cit. Obr. 22.
- ¹¹ Guike P. Mönche, Bürger, Minnesänger. Leipzig, 1975. T. 8.
- ¹² Bragard R. Les instruments de musique dans L'art et L'histoire. Bruxelles, 1973.
- ¹³ Sachs C. Historia instrumentów muzycznych. Warszawa, 1975. S. 286.
- ¹⁴ Paguette D. L'instrument de musique et la peinture. Archeologia. Jan. 1974. N 66. P. 52.
- ¹⁵ Viollet-leDuc. M. Dictionnaire raisonne du mobilier Français. Paris, 1871. P. 290.
- ¹⁶ Salmen W. Urgeschichtliche und mittelalterliche Musikinstrumente aus Schleswig—Holstein//Berichte und Mitteilungen aus dem Schleswig—Holsteinischen Landesmuseum für Vor- und Frühgeschichte in Schleswig. 1970. B27. Abb. 1.
- ¹⁷ Гринде Н. История норвежской музыки. Л., 1982.
- ¹⁸ Lawson G. Zwei Saiteninstrumente aus Haithabu. Das archeologische Fundmaterial. Neumünster, 1984. V. IV. Abb. 4, 2.
- ¹⁹ Kinsky G. Katalog des musikhistorischen Museums von Wilhelm Heyer in Köln. Zweiter Band. Köln, 1912. N 760.
- ²⁰ Киевский музей исторических драгоценностей. Альбом. Сост. О. Д. Ганна. Киев, 1974. Рис. 6, 7.
- ²¹ Smits J. van Waesberghe. Musikerziehung. Musikgeschichte in Bildern. Leipzig, 1969. Abb. 37.
- ²² Фофилакт Симокатта. История. М., 1957. С. 140.
- ²³ Kunz L. Die Volksmusikinstrumente der Tschechoslowakei. Handbuch der europäischen Volksmusikinstrumente. Leipzig, 1974. N 1/2.
- ²⁴ Sárosi B. Die Volksmusikinstrumente Ungars. Handbuch der europäischen Volksmusikinstrumente. Leipzig, 1967.
- ²⁵ Slavinskas Z. Op. cit. Foto 39, 44.
- ²⁶ Buchner A. Encyclopédie des instruments de musique. Paris, 1980. Foto 43.
- ²⁷ Ibid. P. 32—33. В реконструкции вместо колков должны быть закрутки.
- ²⁸ Jażdżewski K. O zagadnieniu polskich instrumentów strunowych z wczesnego średniowiecza. Prace i materiały. Museum archeologicznego i etnograficznego w Łodzi. Seria archeologiczna. 12. Łódź, 1966. S. 8—9.
- ²⁹ Ibid. S. 12.
- ³⁰ Ibid. S. 12.
- ³¹ Oledzki S. Polskie instrumenty ludowe. Krakow, 1978. Foto 3.
- ³² Jażdżewski K. Op. cit. S. 9.
- ³³ Ibid. S. 18.
- ³⁴ Фаминцын А. С. Указ. соч. С. 2.
- ³⁵ Назина И. Д. Белорусские народные музыкальные инструменты. Струнные. Минск, 1982. С. 16.
- ³⁶ Jażdżewski K. Op. cit. S. 13.
- ³⁷ Янин В. Л., Алешковский М. X. Происхождение Новгорода: (К постановке проблемы)//ИС. 1971. № 2. С. 42—43, 51; Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 242—243.
- ³⁸ Фаминцын А. С. Указ. соч. С. 2.
- ³⁹ Седов В. В. Указ. соч. С. 66; см. статью В. В. Седова в настоящем сборнике.

Т. В. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

ЭПИГРАФИКА И КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА ДРЕВНЕГО НОВГОРОДА

Открытие берестяных грамот и изучение новгородских эпиграфических памятников, прежде всего надписей-граффити¹, дали основание для прослеживания связей этих письменных источников с книжной традицией Новгорода. Языковые и палеографические данные рукописей, исследование которых имеет давнюю традицию, могут быть соотнесены с данными надписей и берестяных грамот этого же времени, как правило, обладающими более точной датировкой. Показания разных категорий текстов в их схождениях и расхождениях определяют и ту среду, в которой они функционировали.

Древнейшие новгородские рукописи относятся ко времени не ранее середины XI в. — это переписанное в Новгороде (по, как считают большинство исследователей, не новгородцем) дьяком Григорием Остромирово евангелие 1056—1057 гг. и новгородские Минеи 1095, 1096, 1097 гг. Первой половиной XI в. некоторые исследователи датируют Путятину минею, характеризуя ее как древнейшую русскую рукопись². Второй половиной XI — первой половиной XII в. датируется около 200 надписей-граффити Софийского собора. К первой половине XI в. относится и несколько берестяных грамот, в том числе и берестяная азбука № 591, изданная и исследованная В. Л. Яниним³. К рубежу X—XI вв. и самому началу XI в. можно с уверенностью отнести только несколько надписей на новгородских деревянных цилиндрах⁴ и надписи на златниках и сребренниках Владимира и Ярослава. Уже в этих ранних текстах, несмотря на их краткость, проявились графико-орфографические черты, отразившие языковые особенности Новгорода. В них пашло отражение неразличение аффрикат *ѣ* и *ч* (т. е. цоканье), в частности в надписи на деревянном цилиндре № 5, датированном концом X в., «мецьницъ мѣхъ въ тихъ м [о] ть [хъ] пол [ѣц] ѣтврѣ [тъ]»⁵. Отразилась и одноеровая графика, т. е. употребление исключительно буквы *ѣ* для обозначения редуцированных звуков. В этой графике, помимо надписи на цилиндре, исполнены и некоторые граффити второй половины XI — начала XII в. из Софийского собора. Как частный случай одноеровости можно рассматривать «сѣребро» с *ѣ* в первом слове в надписи на монетах Ярослава Мудрого⁶, хотя такая графика, безусловно, восходит к древнеболгарской традиции⁷. В граффити и берестяных грамотах XI—XII вв. и более позднего времени

графически не отражается вторая палатализация заднеязычных, т. е. отсутствует переход их в свистящие перед дифтонгическими *ѣ* и *и*⁸: ср., например, написание Борькъ, Белькъ, в роугъ, роуки⁹.

Отмеченные признаки характеризуют русскую редакцию старославянской письменности, для определения которой особую важность приобретают графико-орфографические факторы. Формирование этой редакции проявлялось в проникновении в текст собственно восточнославянских черт. Вместе с тем удерживались те графические особенности (древнеболгарские по происхождению), которые не отражали реальной фонетической ситуации древнерусского языка. Это относится, в частности, к одноеровой графике. В «некнижных» памятниках Северной Руси представлен и особый вариант кириллического алфавита, о чем свидетельствуют берестяные азбуки XI (№ 591) и XII вв. (№ 460)¹⁰. Наряду с азбукой в Киевской Софии, открытой С. А. Высоцким¹¹, эти памятники показывают, что восточнославянская редакция кириллицы первоначально имела несколько вариантов в наборе буквенных знаков.

Все эти черты проявились в новгородских текстах светского, делового характера — в эпиграфике и берестяных грамотах, удерживаясь в них дольше, чем в рукописях.

Древнейшие русские надписи на деревянных цилиндрах заставляют более осторожно относиться к мнению Б. А. Успенского о том, что княжеская канцелярия в X в. пользовалась только церковнославянским языком и лишь позднее деловые документы пишутся на русском языке¹². Отражение цоканья и одноеровая графика в надписях на цилиндрах свидетельствуют в пользу того, что княжеская администрация Новгорода использовала восточнославянскую речь для письменной фиксации текста до официального крещения.

С середины XII в. значительно расширяется круг памятников «некнижной» письменности. Начиная с рубежа XII—XIII вв. в ней проявляются черты, которые позволяют говорить о том, что нормы этой письменности находились в сложном взаимодействии с нормами книжного письма. Наши материалы надписей XIII—XIV вв. из церкви Спаса-Нередицы и Николы на Липне подтверждают выводы А. А. Зализняка, сделанные им на материале берестяных грамот¹³, о том, что в Новгороде существовала особая бытовая графическая традиция, отличная от книжной¹⁴. Ее главными чертами были: в палеографии — архаизация и «запаздывание» начертаний, в орфографии — смешение в парах *ѣ—о* и *ѣ—е*, в графике — неразличение *е* и *ѣ*.

Что касается одноеровых написаний, то они ограничены лишь ранним периодом берестяных грамот и надписей и в начале XII в. выходят из употребления.

Один из наиболее распространенных типов текста в граффити — молитвенная формула — «такой-то писал». В подавляющих случаях в новгородских надписях второй половины XI — первой половины XII в. в корне глагола *писати* употребляется *ѣ* вместо этимологического *ѣ*¹⁵. Считается, что здесь отразился начавшийся

процесс падения редуцированных. Следует учесть, что незтимологический *ѣ* появляется в корне слова, которое семантически связано с письменной культурой и входит в устойчивую формулу. Этот факт позволяет видеть здесь скорее графическую черту. В граффити Киевской Софии этого же времени вариант слова *писал* через *ѣ* встречается значительно реже, чем в Новгороде. Авторы киевских граффити пишут его через *ѣ* под титлом: *ѣль*¹⁶. Такие формы с *ѣ* имеются и в новгородских надписях, но не являются там преобладающими. По-видимому, удерживанию одноеровой графики в написании слова «*псал*» через *ѣ* в новгородских текстах способствовало следующее обстоятельство: автор граффити отдавал предпочтение наиболее неопределенному по качеству *ѣ*, так как различие в качестве самого редуцированного не имело значения. Косвенным подтверждением этого предположения может служить неоднократное использование *ѣ* в рукописях, берестяных грамотах и надписях XI—XII вв. в качестве вставочного гласного между двумя согласными, особенно в заимствованных словах и именах собственных¹⁷. Это явление хорошо известно в книжных и эпиграфических памятниках всей восточнославянской территории, в том числе в надписи XI в. на камне из Софийского собора в Полоцке (Петъръ)¹⁸. Как общедревнерусская особенность данное явление входило в книжно-письменную систему Новгорода.

В берестяных грамотах XIII—XIV вв. почти нет смешения *ь* и *ѣ*; оно вновь появляется лишь на рубеже XIV и XV вв., в основном в конце слова, что позволило А. А. Зализняку связать эту мену *ь* и *ѣ* с влиянием южнославянской орфографии¹⁹.

Наши материалы надписей из Спаса-Нередицы, датирующиеся серединой и отчасти началом XIV в. (Лазорь псаль ... Хомуть оженился Ондрьєю мон ...) (рис. 1), свидетельствуют о том,

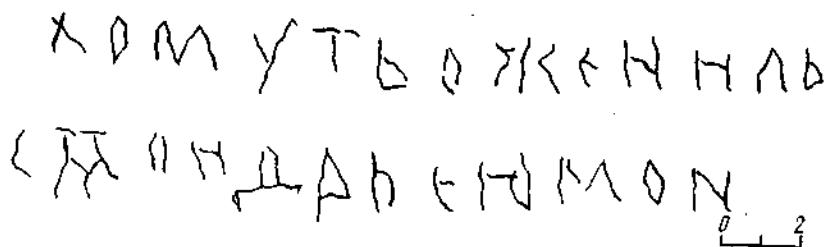

Рис. 1. Прорись надписи из церкви Спаса-Нередицы

что некоторые черты (смещение *ь* и *ѣ*, мена юсов и др.), которые со времен А. И. Соболевского расценивались как южнославянское влияние, появляются в новгородской «некнижной» письменности несколько ранее. Сказанное подчеркивает актуальность дальнейших исследований причин подобных явлений. Палеографические и графико-орфографические особенности берестяных

грамот и граффити, с одной стороны, и рукописей XII—XIII вв. новгородского происхождения (Собрание Новгородской Софийской библиотеки; ГПБ. Рук. отд. Соф. 85, 122, 385, 518, 519, 1324) — с другой, позволяют предположить существование в Новгороде местной письменной традиции.

Как показали исследования киевских граффити XI—XII вв., осуществленные С. А. Высоцким, аналогичная ситуация имела место в Киеве²⁰. В Новгороде местная традиция сказалась в использовании двух систем письма: книжной и бытовой. Овладение бытовой системой, отличающейся от книжной, но не противопоставленной ей, было первой ступенью обучения. Бытовое письмо применялось в бытовой и деловой переписке. В меньшей степени эта система использовалась в граффити. Это объясняется более широким социальным составом авторов берестяных текстов, чем авторов граффити и особенно книжных писцов, прошедших специальное обучение. Кроме того, это объясняется и самим характером текстов граффити, их жанровой спецификой.

Надпись как явление культуры, как особый тип письменного текста в жанрово-стилистическом отношении занимает пограничное положение между письменностью и литературой. Надписи могут представлять собой и богослужебный текст, и молитвенную формулу, и бытовую запись. Граница между литературным и вне-литературным в древнерусском языке проходила через берестяные грамоты²¹. Граница между бытовой и книжной культурой проходит через эпиграфический текст. Для определения жанровой специфики надписи важно учитывать ее устойчивость, хотя и с известной свободой варьирования (формула «Господи, помози рабу своему...» может быть усечена до «Господи, помози» и расширена до «богатому грехы, убогому добрыми делы» и т. д.). Необходимо принимать во внимание жанровые связи древнерусской надписи с византийско-христианской и даже античной традицией.

На протяжении столетий берестяные грамоты и граффити характеризуют уровень грамотности той бытовой среды, в которой развивалось мастерство книжных писцов Новгорода, создателей таких памятников книжного искусства, как Остромирово евангелие, новгородские Минеи, Милятино евангелие, Саввина Триодь. О влиянии книжного письма в граффити свидетельствуют и многочисленные рисунки орнаментов, птиц, животных, заставок, орнаментальных букв, крестов, употребление креста в начале текста в качестве инвокации, что характерно и для берестяных грамот. Вместе с тем для новгородских граффити типична и более упрощенная, чем в рукописях, система сокращений слов, отсутствие титл и выносных букв. В этом отношении представляет интерес надпись в дьяконнике Спаса-Нередицы, расположенная в две строки: **НБ ПОУСЪЧЬ ПЛСУ** (рис. 2). Надпись является записью первых слогов дней недели, начиная с воскресенья: воскресенье, понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота²². Граффити палеографически датируются серединой XIV в.

Внимание к письменному слову и грамотности проявилось в многочисленных азбуках и их фрагментах на стенах Спаса-Нередицы и церкви Николы на Липне. Традиция воспроизведения азбук известна и в новгородских рукописях более позднего времени. Например, на полях гадательной Псалтыри XIII в. из Нередицкого монастыря имеются записи азбук почерками XIV—XVI вв.

В церкви Спаса-Нередицы на северной стене юго-восточного столба дважды прочерчена надпись: «Лазоръ псалъ грамоту». Там же находится плохо сохранившаяся надпись: «Немос псал [ъ] грамотоу». Все эти тексты заключены в рамку, палеографически они датируются первой половиной — серединой XIV в.

Рис. 2. Прорись надписи из церкви Спаса-Нередицы

Как известно, слово грамота (*gramota*) в древнерусском языке было многозначным. Грамотой назывались и система письменных навыков, и документ, и письмо (в том числе на бересте). Владимир Мономах называет свое Поучение к детям «грамотицей» и «грамотой». И надпись на стене храма так же, как и берестяное письмо, могла называться «грамотой». В данном случае слово «грамота» приобретало особый оттенок сакральности, так как надпись освящалась ее местонахождением в храме.

Итак, памятники «некнижной» письменности отражают ранний этап формирования восточнославянской редакции старославянского письма в той же степени, что и рукописи, но позволяют уточнить хронологию и территориальное распределение некоторых явлений. Так, одноеровые написания свидетельствуют о более раннем их проявлении в эпиграфике, чем в рукописях, в частности в Северной Руси, и о более длительном их употреблении.

Надписи и берестяные грамоты обнаруживают в палеографии, графике и орфографии особенности, не проявляющиеся в той же степени в книжной письменности. Эти особенности характеризуют бытовую систему письма, основу обучения грамоте в Новгороде. Существование двух графических систем позволяет говорить о новгородской письменной школе на протяжении XII—XIV вв. Это поддерживается своеобразием древненовгородского диалекта, черты которого проникали сквозь общерусскую книжную традицию.

Эпиграфические памятники и берестяные грамоты представляют собой массовую письменность и характеризуют уровень грамотности той среды, в которой развивалось мастерство книжных писцов Новгорода. Сходная ситуация наблюдается в Киеве, где деятельность княжеского скриптория, из которого вышли рукописи, выполненные по княжескому заказу, протекает на фоне раз-

вития письменности делового и бытового характера, о чем свидетельствуют граффити Киевской Софии и Кирилловской церкви.

Типологически это функциональное соотношение разных элементов, образующих письменную культуру, восходит к первым десятилетиям славянской письменности, представленной древнеболгарскими рукописями и эпиграфикой. Ранние центры книжности (Преслав в Болгарии, Киев, Новгород на Руси) возникали в разных точках славянского мира. Близость первого литературного языка славян собственным говорам и диалектам способствовала их творческому воздействию на традицию. Начальный период древнерусской письменности можно рассматривать как реальное следствие распространения славянской письменной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мединцева А. А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI—XIV вв. М., 1978.

² Марков В. М. К истории редуцированных гласных в русском языке. Казань, 1964.

³ Янин В. Л. Новгородские азбуки // Старобългаристика. София, 1984. № 1. С. 79—86.

⁴ Янин В. Л. Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 138—155; Мединцева А. А. Новгородские находки и дохристианская письменность на Руси // СА. 1984. № 4.

⁵ Принимаем чтение, предложенное А. А. Мединцевой (Мединцева А. А. Новгородские находки... С. 54).

⁶ Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X—XI вв. Л., 1983.

⁷ Русанівський В. М., Нимчук В. В. Співвідношення функцій давню руської і старослов'янської мов у Київській Русі (XI—XIII ст.) // Слов'янське мовознавство. IX Міжнародний з'їзд славістів. Київ, 1983. С. 185—210.

⁸ Зализняк А. А. Наблюдения над берестяными грамотами // История русского языка в древнейший период. М., 1984. С. 89—95.

⁹ Мединцева А. А. Древнерусские надписи... № 81, 146, 204.

¹⁰ Янин В. Л. Новгородские азбуки.

¹¹ Высоцкий С. А. Средневековые надписи Софии Киевской. Киев, 1976. № 100. Табл. III, 1, 2.

¹² Успенский Б. А. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. М., 1983. С. 12.

¹³ Зализняк А. А. Указ. соч. С. 150—151.

¹⁴ Рождественская Т. В. О некоторых графико-палеографических особенностях новгородских надписей-граффити // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 118.

¹⁵ Мединцева А. А. Древнерусские надписи... № 39, 46, 52, 53, 55, 72, 87, 157, 158, 159.

¹⁶ Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской. Киев, 1966. № 4, 9, 18, 21, 22; Он же. Средневековые надписи... № 112, 118, 120.

¹⁷ Колесов В. В. Историческая фонетика русского языка. М., 1980. С. 108.

¹⁸ Булкин В. А., Рождественская Т. В. Надписи на камне из храма Софии в Полоцке // Памятники культуры. Новые открытия. 1982. Л., 1984. С. 10.

¹⁹ Зализняк А. А. Указ. соч. С. 73.

²⁰ Высоцкий С. А. Київські графіті XI—XII ст. // Історія, культура, фольклор та етнографія слов'янських народів. IX Міжнародний з'їзд славістів. Київ, 1983. С. 145.

²¹ Флинн Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981. С. 254.

²² Чтение А. А. Зализняка и Н. А. Мещерского.

В. Д. ЧЕРНЫЙ

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД В ДРЕВНЕРУССКОЙ КНИЖНОЙ МИНИАТЮРЕ

Образ древнего города уже полтора столетия привлекает к себе внимание исследователей. За это время в научный оборот были введены «видовые планы» Новгорода на иконах, происходящих из Знаменского собора¹, Михайловской² и Фроло-Лаврской церквей³, Хутынского монастыря⁴. С последним связаны и две рукописи: «Видение пономаря Тарасия» и «Житие Варлаама Хутынского» с миниатюрами, изображающими Новгород и Хутынский монастырь⁵. Отдельная публикация была посвящена памятникам Детинца, запечатленным на омпоре патриарха Никона⁶. Вместе с тем можно сетовать на то, что не все иконописные планы увидели свет, например упомянутый в красведческой литературе Николодворищенский⁷. Все известные планы, несмотря на отдельные попытки датировать их XII—XV вв., на самом деле восходят к более позднему времени. Самые ранние из них, посвященные видению хутынского пономаря Тарасия, были созданы не раньше 90-х годов XVI в.⁸, остальные — в XVII в.⁹

Богатейший материал по истории Новгорода содержится в Лицевом летописном своде XVI в. (созданном в 70-е годы)¹⁰, который в этом плане еще не использовался. Из десяти томов свода семь (около 11 тыс. миниатюр) освещают русскую историю с 1113 по 1567 г. Причины недоверия к «палатному письму», отразившемуся в источнике, казалось, лежали на поверхности. Исследователи хотели увидеть в средневековых миниатюрах «реальные виды древнего Новгорода», других городов и столь обычную для русских поселений, преимущественно деревянную, застройку. Однако «реальные виды» не были обнаружены, да и города выглядели «почти сплошь каменными». Отсюда следовал вывод о фантастичности большинства изображенных построек¹¹. Такой вывод объясняется применением так называемой «археологической» исследовательской методики, когда изображенные предметы сравнивались с аналогичными археологическими находками, а сохранившиеся архитектурные памятники — со своими «отражениями». Но если внешний вид произведений материальной культуры художники передают почти адекватно, то городская среда не столько отражается, сколько обозначается особыми изобразительными приемами. Поэтому для анализа «палатного письма» нужна иная, более гибкая методика.

Пачнем с того, что книжная миниатюра — произведение художественного творчества. К ней не могут быть предъявлены такие же требования, как к чертежу, т. е. документу. Художники и не пытаются полностью обозначить среду или отдельную постройку, а выделяют только наиболее характерные их черты, причем разные, в зависимости от протяженности пространства, которое фиксируется в рисунке, и индивидуального видения миниатюриста¹². Важно также учесть особенности средневекового изобразительного языка, когда нечто целое передается посредством какой-то одной его части (например, дерево заменяет целый лес, одно или несколько зданий — большой участок городской территории)¹³.

Почти каждое упоминание Новгорода в летописном тексте вызывает изображение его центральной части — многоглавого храма, окруженного крепостной стеной. Нетрудно догадаться, что имеются в виду Софийский собор и кремлевские стены. Сложнее увидеть их реальные черты, встречающиеся далеко не на всех миниатюрах. Впрочем, считать воспроизведение архитектурного облика города единственной задачей художника было бы вряд ли правомерно. Ведь историческое пространство, охваченное летописным текстом, а вслед за ним миниатюрными обозначениями, выходит далеко за пределы городской среды и может включать в себя сразу несколько, порой отдаленных друг от друга, земель и не один город. Главное в такого рода изображениях — определить место города в географической среде. Поэтому архитектура играет здесь второстепенную роль. Она выполняет функцию условного знака, и требовать от нее индивидуальных особенностей не имеет смысла. Так, в миниатюре под 1456 г. (Голицинский том, далее — Г. 865)¹⁴, иллюстрируя текст о походе великого князя Василия II на Новгород, художник показывает два города, названных в тексте, — Новгород и Русу — по обе стороны озера. Конечно же, не стереотипные архитектурные формы, а правильное расположение объектов на берегах Ильмень-озера составляет смысл иллюстрации.

И все-таки зачастую в облике храма, окруженного стеной, не только предполагается, но и зримо угадывается новгородская София. Ее мощное пятиглавие в ряде случаев дополняется крытой галереей, проходящей по первому плану (Остермановский первый том, далее — 0—1. 22; Остермановский второй том, далее — 0—II. 466, 567 об.; Г. 436, 552; Шумиловский том, далее — Ш. 934, 934 об.). Иногда, когда собор показан с западной стороны, видны обе галереи (Г. 399 об., 497). Таков образ храма — символ Новгорода, появляющийся без соответствующих текстовых указаний, — «Где святая София, там Новгород Великий...»

В сценах городского масштаба, где роль архитектуры возрастает, собор является главным ориентиром, относительно которого располагаются участки застройки и отдельные сооружения. Однако их назначение пока ограничивается обозначением тех или иных территорий или местонахождения ансамблей. Таковую категорию изображений можно условно назвать «топографической». По-

жалуй, наиболее полный охват примыкающей к городу местности представляет миниатюра, посвященная приходу к подступам Новгорода в 1478 г. великокняжеских воевод (Ш. 209); На ней есть и озеро Ильмень, вдоль которого двигались войска, и Городище, и монастыри, занятые ими. Вместе с тем текст не уточняет взаиморасположения объектов. Это приходится делать миниатюристу. В нижней части листа он размещает озеро, из которого вытекает река Волхов. В противоположном углу рисунка на левом берегу обозначены Кремль с собором, чуть ниже — типичные знаки монастырей: церковка, окруженная деревянной оградой, ближе к берегу — Юрьев, подалее — еще один. Постройки на правом берегу можно идентифицировать как Городище. На примере этого изображения хорошо видны обычные для книжной миниатюры XVI в. масштабные искажения. Обозначения архитектуры своими размерами явно подавляют окружающее пространство. Так, монастыри, отстоявшие от Кремля на расстоянии более трех верст, показаны прямо у его стен.

Особенность обозначения городской территории в Лицевом своде заключается в том, что нельзя назвать и двух одинаковых композиций. С одной стороны, это объясняется творческой самостоятельностью миниатюристов, с другой — текстовой информацией. Как правило, определенные акценты в изображениях расставляются в зависимости от того, каким объектам уделяет внимание текст, сопровождающий данную миниатюру. За счет этого вместо обезличенной сплошной застройки (0—I. 381 об.; Г. 466; Ш. 691 и др.) более четко выделяются участки города. Например, иллюстрируя летописное сообщение о пожаре на Торговой стороне (0—II. 865 об.), во время которого «погоре Словенский конец и Плотнический до ручья Федоровскаго», художник показывает Торговую сторону, разделенную на две части ручьем, напротив Детинца. Здесь правильно определено место пожара и устье Федоровского ручья — несколько ниже Великого моста.

Мост, соединяющий Торговую и Софийскую стороны города, часто вводится в «схематические планы» как дополнительный ориентир (0—I. 381 об., 410 об.; 0—II. 871 об.; Ш. II и др.). Четко отмечает художник и место Ярославова Дворища (0—I. 397) на берегу Волхова напротив Кремля.

Со знанием дела показана и Софийская сторона. На иллюстрации известия о пожаре Неревского конца 1414 г. (0—II. 826) воспроизводится еще один ориентир — церковь Владимира, от которой начался пожар. Она почти в два раза больше остальных построек. Помещена церковь чуть ниже Великого моста, рядом с главной кремлевской башней — Пречистенской. В принципе такая ее локализация не противоречит исторической правде. Аналогично обозначены Неревский конец и церковь Владимира на другой миниатюре (0—II. 717 об.). Недалеко от Владимирской башни, названной так по церкви, стоявшей поблизости, показан «Владычный островок» 0—II. 225 об.) — деталь, о которой могли знать хорошо осведомленные в новгородских делах люди¹⁵.

Того же рѣвѣтла и ошѣ градъ пожегъ рѣвѣ .
и погорѣ мнѣ гостѣ ихъ
цркви и до
роуцъ и
до
дѣ
;

Рис. 1. Пожар в Новгороде

Композиция миниатюрных планов Новгорода довольно разнообразна. Наиболее характерные из них членились по горизонтали (Лалтевский том, далее — Л. 998; 0—I. 381 об., 410 об.; 0—II. 717 об., 826, 871 об.; Г. 466 и др.), вертикали (Л. 121 об; 0—II. 225 об.) или диагонали (0—I. 486 об., Ш. 209) рекой. Но наиболее устойчивым был «горизонтальный вид» с Торговой стороны. Ряд изображений, в которых река не показана, тем не менее сохраняет этот ракурс обозначения городских территорий: правее Софии — Неревский конец 0—I. 44 об., 607), ниже — Плотницкий (0—I. 607).

Изображая постройки внутри Детинца, художник сохраняет ставшую привычной точку обозрения (с противоположного берега). На это указывает либо узкая полоска воды в нижней части миниатюры (т. е. Волхов), либо отмеченная впереди набережная Пречистенская башня (0—II. 771; Ш. 984 об.). Однако помещением построек внутри Кремля их привязка к местности исчерпывается. В зависимости от того, о каком объекте говорится в сопроводительном тексте, тот и выносится на первый план, независимо от его действительного расположения. Например, владычный двор может быть показан и прямо перед Софийским собором (Л. 714) и справа от него (III. 936 об.), хотя на самом деле он находился в глубине кремлевской застройки, в районе Митропольчей и Федоровской башен¹⁶.

Когда в поле зрения летописи оказывается не территория, а отдельное сооружение, миниатюрист в лучшем случае фиксирует его местоположение в самых общих чертах, в худшем — даже не уточняет, с какой местностью оно связано. В такого рода миниатюрах принципиально меняется изобразительная структура. Самостоятельное значение в ней приобретает сама архитектура.

В отличие от еще довольно невнятного изображения храма — символа Новгорода — Софийский собор (когда он прямо называется в тексте) имеет более подробную детализировку. Кроме выделения его паперти (Л. 268 об.; 0—I. 393 об.; 0—II. 568, 726 об., 827 и др.) неоднократно воспроизводится его шестая глава над лестничной башней (Л. 217; 0—II. 204; Ш. 984 об.).

Формы стен и башен новгородского Детинца художники обычно не расшифровывают. Исключение составляют отдельные изображения главной — Пречистенской — башни (0—I. 85; 0—II. 717 об.; Ш. 167, 984 об.), выведившей из Кремля к Великому мосту. Опираясь на данные Михайловской иконы, А. Л. Монгайт утверждал, что трехшатровое завершение она получила в XVII в.¹⁷ Аналогичный верх башня имела столетием раньше, о чем можно судить по перечисленным миниатюрам Лицевого свода.

В непосредственной близости от Софийского собора находились церкви Гурия, Самона и Авива, Иоанна Златоуста, Петра митрополита и Марка Евангелиста. Все они отразились в миниатюрах Лицевого свода. Церковь Гурия, Самона и Авива имели позакомарное покрытие и одну главу (0—II. 845 об.). Подобной,

только более схематично, показана она на Михайловской иконе¹⁸. Церковь Иоанна Златоуста над проездными воротами владычного двора имеет принципиальное сходство на всех изображениях (Г. 445 об., 450, 460 об., 466 об.). Эта постройка, как и церковь Петра митрополита (0—II. 845 об.), аналогично выглядит и на Михайловском плане. Формы церкви Марка Евангелиста на миниатюрах (Ш. 978, 978 об.) и на иконе, хотя и можно истолковать как идентичные, нуждаются в некоторых пояснениях. Дело в том, что на первой миниатюре церковь показана деревянной, а буквально на следующей и на иконе — каменной. Помимо этого на первом изображении — трехфронтонный фасад (на иконе также), а на втором — двухфронтонный. Разумеется, не заметить этих несообразностей (с точки зрения современности) художник не мог. И все-таки на этом примере можно говорить не столько о противоречии, сколько о своеобразии палатного письма. Изображение храма деревянным объясняется текстовыми уточнениями: архиепископ Макарий «повеле создати церковь древяну... повеле лес имати и церковь рубити... начаша овни лес совлачити, инии же рубити, а прочие церковь ставити». На рисунке и воспроизводится процесс строительства: как рубят и носят лес и из него возводят церковь. На второй миниатюре, где храм выглядит каменным, сказывается традиционный прием: всяким, в том числе деревянным, зданиям придавать вид каменных. Одинаковую форму зданий представляют трех- и двухфронтонные фасады. В первом случае к зрителю обращается не один, а сразу три фасада (отсюда три щипца кровли). Не виден только четвертый фасад — восточный, символизирующий небо или невидимый мир. Такая развертка изображения постройки, взятая из арсенала средств средневековой живописи, преследует цель дать наиболее полное о ней представление¹⁹. Двухфронтонным выглядит храм на втором изображении по той простой причине, что он виден как бы с угла. Таким образом, художник придал церкви Марка, одноклапной, с четырехскатным покрытием, облик, столь обычный для новгородских каменных храмов XIV—XV вв.

Гражданская архитектура новгородского Детинца отразилась в Лицевом своде в виде отдельных реплик, которые не дают достаточных представлений об этих сооружениях. Среди них «теремец камен, иде же воду освящают» (0—II. 771). Поскольку он назван первым в тексте, то выдвигается на первый план (рис. 2). Возможно, теремец был двухярусным, шатровым, украшенным треугольными кокошниками. На Михайловской иконе шатровая сень помещена в центре Кремля. У нее уже иные формы: нет сплошных стен, шатер опирается на столпы. Несколько больше сходства между каменной «пекольніцей» (хлебопекарней), изображенной на той же миниатюре (рядом с проездной башней), и гражданской постройкой на иконе, расположенной на владычном дворе у крепостной стены, между ныне не существующей Воскресенской проездной башней и Митрополичьей. Постройка имела входной притвор, высоко посаженные окна и плоскую двухскат-

про жиєтати по бгороду вийши в пав^н
новгороду кін . повстаєт перемцо
камень . и ружьє подоч
сїмєстєма кін
ждомцо и
тємбєнє
цбкє
мє
нє

Рис. 2. Стрительство теремца и пекольницы в Детинце. 1410 г.

ную кровлю. На иконе притвор не «читается», но окна также отмечены гораздо выше входного проема.

Заметным событием в архитектурной истории Новгорода было сооружение в 1433 г. «немцами из заморья» совместно с местными мастерами огромной каменной палаты с тридцатью дверями. На рисунке (Г. 436) это — длинное здание с двумя параллельно расположенными гребнями двухскатных кровель.

Как гражданская постройка обозначена в Лицевом своде каменная кремлевская звонница (Г. 466, 496). Она не увенчана крестами в отличие от изображения Михайловской иконы. На миниатюрах звонница имеет два (Г. 466) или три (Г. 496) проема (на иконе — пять). Причем двухпролетная — двухшатровая она в момент падения. В такой ситуации художник должен подчеркнуть, что разрушилась не современная ему звонница, а другая, отличная от нее. Такая логика рассуждений присуща создателям Лицевого свода и прослеживается на примере построек Московского Кремля²⁰. Другой рисунок, напротив, посвящен возведению звонницы в 1439 г. «на старом месте». Здесь важно отметить такую закономерность: изображения архитектуры имеют наиболее реалистичные формы, когда в сопроводительном тексте говорится о закладе, строительстве, ремонте или освещении здания. Действительно, как показали натурные исследования, звонница, восстановленная архиепископом Евфимием, была трехпролетной, каждый из пролетов которой перекрывался двухскатными щипцами — фронтонами²¹. Изображение Софийской звонницы позволяет утверждать, что по крайней мере до 70-х годов XVI в. (время создания Лицевого свода) она сохраняла тот вид, который приобрела в 1439 г.

Сходство с существующими памятниками имеют рисунки церквей Иоанна Милостивого на Воскресенской улице в Людином конце (0—II. 882) и Власия на Волосове улице (0—II. 717). Обе церкви показаны с восьмискатными покрытиями. В каждом фронтоне последней из них четко прорисованы трехлопастные завершения, бывшие у храма ранее XVI в.²²

Можно признать верным образ церкви Фрола и Лавра в Загородском конце (0—I. 453). Одноглавая постройка с щипцовым завершением повторяется и на иконе XVI в. «Видение пономаря Тарасия» на списке, который был опубликован в полном виде и в деталях П. Л. Гусевым²³. Принципиальную близость на этой же иконе и в Лицевом своде обнаруживают изображения церкви Якова в Неревском конце²⁴. В обоих случаях одноглавое здание имеет щипцовую кровлю и притвор.

Бесспорно, самым величественным архитектурным сооружением Торговой стороны был Николо-Дворищенский собор. (1113), который своими формами ориентировался на Софию. На миниатюре (0—II. 666) собор пятиглавый, трехнефный, с позакомарным покрытием. Дошедшая до нашего времени постройка утратила закомары и сохранила только одну главу. Установлено, что под кровлей скрыты основания еще четырех разобранных глав²⁵.

Пятиглавая в Лицевом своде и церковь Бориса и Глеба в Плотниках (0—I. 728), сохранившаяся доныне. Но приведенная миниатюра относится к 1377 г., когда было возведено первое каменное здание этой церкви. По всей вероятности, церковь того поколения имела одну главу и восьмискатное покрытие, как и другие постройки второй половины XIV в., а пятиглавой она стала уже в 1536 г.²⁶ Внешний вид этого храма дает определенные основания для того, чтобы поставить под сомнение тезис А. В. Арциховского, поддержанный О. И. Подобедовой, о копировании художниками Лицевого летописного свода XVI в. местных лицевых сводов²⁷. Конечно же, ни о каком-либо древнем источнике здесь речи быть не может.

Отражение реальных новгородских построек угадывается в рисунках церквей: Знаменья на Ильине (0—I. 481), Федора Стратилата на Федоровой улице (0—I. 517) и Михаила Сковородского монастыря (0—I. 486 об.; 0—II. 772 об.). Здесь последовательно воспроизводится традиционный тип новгородского храма без попытки индивидуализировать облик каждой из них.

Несколько отличаются друг от друга изображения собора Антониева монастыря, который показан и трехглавым (0—I. 564 об.; 723 об., 728), и четырехглавым (Г. 42 об.), где одна из глав заметно выделяется своими размерами (рис. 3). На самом деле собор имеет три главы: две — над основным объемом, третья — над лестничной башней. Видимо, «нестандартный» (с точки зрения художника XVI в.) вид храма иногда заставлял его путаться, поэтому в отдельных миниатюрах он и добавлял четвертую главу. В то же время миниатюрист «усредняет» и нивелирует особенности храма. Необходимо отметить, что трехглавым Антониев собор показан и на иконах конца XVI в.: «Антоний, римлянин, плывущий на камне»²⁸ и «Видение пономаря Тарасия»²⁹, правда, в них башня как-то отмечена. В изображении этого же монастыря интересна и надвратная церковь Сретения (0—I. 564 об.), не дошедшая до нас. Она показана гораздо детальнее, чем на уже названной иконе «Видение пономаря Тарасия». Сооруженная в 1365 г. восьмискатная церковь опиралась на высокий четверик, расчлененный пилястрами на четыре прясла. В нижней части четверика имелись двое ворот — для пешеходов и для транспорта. Столь осмысленное, подробное изображение может иметь одно объяснение — прекрасное знание художником этой надвратной церкви.

Трехглавым обозначен в Лицевом своде собор Юрьева монастыря (Г. 23 об.; Л. 695 об.). Здесь, так же как и в соборе Антониева монастыря, лестничная башня не выделяется. Отмеченные его три главы на фоне преимущественно одноглавых новгородских храмов говорят о том, что о его своеобразии художники все-таки были осведомлены.

Помимо информации об архитектурных сооружениях в отдельных случаях миниатюры содержат некоторые намеки на строителей построек. В частности, иллюстрируя летописное сообщение

ГОРОЖЕАЪТАЦАКАНОГОГОРОСКИН АЛЕ
КЕИИ ПЪЛАНТОНІЕНЕМОНАСТЫ
РІКА ПОРЪПІЪХ
ПОСТАВИ
ЦРКПЫСА
МЕНД
СТР
ИИ
НІА
;

Рис. 3. Антопиев монастырь. 1365 г.

о возведении церкви Луки на Лубянице в 1207 г. (Л., 639 об.) и собора в монастыре Варвары (Л. 849), миниатюрист облачает руководителей строительства в широкополые шляпы. В таких шляпах, как отмечал А. В. Арциховский, в Лаптевском томе изображаются иностранцы. Постараемся на основе собственных наблюдений несколько расшифровать круг возможных создателей названных построек. В шляпах такого покроя встречаются чудь (Л. 750 об.), «римляне» (Л. 912; Ш. 732, 795 об.), жители Риги (Г. 249), «немцы заморские» (Г. 285 об.). Разумеется, этот перечень не исключает другие варианты. Из многих тысяч миниатюр Лицевого свода только еще на одной (Л. 838) создатели церкви Воздвижения на Торгу (1218) во Владимире также имеют аналогичные шляпы. Это была первая церковь на Владимирском торгу.

Можно допустить, что информация о строителях всех этих церквей каким-то образом связана. Во всяком случае, этому способствовала историческая ситуация того времени. Известно, что церковь Воздвижения была сооружена при князе Константине, выступавшем в 1216 г. в битве на реке Лилице в союзе с новгородцами против своих братьев³⁰. Вполне правдоподобно, что Константин мог получить у своих союзников-новгородцев строителей для постройки этой церкви. По перечисленным рисункам нельзя судить о достоинствах храмов. А значит, художники не располагали какими-либо изобразительными источниками. Маловероятно наличие письменных данных, так как они скорее всего оставили бы след в тексте Лицевого свода. А вот предание об этих сооружениях, возможно, и существовало. В частности, известно, что во второй половине XV в. по приказу московского правительства церковь Воздвижения в числе других прославленных владими́ро-суздальских построек (Золотыми воротами и собором Юрьева-Польского) ремонтируется³¹. Нет сомнения, продиктованная миниатюрами гипотеза носит предварительный характер и нуждается в основательной проверке.

Даже самый общий анализ миниатюрных изображений Новгорода Великого убеждает в ценности этого своеобразного и содержательного источника. Его значение не ограничивается фактологическим материалом, своеобразным ключом к разгадке которого является изобразительный язык произведений. Сопоставление образов новгородской архитектуры, запечатленных в Лицевом своде, между собой и другими источниками позволяет заключить: миниатюристы прекрасно знают особенности новгородского зодчества и конкретных сооружений, а иногда обстоятельства их создания. Осведомленность художника, вероятно, указывает на их новгородское происхождение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вельтман А. Ф. О господине Новгороде Великом: (Письмо с приложением вида Новгорода в XII-м столетии и плана окрестностей). М., 1834.

² Гусев П. Л. Новгородский детинец по изображению на Михайловской иконе // Вестн. археологии и истории. СПб., 1913. Вып. XXI.

³ Гусев П. Л. Новгород XVI в. по изображению на Хутынской иконе «Видение пономаря Тарасия» // Вестн. археологии и истории. Слб., 1900. Вып. XIII.

⁴ Там же; см. также: Порфиридов Н. В. Два сюжета древнерусской живописи в их отношении к литературной основе // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. XXII. С. 112—118.

⁵ Лихачева Л. Д. Миниатюристи — читатели новгородских прозаических произведений // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. XXII. С. 335—341.

⁶ Мадзулевич Л. А. Храмы детница на неизданном плане XVII века // //Сб. Новгородского общества любителей древностей. 1910. Вып. 3 (февраль).

⁷ Передольский В. О. Новгородские древности. Записка для местных изысканий. Новгород, 1898. С. 22.

⁸ Янин В. Л. «Чертеж Пальквиста» и его место в истории новгородских фортификаций // Русский город: (Проблемы горообразование). М., 1980. Вып. 3. С. 117.

⁹ Монгайт А. Л. Оборонительные сооружения Новгорода Великого // МИА. 1952. № 31. С. 35—38.

¹⁰ Амосов А. А. К вопросу о времени происхождения Лицевого свода Ивана Грозного // Материалы и сообщения по фондам отдела рукописей и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1978. С. 6—36.

¹¹ Красовский М. Курс истории русской архитектуры. Пг., 1916. Ч. 1. Деревянное зодчество. С. 13—14; Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 104—108. Правда, А. В. Арциховский называл исключения из общего правила, к которому относил отдельные рисунки Софии, Великого моста, кремлевской звонницы «псковского типа». Кроме того, он отметил «некоторые намеки на план Новгорода».

¹² Черный В. Д. Некоторые особенности изображения исторической среды в миниатюрах Лицевого летописного свода XVI в.: (География, топография, архитектура) // Новые атрибуции. Материалы и исследования. М., 1987.

¹³ Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965. С. 318.

¹⁴ В данной статье используются следующие тома Лицевого летописного свода XVI в., наиболее полно освещающие новгородские события (1113—1533 гг.): Голыцинский (ГПБ. ОР. Ф. IV. 225), Лаптевский (ГПБ, ОР. Ф. IV. 233), Остермановский первый (БАН. ОР.31.7.30), Остермановский второй (БАН. ОР.31.7.30), Шумиловский (ГПБ. ОР. Ф. IV. 232).

¹⁵ На изображение «островка» указал В. Л. Янин (см.: Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 99—103).

¹⁶ Орлов С. Н. К топографии Новгорода X—XVI вв. // Новгород. К. 1100-летию города. М., 1964. Схематический план Софийской стороны. Вклейка между с. 268 и 269, а—8, 14.

¹⁷ Монгайт А. Л. Указ. соч. С. 61.

¹⁸ Гусев П. Л. Новгородский детинец по изображению на иконе Михайловской церкви. Рис. III.

¹⁹ Раушенбах Б. В. Пространственные построения в древнерусской живописи. М., 1975. С. 102—107.

²⁰ Черный В. Д. Архитектурные сооружения Московского Кремля // Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. М., 1980. Вып. III. Искусство Москвы периода формирования русского централизованного государства. С. 25.

²¹ Каргер М. К. Новгород. Л.; М., 1970. С. 95.

²² См.: Гладенко Т. В., Красноречьев Л. Е., Штендер Г. М., Шуляк Л. М. Архитектура Новгорода в свете последних исследований // Новгород. К 1100-летию города. С. 241. Рис. 24.

²³ Гусев П. Л. Новгород XVI века в изображении на Хутынской иконе «Видение пономаря Тарасия». С. 30—31. Рис. X.

²⁴ Там же. С. 27. Рис. VIII.

²⁵ Гладенко Г. В., Красноречьев Л. Е., Штендер Г. М., Шуляк Л. М. Указ. соч. С. 186—189.

²⁶ Каргер М. К. Указ. соч. С. 168, 170, 171.

²⁷ Арциховский А. В. Указ. соч. С. 126; Подобедова О. И. Указ. соч. С. 196.

²⁸ Антонова В., Мнева Н. Государственная Третьяковская галерея. Каталог древнерусской живописи. М., 1963. Т. II. № 369.

²⁹ Гусев П. Л. Новгород XVI века в изображении на Хутынской иконе «Видение пономаря Тарасия». С. 50. Рис. XXI.

³⁰ НПЛ. М.; Л., 1950. С. 51—55.

³¹ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. М., 1961. Т. II. С. 67 368.

Н. Н. КУЗЬМИНА

**ПАМЯТНИК АРХИТЕКТУРЫ XVI в.
— ЦЕРКВИ ФИЛИППА АПОСТОЛА
И НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА
НА НУТНОЙ УЛИЦЕ В НОВГОРОДЕ**

Среди новгородских памятников архитектуры XVI в. особый интерес представляют церкви Филиппа апостола и Николая чудотворца на Нутной улице — единственный из числа сохранившихся памятник типа «сдвоенных» церквей.

До 60-х годов нашего столетия не было ясного представления о первоначальном облике церкви Филиппа на Нутной улице. Этот памятник подвергался многочисленным перестройкам, исказившим его первоначальный вид. Вызывала сомнение и датировка. Лишь в результате исследований, проведенных НСНРПМ¹, мы смогли представить подробную картину его строительства и перестроек, уточнить дату его возведения и воссоздать это сооружение в первоначальных формах.

К началу нашего исследования памятник представлял собой обычный одноглавый, одноапсидный, квадратный в плане, четырехстолпный храм. Его размеры 16×16,1 м. Здание было двухэтажным, с хорами на 2-м этаже. Юго-западное помещение на хорах — замкнутое. Прежде здесь располагался придел Воскресения. Фасады, кроме северного, имели трехчастное членение плоскими лопатками, соединенными арками закомар. С западной стороны к церкви примыкала двухэтажная пониженная пристройка с закрытым выступающим крыльцом, а с северо-запада — колокольня с контрфорсом.

Уже предварительный осмотр памятника позволял сделать вывод, что он искажен поздними переделками: четырехскатная кровля, перерезающая арки закомар, большие одинакового размера окна с полуциркульным верхом, западная пристройка с рустованными углами, характерными для XVIII—XIX вв. (рис. 1).

Неровности северной стены, лишенной лопаток и закомар, и оставшаяся с северо-запада в виде контрфорса стена, являющаяся продолжением западной стены церкви Филиппа, указывали на возможность существования в прошлом с северной стороны какой-то пристройки.

По сведениям Макария, которые являются самыми подробными из опубликованных по этому памятнику, в XIX в. с северной стороны существовала пристроенная в роде контрфорса придельная двухэтажная церковь Николая, западная и восточная стены

которой являлись продолжением аналогичных стен церкви Филиппа, а ширина была в два раза уже Филипповского храма. Никольский придел перекрывался односкатной кровлей и, хотя был двухэтажным, по высоте значительно уступал основному храму. Основываясь на летописных данных, Макарий считал, что все

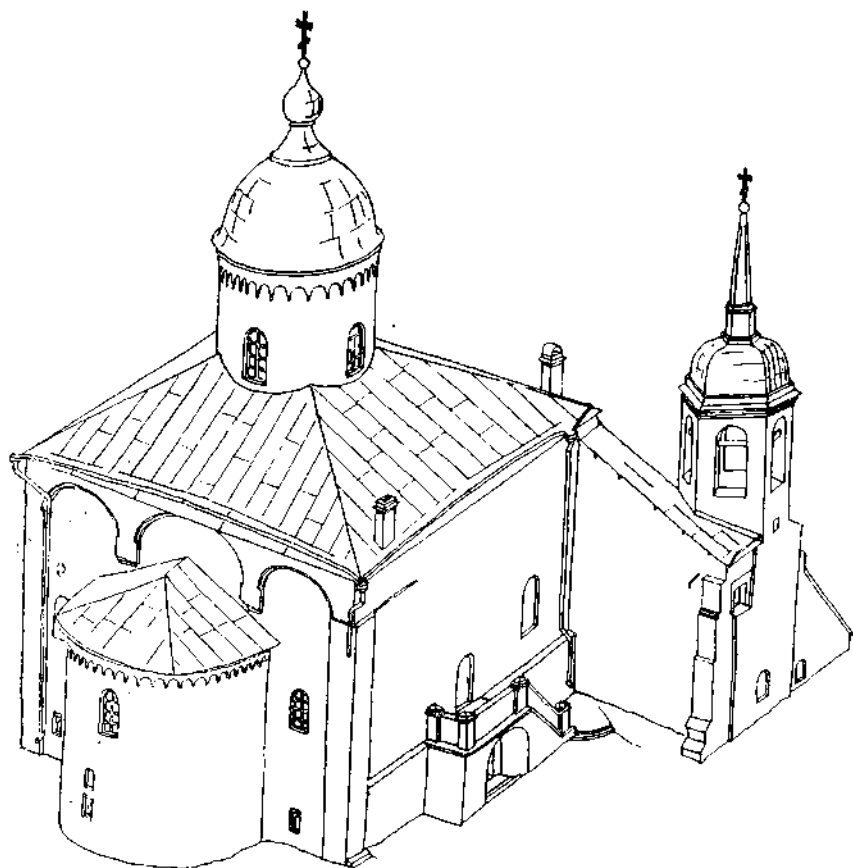

Рис. 1. Вид с северо-востока до начала исследований. Чертеж Кузьминой Н. Н.

здание (церковь Филиппа и Никольский придел), «несмотря на возобновление и перестройки, сохраняет древний характер», т. е. относится к XIV в.²

До проведения наших исследований считалось, что каменная церковь Филиппа построена в XIV в., а в XVI в. она лишь перестраивалась, сохранив на большую высоту стены предшествующей постройки. О церкви Николая или Никольском приделе,

в современной литературе не упоминалось, так как ее в этот период уже не существовало³. И лишь в 1980 г. установили, что Никольский придел был разобран в 1899 г. из-за ветхости многочисленных перестроек и деформации⁴.

Из новгородских летописей известно, что церковь Филиппа на Нутной улице в Славенском конце была построена в 1194 г. Основателем ее назван Родослав Данилович⁵.

Деревянная церковь Филиппа апостола неоднократно горела и отстраивалась на прежнем месте вновь. Об этом стало известно из найденной рукописи XVII в.⁶ Первая деревянная церковь сгорела в 1299 г. и в том же году была построена вновь. «И стояла сия церковь первая древяна до пожара 105 год. О дивно, братия, что в те лета не бысть пожару в Великой Новеграде на сей Знаменской Торговой стране на посаде милости Знамения богородицы и святаго апостола Филиппа, а до Симеоновского мору поставлена за 273 года, и згорела та 1-я церковь вся, а церковную утварь всю выносили в целости»⁷.

В 1347 г. во время другого пожара церковь Филиппа опять горела и была выстроена вновь деревянной⁸. Лишь в 1383 г. на месте третьей деревянной церкви, сгоревшей в этом же году, была построена каменная церковь того же названия⁹, а осенью следующего года освящена архиепископом Алексием¹⁰.

О сооружении в XIV в. рядом с церковью Филиппа каменной церкви Николая или Никольского придела в летописях нет сведений.

III Новгородская летопись сообщает, что строили церковь Филиппа на Нутной улице в 1383 г. «Родислав Данилович, Устин да Филипп посадники»¹¹. Однако указанные в летописи лица никогда не были посадниками¹². В XVI в. в Новгородской летописи вновь говорится о строительстве каменной церкви Филиппа, но уже не одной, как раньше, а двух церквей, Филиппа и Николая: «а строили церкви св ап[остол] Филиппа и Николая на одном основании двумя улицами Нутною и Бардовою, гостями Московскими и Новгородскими, иже приходят под кров тех церквей»¹³.

Натурными исследованиями памятника с помощью зондажей и шурфов зафиксированы два основных строительных периода — XIV и XVI вв. Кладка наиболее раннего периода (по летописи это 1383—1384 гг.) расположена ниже поверхности земли.

Весь возвышающийся над землей объем церкви Филиппа (за исключением поздних переделок) относится к второму строительному периоду — по летописи это 1527—1528 гг. Кладка стен этого времени — из красного и серого известнякового камня с применением кирпича на более светлом, кремового оттенка, известковом растворе. Кирпич размерами (27—27,5) × (13—13,5) × (7—8) см не имеет характерной для XIV в. шероховатой песчаной поверхности. Из него выложены арки, своды, столбы, притолоки проемов, лопатки, барабан.

Наши исследования показали, что западная стена, сохранившаяся над землей от северной пристройки, выложена вперевязь

с кладкой западной стены церкви Филиппа и из одинаковых с ней строительных материалов, а следовательно, относится к одному и тому же периоду, что и возвышающаяся над землей стена церкви Филиппа, т. е. 1527—1528 гг. Следы на северной стене Филипповского храма, обнаруженные зондажами, — пята сводов, очертания подпружных арок, тимпан центрального свода с голосниками, аркасоли, проемы и т. д. — позволяют судить об утраченной церкви Николая как двухэтажной с хорами постройке, неоднократно перестраиваемой. Неожиданно выяснилось, что первоначально, т. е. в XVI в., Никольская церковь не была пониженной пристройкой с односкатной кровлей, как ее описывал в XIX в. Макарий, а поднималась на одинаковую с церковью Филиппа высоту. Капитальная стена, разделявшая второй этаж обоих храмов, первоначально¹⁴ была глухой: проемы в ней пробиты позднее.

Из под завалов земли раскопаны остатки стен первого этажа Никольского храма. В XVI в. он представлял собой прямоугольное без апсиды помещение с четырьмя пилонами, примыкающими к стенам. По длине он, как и указывал Макарий, был равен Филипповскому храму (16,1 м), а ширина была вдвое уже (8 м). На втором этаже пилонов или столбов в XVI в. не было — в местах их возможного примыкания сохранилась подлинная первоначальная поверхность с аркасами (рис. 2).

Археологические раскопки и шурфы, выполненные внутри памятника, свидетельствуют, что церковь Филиппа в XVI в. довольно точно (разница 5—6 см) повторила план своей предшественницы XIV в. Никольский же храм имел в XIV в. совершенно другие габариты и конфигурацию. Небольшая, шириной 4,9 м (со стенами) пристройка, аналогичная северной пристройке церкви Спаса на Ковалева, примыкала к средней части северной стены церкви Филиппа. Стены пристройки выложены «вперевязь» с кладкой XIV в. основной церкви.

Наши исследования говорят, что построенные в начале XVI в. церкви Филиппа и Николая были самостоятельными приходскими храмами, отделенными друг от друга глухой капитальной стеной. Они имели свои земельные владения и экономически не зависели друг от друга¹⁵. Оказалось, что и ранее, до перестройки 1527 г., у церкви Николая на Нутной улице имелись свои земельные владения¹⁶, и, следовательно, она существовала и до XVI в., хотя летописи о ней не говорят¹⁷.

Трудно представить, что в таком маленьком помещении, каким был северный придел прежде (шириной всего 3,7 м), могла размещаться самостоятельная церковь, наделенная своими земельными владениями. Можно предположить, что когда-то в древности существовала на Нутной улице другая церковь Николая (возможно, деревянная) со своими земельными владениями. По какой-то причине она разрушилась или сгорела, и прихожане, вероятно по договоренности с церковью Филиппа, стали использовать для богослужения небольшую северную пристройку — «придел Николы», а затем, в XVI в., вместе с прихожанами Филипповской

церкви построили две новые церкви, объединенные зодчими в единое архитектурное сооружение¹⁸.

Как же выглядели церкви Филиппа и Николая в XVI в. и как менялся их облик в последующие века?

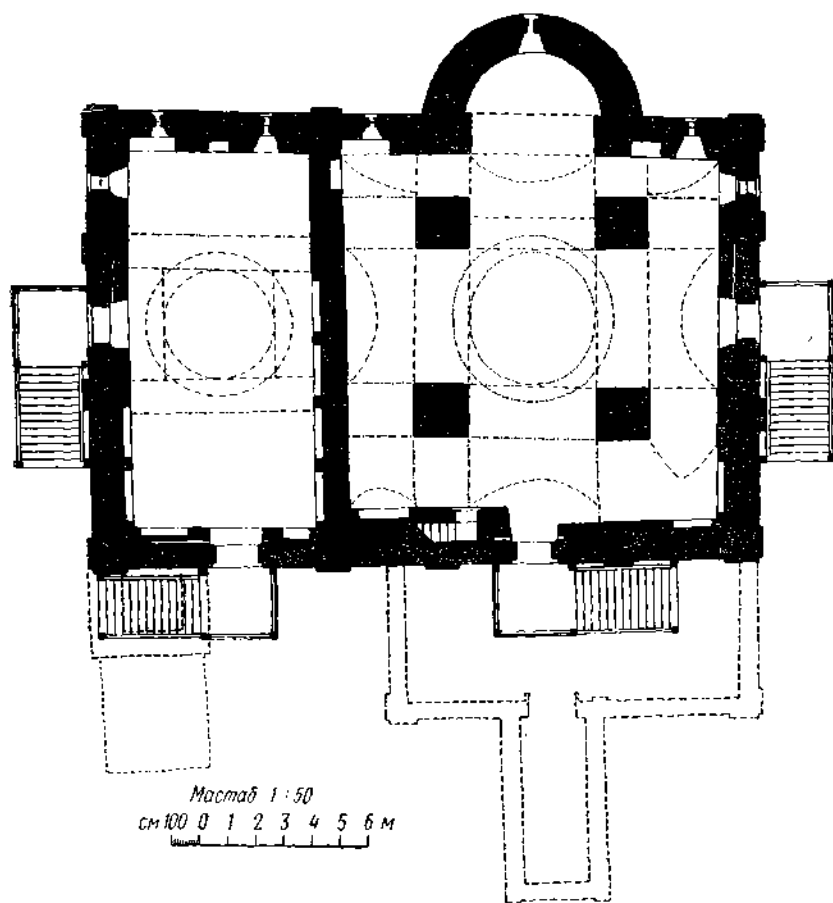

Рис. 2. План второго этажа. Реконструкция на XVI в.

Это было прямоугольное в плане здание, вытянутое в направлении север—юг, с одной полукруглой апсидой у церкви Филиппа. Его наружные размеры 24×16 м. Внутренняя продольная стена делила его на две неравные части. Обе церкви, заключенные в единый объем, перекрывались общей кровлей с «четырнадцатью потоками». Высота до верха кровли 12,5 м. Фасады расчленены плоскими лопатками. Каждое прясло между лопатками заканчивалось двухступчатой аркой закомары и перекрывалось на два ската. Следы «палаточного» (многофронтонного) завершения со-

хранились на всех фасадах Филипповской церкви. На западном фасаде обнаружена первоначальная (XVI в.) пята закомары Никольского храма. Она находится на одном уровне с пятами закомар Филипповской церкви.

Страшная эпидемия обрушилась на Новгород в начале XVII в. Оба прихода, потерявшие многих прихожан и всех священнослужителей, вынуждены были объединиться. В 1608 г. в смежной стене, разделявшей церкви, пробивается дверной проем. Земельные владения церкви Николая, таким образом, становятся достоянием Филипповской церкви¹⁹.

Во время литовско-шведского нашествия церкви Филиппа и Николая также не избежали разорения. Много лет после этого они стояли без кровли и без ремонта²⁰. После объединения в один двух церковных приходов Никольский храм все чаще начинают называть Никольским приделом.

Интересно, что выстроенное в XVI в. жителями двух улиц церковное здание предназначалось не только для богослужения. Весь нижний этаж его, или подцерковье, служил надежным хранилищем ценного имущества прихожан. Любопытно, что подцерковье этих двух не связанных между собой храмов было единым: в промежуточной стене сохранился древний (XVI в.) портал, который можно было закрыть засовами с двух сторон — со стороны Филипповского подцерковья и со стороны Никольского. Каменная лестница в толще западной стены церкви Филиппа соединяла подцерковье с Филипповским храмом. Имелись три наружных входа в подцерковье — с севера, юга и запада.

В XVII в. подцерковье было разделено каменными перегородками на «чуланы»²¹. Первоначально с трех сторон на второй этаж церковью вели деревянные крыльца — по одному с севера и юга и два — с запада. Сохранилась часть древнего портала второго этажа в западной стене Никольского храма с гнездами от балок площадки крыльца и то же — с южной стороны церкви Филиппа.

Фасады здания первоначально украшала живопись, над которой были навесы из досок с резными причелинами — резные «кноты». «Да около церкви с четырех сторон в пяти местах письмо настенное»²², — говорится в рукописи. В центральных закомарах западного и южного фасадов церкви Филиппа сохранились первоначальные пиши, предназначенные для живописи, и гнезда от крошительнов навеса над ними. Два «кнота» с живописью были, очевидно, на стенах утраченного Никольского храма. Еще один «кнот» и живопись с изображением Знамения²³ были в северной закомаре восточного фасада церкви Филиппа. Сейчас сохранились только первоначальные гнезда от навеса и гвозди с большими шляпками, с мельчайшими кусочками живописи на штукатурке. Штукатурка по составу и цвету одинакова с раствором кладки XVI в. По всей вероятности, сразу или несколько позже здание было оштукатурено. В пользу существования штукатурки до ремонта XVII в., когда кровля на памятнике была поднята выше прежнего уровня, говорит штукатурка двух разных

периодов на барабане церкви Филиппа. Здесь ниже контуров кровли XVII в. обнаружена штукатурка более раннего периода.

Из «плотницкой записки»²⁴ видно, что памятник в 1670 г. и раньше был покрыт тесом с четырнадцатью потоками, его украшали резные причелны, гребни, киоты.

Известно, что в XVII в. с западной стороны к церкви примыкала дощатая паперть, которая сменила деревянные крыльца. Вот как описывают ее в нашем сборнике: «У тое церкви паперть деревянная досчатая, стонт на столпах деревянных, дверь деревянная надвое отворяется... да в паперти деисус осьм икон на красках писаны в тяблах, да в паперти же окна, у всех скопы железные, запоры деревянные и лавки деревянные, да место метрополе деревянное, что среди церкви стоят, да крыльцо деревянное и два окна, лестница деревянная».

Вероятно, что эта дощатая паперть с иконами и другой церковной утварью, имеющейся в ней, с одним наружным крыльцом могла появиться только после объединения двух приходов в один. А в 1673 г. на собранные пожертвования вместо дощатой на деревянных столпах паперти строится новая деревянная брусковая паперть на семи каменных столбах. Рядом с храмами Филиппа и Николая в XVII в. существовала деревянная колокольня. В описи 1660 г. говорится: «у тое церкви колокольня деревянная на осми столпах шатровая, а на тое колокольни колоколов пять...»

Дата возведения ее неизвестна. В описи 1646 г., приведенной у Макария, она еще не упоминается. Можно предположить, что она была построена около 1653 г., когда жителями Нутной и Бардовой улиц были куплены четыре колокола и «приложены к ц. св. Филиппа»²⁵.

В XVIII в. деревянные паперть и колокольня были заменены каменными, которые и дошли до нашего времени. На металлической связи в колокольне сохранилось клеймо с датой — 1735 г. Натурные следы свидетельствуют, что в середине XVIII в. был капитально перестроен Никольский придел. Древние своды в приделе были разобраны и устроены значительно выше, полы первого и второго этажей подняты, а форма покрытия заменена на односкатную. Кровля на церкви Филиппа стала четырехскатной с одной главой.

До нас дошел только один барабан Филипповской церкви. Он подлинный — XVI в. Его аркатурный пояс и даже полочка над ним первоначальны. Нами раскрыты от закладок древние окна барабана и в промежутках между ними — такие же по форме ниши. Исследованиями зафиксирована ступенчато-повышенная конструкция подпружных арок, несущих барабан Филипповской церкви. Первоначально они располагались на 45—50 см выше коробовых сводов центрального креста. Позднее, вероятно в XVIII в., они были «подкреплены» снизу еще одной аркой, и ступенчатость стала не видна. Переход от подкупольного квадрата к окружности осуществляется сейчас с помощью «тромпов». Являются ли они первоначальными или были «паруса» — неизвестно,

так как зондажей здесь не делалось из-за наличия поздней (XIX в.?) живописи. В куполе сохранилось многократно переписанное изображение Спаса, возможно, на месте первоначального, о чем говорят кованые гвозди «клямеры» с большими шляпками и состав штукатурки.

В результате исследований выяснилось, что первоначально, вплоть до перестройки XVIII в., каждая из церквей имела одну большую и другую маленькую главу на каменных световых барабанах. В рукописи говорится: «Лета 1660 году в Славенском конце на Нутной улицы и на Бардовой Филипп апостол да Никола чудотворец на одной основе обе каменны, покрыты тесом, у Филиппа на церкви глава подбита тесом, а сверху железом белым, а крест на главе железной, плащи резные и средники медные битые и позолочены все; а у Николы глава побита тесом и сверха железом белым такую же, а на главе крест железный, плащи жестяные». «Да две главы малые на приделах у Живоначальной Троицы и у Воскресения Христова побиты тесом, а сверху железом белым, а кресты железные, плащи жестяные». В той же рукописи говорится, что это были главы на каменных «шеях»: «у Филиппа апостола и великого чудотворца Николы с приделами зделати нам на тех церквах и главы из своего лесу на каменных шеях две главы большие и две малые».

Нами были обнаружены под слоем мусора остатки одного из этих малых барабанов, который располагался над приделом Воскресения (юго-западный угол Филипповской церкви). Оказалось, что барабан был световым и имел, действительно, очень малые размеры (внутренний диаметр всего 60 см). Это самый маленький из известных нам световых барабанов в Новгороде. Второй малый барабан, по сведениям из рукописи, находился над Троицким приделом²⁶, что над хорами церкви Николая. Второй большой барабан находился над Никольским храмом. Расстояние между обнаруженными следами подпружных арок (380 см) дает внутренний диаметр этого барабана. Чтобы образовать подкупольный квадрат, в центральной части Никольского собора с севера и юга были перекинуты дополнительные арки, опирающиеся на поперечные подпружные арки. Восточная и западная части Никольской церкви первоначально перекрывались коробовыми сводами с направлением шельги восток—запад. Пяты этих сводов сохранились в натуре.

Материалом покрытия глав в XVI в. был лемех. Один такой лемех типа «городок» был обнаружен под крышей церкви Филиппа в слое мусора. Лишь во второй половине XVII в. главы были покрыты «железом белым».

Итак, в результате проведенных исследований и реставрации церкви Филиппа и Николая предстали перед нами как интересное сооружение (типа сдвоенных церквей) начала XVI в.

Типы сдвоенных церквей известны русской архитектуре. Это Покровская церковь в Пскове (XVI в.), состоящая из двух одинаковых по величине, устройству и значению церквей. К такому

же типу принадлежала утраченная церковь Николо-Разважского монастыря в Новгороде (такой она изображена на рисунке XVII в.). Известна и другая разновидность «двойных» церквей с придельными храмами в виде небольших обособленных объемов, значительно меньших по высоте. Например, церковь Никиты Мученика с приделом Николая (XVI в.) в Новгороде, или церковь Георгия в Старой Руссе (1410 г.), с северной стороны которой примыкала небольшая бесстолпная церковь с апсидой, построенная одновременно с большой церковью и отделенная от нее глухой стеной (исследования Т. В. Гладенко).

Интересно, что церкви Филиппа и Николая отличаются и от тех и от других построек. Особо привлекает и выделяет в категорию уникальных памятников архитектуры композиция здания. Две самостоятельные уличанские церкви (даже меньшая не была придельным храмом) разные по площади, но одинаковые по высоте, объединены зодчими в один объем. Необычное количество глав (четыре) на каменных световых барабанах увенчивает эту постройку. Большие барабаны на этом памятнике не пропорционально велики, а маленькие — необычайно малы (достаточно сказать, что диаметр барабана Филипповской церкви равен наружному диаметру центрального барабана грандиозного Николо-Дворищенского собора XII в.). Обе церкви имели подцерковье, перекрытое сводами, и ставшие уже архаичными хоры, но апсида только одна, у большей церкви. В меньшей церкви интересна бесстолпная конструкция взаимопирающихся ступенчатых сводов, несущих барабан. Отсутствие столбов увеличивало внутреннее пространство храма.

При изучении архитектурного облика церквей Филиппа и Николая бросается в глаза простота и скромность в декорировке фасадов, применение одинакового типа, но разных по размеру оконных и дверных проемов. Церкви почти не имели декора, за исключением аркатурного пояса на барабане и апсиде, живописи в киотах и нескольких каменных вкладных крестов²⁷. Несколько суровый и монументальный облик церквей оживляли деревянные резные детали причелий, гребней, киотов, крылец. Этот памятник обнаруживает сходство в архитектурном оформлении фасадов с построенной несколькими годами раньше (1510 г.) церковью Жен Мироносиц. Одинаковые пропорции и декор барабанов, тот же тип проемов, заключенных снаружи в прямоугольную нишу, наличие подцерковья, перекрытого сводами, деревянные крыльца, большие плоскости гладких стен и многофронтность.

В 1978—1980 гг. церкви Филиппа апостола и Николая чудотворца на Нутной улице восстановлены в формах XVI в. с сохранением западной паперти и колокольни XVIII в. Уникальность памятника, его плохое техническое состояние (большие трещины, значительный наклон смежной стены), наличие обширного архивного материала, патурные следы заставили обратиться к применяемому лишь в исключительных случаях методу воссоздания утраченных частей Никольской церкви. В ходе реставрации вос-

Рис. 3. Вид с востока после реставрации

становлены также палаточное завершение обоих храмов со всеми атрибутами деревянной кровли (резные причелины, охлупни, гребни), утраченные барабаны, покрытие главок лемехом, оконные и дверные проемы, деревянные крыльца (рис. 3).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Архитектурно-археологические исследования и обмеры проводились НСНРПМ в 1962 и 1969—1980 гг. Автор исследований и проекта реставрации Н. Н. Кузьмина.

² Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. I. С. 376—384; Ч. II. С. 277, 281.

³ Строков А., Богусевич В. Новгород Великий. М.; Л., 1939. С. 118; Каргер М. К. Новгород Великий. М., 1946.

⁴ ГАНО. Ф. 480. Оп. I. Д. 3621. Л. 9. Выписка Л. А. Секретарь.

⁵ Новгородские летописи. Спб., 1879. С. 196.

⁶ ГИБ. ОР Q—IV—122. Неопубликованная рукопись XVII в. «Святой апостол Филипп в Нутной улице». Обнаружена и впервые частично прочитана в 1968 г. научным сотрудником НСНРПМ А. Ф. Замалеевым. Полностью рукопись тщательно прочитана в 1983—1984 гг. ст. науч. сотр. ин-та Истории АН СССР М. Е. Бычковой. Все ссылки на рукопись в статье даются по ее прочтению.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ НПЛ. С. 379.

¹⁰ Там же.

¹¹ Новгородские летописи. С. 244.

¹² Азбелев С. Н. Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960. С. 100—103; Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1960. С. 211.

¹³ Новгородская Софийская летопись под 1527 г.//ПСРЛ. Л., 1925. Т. 5.

¹⁴ Под термином «первоначальное, древнее» следует понимать как относящееся к постройке 1527 г.

¹⁵ Макарий. Указ. соч. Ч. 1. Филипповской церкви принадлежали земли в Бежецкой пятине, Никольской — в Доревской.

¹⁶ Новгородские писцовые книги. СПб., 1862. Т. 1. Переписная оброчная книга Деревской пятини около 1495 г. С. 83.

¹⁷ В «Семиоборной росписи», которую В. Л. Янин относит ко времени до 1508 г. (т. е. еще до капитальной перестройки) указаны: «да Филипп святыи на Нутной улице да Никола придел» (Янин В. Л. «Семиоборная роспись» Новгорода//Средневековая Русь. М., 1976. С. 108—117).

¹⁸ Прихожане ц. Филиппа в XVI в. были жители Нутной улицы, Никольской церкви — «уличане Бардовой улицы». Приводятся сведения о роде занятий жителей этих улиц в XVII в. Это были калачники, серебрянники, масленики, красильники, рукавичники, скорняки, шапочники, свежерыбники, портные, извозчики и т. д. По описи 1660 г. (ГПБ — О—IV—122) на Нутной улице зафиксированы 32 двора с четвертью, а на Бардовой — только 9 дворов. Возможно, и раньше, т. е. в XVI в., число жителей Нутной улицы было значительно больше, чем Бардовой, что и отразилось на сооружении двух разных по площади церквей.

¹⁹ Вот как описывается это событие в рукописи ГПБ—О—IV—122: «после морового поветрия бысть в Нутные улицы в храме у Филиппа ап[остола] да у Никола Чудотворца соборном скудность приходная, понеже изморша люди голодом и смертносною язвою, и соборяне церковные у Филиппа ап[остола] изморша. И стоял храм Филиппа ап[остола] год без пения и Нутные и Бардовые уличане, которые остались после мору, совокупиша оба храма во едино место и двери из Филиппа[ап] в Николау Чудотворца в храм делаша новые».

В том же 1608 г. прихожане собирали пожертвования «на церковное строение...», «...делали главу, переделали 12 свеч и паникадило переделали, образа оливки и позолотили царские двери...». «Дал бывший пономарь Филиппа апостола Григорий Семенов сын денег сорок рублев, и теми деньгами покрыли два храма Филиппа апостола и Николая Чудотворца наново».

²⁰ «Церковь каменная Филиппа апостола и придел Великого чудотворца Никола, а на полатах две приделы. Живоначальная Троица и Воскресение Христова святых мест стояло пусто и без пения было много время и церковное каменное строение все пообветшало будучи без кровли от дождей» (ГПБ—О—IV—122).

²¹ За сохранность церковного имущества и имущества прихожан в подцерковье, а также за порядок и чистоту в церкви и около нее отвечал избираемый прихожанами пономарь, которому вменялось в обязанность: «и в подцерковьях и в чуланах всякого уличаго поставленья ото всего беречи накрепко... от всяких лихих людей... и самому над тое церковною жазною никакие хитрости не учинить и в церкви и в олтаре и в прделах и в палертях по вся воскресения Христова выплахать, что было мочно в землю поклотитца... в а подцерковье всех и чуланов шкочу на сторону кроме своей улицы уличаном ни на какое поставленья не отдавать...» (ГПБ—О—IV—122).

²² ГПБ—О—IV—122.

²³ Макарий. Указ. соч. Ч. 1.

²⁴ «В нынешней 1670 году что делати нам плотникам в Великом Новгороде в Словенском конце на Торговой стороне в приходе Нутные и Бардове улицы у церковей каменных у святого ап. Филиппа и Великого чудотворца Никола с приделом. Старая кровля с церкви опустить все на землю бережно, и потоки, и в то место потоки на всей церкви сделать новые, четырнадцать потоков, а также потоки поднимать на церковь им уличанам, а нам, плотникам, быть тут же в поможательстве, и высокобить и выдородить и потоки высмолить и вся кровля на церквах и на олтарях на всех покрыть старым тесом... да пять киотов около церкви сделать и покрыть в два теса причелныи с лица вырезные, а потоки у всех церковей сделать долгие с напуски против прежнего, и причелныи около всех

перхвей и с напуски по две доски, чтоб со сторон водою церквем не обмывало, а гребни тако же поднять выше старых» (ГПБ—0—IV—122).

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ В южной трети восточного фасада Филипповской церкви сохранился вкладной четвероконечный каменный крест с рельефным изображением «распятия» и надписями. Два других более простых каменных креста располагаются по обе стороны от южного портала подцерковья.

П. П. ТОЛОЧКО

О ТОРГОВО-РЕМЕСЛЕННОМ ПУТИ СТАНОВЛЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ ГОРОДОВ

Одной из важнейших движущих сил генезиса древнерусских городов являлся феодализм. Этот вывод, принятый сегодня всеми исследователями, имеет определяющее значение для поиска закономерностей становления и развития городского строя. При этом речь идет не об установлении единой социологической схемы в этом процессе, которой в действительности не могло быть, а о выявлении основных градообразующих структур, имевших более-менее сходное проявление на всей территории Древнерусского государства.

В решении проблемы происхождения древнерусских городов важное место принадлежит торгово-ремесленным поселениям, или факториям. Они известны главным образом на важнейших водных магистралях — Днепре, Волхове, Волге, Десне. Это — Ладога, Гнездово, Тимерево, Сарское, Михайловское городища, Шестовицы и некоторые другие. В исторической литературе последнего времени они именуются открытыми торгово-ремесленными поселениями (ОТРП)¹. Определение не совсем удачное, если учесть, что на большинстве из этих поселений (если не на всех) на определенном этапе развития были возведены земляные укрепления — валы и рвы.

Типологически эти центры близки между собой: они состояли из большого поселения, достигавшего 10 га (Тимерево), 16 га (Гнездово), небольшого городища (Гнездово, Шестовицы) и огромного курганного могильника, насчитывающего по несколько тысяч насыпей. Гнездовский могильник, к примеру, раскинулся на площади 27,5 га и имел 2539 курганов². Однороден и их археологический материал. Широкие исследования Гнездова, Шестовиц, Сарского городища и других мест, обнаружившие захоронения дружинников и купцов, клады арабских монет, следы ремесленного производства, рисуют их как относительно крупные торгово-ремесленные центры IX—XI вв.

Возникает закономерный вопрос: что они представляли собой в социальном плане и каково их отношение к старейшим древнерусским городам? В отечественной историко-археологической литературе торгово-ремесленные поселения трактуются чаще всего как определенная стадия в истории древнерусского города. Ее называют то «предгородской», то «протогородской». В свое время П. Н. Третьяков, пытаясь определить социальный тип

Сарского городка, называл его эмбрионом города³. И. В. Дубов, посвятивший этому и другим верхневолжским торгово-ремесленным центрам IX—X вв. обстоятельное монографическое исследование, квалифицирует их как «протогородские центры»⁴. Такая точка зрения разделяется и исследователями, изучающими аналогичные памятники Днепровского бассейна, а также Поволховья.

К сожалению, по существу никто не попытался показать на конкретных материалах, чем отличается протогородское поселение от городского. Неясно, в чем «недотягивают» названные центры IX—X вв. до категории городских. Ведь все они представляли собой поселение и производство вне земледельческой структуры. Причем уровень торговли (а может быть, и ремесла) был даже выше, чем в феодальных городах более позднего времени. Если прибавить к этому «авангардную» роль протогородских центров в освоении славянами огромной территории от Белоозера до Мурома (как думают В. А. Булкин, И. В. Дубов, Г. С. Лебедев) или признать за ними функции «опорных пунктов великокняжеской власти» (как предлагают В. Я. Петрухин и Т. А. Пушкина), то получится полный набор признаков раннефеодального города⁵.

Выводы об «авангардной» роли названных центров в процессе славянского расселения, а следовательно, и концентрации в них государственной власти не кажутся убедительными. Если это было действительно так, тогда непонятно, почему они, за редким исключением, утратили не только авангардную, но и вообще какую бы то ни было роль в славянской колонизации и окняжении земель. Почему все они к концу X — началу XI в. утрачивают роль опорных пунктов великокняжеской власти, приходят в упадок и по существу сходят с исторической арены, а рядом с ними успешно развиваются городские центры нового типа.

В историко-археологической литературе получила особое распространение точка зрения о прямой преемственности между торгово-ремесленными поселениями и некоторыми древнерусскими городами. Появилась даже теория о «переносе» городов как об одном из путей их развития. Приводятся примеры Тимерева и Ярославля, Сарского городка и Ростова, Гнездова и Смоленска, Новгорода и Рюрикова городища⁶. Особую остроту вызывал и вызывает вопрос о соотношении Гнездова и Смоленска. Одни исследователи (А. А. Спицын, И. И. Ляпушкин, Л. В. Алексеев и другие) полагали, что Гнездовский археологический комплекс надежно фиксирует местоположение раннего Смоленска⁷, другие (Д. А. Авдусин) убеждены, что Гнездово не имеет прямого отношения к Смоленску и что он изначально занимал свое особое место⁸. Полемизируя с Д. А. Авдусиным, Л. В. Алексеев считает невероятным, чтобы в IX — начале XI в. на Верхнем Днепре всего в 10 км друг от друга располагались два крупных древнерусских центра. Трудно себе представить реальные взаимоотношения предполагаемых «политического» и «торгового» центров. К тому же, как полагает Л. В. Алексеев, против этого свидетельствует и факт

исторической беспрецедентности параллельного существования парных центров⁹.

В системе доказательств сторонников тождества Гнездова и раннего Смоленска этот тезис является наиболее уязвимым. Примеры парного существования (на определенном хронологическом отрезке) двух центров — экономического и политического — действительно известны. Об этом уже была речь в литературе¹⁰.

На нашей территории — это прежде всего Ростов и Сарский городок. Еще Н. Н. Ворониц, опираясь на результаты археологических исследований, полагал, что Сарское городище и Ростов были независимыми центрами, и явление «переноса» города здесь не фиксируется¹¹. Позже И. В. Дубов также пришел к выводу, что оба центра могли какое-то время сосуществовать, в течение которого первый возвышался, а второй приходил в упадок¹². Правда, это обстоятельство как будто не препятствует исследователю видеть и в этом случае явление переноса¹³. В социальном плане Сарский городок и Ростов представляли собой различные типы поселений; первый, выросший на местной племенной основе, являлся торгово-ремесленным средоточием с разнотипным населением, второй, как справедливо считает А. Е. Леонтьев, был опорным пунктом древнерусской княжеской власти¹⁴.

Вероятно, близкая историческая ситуация имела место и в районе Ярославля, основанного, согласно М. Н. Тихомирову, в период до 1015 г.¹⁵ Затухание жизни в конце X — начале XI в. на трех протгородских центрах — Тимеревском, Михайловском и Петровском, расположенных в 10—12 км от Ярославля, следует связывать не с переносом их в другое место, а с возвышением здесь нового города, обладавшего функцией государственного средоточия. Поселение на стрелке при впадении р. Которосли в Волгу существовало синхронно с названными выше центрами. Если говорить о военных и экономических функциях, то, видимо, справедливо рассматривать Ярославль своеобразным преемником Михайловского и Тимеревского поселений¹⁶, как считает И. В. Дубов, но явления «переноса» здесь не было.

Пара поселений была обнаружена на одном из ответвлений Днепровского торгового пути, проходившего по системе речек от Любеча до Чернигова. Это летописный Листвен и поселение в урочище Лесковое, находящееся в 2 км выше по течению р. Белоус. Раскопки последнего показали, что оно имело ряд признаков открытого торгово-ремесленного поселения. Располагалось примерно на полпути от Любеча до Чернигова, неподалеку от волока. Судя по археологическим материалам, расцвет Лескового приходится на X — начало XI в. В это время оно занимало площадь 4,5 га. Затем поселение постепенно приходит в упадок. Авторы раскопок справедливо связывают его с основанием здесь в конце X — начале XI в. княжеской крепости Листвен, которая, будучи административно-хозяйственным центром, переняла все экономические функции открытого торгово-ремесленного поселения¹⁷.

Еще более показательным в этой связи может быть пример Хайтхабу и Шлезвига. Спор в немецкой историографии о соотношении этих центров определился в пользу их параллельного существования. Хайтхабу прекратил свою жизнь в первой половине XI в. не потому, что был перенесен в другое место, а потому, что рядом с ним бурно развивался новый город Шлезвиг. Причем если первый являлся преимущественно торгово-ремесленным средоточием, то второй — политическим. В Шлезвиге уже в середине X в. была образована епископия, здесь же находился и королевский двор¹⁸. Концентрация власти и церковного управления явилась определяющим фактором возвышения Шлезвига и постепенного угасания Хайтхабу.

Сходная ситуация имела место в развитии Бирки. В 12,5 км от этого крупного экономического центра Балтики находился городок Адельзо, где концентрировалась политическая власть. По мнению шведских исследователей, именно здесь находился двор королей Бьерна и Олафа. Несколько дальше к северу располагался еще один политический центр — Сигтуна, к которой и перешли традиции Бирки во второй половине X в.¹⁹

Примеры парного существования раннегородских экономических и политических центров IX—X вв. можно продолжить. Однако на современном этапе исследований вопрос состоит не в том, чтобы доказывать этот очевидный факт, а в том, чтобы выяснить его причины. Необходимо установить характер связей между близлежащими центрами, определить, какими социально-экономическими и политическими условиями они были вызваны к жизни, почему некоторые из них были более конкурентоспособны, чем другие. Теория «переноса» городов не только не способствует выяснению перечисленных вопросов, но по существу вообще снимает их. Она упрощает проблему существования торгово-ремесленных центров, которые будто бы и не прекращали своей жизни, а лишь сменили местоположение.

В реальной жизни все было значительно сложнее. Чтобы правильно понять социальную сущность торгово-ремесленных поселений IX—X вв. и их действительное место в становлении городских форм жизни на Руси, необходимо рассматривать их на фоне общеевропейского исторического развития. В литературе уже отмечалось, что они в целом очень близки к торговым городам Балтийского Поморья — скандинавским Бирке, Висби, Хайтхабу, западнославянским — Любеку, Менцлину, Волину, Щецину и др. Это, действительно, так. В одном социальном ряду называют их и средневековые хронисты. Хорошее знание ими торгового пути из Любека и Хайтхабу через Старигард, Волин, Щецин и далее в Новгород и Киев указывает, по-видимому, на то, что все эти центры входили в единую экономическую систему, не укладывавшуюся в рамки этнических границ. Они были вызваны к жизни в IX—X вв. необычайно бурным развитием трансевропейских торговых связей.

В основе этого явления лежал фактор неравномерности экономического развития различных европейских регионов, обусловленный также и естественно-географическим разделением труда. Поначалу, как справедливо считает И. Херрманн, это содействовало вовлечению в экономические связи Северо-Западной Европы и Прибалтики, позже, с конца VIII в., к ним присоединился и арабский регион. Наличие в нем большого количества монетного серебра, ставшего всеобщим эквивалентом в пределах всех контактирующих территорий, сыграло решающую роль в подъеме прибрежных торговых факторий²⁰. Сказанное в равной мере относится к торгово-ремесленным поселениям Верхнего Поволжья, бассейнов Волхова и Днепра, являвшихся как бы связующим звеном между Северо-Западной Европой и Арабским Востоком.

Главным занятием жителей этих поселений была дальняя торговля, а также связанные с ней ремесло и военное дело. Последнее в это тревожное время являлось по существу необходимым условием успешного развития торговых связей, и не случайно при раскопках всех торгово-ремесленных центров распространенными археологическими находками являются предметы вооружения.

Археологические исследования поселений Верхнего Поволжья, Поднепровья и Поволховья показали, что все они наряду со славянскими содержат материалы и других этнографических регионов, в том числе скандинавские. На этом основании делались (а иногда делаются и сейчас) неправильные выводы о шведском приоритете при основании этих торговых факторий. Последнее утверждается даже теми исследователями, которые отмечают временный характер шведской гегемонии в некоторых пунктах на больших славянских реках и незначительность их влияния на местное развитие²¹.

Здесь, видимо, продолжают срабатывать старые стереотипы, связывавшие инициативу формирования трансевропейских экономических связей исключительно с нормашами. Значительное присутствие славянских материалов в собственно скандинавских торгово-ремесленных центрах Бирке, Хайтхабу, на о. Готланд и других объясняется как свидетельство участия славян в их торговой жизни. Аналогичное объяснение факта наличия вещей скандинавского круга на славянских (в том числе и восточнославянских) поселениях также представляется единственно возможным.

Этнически смешанный характер торговых центров отражен не только в археологических материалах, но и в письменных источниках. Адам Бременский называет Бирку, расположенную в безопасном месте шведского морского побережья, международным центром, где «регулярно собирались для различных торговых дел многочисленные суда из Дании, Норвегии, от славян, земгалов и других скифских народов»²². Таким же, согласно Адаму Бременскому, был и балтийский город Волин, в котором проживали славяне, греки, варвары и другие племена²³.

Естественное преобладание на таких поселениях местного населения обусловило сравнительно быструю ассимиляцию пришельцев.

В плане исследования градообразующих процессов, чрезвычайный интерес представляет факт относительной кратковременности жизни торгово-ремесленных поселений, имевших, казалось бы, все условия для своего поступательного развития. Объяснение, в основе которого лежит фактор простого «переноса», неприемлемо. Явление это не узколокальное, а общеевропейское. Одновременно с затуханием торгово-ремесленных поселений на Руси приходят в упадок аналогичные центры в Южной Прибалтике и Скандинавии. Причем процессы эти почти повсеместно сопровождаются возвышением новых городских центров, располагавшихся на некотором удалении от старых. Иногда они унаследовали от них даже названия, но не являлись естественными и прямыми их продолжателями. Наглядным примером этому может служить история Любека. Основанный в 40-е годы XII в. немцами, новый город перенял название славянского, но видеть в нем непосредственного преемника первого вряд ли возможно.

Иногда причина отсутствия прямой связи торгово-ремесленных поселений с позднейшими городами видится исследователям в недостаточном развитии в них ремесленной функции. Ремесло в течение эпохи викингов, как считает Г. С. Лебедев, не обрело законченной цеховой организации, а отсюда и отсутствие прямой преемственности между виками IX—XI вв. и собственно средневековыми городами Дании, Норвегии, Швеции²⁴. Здесь в лучшем случае отмечен факт, а не его причина. Вопрос как раз и состоит в том, что помешало торгово-ремесленным факториям обрести законченные формы городских структур и продолжить свое развитие? Киев или Новгород в это время тоже не имели цеховой организации, но это не привело к прекращению их жизни.

Видимо, причины пресечения традиции торгово-ремесленных городов следует искать в изменившихся условиях социально-экономического и политического развития европейских стран (в том числе и Киевской Руси) в конце X — начале XI в. В это время происходит стабилизация их государственных структур, определенные границы, что неизбежно вело к нарушению прежних связей и формированию новых экономических районов. Наступление германских феодалов на славянское побережье Балтики, ограниченные торговой деятельности скандинавских стран, упадок Хазарского каганата и возвышение Киевской Руси сделали невозможным дальнейшее функционирование этой межрегиональной экономической структуры, основанной преимущественно на частном предпринимательстве.

Изменившиеся условия наложили отпечаток на развитие торгово-ремесленных городов всех европейских регионов, но в большей мере они сказались на жизни тех центров, которые располагались на Днепровском и Волжском торговых путях. Не являясь органическим порождением внутреннего социально-экономического раз-

вития восточнославянского общества, они не смогли стать естественным средоточием сельскохозяйственной округи, не установили с ней многообразных двусторонних связей, а следовательно, и не имели перспектив развития. Торговля, которую вели эти центры, была необходима прежде всего им самим, но не тем регионам, в которых они возникли²⁵.

Сказанное как будто не вполне согласуется с фактом продолжения жизни некоторых торгово-ремесленных поселений и в последующее время. На нашей территории примером такой «выживаемости» является Ладога, прошедшая путь от торговой фактории до феодального города, но здесь не было естественной эволюции. В конце X — начале XI в. Ладога подверглась «окняжению». Открытое поселение было перепланировано; на мысе Волхова и его притока Ладожки сооружена крепость²⁶. Так на старой поселенческой основе фактически возник новый социальный организм, унаследовавший от прежнего по существу лишь название.

Для выяснения причин пресечения традиции торгово-ремесленных поселений особый интерес представляет определение характера их взаимоотношений с племенными (или княжескими) центрами. Здесь пока нет ясности. Иногда викам приписывают административно-политические функции, которых в действительности у них не было. Так, Г. С. Лебедев, говоря о Хайтхабу и Бирке, отмечает обретение ими на определенном этапе развития важных административных функций благодаря утверждению там государственных и церковных институтов. «Судя по близости королевской усадьбы Адельзо (на соседнем острове, в виду города), Бирка играла важную административную роль в «домене» свейских конунгов»²⁷. Но ведь не королевский двор был на виду у города (если можно применить это выражение к центру, отстоявшему от Бирки на 12,5 км), а город — у королевской власти. В ее руках находилась власть, а следовательно, и все административно-политические функции. Аналогичная ситуация (о чем шла речь выше) сложилась и в Хайтхабу.

Встречается и противоположная точка зрения (даже у одного и того же исследователя), согласно которой вики, располагаясь на «ничейной земле», на пограничье племен и народов, вообще были свободны от юрисдикции местных властей²⁸.

Такой идиллической картины, конечно, не могло быть. Уже на ранних этапах, когда только формировалась политическая структура общества и власть племенных князей еще не была сильной, торговые фактории возникали, по-видимому, по соглашению купеческого населения с местной племенной верхушкой²⁹. За последней сохранялось и право контроля над жизнью этих поселений. Позже, по мере «окняжения» земель и усиления роли феодальной знати торговые фактории начали подвергаться более сильному давлению со стороны государства. В пользу такого предположения свидетельствует, в частности, факт увеличения среди погребений Бирки «могил воинов». Х. Арбман на этом основании делал

вывод, что в Бирке на позднем этапе находился воинский гарнизон, представлявший центральную власть.

Судьба торгово-ремесленных центров, таким образом, была предопределена дальнейшим развитием феодального способа производства, зиждившегося на единстве экономических и политических структур.

Говоря о «предгородском» или «протогородском» социальном облике торговых факторий, исследователи основную причину этого видят в недостаточном развитии ремесла³⁰. Такой вывод нельзя принять. Трансформация городских форм жизни, первой стадией которой была бы торгово-ремесленная сфера, в условиях раннефеодальных производственных отношений стала бы для Руси непригодна. На этапе подъема феодального города о древнерусских городских центрах этого нельзя сказать даже в эпоху феодальной раздробленности. А ведь в этот период их ремесло находилось на несравненно более высоком уровне, чем в IX — начале XI в.

Следует отметить, что значение торгово-ремесленных поселений для эволюции городских форм на Руси не следует преувеличивать. Это не стадия в жизни восточнославянского города, а лишь один из путей его образования. Фактически он оказался тупиковым, поскольку был обусловлен преимущественно факторами внешнего социально-экономического развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л., 1978. С. 139.

² Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. М., 1980. С. 143.

³ Третьяков П. Н. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. // МИА. 1941. № 5. С. 95.

⁴ Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 61.

⁵ Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Указ. соч. С. 125; Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. К предистории древнерусского города // ИС. 1979. № 4. С. 109.

⁶ Мавродий В. В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской пародности. М., 1971. С. 51; Дубов И. В. К проблеме «переноса» городов в Древней Руси // Гнезис и развитие феодализма в России. Проблемы историографии. Л., 1983. С. 70—82.

⁷ Спицын А. А. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева // Известия археологической комиссии. СПб., 1905. Вып. 15. С. 7—8; Ляпушкин И. И. Новое в изучении Гнездова // АО 1967 г. М., 1968. С. 43—44; Он же. Гнездово и Смоленск // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971. С. 37; Алексеев Л. В. Указ. соч. С. 135—154.

⁸ Авдусин Д. А. К вопросу о происхождении Смоленска и его начальной топографии // Смоленск к 1100-летию первого упоминания города в летописи. Смоленск, 1967. С. 79.

⁹ Алексеев Л. В. Указ. соч. С. 143.

¹⁰ Леонтьев А. Е. Сарское городище в истории Ростовской земли: (VIII—XI вв.); Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975. С. 22; Петрухин В. Е., Пушкина Т. А. Указ. соч. С. 100—112.

¹¹ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. М., 1961. Т. I. С. 22.

- ¹² Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. С. 85—87.
- ¹³ Дубов И. В. Города, величеством сияющие. Л., 1985. С. 43.
- ¹⁴ Леоптьев А. Е. Указ. соч. С. 22.
- ¹⁵ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 416.
- ¹⁶ Дубов И. В. Города, величеством сияющие. С. 97—98.
- ¹⁷ Коваленко В. П., Щекун А. В. Летописный Листвен: (К вопросу о локализации)//СА. 1984. № 4. С. 71—73.
- ¹⁸ Schitzel K. Ausgrabungen in Haithabu. Bericht 16. Neumünster, 1981. S. 88—89.
- ¹⁹ Arbman H. Birka 1. Die Greber. Uppsala, 1943. S. 14—15.
- ²⁰ Херрманн И. Роль прибрежных торговых факторий VIII—X вв. в развитии племенного общества, формировании государства и городов//Тезисы докл. делегации ГДР на международном Конгрессе славянской археологии. Берлин, 1985. С. 9.
- ²¹ Stenberger M. Vorgeschichte Schwedens. Neumünster, 1977. S. 418—419.
- ²² Stenberger M. Op. cit. S. 459.
- ²³ Schoknecht U. Menzlin. Ein frugeschichtlicher Handelsplatz an der Reene. Berlin, 1977. S. 136—137.
- ²⁴ Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 102—103.
- ²⁵ В. Я. Петрухин и Т. А. Пушкина справедливо отмечали ориентацию таких центров, как Гнездово, на внешние торговые связи (см.: Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. Указ. соч. С. 110).
- ²⁶ Кирпичников А. Н. Работы в Ладужской крепости//АО 1974 г. М., 1975. С. 18.
- ²⁷ Лебедев Г. С. Указ. соч. С. 113.
- ²⁸ Там же. С. 105.
- ²⁹ Херрманн И. Указ. соч. С. 9.
- ³⁰ Алексеев А. В. Указ. соч. С. 188.

С. З. ЧЕРНОВ

КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО ЛАНДШАФТА (экология культурной среды)

В наиболее интенсивном виде культурная среда Древней Руси нашла свое выражение в планировке и ландшафтном построении древнерусских городов. Поэтому историки градостроительства первыми обратились к комплексному изучению историко-культурного фонда русских земель. Исследование средневековых градостроительных структур и застройки сельской местности выявило их общие черты. Однако сельские ландшафты XIII—XVI вв. известны гораздо хуже, чем городские.

Общее движение к интеграции различных отраслей науки является характерным признаком нашего времени. Учение В. И. Вернадского о единстве человеческого знания и успехи экологии способствовали развитию комплексных исследований. Концепция экологии культуры, выдвинутая Д. С. Лихачевым, явилась теоретическим основанием для всестороннего изучения историко-культурного наследия. Практика научных исследований пока значительно отстает от достижений теоретической мысли. Такой важный для понимания истоков русской культуры пласт древностей, как исторический ландшафт XIII—XVI вв. Московской и Новгородской Руси, а также Русского Севера, остается практически неизученным и незафиксированным. Древние погосты и села, дороги и пруды, межи и границы угодий, природное окружение — весь этот огромный историко-культурный фонд лишь в незначительной части отражен на картах XVIII—XIX вв. Комплексный подход, на основе которого выполняются историко-опорные планы охранных зон, заказников, некоторых районных планировок, способствует более полной фиксации археологических материалов XIII—XVI вв. Этот перспективный путь изучения и охраны исторического ландшафта распространяется лишь на отдельные районы, а строительство, почти повсеместно осуществляемое без учета исторической ценности земель, ведет к уничтожению культурных ландшафтов на огромных площадях.

В сложившейся ситуации остро ощущается потребность в изучении средневековой исторической и природной среды в условиях фрагментарной сохранности письменных источников. В предварительном виде подобный метод был предложен в исследовании автора по району Троице-Сергиева монастыря и применен в проектах Радонежского заказника и заповедника «Древний Радонеж»¹.

В настоящее время накоплен богатый опыт интеграции как гуманитарных, так и естественных наук, связанных с землеописанием. Требуется систематизировать все многообразие идей для решения сложных задач реконструкции исторического ландшафта XIII—XVI вв. Такова цель настоящей статьи.

Вначале необходимо рассмотреть вопрос: в чем суть комплексных методов вообще? Примерами комплексного подхода в области изучения русского средневековья являются труды С. Б. Веселовского и В. Л. Янина. Исследования Веселовского содержат целый ряд перспективных направлений в изучении исторической географии землевладения и расселения². Комбинируя данные топонимики и генеалогии, автор воссоздал историю землевладения московских боярских родов XIV—XV вв.³ Кроме того, ему принадлежат очерки истории вотчин, написанные по актам монастырей⁴. «Первоначальные границы вотчин и ее первых владельцев» он «реконструировал, сопоставляя генеалогические таблицы владельцев с ранним актовым и более поздним топонимическим материалом». Происходило как бы «многократное совмещение генеалогических таблиц различных родов с картами их земельных владений»⁵. Большое значение Веселовский придавал локализации поселений, известных по актам. Им была намечена программа «непосредственного собирания топонимических материалов путем сплошного обследования местностей и опроса местных жителей»⁶. Будучи прекрасным знатоком письменных источников, Веселовский сознавал, что сведения, почерпнутые из них, недостаточны для локализации большинства поселений, упоминаемых в актах XV в.; он пришел к мысли о ценности устной топонимической традиции и своевременно поставил вопрос об ее изучении.

К проблеме комплексного исследования обращался и В. Л. Янин. В 1973 г. он высказал мысль о том, что «магистральным направлением развития специальных исторических дисциплин является в наше время не их дифференциация, которая, естественно, будет продолжаться и в дальнейшем путем совершенствования специфических для разных видов источников методических приемов, а их интеграция»⁷. Этот вывод отражал крупные успехи в изучении средневекового Новгорода, которые были достигнуты на основе интеграции археологии, сфрагистики, нумизматики и эпиграфики. Новый цикл исследований Янина был обобщен в «Очерках комплексного источниковедения». В частности, в исследованиях о грамотах Антониева, Юрьева и Пантелеймонова монастырей было показано, какие неожиданные результаты для датировки актов может дать локализация упомянутых в них земельных границ. На примере берестяных грамот (духовная Моисея, «Порховские» грамоты), а также грамоты на погост Ляховичи, проанализированных исследователем, можно видеть, что поземельные документы нельзя считать полностью прочитанными, пока не идентифицирована содержащаяся в них географическая номенклатура⁸. В работе «Новгородская феодальная вотчина» с помощью анализа семейного раздела вотчин, лежащих в различных

погостах, была реконструирована генеалогия новгородских боярских родов⁹. Локализация земельных владений XV в. в районе Взада позволила ретроспективно восстановить картину раздела территории погоста между Новгородом и великим князем в XIII в.¹⁰ Следовательно, вывод, сделанный в 1973 г., можно распространить на историческую географию, топонимику и генеалогию.

Перспективность комплексных исследований очевидна. В то же время правомерность тезиса о «комплексном источниковедении» вызвала у ряда исследователей сомнения. Так, в книге «Источниковедение и его метод» В. В. Фарсобин писал: «Развитие источниковедения от комплекса наук к метанауке — дело будущего. Пока речь идет о теории отдельных дисциплин. О синтетических задачах мы вынуждены говорить лишь потому, что они не уместятся в представленную схему понятий источниковедения». К числу таких задач Фарсобин относит утверждение Янина о том, что историческому источниковедению «следовало бы усвоить в качестве главной цели заботу о синтезировании всех видов источников и разработку новых плодотворных методов, возникающих при взаимодействии слишком далеко разошедшихся дочерних дисциплин истории». Полемизируя с Яниным, Фарсобин пишет: «Между тем такого рода задача — предмет конкретного исторического исследования, а не какой-то особой науки»¹¹.

Путь простого (или основанного на определенной методике) сопоставления результатов, полученных, например, источниковедением, топонимикой, археологией и т. д., разумеется, всегда остается открытым для исследователя. Но секрет комплексного источниковедения заключен не в нем, а в сопоставлении первичных источников (письменных, археологических, топонимических и др.), взаимной корректировке их достоверности, полноты, репрезентативности, установлении даты и происхождения и в составлении на этой основе, скажем, совмещенной карты расселения, землевладения и т. д. Подобная карта, содержащая локализацию акта или межевой книги, превращается в новый вид источника, более полный, чем составляющие ее письменные, археологические и топонимические данные. Извлекается дополнительная информация, ускользающая как от традиционного источниковедения, так и от традиционной археологии. Поэтому эффект комплексного исследования достигается лишь тогда, когда комплексность начинает применяться уже на уровне источниковедения.

Взглянем теперь на комплексные исследования с точки зрения применяемых методов. Поставим вопрос: нужны ли для сопоставления первичных источников разного типа особые приемы и процедура исследования? Иначе говоря: нужно ли интегрировать методику источниковедения, топонимики, археологии? Несомненно. Ведь при несистематическом использовании источников разного типа и методов разных дисциплин исчезает уникальность информации, присущая каждому виду источников. (Осознание этой опасности и порождает ту настороженность по отношению к комп-

лексному источниковедению, о которой говорилось выше.) В результате может возникнуть упрощенное знание. Преодолеть опасность бессистемного смешения материалов различных источников помогает интеграция методик смежных дисциплин, подобно тому как в иконописи паложение одной краски на другую создает цветовое богатство, не нарушающее ясности каждого тона.

На заре русской археологии З. Я. Ходаковский поставил задачу комплексного (как мы бы теперь сказали) археологического, географического и топонимического изучения территории древней Руси. Он не только вел раскопки и применял планы Генерального межевания, но впервые начал систематически опрашивать старожилов, дополняя планы названиями угодий и урочищ¹². Проект Ходаковского не был осуществлен, а методы его нашли мало последователей: пути археологии и топонимики разошлись более чем на столетие¹³.

В работах 1920—1930-х годов содержались первые опыты использования данных раскопок для изучения истории древнерусских сельских поселений и землевладений¹⁴. Как самостоятельный же источник эти данные были привлечены в книге В. В. Седова, основанной на сплошном обследовании центра Смоленской земли. Седовым были разработаны методы разведок, определены возможности археологии в исследовании структуры расселения, формы, топографии, даты и облика культуры селения. В то же время почти полное отсутствие документов по изучаемому району до XVI в. привело к тому, что исследовались безымянные поселения: язык археологии было трудно перевести на язык письменных источников XII—XV вв. К сожалению, в 50—60-е годы наряду с работой Седова не появилось комплексных исследований о сельской Руси XIV—XVI вв., и в археологической литературе надолго утвердилось исключительное внимание к поселениям домонгольской эпохи¹⁵. В сочетании с письменными свидетельствами археологические данные впервые широко были использованы в работах Л. В. Алексеева о домене кн. Ростислава Смоленского и А. А. Юшко о домене вел. кн. Ивана Калиты и боярском землевладении XIV в.¹⁶

В 60—70-е годы больших успехов достигла топонимика. В трудах В. А. Никонова, А. И. Полова, В. А. Жучкевича, Г. П. Смолицкой анализировались вопросы использования топонимии в исторических исследованиях, способы локализации древних поселений. Было показано, что преемственность и трансформация топонима подчинены закономерностям развития языка, игнорирование которых ведет к ложным локализациям¹⁷. Анализ суффиксов и формантов позволил хронологизировать топонимы¹⁸. Принципы, разработанные топонимистами были применены историками¹⁹.

Микротопонимические исследования, о безотлагательности которых писал Веселовский, начались лишь в 60-х годах²⁰. Накоплен богатый опыт изучения живого устного топонимического материала. Однако этот уникальный источник мало использовался

в историко-географических целях. В рекомендациях по сбору топонимии давались советы «не гнаться за точностью» при составлении планов²¹. Собранные микротопонимические материалы лишались качества (строгой территориальной приуроченности), которое делает их ценным источником по исторической географии. Сложившуюся ситуацию можно видеть, в книге Е. М. Поспелова, которая специально посвящена интеграции топонимики и картографии. Одна сторона этой проблемы — использование достижений топонимики при сборе названий геодезистами и фиксации их на картах — рассмотрена автором всесторонне. Обращаясь же к картографическому методу в топонимике, Поспелов вовсе не касается вопроса о картографировании микротопонимов²². Программа использования устной микротопонимической традиции для исторической географии Руси XIV—XVI вв., намеченная Веселовским, не осуществлялась.

В исследовании по району Троице-Сергиева монастыря автор данной статьи сделал попытку интегрировать методiku историко-географического и генеалогического изучения вотчин Веселовского со сплошным археологическим обследованием и аэрофотофиксацией ландшафта соответствующих микрорайонов. Для идентификации поселений, известных по актам XV—XVI вв., с археологическими памятниками был использован наряду с письменными и землеустроительными данными XVI—XX вв. устный микротопонимический материал²³.

Наши представления об исторической среде XIII—XVI вв. окажутся односторонними без реконструкции средневековых природных ландшафтов, игравших большую роль в жизни той эпохи. Пожалуй, ни один из разделов географии не получил столь сильный импульс под влиянием экологического подхода, как ландшафтоведение, и в том числе историческое ландшафтоведение. Эта дисциплина, использующая данные палеогеографии, палеогеоморфологии, палеобиологии, почвоведения для описания конкретных природных ландшафтов древности, давно установила контакты и с исторической географией, и с археологией. Автором, сочетающим данные ландшафтоведения и историческую географию, стал В. С. Жекулин, работы которого по Новгородской земле о локализации данных писцовых книг позволили говорить о типах освоения каждого ландшафта²⁴. Интеграция методов исторического ландшафтоведения и археологии базируется на изучении присутствующих в культурном слое индикаторов древней растительности, а также на том, что древнее поселение локализуется в определенном палеоландшафте. Исследования, ведущиеся в этом направлении, дают интересные результаты о взаимодействии средневекового населения с природной средой²⁵. В то же время попытки соотносить эти наблюдения с отдельными топонимическими ареалами показали, насколько трудно сопоставлять данные столь разных дисциплин, как ландшафтоведение и топонимика²⁶.

Каким же путем можно решить проблему интеграции гуманитарных и естественных наук в области изучения ландшафта?

«Экология, — пишет Жекулин, — является оселком, на котором оттачивается и проверяется инструментарий комплексного географического метода» изучения исторического и природного ландшафта²⁷. Обратимся в этой связи к тем направлениям в археологии и топонимике, которые формируются на основе экокультурного подхода.

Одним из таких направлений является ландшафтная археология, сложившаяся на основе тех небывалых возможностей в изучении исторического ландшафта, которые возникли с появлением аэрофотосъемки. В 1950—1960-е годы этот метод был использован в Западной и Центральной Европе для изучения средневекового расселения. Оказалось, что сопоставимость данных аэрофотосъемки и археологии достигается только путем привлечения широкого круга письменных и других ретроспективных источников²⁸, при выявлении как можно большего числа археологических памятников²⁹. Иначе ландшафтные структуры, реконструируемые по аэрофотосъемке, могут быть неверно интерпретированы³⁰. Этот опыт следует учесть в тех случаях, когда ставится задача изучить историю расселения XII—XVI вв. без сплошных археологических обследований с помощью «синтеза различных методов исследования»³¹. Аэросъемка и карты в сочетании с выборочной проверкой фиксируют исторический ландшафт с невиданной быстротой. Развитие таких работ справедливо рассматривается авторами цитируемой статьи как важнейшая часть комплексного исследования ландшафтов. И все же это еще не комплексное исследование. Ведь дату поселения может установить только археология, а без нее комплексное исследование просто «не работает».

Отличительной чертой ландшафтной археологии является не только применение аэро- и космической съемки, но и использование широкого круга дистанционных методов естественных наук, а также специфических приемов фиксации археологических объектов, лишенных культурного слоя (пруды, дороги, камни и др.)³². Разработка этого направления неизбежно ведет к созданию недеструктивной археологии, что имеет огромное теоретическое значение. Только прекратив разрушать исследуемые ею памятники (прежде всего погребения), археология поднимается до уровня других наук, исследующих культурное наследие.

Важное место в ландшафтной археологии занимает изучение взаимоотношений элементов ландшафта как экокультурной системы. И здесь ландшафтная археология смыкается с градостроительными и пространственными методами. С помощью последних удается локализовать древние центры по сходящимся к ним дорогам, стратифицировать границы и вычленить из землеустроительной системы XVIII—XX вв. реликты средневековья. Анализ визуальных и ландшафтных связей становится источником для изучения планировочных и композиционных традиций³³. И здесь (как и в ландшафтной археологии) требуются дополнительные (непространственные) данные³⁴: археологические (для проверки ретроспекций) и микротопонимические.

Микротопонимические данные особенно ценны, так как отражают осмысление ландшафта самой средневековой общиной и могут способствовать его прочтению как некоторого символического текста. Но для этого они должны быть реконструированы на период XIII—XVI вв. В лингвистической литературе, испытывающей все более глубокое влияние идей А. А. Потебни, утвердилось представление о том, что топонимия каждого района — не случайный набор названий, а закономерный комплекс, который можно понять, анализируя лишь весь топонимический ландшафт. Было бы ошибкой локализовать исчезнувшее в XVI в. с. Тарбеево на месте поля «Подтарбеевны полосы», запись о котором была сделана в с. Дерюзино. Поле получило свое название, так как лежало у дороги, которая когда-то вела из Дерюзина в Тарбеево³⁵. Понятно, насколько важно рассматривать микротопоним в составе устной традиции соответствующего селения. Крупным достижением лингвистики явилась разработка теории топонимической системы, контролирующей единообразное употребление топонимов на определенной территории³⁶. Микротопонимические системы пока еще мало изучены, но уже сейчас ясно, что они так же, как и макросистемы, отличаются большей стабильностью, чем отдельные входящие в них топонимы. Для того чтобы выявить содержащуюся в такой системе историческую информацию, необходимо рассмотреть историю системы на фоне жизни создавшей ее общины на протяжении XVII—XX вв. Такой анализ, проделанный по району р. Пинеги, показал расхождения между современными и средневековыми названиями населенных пунктов. Эти расхождения были вызваны тем, что «на протяжении XVIII в. радикально изменяется способ землепользования: ...пахотная земля распределяется по душам, т. е. уже перестает быть наследственной собственностью крестьянина и его рода»³⁷. Описанный процесс в средней России пришелся на XVII в.: большинство запустевших в 1570—1600-е годы селений не возобновились, а землепользования сохранившихся селений выросли. Формирующиеся топонимические системы последних должны были включать топонимы, ранее относившиеся к другим системам, что нужно учитывать при локализации. Восстановив (с помощью границ землепользований и исторических данных о переселениях) микротопонимическую систему XVI в., можно обратиться к реконструкции прошлого этой системы, сопоставив ее с ареалами словообразовательных моделей, моделей мотивации, этимологии, местных географических названий, лексической базы топонимов и учитывая насыщенность и устойчивость системы. Благодаря этому открываются пласты традиции, которые казались навсегда забытыми.

Топонимия и обряды служили в средние века не только для ориентации в окружающей местности, но выполняли функцию семантической иерархизации ландшафта, его одухотворения³⁸. Реликты этого явления изучены автором в районе древнего Радонежа. Весь район, связанный с преданиями о святилище Белые Боги, осознается в с. Городок как священная местность, тогда как

ряд урочищ наделяется вредоносными свойствами. Идущее из глубокой древности поклонение местам усиливается в древней Руси в XIV в.³⁹ Изучение средневековой среды обитания в этом направлении открывает широкие горизонты для применения комплексных методов. Цель комплексного исследования — создать непрерывную реконструкцию, включающую не только отдельные селения, но также топонимию, землепользование, природные геокомплексы. Средневековое же восприятие ландшафта в основе своей прерывно, неоднородно и качественно ориентировано на культовые центры⁴⁰. Поэтому с помощью непрерывной реконструкции можно значительно полнее изучить прерывность средневекового мировидения.

Ландшафтная археология и ландшафтная микротопонимия составляют тот материал, в котором комплексное сопоставление историко-географических структур средневековья с природными ландшафтами может быть особенно плодотворно. Экологический подход в системе этих наук проявляется тогда, когда природные палеоландшафты XIII—XVI вв. сравниваются с традиционными представлениями о них. В настоящее время Белухинская роща, лежащая близ Радонежа, состоит в основном из вторичных лесов. В устной традиции с. Городок бытует представление о роще как о красивой местности. Это «противоречие» было разъяснено палеоботаническими исследованиями: в XIII—XVI вв. роща составляла ближайшую к Радонежу оконечность массива дубово-еловых лесов, которые покрывали моренную возвышенность. Именно здесь, по преданию, находилось святилище Белые Боги. Подобные «противоречия» помогают проследить особенности средневекового видения природной среды.

Для того чтобы методы различных наук слились для решения новых задач, требуются определенные условия. Представляет интерес высказывание Я. А. Шера о возникновении таких традиционных археологических методов, «как стратиграфический, типологический, картографический», которые первоначально разрабатывались для потребностей геологии, эволюционной биологии и географии. Синтез данных методов был обусловлен тем, что «они подвергались глубокой переработке в соответствии с задачами исторической науки»⁴¹.

Есть ли основания полагать, что произойдет синтез методов изучения исторического ландшафта? Думается, что развитие исследований идет в этом направлении⁴². Интеграция методов обусловлена не только общим предметом исследования, каким является ландшафт. В основе такого процесса лежит экологический подход к природной и культурной среде, изучение которой возможно как единого культурно-генетического фонда в его исторической неповторимости.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чернов С. З. Происхождение вотчин XIV—XV вв. в районе Троице-Сергиева монастыря: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: М., 1983; Он же. Древний Радонеж: изучение исторического ландшафта//Материалы творческого отчета треста «Мособлстройреставрация». М., 1984. С. 159—162.

² Развитие историко-географического метода связано с именами В. К. Янунского, А. Н. Насонова, А. И. Команова и В. М. Витова.

³ Веселовский С. Б. Исследование по истории класса служилых землевладельцев. М., 1960; Он же. Тр. по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 193—196.

⁴ Веселовский С. Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв.//Изв. ГАИМК. 1936. Вып. 139. С. 65—100.

⁵ История и генеалогия. М., 1977. С. 55.

⁶ Веселовский С. Б. Топонимика на службе у истории//ИЗ. М., 1945. Вып. 11. С. 29.

⁷ Янин В. Л. К проблеме интеграции в изучении вещественных и письменных источников по истории русского средневековья//ИС. 1973. № 3. С. 77.

⁸ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 40—79; Он же. Комплекс берестяных грамот № 519—521 из Новгорода//Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 30—39; Он же. Грамота Всеволода Мстиславича на погост Ляховичи//Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1977. С. 28—31; Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV—XV вв. М., 1966.

⁹ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981.

¹⁰ Янин В. Л. К истории взаимоотношений Новгорода с князьями//Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1985. С. 92—104; Чернов С. З. Историческая география Вязьского погоста//Там же. С. 104—112.

¹¹ Фарсебин В. В. Источниковедение и его метод. М., 1983. С. 21.

¹² Сын отечества. 1820. Ч. 63—64, № 33—40; Хоудаковский Э. Я. Донесение о первых успехах путешествия в Россию//РИВ. М., 1844. Т. 7; Формозов А. А. Страницы истории русской археологии. М., 1986. С. 53.

¹³ Традиции комплексного изучения источников никогда не утрачивались в исследованиях по церковной археологии. Так, селища XIV—XV вв. на лесных полях-оселках были впервые описаны Г. И. Фивейским в 1879 г. (см.: Фивейский Г. И. Летопись Спасо-Преображенской церкви Звенигородского уезда//Чтения в обществе любителей духовного просвещения. 1879. № 8. С. 52—66; № 9. С. 68—108).

¹⁴ Работы С. В. Киселева, А. Я. Брюсова, Н. Н. Воронина и С. А. Таракановой-Белкиной.

¹⁵ Очерки истории русской деревни X—XIII вв.//Тр. ГИМ. 1956. Вып. 32; 1959. Вып. 33; 1967. Вып. 43; Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961; Никольская Т. Н. Земля вятичей. М., 1981; Толочко П. П. Киев и Киевская земля. Киев, 1980.

О недостаточной изученности сельских поселений XIV—XVI вв. см.: Очерки русской культуры XIII—XV вв. М., 1969. Ч. 1. С. 236—237; Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 76—82.

¹⁶ Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XII вв. М., 1980; Николаева Т. В. [Рецензия]//СА. 1982. № 1. С. 275—278. Рец. на кн.: Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XII вв.; Юшко А. А. География боярского землевладения Московской земли XIV в.//Докл. и сообщения XV сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1974. Вып. 1. С. 59—61; Она же. Археологические источники и проблемы землевладения Московской земли//Советская историография аграрной истории СССР. Кишинев, 1978. С. 249—251.

¹⁷ Никонов В. А. Введение в топонимику. М., 1965. С. 64—67; Жучкевич В. А. К вопросу о возможностях и приемах применения топонимики в исторических исследованиях//ИС. 1971. № 3. С. 120; Развитие методов топонимических исследований. М., 1970. С. 91—105.

¹⁸ Роспонд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов//Востоочнославянская ономастика. М., 1978. Т. 2; Добродомов И. Г., Куч-

кин В. А. Этимология и старые географические объекты//Вопросы географии. М., 1979. Вып. 110. С. 157—163.

¹⁹ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 41—54.

²⁰ Микротопонимия. М., 1967. С. 5—14.

²¹ Попов А. И. Следы веков минувших. Л., 1981. С. 187; Подольская Н. В. Программы и инструкции для сбора топонимического материала//Восточнославянская ономастика. М., 1972. С. 166—175.

²² Поспелов Е. М. Топонимика и картография. М., 1971. С. 9, 19.

²³ Подробнее см.: Чернов С. З. Происхождение... С. 8, 9.

²⁴ Жекулин В. С. Историческая география ландшафтов. Новгород, 1972; Он же. Историческая география: предмет и методы. М., 1982; Анненков В. В. Новый вклад в разработку научных основ историко-географических исследований//Изв. АН СССР. Сер. География. 1983. № 3. С. 155.

²⁵ Давыдчук В. С., Фролов И. К. К истории заселения Орловского течения Оки в I тысячелетии н. э.//КСИА. 1976. Вып. 146. С. 11—17; Долуханов П. М., Микляев А. М. Хозяйство и расселение древнего населения юга Псковской области//Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М., 1985. С. 51—58; Флоренский К. П. Где произошло Мамаево побоище?//Природа. 1984. № 8. С. 41—47; Хотинский Н. А. и др. Куликово поле: природа и история последних 6 тысяч лет//Природа. 1985. № 12. С. 30—38.

²⁶ Микляев А. М. Археологическая география: задачи, методы и первые результаты//Контакты и взаимодействия древних культур. Л., 1981. С. 51; Ср. с другой точкой зрения: Долуханов П. М., Носов Е. Н. Палеоландшафты и заселение территории Северо-Запада в VI—X вв.//Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 22.

²⁷ Жекулин В. С. О междисциплинарных исследованиях и интеграционных тенденциях в географической науке//ИГО. 1984. Вып. 3. С. 193.

²⁸ Beresford M. W., Hurst J. C. Deserted medieval villages. New York, 1972; Steensberg A. Store Valby. København, 1974. V. 1—3; Villages desertés et histoire économique XIe—XVIIIe siècle. Paris, 1965.

²⁹ Klárštĕ J. Sředověkĕ osídlení Černokostelecka//Památky Archeologické. Ročník LXIX. 1978. Číslo 2. S. 472.

³⁰ Baker Alan R. H., Bullin Robin A. (Ed.). Studies of Field Systems in the British Isles. Cambridge, 1973. P. 31.

³¹ Белецкий С. В., Лесман Ю. М., Станюкович А. К., Фролов В. П., Шишкин К. В. Сельское расселение на Северо-Западе Восточной Европы (возможности комплексного изучения)//Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М., 1983. С. 86—88.

³² Černý E. Zaniklé Sředověkĕ osady a jejich plůžiny. Praha, 1979. Новым возможностям аэрофотосъемки будет способствовать распространение теории стеклов на исторический ландшафт (см.: Исаченко Г. А. Состояние ландшафта как синтез состояний элементарных природно-территориальных комплексов//ИГО. 1985. № 3. С. 193—200).

³³ Ушаков Ю. С. Ансамбль в народном зодчестве Русского Севера. Л., 1982; Мильчик А. Волясть — историко-ландшафтный памятник//Декоративное искусство СССР. 1983. № 11. С. 34—38.

³⁴ Hodder I., Orton C. R. Spatial analysis in Archaeology. Cambridge. 1976. P. 8.

³⁵ Чернов С. З. Вотчина Ворониных//Вестн. Моск. ун-та. Сер. История. 1982. № 6. С. 86, 88. Рис. 1. № 75.

³⁶ Карленко Ю. А. Признаки молодости топонимической системы//Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980. С. 48—57.

³⁷ Симина Г. Я. Эволюция названий населенных пунктов Пинежья. Свердловск, 1970. С. 21; см. также: Исаева Т. А. Микротопонимия с. Иваньева//Ономастика Поволжья. Ульяновск, 1965. С. 207.

³⁸ Использование микротопонимии в этом плане требует комплексного этнолингвистического анализа (см.: Толстой Н. И. Из «грамматики» славянских обрядов//Тр. по знаковым системам. Тарту, 1982. Т. XV. С. 57—71).

³⁹ Логман Ю. М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах//Тр. по знаковым системам. Тарту, 1966. Т. II. С. 211.

⁴⁰ Переверзев Л. Образы обитаемого пространства//Знание — сила. 1984. № 12. С. 20, 21.

⁴¹ Шер Я. А. Предисловие//Ватанов П. А. Физики дописывают историю. Л., 1984. С. 10.

⁴² Николаев В. А. Принцип историзма в современном ландшафтоведении//Вестн. Моск. ун-та. Сер. География. 1986. № 2. С. 16.

М. Д. ПОЛУБОЯРИНОВА

СВЯЗИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ С ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИЕЙ

(по археологическим данным)

Взаимоотношения Руси и ее восточного соседа Волжской Болгарии составляют важный аспект русской истории X—XV вв. Материалы для изучения этого вопроса дают летописи и отдельные свидетельства восточных авторов. Кроме того, уже более столетия накапливаются археологические находки, документирующие связи двух крупнейших государств Восточной Европы.

Летописные упоминания X в. касаются отношений Волжской Болгарии только с Киевской Русью, а археологические материалы уже для этого раннего периода говорят о тесных контактах болгар с северо-восточными русскими землями, наиболее близко подходившими к границам Болгарского царства.

Рассмотрев топографию куфических монет по четырем хронологическим периодам, В. Л. Янин установил, что уже в 70-х годах X в. восточные монеты шли по Волге через Волжскую Болгарию в северо-западные и северо-восточные русские земли и далее в Прибалтику и Скандинавию¹. В этот поток куфических монет Волжская Болгария добавляла свои подражания и свои собственные монеты, чеканенные в Болгаре и Суваре в конце X — начале XI в. Все эти монеты идут по волжскому пути, не попадая в Киевскую Русь². Болгарские монеты этого периода зафиксированы в ряде пунктов на территории Северо-Восточной Руси³.

К X — началу XI в. относятся находки болгарской керамики в таких памятниках, как Суздаль⁴, селище Гнездилово близ Суздаля⁵, Белоозеро⁶, поселения вокруг него — городище Крутик⁷, селище Никольское V⁸. К этому же кругу находок примыкают болгарские сосуды из курганов Ярославского Поволжья (Тимеревский, Петровский и Михайловский могильники)⁹.

Болгарская керамика красная, коричневая или серая, часто лошенная, прекрасно отличима от древнерусской. Большую часть ее форм составляют кувшины, поэтому исследователи считают, что сосуды попадали на Русь как тара для каких-то товаров. Встречаются целые или во фрагментах миски и горшки, которые имеют бытовое назначение. Видимо, эту посуду употребляли болгары, жившие некоторое время на русской территории. Не исключено также, что отдельные сосуды в силу своей парадности могли служить предметом торговли или подарком.

В XI в. летописные упоминания об отношениях с Волжской Болгарией касаются исключительно Северо-Восточной Руси. Под 1024 г. описывается восстание волхвов в Суздале, вызванное голодом. Суздальцы, вероятно купцы, отправились по Волге в Болгарию за хлебом, доставили его «...и тако ожиша». Под 1087 г. сообщается о взятии болгарами Мурома. В слоях XI в. продолжает встречаться болгарская керамика. Так, например, в Белоозере к этому времени относятся обломки двух сероглиняных сфероносов, вероятно, изготовленных в Поволжье¹⁰.

Для периода X—XI вв., как и для последующего времени, следует учитывать ту посредническую роль, которую Волжская Болгария играла в восточной торговле Руси. В частности, каменные и стеклянные бусы X — начала XI в., иранская поливная керамика, ткани и т. п. попадали в города Северо-Восточной Руси по волжскому пути.

Период XII — первой трети XIII в. характеризуется целой серией военных столкновений Владимиро-Суздальской земли и Болгарского государства. Основная борьба велась за мордовские земли, лежавшие между враждующими сторонами. Военные походы перемежались мирными периодами, когда должна была оживляться торговля. Зафиксированные летописцами интервалы между военными походами в XII в. составляли от 2 до 32 лет¹¹. Походы русских на болгар участились с 60-х годов XII в., когда великокняжеский престол занял Андрей Боголюбский¹². Захват пленных также способствовал появлению чужеродных предметов на территориях обоих государств. По сообщению летописи, в 1229 г. в Биляре был убит болгарин-христианин за отказ перейти в мусульманство. Его тело через год было перевезено во Владимир и похоронено в церкви Богородицы Княгинина монастыря¹³.

К XII — началу XIII в. относится несколько дополнительных сведений о торговле между русскими и болгарскими купцами, изложенных В. Н. Татищевым. Под 1183 г. помещено описание конфликта великого князя Всеволода с болгарскими купцами, вызвавшего грандиозный поход русских на Болгарию: болгарских купцов, торговавших по Волге и Оке, ограбили рязанцы. Всеволод не принял мер по их жалобам. Озлобившись, болгары приплыли на ладьях по Волге и пограбили район Муром до Рязани. Всеволод предпринял ответный поход¹⁴. Под 1195 г. говорится о приезде болгарских купцов по случаю женитьбы старшего сына Всеволода — Константина¹⁵. Под 1229 г. упоминается мир, заключенный по инициативе болгарского князя, по условиям которого купцам разрешалось торговать в другой стране, платя пошлины. Одновременно освобождались пленные. Во время двухлетнего голода на Руси болгары торговали житом по Волге и Оке, а самому великому князю Юрию болгарский князь прислал 30 кораблей с житом, в ответ же получил сукно, парчу, рыбу, кость (моржовые клыки) и др.¹⁶ И наконец, 1236 г., по летописи В. Н. Татищева, ознаменовался тем, что бежавшие от монго-

ло-татар болгары просили убежища у Юрия, который приказал развести их в города по Волге и в другие¹⁷.

С XII в. возрастает число находок болгарской керамики в ряде городов Северо-Восточной Руси. В 1961 г. В. В. Седов нашел во Владимире под валом среднего города в слое XII в. фрагменты красноглиняных лощеных болгарских сосудов. В публикации упоминается о находке болгарской керамики в землянке домонгольского времени, открытой у Золотых ворот¹⁸.

На наличие в Суздале в слоях этого времени болгарской керамики обратил внимание А. Ф. Дубынин еще в период довоенных работ. В полуземлянке № 8 XII—XIII вв. такие черепки в нижнем слое заполнения составляли 10% всего керамического материала¹⁹. При раскопках В. В. Седова в Суздале (1967, 1968, 1970) болгарская керамика была найдена в слоях второй половины XII в. и позже в детинце и в загородном Дмитриевском монастыре²⁰. Среди этих находок 11 обломков кувшинов (ручки и горло), днища и стенки, по которым нельзя определить форму сосудов²¹.

В 1973 г. П. И. Куглюковским в околном городе Суздаля была исследована землянка XII в.²² Найдены четыре целых сосуда: иранский люстровый кувшинчик с надписью и три сосуда болгарского происхождения²³. Один кувшин (рис. 1, 1) серый, хорошего обжига, с вертикальным полосчатым лощением от горла до придонной части, без слива, одноручный, с туловом яйцевидной формы, горло расширено кверху, по краю венчика небольшое утолщение, петля ручки приподнята. Высота кувшина 23,5 см, диаметр венчика 8,5, дна — 10, диаметр наибольшего расширения тулова 18, его высота 10, толщина стенок 0,5—0,6 см. Подобные кувшины (со сливом и без слива) характерны для домонгольской болгарской керамики. Они встречены, например, на Рождественском селище XII—XIII вв., на Билярском городище²⁴. Другой кувшинчик — маленький приземистый со сливом, с одной ручкой, менее приподнятой (рис. 1, 2). Сосуд коричневатый с вертикальным полосчатым лощением, спускающимся от орнаментального пояса на плечиках. Орнаментальный пояс состоит из двух линий и полосы косо поставленного ямочного штампа между ними. На дне, имеющем закраину, отпечаток досчатой подставки. Высота 14 см, диаметр венчика 7,5 см, диаметр дна 8 см, диаметр наибольшего расширения тулова 15,2 см. Т. А. Хлебникова считает форму этого кувшина не чисто болгарской.

Третий сосуд из суздальской землянки представляет собой небольшую двуручную сероглиняную корчагу с круглыми петельчатыми ручками (рис. 1, 3). По плечикам корчаги идет поясик из трех линий. На горле помещен зигзаг, нанесенный лощением, ниже орнаментального пояса широкие (1 см) полосы вертикального лощения, доходящие почти до дна. Высота 26,3 см, диаметр венчика 14,2 см, диаметр дна 12 см, диаметр наибольшего расширения тулова 23,5 см, высота его 15 см, толщина стенок

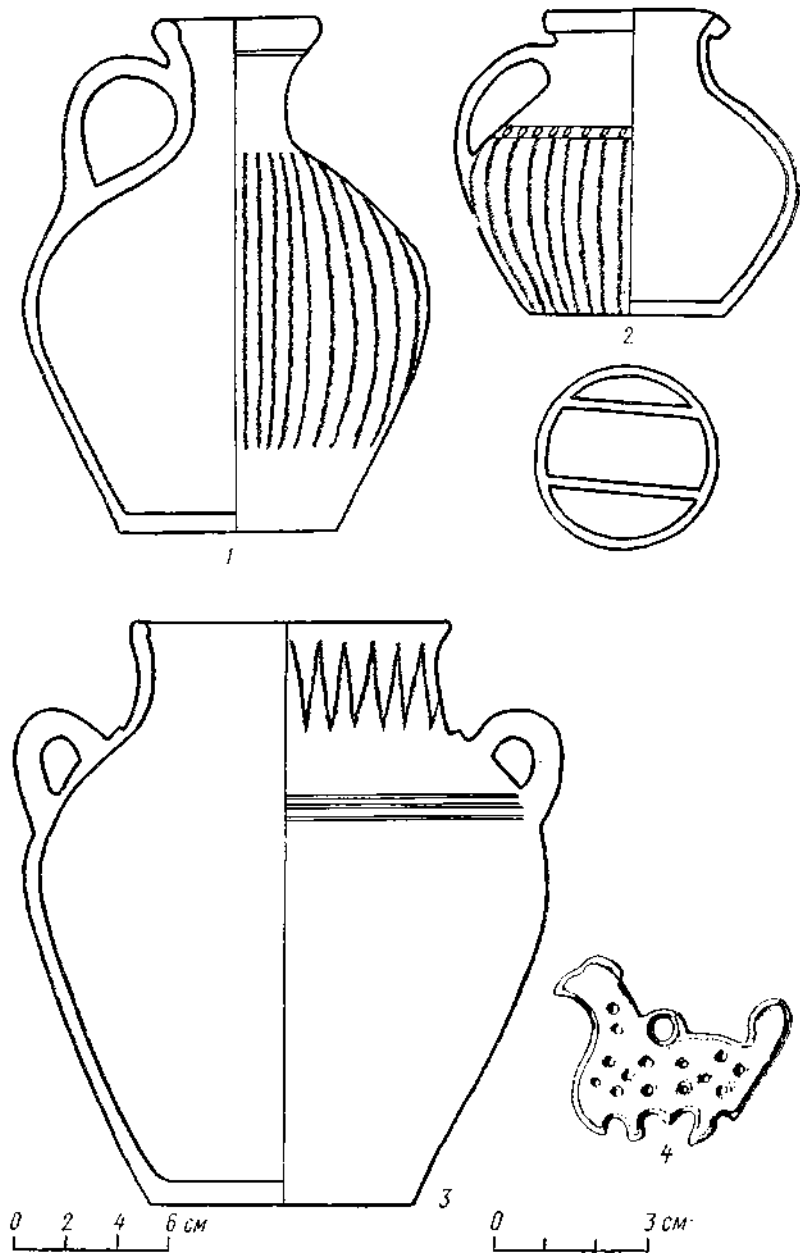

Рис. 1. 1—3 — болгарские глиняные сосуды, найденные в Суздале;
4 — «владими́ро-суздальский петух» (бронза) из Болгара.

0,5 см. Похожие некрупные корчаги или большие горшки, лощеные встречаются среди салтово-маяцкой посуды, но у них меньше выражена шейка, и соответственно она не украшалась лощением²⁵. Салтово-маяцкая керамика явилась основным слагаемым болгарской глиняной посуды группы I по классификации Т. А. Хлебниковой. Небольшие корчаги таких форм встречены в этой основной группе болгарской керамики X—XI вв.²⁶

При раскопках М. В. Седовой в Суздале, ведущихся с 1974 г., болгарская керамика встречена в домонгольских слоях начиная с X в. В общей массе древнерусской керамики обломки болгарской посуды составляют сотые доли процента, но они дают повод сделать выводы о торговых связях города с Волжской Болгарией²⁷. Найдены фрагменты кувшинов (горловины, ручки), красных и коричневых, с лощением и без лощения, обломки стенок от неопределимых форм, в том числе под валом посада в слое XII в.

В районе Суздаля на городище у с. Брутово при разведках В. П. Глазова были найдены также фрагменты болгарской керамики (в основном, кувшинов)²⁸. Подобные находки были сделаны В. П. Глазовым в 1971 г. при разведках на поселении у с. Городец Кольчугинского района²⁹.

Находки болгарской керамики отмечены М. В. Седовой и при раскопках на Пировом городище (Ярополч Залесский) в слоях домонгольского времени XII — начала XIII в.³⁰ В коллекции выделяются фрагменты семи сосудов болгарского происхождения: три обломка овальных в сечении ручек красноглиняных кувшинов; пять обломков нижней части крупного сосуда (корчаги?), коричневого, с вертикальным полосчатым лощением, плохого обжига (диаметр дна 18 см, толщина дна 1 см, толщина стенок 1,4 см); донце небольшого коричневого сосудика плохого обжига (диаметр дна 9 см, толщина дна 0,6 см, толщина стенок 0,5 см), восемь обломков крупного сосуда (корчаги?), коричневого, с вертикальным полосчатым лощением, хорошего обжига. Диаметр дна 18 см, толщина дна 0,5 см, толщина стенок у дна 1,4 см. Два обломка стенок коричневого сосуда с полосчатым лощением и пояском орнамента в виде отпечатков косо поставленного штампа между двумя линиями. Итак, в детинце и на посаде Ярополча найдены фрагменты нескольких кувшинов, крупных сосудов типа корчаг и одного маленького сосудика. Кувшины красноглиняные, остальные сосуды коричневого цвета. М. В. Седова оценивает находки болгарской керамики в Ярополче Залесском как доказательство его торговых связей с Волжской Болгарией³¹.

К XII в. относятся находки Н. Н. Ворониным болгарской керамики в Ростове Великом³². В Муроме такая керамика была найдена при раскопках Н. Н. Воронина в слое под пожаром времени монголо-татарского нашествия³³. Болгарскую керамику отмечает Н. Н. Воронин в насыпи вала XII в. на Сунгирском городище³⁴.

При раскопках В. В. Седова в Гороховце болгарская керамика была найдена в слое рубежа XI—XII вв. — начала XIII в.³⁵

В Городце Радилове на Волге, городе, построенном в XII в. как крайний форпост Владимиро-Суздальского княжества в борьбе с болгарами³⁶, болгарская керамика в домонгольских слоях отмечалась и А. Ф. Медведевым³⁷ и Т. В. Гусевой³⁸.

С районом Белоозера у волжских болгар существовали очень древние связи; находки болгарских вещей продолжаются и в слоях XII—XIII вв. В слое XII в. найдена серолощенная чаша со сливом³⁹.

Для характеристики интенсивности связей Руси с болгарами не менее интересны находки русских вещей на территории Волжской Болгарии. Однако среди русских находок довольно трудно выделить предметы, характерные именно для Северо-Восточной Руси. Для XII — начала XIII в. можно все-таки подобрать несколько примеров.

Наиболее примечательна в историческом отношении висячая свинцовая печать, найденная в 1976 г. в Биляре в яме, разрушившей жилище, которое исследователи датировали концом XII в.⁴⁰ Печать отличается высоким художественным уровнем исполнения; на одной стороне изображен св. Георгий на коне, на другой — Дмитрий Солунский в рост, вынимающий меч из ножен. В. Л. Янин относит эту печать князю Всеволоду Юрьевичу, ходившему походом на мордву в 1232 г.⁴¹ Совершенно такая же печать была найдена в Новгороде. Третья печать, оттиснутая той же матрицей, найдена в 1982 г. в Суздале. М. В. Седова связывает эти печати с великим князем Всеволодом Большое Гнездо, в 1183 г. осаждавшим Биляр⁴² — «Великий город серебряных болгар»⁴³. Во всяком случае, печать принадлежала великому князю Владимиро-Суздальскому и попала в тогдашнюю столицу Волжской Болгарии с каким-то важным документом — ультиматумом или условиями мира.

Не менее интересно оплечье из Болгарского клада 1888 г., неоднократно привлекавшее внимание историков и искусствоведов⁴⁴. Оплечье состоит из 9 серебряных позолоченных медальонов и трех разделяющих их полых серебряных бусин. Медальоны несут гравированные изображения процветших крестов и в одном случае — ромба. Все кресты различного рисунка. На одном медальоне залитый чернью крест помещен на гладком фоне, на другом — чернью покрыт фон. У остальных чернь отсутствует, а фон заштрихован, причем штриховка положена в разных направлениях. Подобные оплечья несколько раз встречены в древнерусских кладах второй половины XII — начала XIII в. Ближе всего по орнаментации медальоны из клада, найденного в 1892 г. у д. Сельцы на Новгородчине⁴⁵: совпадают разделка фона, форма лопастей крестов, схема растительных побегов. Клад из кургана у д. Исады близ Суздаля (так называемое «суздальское оплечье») содержал шесть подобных медальонов,

изображения на двух из них похожи на «болгарские», причем у одного — такая же разделка фона. Бусы, разделяющие медальоны в оплечьях, также имеют аналогии в русских кладах⁴⁶.

Принадлежность десяти медальонов и трех бусин из Болгарского клада 1888 г. древнерусскому художественному ремеслу не вызывает сомнения. Приведенные аналогии указывают на его происхождение из северных районов Руси, возможно, из Владимиро-Суздальской земли. Оплечье входило в состав княжеско-боярского парадного убора. Оно могло попасть в Болгар с княжескими послами или в качестве военной добычи. Г. Ф. Полякова датирует весь Болгарский клад 1888 г. золотоордынским периодом⁴⁷, но само оплечье относится к домонгольскому русскому художественному ремеслу; как ценная вещь оно могло храниться долго.

К кругу предметов, наглядно иллюстрирующих контакты Владимиро-Суздальской Руси и Волжской Болгарии, относятся зооморфные привески, так называемые «владими́ро-сузда́льские петухи», найденные в Биляре и Болгаре⁴⁸. Привески представляют собой плоскую фигурку петуха с гребнем, отлитую из бронзы (рис. 1, 4). На спине птицы расположена петля для подвешивания, по низу идут петлевидные выступы для прикрепления шумящих привесок, вся фигурка ажурная, покрыта сквозными круглыми отверстиями. Л. А. Голубева помещает центр производства таких подвесок в Ярополч Залесский и датирует их, как и М. В. Седова, XI—XII вв., а Е. А. Рябинин — второй половиной XII — серединой XIII в., а местом производства считает Владимиро-Суздальскую Русь⁴⁹.

Монголо-татарское нашествие нарушило, но не прервало традиционных отношений Руси с Волжской Болгарией. Для второй половины XIII—XIV в. археологически зарегистрирован усиленный приток (по сравнению с домонгольским периодом) русского населения на Среднюю Волгу, в частности в город Болгар. К этому времени относится большинство находок русских вещей, в том числе и керамики и христианских реликвий, которые не могли служить предметом торговли; они свидетельствуют о постоянном проживании русских в Волжской Болгарии. Находки этого периода становятся как бы более демократичными; они принадлежали, видимо, рядовому небогатому населению, ремесленникам, судя по следам ремесел в русских жилищах. Все это вещи общерусских типов, и выделить среди них продукцию владими́ро-сузда́льских мастеров очень трудно.

В этом отношении интересна беспаспортная находка из Болгара — маленькая костяная круглая иконка с погрудным изображением святого — Николая или Якова⁵⁰ (рис. 2). Левая рука святого, покрытая плащом, придерживает евангелие, правая — благословляет. На высоком лбу короткие черточки обозначают морщины. Складки плаща изображены вертикальными штрихами, книга выступает из них в виде гладкого прямоугольника. Пальцы благословляющей руки схематично показаны дву-

мя черточками, направленными вверх, и тремя — опущенными вниз. В целом работа довольно примитивная. Диаметр иконки 1,7 см.

Удивительно похожая иконка из светлого камня найдена в Белоозере⁵¹. Ее диаметр 1,5 см. Святой Николай, помещенный на ней, выполнен совершенно теми же изобразительными средствами, что и на болгарской находке: совпадает трактовка складок плаща, евангелия, пальцев благословляющей руки. Очень похожи и лица — одинаково показаны морщина на лбу, овал лица, борода. Иконки, без сомнения, сделаны рукой одного резчика, причем не очень умелого. Белозерская иконка найдена в слое запустения города, т. е. конца XVI в.⁵² Другая иконка,

Рис. 2. Костяная иконка, найденная в Болгаре.

вероятно, занесена в Волжскую Болгарию кем-то из жителей Белоозера, попавшим в плен во время одного из походов на болгар или, быть может, захваченным и проданным в Болгар новгородцами, часто нападающими на Белоозеро во второй половине XIV в.⁵³

Т. В. Николаева привела еще одну аналогию белоозерской находке — круглую каменную иконку из Любеча, у которой на обороте указано имя святого — Яков. Исследовательница считала их изделием одного мастера и относила к южнорусскому ремеслу⁵⁴. Иконка из Болгара — третье произведение того же мастера, возможно, бежавшего из Любеча на север в Белоозеро.

Отдельные болгарские находки на русской территории относятся к золотоордынскому времени (середина — вторая половина XIII в.), например два бронзовых замочка в виде фигурок животных, найденные в Белоозере⁵⁵. Один из них опубликован Л. А. Голубевой⁵⁶. Оба замочка сохранили дужку. Второй замок изображает конька с выгнутой шеей, короткими ногами и прямоугольными очертаниями крупа. Ближайшую аналогию ему представляет замочек-конек из Болгара со знаком двузубца, помещенном на животе⁵⁷. Оба болгарских замочка, найденные в Белоозере, принадлежат по типу к домонгольским, хотя найдены в несколько более позднем слое.

В восточной части Вологодской области найдены два экземпляра «матриц», или «печатей», также имеющих болгарское происхождение⁵⁸. Эти «матрицы» представляют собой невысокий полый цилиндр, составленный из двух половинок, соединенных стержнем. Сбоку имеется отверстие для шнура. На основаниях цилиндра помещены литые рельефные изображения: на одной стороне — лев с хвостом, заканчивающимся пальметкой, на другой — фигуры двух птиц с переплетенными хвостами. Иногда на обороте помещено изображение зверя. Подобные «печати»

известны в небольшом числе в Волжской Болгарии и на территории Золотой Орды, а также в Старой Рязани, в Новгороде. Они датируются, видимо, второй половиной XIII—XIV в. Назначение их точно не выяснено, а происхождение их, видимо, надо связывать с Ираном.

Во Владимире, Суздале, Городец Радилове и ряде других пунктов Северо-Восточной Руси в слоях второй половины XIII—XIV в. найдены фрагменты красных лощеных сосудов. Но для этого времени такие находки уже не являются показателем прямых контактов с болгарами. В городах Северо-Восточной Руси в XIII в. появляется свое производство красной керамики, которая в XIV—XV вв. распространяется очень широко. Это так называемая «московская» керамика. Есть все основания полагать, что ее производство сложилось под влиянием болгарского гончарства⁵⁹. Влияние сказалось в появлении новых форм глиняной посуды, таких, как например кувшины-кружки, в достижении прекрасного обжига, в применении лощения для украшения парадных сосудов. Первые горны для обжига этой керамики, открытые во Владимире, очень похожи на болгарские⁶⁰. Черепки красной керамики этого периода почти неотличимы от болгарских, но редкие целые сосуды дают возможность отметить разницу в формах и пропорциях. Если верить сообщению В. Н. Татищева под 1236 г. о расселении болгар, избежавших татарского плена, по городам Владимиро-Суздальской Руси, то можно предположить, что именно они учили владимирцев новым приемам гончарства. Появление красной керамики — один из прекрасных примеров плодотворных контактов двух соседних народов, когда они происходили мирным путем. Характерно, что именно Северо-Восточная Русь, у которой начиная с X в. существовали наиболее тесные связи с Волжской Болгарией, стала центром нового гончарного производства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956. Рис. 17, 24, 31.

² Кропоткин В. В. Торговые связи Волжской Болгарии в X в. по нумизматическим данным//Древние славяне и их соседи. М., 1970.

³ Там же. С. 149.

⁴ Седова М. В. Археологическое изучение Суздаля//Владимирскому музею 125 лет. Владимир, 1981. С. 88.

⁵ Лалшин В. А. Раскопки на Гнездиловских селищах во Владимирской области//АО 1982 г. М., 1983.

⁶ Голубева Л. А. Белоозеро и волжские болгары//Древности Восточной Европы. МИА. М., 1969. № 169. С. 41.

⁷ Голубева Л. А. Белоозерская экспедиция//АО 1977 г. М., 1978. С. 11.

⁸ Любезное сообщение Н. А. Макарова.

⁹ Мальм В. А. Культовая и бытовая посуда из ярославских могильников//Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963. С. 49. Рис. 12, 28.

¹⁰ Голубева Л. А. Белоозеро и волжские болгары. С. 43.

¹¹ ПСРЛ. М., 1926. Т. 1. Стб. 400; М., 1926. Т. 2. С. 286, 564—566; М., 1963. Т. 9. С. 230; М., 1965. Т. 15. Стб. 250—251.

¹² Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 90.

¹³ ПСРЛ. Т. 9. С. 97, 98.

¹⁴ Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. Книга третья. М., 1944. С. 248.

¹⁵ Там же. С. 316.

¹⁶ Там же. С. 225.

¹⁷ Там же. С. 230.

¹⁸ Седов В. В. Из полевых исследований 1961 г. // КСИА. 1963. Вып. 96. С. 40.

¹⁹ Дубынин А. Ф. Археологические исследования в г. Суздале (1936—1940 гг.) // КСИИМК. 1945. Вып. XI. С. 95, 96.

²⁰ Седов В. В., Седова М. В. Раскопки во Владимирской земле // АО 1967 г. М., 1968. С. 56; Седов В. В. Раскопки в Суздале // АО 1968 г. М., 1969. С. 74; Он же. Отчет о раскопках в Суздале в 1968 г. // Архив АН СССР. Д. 3673. С. 9.

²¹ Хранятся во Владимиро-Суздальском музее.

²² Куглюковский П. И. Исследования древнего жилища в г. Суздале // АО 1973 г. М., 1974. С. 61.

²³ Все эти сосуды хранятся во Владимиро-Суздальском музее.

²⁴ Хлебникова Т. А. Гончарное производство волжских болгар X — начала XIII в. // МИА. 1962. № 111. Рис. 3, 3; 47, 7.

²⁵ Плетьева С. А. Керамика Саркела — Белой Вежи // МИА. 1959. № 75. Рис. 4, 5.

²⁶ Хлебникова Т. А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М., 1984. С. 207.

²⁷ Седова М. В., Беленькая Д. А. Окольный город Суздаля // Древнерусские города. М., 1981. С. 112.

²⁸ Глазов В. П. Археологические обследования Суздальского района Владимирской области. 1968 г. // Архив ИА АН СССР. Д. 4113. С. 9.

²⁹ Глазов В. П. Отчет об археологических раскопках в г. Суздале и разведках Владимирской области в 1971 г. // Архив ИА АН СССР. Д. 4451. С. 123.

³⁰ Керамика хранится во Владимиро-Суздальском музее.

³¹ Седова М. В. Ярополч Залесский. М., 1978. С. 96.

³² Воронин Н. Н. Отчет о работе Ростовского отряда Среднерусской экспедиции 1955 г. // Архив ИА АН СССР. Д. 1109. С. 27.

³³ Воронин Н. Н. Муромская экспедиция // КСИИМК. 1947. Вып. XXI. С. 39.

³⁴ Воронин Н. Н. Отчет о работе Владимирской экспедиции 1954 г. // Архив ИА АН СССР. Д. 1002. Л. 9.

³⁵ Седов В. В. Раскопки в Гороховце // КСИИМК. 1959. Вып. 77. С. 88, прим. 14.

³⁶ Кучкин В. А. Указ. соч. С. 91.

³⁷ Медведев А. Ф. Отчет об археологических раскопках в Городец на Волге в 1960 г. // Архив ИА АН СССР. Д. 2359. С. 76.

³⁸ Любезное сообщение Т. В. Гусевой.

³⁹ Голубева Л. А. Вещь и славяне на Белом озере. X—XIII вв. М., 1973. С. 179.

⁴⁰ Хузин Ф. Ш. Рядовые жилища, хозяйственные постройки и ямы шателсли // Новое в археологии Поволжья. Казань, 1979. С. 77.

⁴¹ Янин В. Л. Находка древнерусской вислой печати в Биляре // Новое в археологии Поволжья. Казань, 1976. С. 100—101. Рис. 38.

⁴² Седова М. В. Актовая княжеская печать из Суздаля // Слово о полку Игореве и его время. М., 1985. С. 359—361.

⁴³ ПСРЛ. Л., 1926. Т. 2. С. 625.

⁴⁴ Хранится в Эрмитаже; Гуштин А. С. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. Л., 1936. С. 81—82. Табл. XXXII—XXXIII; Смирнов А. П. Русский элемент в культуре волжских болгар // Историко-археологический сборник. М., 1948. С. 99.

⁴⁵ Гуштин А. С. Памятники художественного ремесла... Табл. XXXIV, II, 12, 14.

- ⁴⁶ Там же. Табл. XVII, 9; Табл. XXXIV, 8—10.
- ⁴⁷ Полякова Г. Ф. Клад украшений Волжской Болгарии. Дипломная работа, выполненная в 1965 г. на кафедре археологии истфака МГУ. С. 23.
- ⁴⁸ Хранятся в ГИМ. Инв. № 9918 и в ГМТР. Инв. № 7719/15.
- ⁴⁹ Седова М. В. Ярополч Залесский. С. 82; Голубева Л. А. Зооморфные украшения финно-угров//САИ. М., 1979. Вып. Е1—59. С. 23; Рябини Е. А. Зооморфные украшения древней Руси X—XV вв.//САИ. Л., 1981. Вып. Е1—60. С. 18.
- ⁵⁰ Хранится в ГМТР, инв. № 12054, происходит из дореволюционных сборов.
- ⁵¹ Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере. С. 177. Рис. 52, 2.
- ⁵² Там же. С. 197.
- ⁵³ ПСРЛ. М., 1963. Т. 11. С. 12, 13, 25, 163; Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950. С. 66.
- ⁵⁴ Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика из камня XI—XV вв.//САИ. Вып. Е1—60. М., 1983. С. 24, 59. Табл. II, 1, 2.
- ⁵⁵ Голубева Л. А. Белоозеро и волжские болгары. С. 43.
- ⁵⁶ Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере. С. 179. Рис. 44, 17.
- ⁵⁷ Рисунок замка из Болгара предоставлен Р. Л. Розенфельдом, который полагает, что оба замка отлиты в одной форме.
- ⁵⁸ Находки, по любезному сообщению Н. А. Макарова, хранятся в краеведческих музеях Вологды (инв. № 15650) и Тотьмы. Возможно, с одной из них был сделан оттиск, хранящийся в ГИМе.
- ⁵⁹ Розенфельдт Р. Л. Московское керамическое производство XII—XIII вв.//САИ. М., 1968. Вып. Е1—39. С. 12; Рябининович М. Г. Культурный слой центральных районов Московского Кремля. М., 1971. С. 105.
- ⁶⁰ Седов В. В. Гончарная печь из раскопок во Владимире//КСИА. 1958. Вып. 72. С. 80.

Д. А. АВДУСИН, Т. А. ПУШКИНА

ТРИ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КАМЕРЫ ИЗ ГНЁЗДОВА

При исследовании Гнёздова изначально определялись две важнейшие проблемы, тесно связанные между собой: генезис феодализма и варяжский вопрос. Долгое время источниками служили лишь материалы раскопанных курганов, затем — результаты исследований Гнёздовского поселения¹.

История Гнёздова — разноэтнического поселения на днепровском пути — представляет интерес для выяснения образования древнерусского города, ремесла, торговли и т. д. Важным является вопрос о социальном и этническом составе населения города. Основные источники здесь — данные погребального обряда.

В археологической литературе еще встречается мнение о безраздельном господстве обряда трупосожжения в Гнёздове. Действительно, долгое время при раскопках курганов встречались только остатки кремаций. Исключения были единичными и вызывали лишь удивление исследователей, многие из которых выносили их за черту общих хронологических границ Гнёздова, безоговорочно считая их поздними.

С 1960 г. число выявленных ингумаций стало заметно увеличиваться, причем удалось по-иному интерпретировать и некоторые ранее неопознанные подкурганные ямы, которые оказались могильными. В последующие годы число найденных могильных ям стало бурно расти, и в настоящее время их насчитывается около 85. Если учесть, что в 1986 г. количество раскопанных курганов в Гнёздове превысило 1100, цифра изученных труположений звучит вполне убедительно.

При открытии гнёздовских ингумаций применялись новые приемы раскопок, т. е. курганная насыпь стала раскапываться полностью, а занимаемая ею площадь тщательно исследовалась. Узкие ямы (называемые археологами колодцами) старых раскопок не могли включить могильную яму целиком, а поэтому она оставалась не обнаруженной. Повторные (современные) раскопки насыпей со следами старых колодцев иногда приводили к открытию таких, ранее незамеченных ям. Как пережиток обряда кремации на поверхности земли, предназначенной для возведения кургана, сначала сжигался легкий костер, имитирующий погребальный, и только потом выкапывалась могильная яма. Это обстоятельство, можно думать, также было причиной иссле-

довательских ошибок: дойдя до уровня кострища, и не найдя в нем вещей, археологи кончали раскопки, считая курган кенотафом. Раскопочные ямы, доведенные лишь до уровня кострища, а иногда немного углубленные в засыпь могильной ямы, прослеживались подчас в профилях курганов при современных раскопках.

На многих насыпях гнёздовских курганов видны западины, долгое время интерпретировавшиеся как следы небрежно засыпанных колодцев старых раскопок. Исследования последнего десятилетия показали, что во многих случаях это не так: западины являются результатом оседания насыпи после того, как сгнивал накат над могильной ямой. Маленькие насыпи высотой менее полуметра, «испорченные» просевшей ямой, обычно не копали, считая их малоперспективными. Могильные ямы оказывались именно под такими невзрачными курганами.

Некоторые ямы выделялись своими размерами: $2,5 \times 3,75$ м и даже $4,5 \times 4,5$ м. По стенам этих больших ям иногда обнаружены следы деревянной обкладки, а иногда — потолка и пола. Нет сомнения в том, что это (погребальные камеры) совершенно неизвестный ранее в Гнёздове обряд захоронения, который, впрочем, можно было предполагать по имеющимся в гнёздовской коллекции вещам, не бывавшим в огне: ременной конской уздечке с бляшками, скорлуповидным фибулам, сохранившим позолоту, изделиям из тонкой медной или серебряной проволоки, не оплавленным в огне, и пр. Но уверенно говорить о камерах в Гнёздове стало возможным только с их открытием в раскопках².

Открытию ингумаций, в том числе и в камерах, препятствовала очень плохая сохранность органических материалов в Гнёздове. В большинстве могильных ям костяки не обнаружены: они не сохранились. Дерево, как и кости, тоже сохраняется лишь в исключительных случаях, поэтому практически не прослежены остатки гробов. Невозможно судить о гробовищах и по расположению гвоздей, как это сделано для Бирки А.-С. Грэслунд³: гвозди в гнёздовских труположениях плохо сохраняются, впрочем, как и изделия из цветного металла. Дошедшие до нас металлические предметы сильно коррозированы. Причина этому — задровая почва Гнёздова. Это тонкий сыпучий песок, хорошо вентилируемый. Проникавший в погребения воздух способствовал разложению органических предметов и коррозии металлических.

В литературе указывалось, что ингумации, найденные в прежних раскопках Гнёздова, приурочены к окраинным частям этого кладбища. Ныне установлено, что некоторые курганы с могильными ямами, в том числе с камерами, находились посередине курганных групп — Центральной и Днепровской⁴. Курганы вокруг них раскопаны тоже, и они содержали обычные для Гнёздова кремации с инвентарем, безынвентарные, кенотафы. Уже это обстоятельство позволяет думать, что курганы с могильными

ямами (в том числе с камерами) и курганы с кремациями одно-временны, что соответствует высказанной нами ранее точке зрения о коротком периоде функционирования Гнёздовского кладбища и об отсутствии на нем признаков эволюции погребального обряда.

Камеры, на наш взгляд, характеризуются следующими особенностями. Первая из них — следы деревянной обкладки стен, которая иногда сочеталась с накатником, а в некоторых случаях и с деревянным полом. Вторая особенность камер — их размеры. Если обычные ингумации находятся в ямах размерами 190×90 , 230×85 или даже 280×120 см, то размеры камер обычно значительно больше: 225×275 , 320×150 см и т. д.

В связи с этим некоторые подкурганые ямы, возможно, должны быть отнесены к камерам, хотя обкладка их стен, костяк и погребальный инвентарь до нас не дошли. Таковы, например, ямы размерами 275×175 , 345×210 см. Ряд ям с параметрами, близкими к указанным, составляют промежуточный вариант, который характеризует их, пожалуй, как камеры, но полной уверенности в этом нет. Так, яма длиной 240 см и шириной 170 см содержала только костяк коня, хозяин которого, вероятно, был погребен в соседнем кургане, аналогичном по структуре и размерам. Другая яма размером 280×120 см содержала только человеческий скелет. Подобные курганы, видимо, следует вычленивать в особую промежуточную группу.

Мы не относим к камерным и те курганы, под насыпями которых встречены по две одновременные могильные ямы, как расположенные рядом, так и гуськом. Парных погребений в камерах не встречено.

Третья особенность камер уже не внешняя, конструктивная, а внутренняя, обрядовая. Камеры содержат только труположения, но они могут быть вытянутые, скорченные на спине или на боку и сидячие. Кроме человеческого в камерах иногда находится и конский костяк, причем между ними часто расположена сложенная в кучку конская сбруя и иногда даже седло. Камерный обряд мужских погребений дополняет оружие, или размещенное у костяка, или воткнутое в стенку.

Согласно этим критериям к камерным можно отнести 14 погребений: в Центральной группе — 10 курганов: № 66, 72, 76, 191, 196, 203, 212, 255, 301, 306; в Днепровской — 2 кургана: № 4 и 13; в Ольшанской — 2 кургана: № 28, 30.

Как сказано выше, почти всегда камеры выкопаны после сожжения ритуального костра. Это особенно четко прослеживается в Днепровской группе, где грунт позволяет лучше видеть прослойки, чем в Лесной или Центральной.

Из 85 случаев гнёздовских труположений в подкурганых ямах в 7 отмечены остатки внутриямных сооружений. Обычно остатки дерева столь незначительны, представляя собой полосы тлена или куски обугленных плашек, что не позволяют достаточно ясно представить конструкцию сооружений. Курганы, рас-

смотренные ниже, являются среди этих случаев редким исключением.

В 1982 г. в южной части Центральной группы на ее краю был раскопан ряд курганов, в двух из них расчищены остатки деревянных погребальных сооружений, сохранность которых позволила проследить детали их конструкции. Обе насыпи не выделялись среди прочих своими размерами: высота их около 0,5 м, поперечники 9—9,5 м, на вершинах отчетливо прослеживались провалы, принятые первоначально за следы прежних или грабительских раскопок. Под курганными насыпями на материке прослежены слабые пятна кострищ, прорезанные могильными ямами подпрямоугольной формы; ямы ориентированы осями по сторонам света.

Яма кургана Ц-301 имела размеры 3×3 м, глубину от поверхности материка 0,8 м (рис. 1). В яме расчищены остатки рубленного «в обло» сруба размером 2,1×2,1 м. Сруб был поставлен на дно ямы и как бы сдвинут в ее северо-восточный угол таким образом, что между стенками ямы и ним оставалось от 0,15 до 0,75 м свободного пространства. Кроме того, сруб немного развернут по отношению к осям ямы. Сплошной слой древесного тлена на месте стен сруба шириной 0,08—0,1 м прослеживается на высоту 0,25—0,3 м. Можно предположить, что в первоначальном виде сруб имел большую высоту, так как отдельные пятна древесного тлена отмечались в заполнении ямы значительно выше. Сверху сруб был перекрыт настилом, видимо, из досок шириной 0,1—0,2 и толщиной 0,02—0,03 м, направленных по линии С—Ю, т. е. вдоль камеры. Остатки настила заваливались внутрь сруба и представляли собой отчетливые полосы древесного тлена. В северо-западном углу верхний настил как будто темного выступал над срубом. Нижний настил, составивший пол сруба, сохранился лучше и был расчищен по всей его площади. Он состоял из досок толщиной 0,05 и шириной 0,15—0,25 м и имел такую же ориентировку. На полу сруба сохранились куски бересты, особенно отчетливо в северной его части. Почти в центре — беспорядочно рассыпанные 50 золото- и серебростеклянных, желтых «лимонок» и реберчатых бусин, подвеска-крестик с пуансонным орнаментом (рис. 4, 1, 2), фрагмент равноплечей бронзовой фибулы. На юго-запад от украшений около стенки сруба — железные обручи и дужка деревянного ведра усеченно-конической формы, лежавшего на боку, и небольшой круговой горшочек с линейным орнаментом. В юго-восточном углу — остатки круглой берестяной коробочки, или туеса, со свертком различных тканей, среди которых мелкие обломки овальной бронзовой фибулы (рис. 4, 4), слабые следы маленькой деревянной чашечки. Рядом стояли две восковые свечи (рис. 4, 1б), выступавшие на 5 см над верхним настилом. Еще 9 тонких свечей и их обломков найдены в разных местах восточной половины сруба. Большинство свечей имеет оплавленный край.

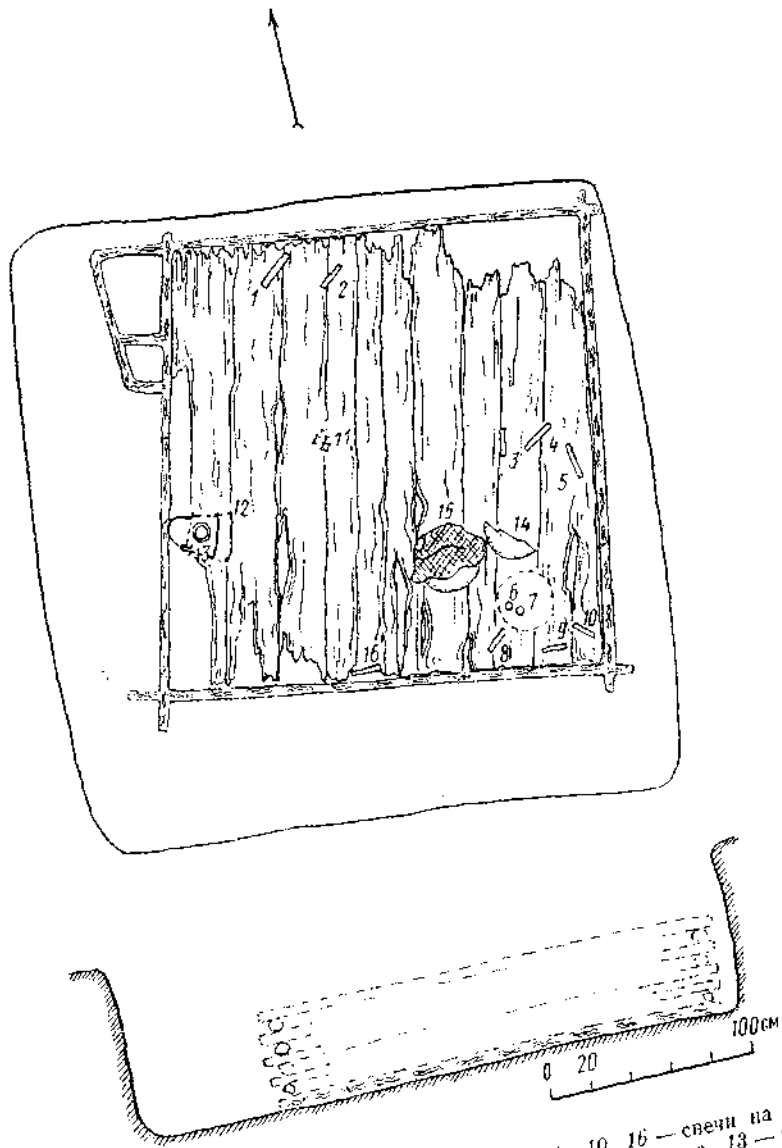

Рис. 1. Погребение кургана II — 301. 1—10, 16 — свечи на полу-камеры; 11 — ожерелье; 12 — обручи и дужка ведра. 13 — круговой сосуд; 14 — крышка берестяной коробки; 15 — сверток тканей;

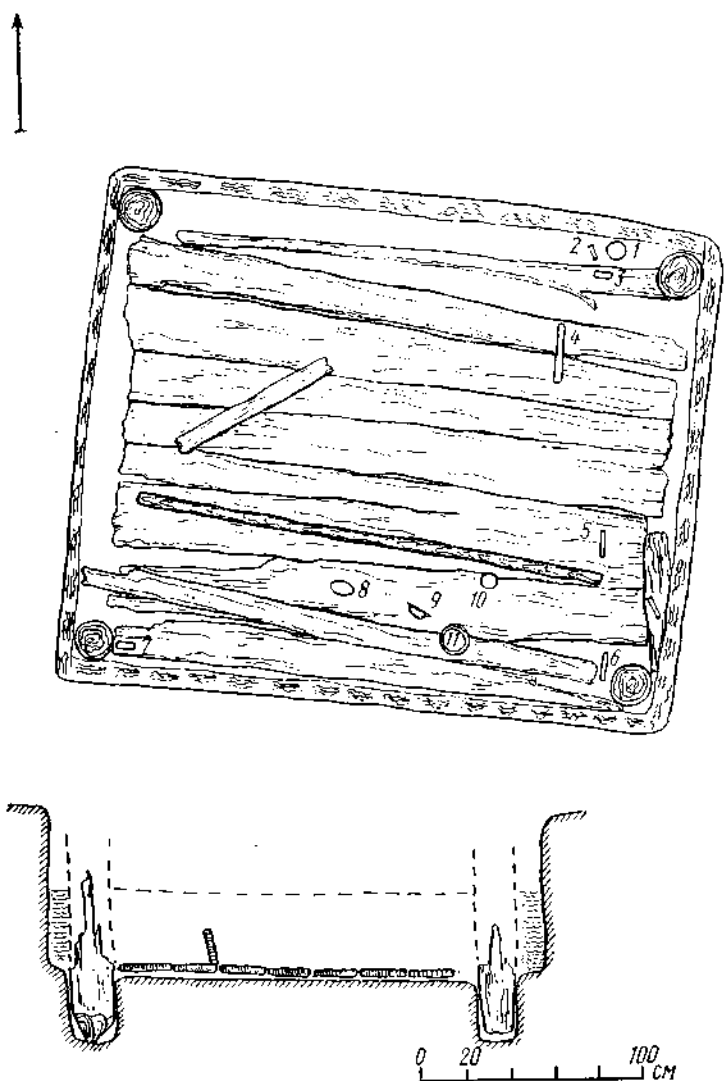

Рис. 2. Погребение кургана Ц-306. 1—7 — свечи на полу камеры; 8, 9 — обломки овальных фибул; 10 — деревянный точеный сосуд, 11 — круговой сосуд

В юго-западном углу и вдоль южной стенки несколько неопределимых косточек.

Яма кургана Ц-306 имела размеры $2,3 \times 2,85$ м и глубину от поверхности материка 0,78—0,8 м (рис. 2). В яме прослежены остатки деревянной камеры столбовой конструкции, размеры ее по расстоянию между угловыми столбами $2 \times 2,6$ м. Вдоль стен ямы на высоту до 0,4 м от дна прослежен слой древесного тлена шириной 0,05—1 м. Судя по тому, что древесный тлен равномерно распределялся вдоль стен ямы, огибая угловые столбы, стены погребального сооружения представляли собой ряд горизонтальных досок или плах, зажатых между столбами и материковыми стенками ямы. Отпечатки деревянной обкладки хорошо читались на поверхности материка. Угловые столбы сохранились над уровнем пола на 0,15—0,2 м, диаметр их около 0,25 м, глубина столбовых ям 0,3—0,4 м. Оказалось, что концы столбов обработаны по-разному: у трех нижние концы спилены, у одного конец затесан топором на конус.

Так же как и в первом случае, можно предполагать большую высоту погребальной камеры, чем это определяется высотой сохранившихся деревянных стен. Прослежены верхний и нижний настилы. Верхний, представлявший собой, вероятно, остатки крыши, сохранился плохо и обозначен в основном тонким слоем тлена, расположенного пятнами и в виде полос поперечных опор. Нижний настил, вероятно пол, состоял из плотно уложенных плах толщиной до 0,03 м и шириной 0,15—0,3 м. Настил покрывал всю площадь камеры по уровню материкового дна ямы. Поверхность его была покрыта тонким слоем светло-серой глины и берестой.

Следует отметить еще одну деталь в конструкции камеры, которая прослеживается достаточно ясно, — на расстоянии около 0,9 м вдоль западной стенки камеры располагалась доска, поставленная на ребро, она как бы отделяла остатки погребения от остальной части сооружения.

В западной половине камеры на полу найдены фрагменты двух овальных двухскорлупных бронзовых позолоченных фибул типа 51 в (?), под которыми сохранились небольшие фрагменты шелковой ткани и обрывки петель-бретелей юбки. Немного южнее располагались круговой горшочек с волнистым орнаментом и деревянная чашечка, выточенная на токарном станке, со следами серебряной оковки по венчику (рис. 4, 13). В северной половине на настиле найдена одна стеклянная прозрачная бусина (рис. 4, 3). Кроме того, в основном в восточной части камеры находились 3 крупных и 9 тонких восковых свечей и их обломков, одна из свечей совершенно расплавилась и превратилась в восковую лепешку с отпечатком фитиля (рис. 4, 6—10). В нескольких местах на полу найдены капли воска.

Третий курган располагался на краю Днепровской группы, удаленной от Центральной на 1,8—1,5 км (рис. 3). Он раскопан в 1984 г. Насыпь кургана расплылась, поперечники 11—11,5 м,

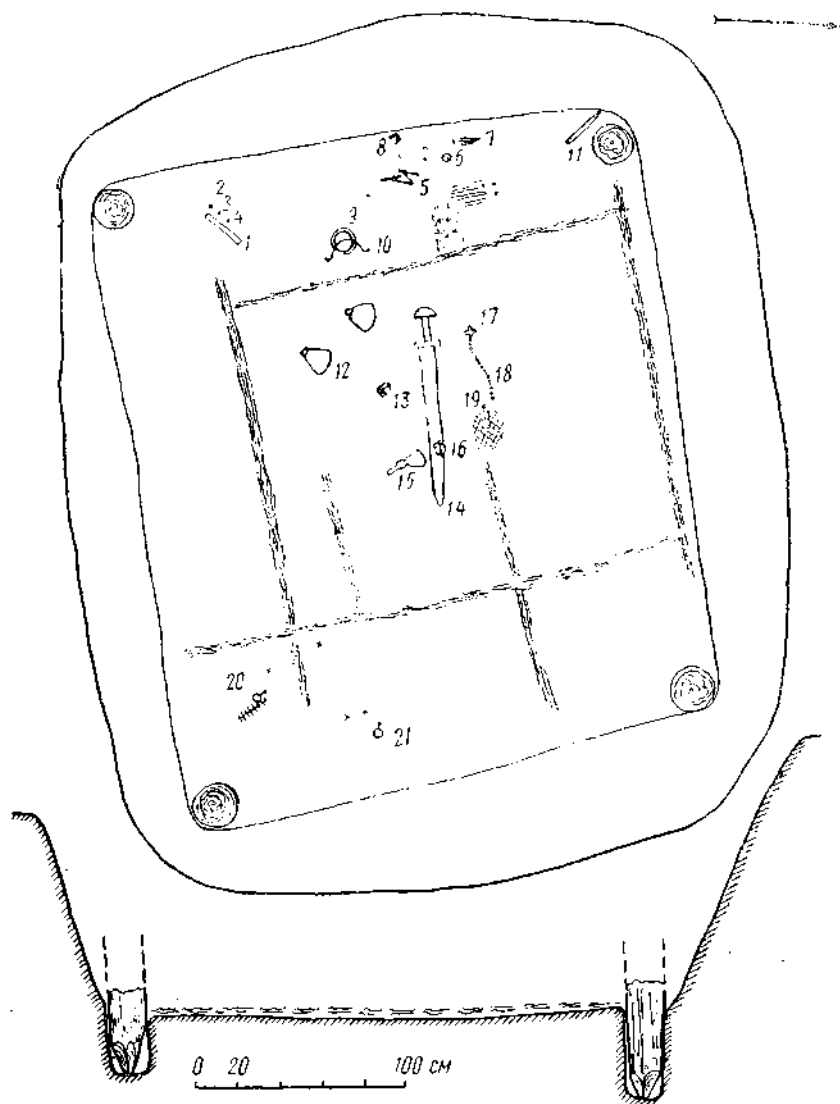

Рис. 3. Погребение кургана ДН-4. 1 — длинный оселок; 2-3 — гирьки; 4 — шип «ледоходный»; 5 — удила; 6 — пряжка; 7 — стрелы; 8 — пряжка в обломках; 9 — круговой сосуд; 10 — ведро; 11 — наконечник копья; 12 — стремена; 13 — пряжка; 14 — меч; 15 — топор; 16 — фибула подковообразная; 17 — подвеска-крестик; 18 — пуговицы; 19 — оселок в пятне сумки; 20 — кольцо со стержнем (вертлюг?); 21 — кольцо железное

высота 0,9 м. На вершине зафиксирован хорошо выраженный провал.

Под насылью на уровне материка залегало интенсивное кострище округлой формы, сохранившее следы кладки костра в клетку, ориентированную по сторонам света. Центр кострищного пятна разрывала подпрямоугольная могильная яма размерами 3,5×3,7 м, глубиной от поверхности материка 0,95—1 м. В яме расчищены остатки погребального сооружения столбовой конструкции, размеры его по расстоянию между угловыми столбами 2,5×2,5 м, что совпадает с размером ямы у дна. Сосновые неоскуренные столбы сохранились на 30—40 см, немного выступая над краем столбовых ям (рис. 3).

Остальная часть сооружения дошла до нас в виде отдельных пятен древесного тлена и нескольких почти истлевших досок верхнего и нижнего настилов. Потолок был настлан, по-видимому, по направлению З—В. Судя по размерам и форме пятна древесного тлена на дне ямы, пол состоял из досок шириной 0,1—0,15 м, уложенных в том же направлении на две поперечные лаги. В западном конце ямы прослежены остатки бересты на уровне пола. Дно ямы было подмазано серо-голубой глиной.

На полу погребальной камеры обнаружен разнообразный инвентарь мужского захоронения; вдоль западной стенки располагались: в юго-западном углу — длинный серый сланцевый оселок, две боченковидные железные омедненные гирьки, «ледоходный» шип с двумя выступами, фрагмент тонкой серебряной пластины. Почти в середине недалеко от стены — раздавленный небольшой круговой сосуд с линейно-волнистым орнаментом и дужка от ведра, которое, видимо, было выдолблено из одного куска дерева, а не составлено из клепок, так как, кроме дужки, нет обручей, которые обычно стягивали ведро. Ближе к стене лежали железные двусоставные удила с псалиями, пряжка железная от уздечки, обломки второй пряжки, обломки бронзовой бляшки и железной накладки. Далее на север и северо-запад от описанных предметов найдены 5 наконечников стрел (рис. 4, 12), пряжка железная, 8 литых бронзовых пуговиц и фрагмент ткани. В северо-западном углу находился осернем вверх наконечник копья ланцевидной формы (рис. 4, 11) (тип Е по Я. Петерсену или I по А. Н. Кирпичникову). Почти в центре камеры располагались два стремени с округлой подножкой (тип I по А. Н. Кирпичникову;), меч с полукруглым навершием (тип V; рис. 4, 14). На лезвии меча в нижней части лежали подковообразная бронзовая фибула с гранчатыми головками и остатки ткани. Слева от меча — серебряная подвеска-крестик, литая, с пуансонным орнаментом (рис. 4, 7), остатки верхней нагрудной части кафтана в виде двух тесных рядов узкой шелковой тесьмы и 24 бронзовые пуговицы (кафтан застегнут наглухо). Немного восточнее нижнего края застежки кафтана, видимо у пояса, небольшой сланцевый серо-желтый оселок, кресало калачевидное с кремнем и два железных колечка. Эти предметы располагались

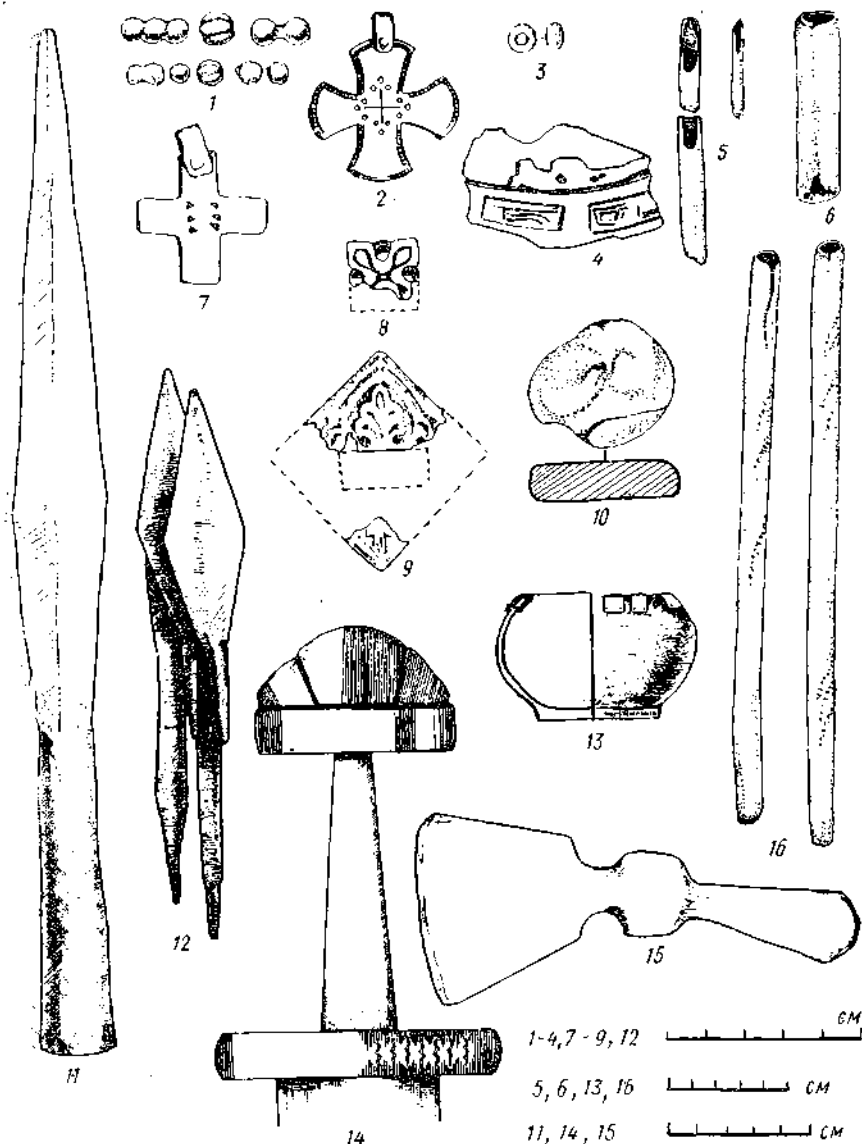

Рис. 4. Инвентарь погребений: 1, 3 — стеклянные бусы; 2, 7 — серебряные крестовидные подвески; 4 — обломок овальной фибулы; 5, 6, 10, 16 — восковые свечи; 8, 9 — бронзовые бляшки; 11 — наконечник копья; 12 — наконечники стрел; 13 — деревянный точеный сосуд; 14 — меч; 15 — боевой топор.

(1, 2, 4, 16 — курган Ц-301; 3, 5, 6, 10, 13 — курган Ц-306; 7-9, 11, 12, 14, 15 — курган Дн-4)

в пятне мелкого темно-коричневого тлена размером 18×19 см. Внутри пятна находились 7 фрагментированных бронзовых бляшек от поясной сумки (рис. 4, 8—9), обрывок ткани, несколько лесных орехов. В юго-восточном углу ямы найдены остатки черепа лошади, на котором лежали два железных кольца со стерженьками и еще одно железное кольцо.

Анализ погребального инвентаря и его расположение внутри камеры позволяет предположить, что в первых двух случаях были погребены женщины в сидячем положении. Так как в большинстве случаев такого типа погребений сосуды ставились справа от умершего, вероятно его западная ориентировка. Этническая принадлежность достаточно ясно определяется набором фибул и деталями костюма — юбки на бретелях, гофрированной рубашки из льняной ткани и платья типа туники. Этот наряд характерен для Скандинавии IX — начала XI в.

Третий курган содержал мужское захоронение, видимо, с коном или частью его.

В целом инвентарь и обряд всех трех погребений достаточно известен в гнёздовских и других погребениях (Шестовица, Тимерево, Киев), за исключением некоторых деталей, на которых мы остановимся подробнее.

Следует детально рассмотреть погребальный инвентарь, позволяющий наметить дату захоронений.

Обе овальные фибулы из кургана Ц-306 относятся к типу 51 в, датируемому второй четвертью — серединой X в.⁵ Набор ожерелья (из кургана Ц-301), состоявшего из золото- и серебростеклянных пронизок, желтых «лимонок» и крупных реберчатых желтых бус, характерен для второй половины X в. Серебряные подвески-крестики наших курганов дополняют материал, рассмотренный недавно в статье Н. Г. Недошивиной. Одна из них, происходящая из кургана Ц-301, вырезана из тонкого серебряного листа, вторая (из кургана Дн-4) — литая. Оба крестика украшены пуансонным орнаментом, но на подвеске из мужского погребения он производит впечатление незаконченного. Н. Г. Недошвина датирует аналогичные находки в основном второй половиной X в., а частично и началом XI в.⁶

Из инвентаря мужского погребения особенно интересны наконечник копья и меч. Ланцетовидные наконечники копий с гладкой втулкой относятся А. Н. Кирпичниковым по древнерусским материалам к X в.⁷ По мнению Я. Петерсена этот тип существует в конце VIII — первой половине IX в., но доживает до конца IX в.⁸

Мечи с полукруглым навершием рукояти, украшенной сложным геометрическим узором из чередующихся серебряных и латунных проволочек, относятся к типу V. Находки таких мечей на Руси датируются X в.⁹, тогда как на территории Скандинавии они бытуют в первой половине этого столетия¹⁰.

Боевые топоры-чеканы II типа датируются А. Н. Кирпичниковым X — началом XI в.¹¹ Сильная коррозия и фрагментарность

не позволяют точно определить конструкцию и тип удил. Стрелена с округлой подножкой I типа существовали в Восточной Европе в период от 900 до 1000 г.¹²

Среди массы проржавевших стрел различаются два наконечника ромбовидной формы. Следует заметить, что все типы украшений, бытовых предметов и оружия из рассматриваемых трех погребений представлены в материалах предшествующих раскопок в Гнёздове. Все три круговых сосуда относятся к типу горшков, составляющих серию находок в курганах с трупосожжениями. Неожиданностью явились находки деревянной чашечки, берестяной коробочки, тканей и свечей. Какие-то особые условия, сложившиеся в заполнившем яму грунте, сохранили органические материалы в этих курганах.

Деревянная чашечка из кургана Ц-306 выточена на токарном станке и имела округлую форму и поддон. По краю венчика чашка была украшена тонкими серебряными накладками-скобками. Аналогичные бронзовые оковки известны в трупосожжениях Гнёздова, но в этих случаях остается неизвестной форма сосудов. Несколько точеных деревянных сосудов аналогичной формы с подобными бронзовыми накладками происходят из погребений Бирки¹³.

От берестяной коробки сохранились два диска диаметром 27 см с мелкими отверстиями по краю. Это говорит о том, что стенки коробки, вероятно матерчатые, были пришиты. В свертке ткани, расчищенном между берестяными дисками, оказались остатки красного золототканого шелкового одеяния, обшитого полосами гладкого более плотного шелка, и льняной гофрированной рубахи. В платье была звернута овальная бронзовая фибула. Кроме этого, здесь находились фрагменты грубой шерстяной коричневой ткани и кусок, сшитый из двух полос неокрашенного голубого льна, — фрагмент юбки, несколько фрагментов шелковых лент различной ширины. Фрагменты шелка принадлежат тканям испанского и византийского происхождения¹⁴.

Остатки кафтана из кургана Дн-4 представлены двумя рядами узкой шелковой тесьмы, составившей что-то вроде нагрудника длиной 36 см. Подобного покроя одежда известна по образительным материалам и находит отражение в археологических памятниках.

Находки свечей крайне редки. Сейчас можно привести лишь три аналогии в древнерусском материале. Колусообразная свеча была обнаружена на уровне верхнего перекрытия богатого парного захоронения 100 в Тимереве. Среди инвентаря — арабские монеты 60—70-х годов X в., датирующие погребение¹⁵.

Куски воска найдены на краю ямы парного погребения с конем в Шестовице¹⁶. В числе находок там — меч и ланцетовидный наконечник копья, несколько стремян, стрелы, поясная сумка, костяная обкладка луки седла в стиле Еллинге и др. В целом эти два комплекса одновременны с гнёздовским и относятся к середине и второй половине X в. К более позднему време-

ни относится находка грубо сделанной свечи в одном из курганов на р. Ольса в бассейне Березины. Свеча находилась в глиняном сосуде, поставленном в ногах погребенного в домовине на горизонте¹⁷. За пределами Восточной Европы немногочисленные находки свечей или кусков воска в погребениях этого времени связаны с территорией Ютландии и Южной Норвегии, в Швеции их нет.

Свеча длиной 58 см была найдена на крышке погребальной камеры столбовой конструкции Бьерингхой в Маммене, еще один небольшой кусок воска обнаружен внутри нее. Погребение датируется концом X в.¹⁸

Фрагмент восковой свечи находился на поверхности перекрытия камеры северного кургана в Еллинге, погребение в котором относят к середине X в.¹⁹ В этих же погребениях найдены и богатые шелковые ткани.

Воск и свечи были обнаружены в нескольких норвежских погребениях, в том числе совершенных в ладьях. Все авторы публикаций скандинавских находок отмечают их редкость и принадлежность погребенных к высшему социальному слою, и богатство погребений²⁰. Интересно, что размер и способ производства гнёздовских свечей совпадают с находкой в Маммене: поперечник 2,5—3 см, свернуты из неровных восковых полосок²¹.

Размеры погребальных камер Гнёздова и их конструкция (когда это достаточно ясно прослеживается) вполне вписывается в картину, складывающуюся на основе материалов других некрополей X — начала XI в. Так, размеры камер в шестовицких курганах колеблются от 5,5×5,5×1,4 до 2,5×1×0,8 м; две камеры в Тимереве имели размеры 5,2×3,75×0,3 и 2,9×1,9×0,6 м; в Чернигове — 5—4,6×3,8—3,1×1,7 м. Деревянные сооружения в виде срубов, рубленных в обло, обнаружены в Киеве и Чернигове, столбовой конструкции — в Шестовице и Киеве.

Ближайшие аналогии камерному погребению из Днепровской группы можно найти в шестовицком материале: здесь, как правило, остатки коня располагаются поперек ямы в ногах погребенного, в двух таких погребениях (курган XXVIII 1925 г. и XII 1925 г.), содержащих мечи и предметы снаряжения верхового коня, в головах умершего были положены копье, колчаны со стрелами, а неподалеку располагалось ведро или круговой сосуд²². Правда, в отличие от гнёздовских в шестовицких курганах коня обычно помещали на материковом уступе. Кроме кургана Дн-4 в Гнёздове остатки коня содержали еще два камерных мужских погребения, раскопанных в Центральной группе, в этих случаях конь помещался сбоку от хозяина, но тоже на полу ямы²³.

Из Шестовицы происходит и находка берестяной коробочки с матерчатыми стенками со свертком шелкового одеяния, положенного, видимо, в качестве «дара» в парное погребение²⁴.

Обряд погребения умершего в сидячем положении уже наблюдался в Гнёздове — это богатое по набору инвентаря и обряду скандинавское женское погребение в кургане Ц-196, исследованное в 1976 г.²⁵ Аналогичные захоронения того же времени происходят из тимеревских и шестовицких курганов (женские скандинавские погребения с характерным инвентарем), киевского некрополя (женщина в парном погребении) — все это погребения в камерах. А.-С. Грэслунд отмечает, что сидячие погребения характерны для камер Бирки, и указывает на сходство погребений Средней Швеции и Среднего Поднепровья²⁶.

Определенный интерес представляет такая деталь конструкции сооружений и обряда, как разделение камеры перегородкой, что прослежено в кургане Ц-306. Эта конструктивная особенность известна в Еллинге и нескольких камерах Хедебю, но отсутствует на других скандинавских памятниках²⁷.

Рассмотренный материал позволяет уверенно говорить о скандинавской принадлежности женских и о связи мужского погребения с варяжской дружинной средой. Обряд и приведенные аналогии погребальному инвентарю дают основание отнести все три комплекса ко второй половине X в. Уникальная сохранность дерева в курганах сделала возможным уточнить дату. В лабораторию Института археологии АН СССР были переданы слепы, сделанные с двух угловых столбов камеры кургана Ц-306 и четырех — камеры Дн-4. Для первого кургана получена дендродата — 979, для второго — 975 год²⁸. По сходству обряда и инвентаря третий курган Ц-301 также может быть отнесен к 970-м годам.

Эти даты прекрасно согласуются со временем погребения в Маммене — конец X в. и кургана 100 из Тимерева — 70-е годы X в. по дате младшей монеты. С ними же гнёздовские комплексы перекликаются по составу инвентаря и по деталям обряда — свечи, деревянные конструкции в ямах.

Следует, видимо, остановиться еще на двух вопросах, косвенно связанных с рассмотренным материалом. Первый вопрос — о времени бытования некоторых североευропейских вещей и типов на территории Древней Руси.

Меч и копье из кургана Дн-4 по скандинавским аналогиям следовало бы датировать временем не позднее первой половины X в., как и само погребение. Курган Ц-306 на основании фибул типа 51в мог быть отнесен к середине X в., дендродаты же дают нам последнюю четверть этого столетия, т. е. данные вещи переживают свои скандинавские параллели более чем на 25 лет. В связи с этим можно вспомнить находку равноплечей фибулы раннего типа второй четверти IX — конца IX в. в кургане вместе с круговым сосудом с клеймом (курган 85 из раскопок С. И. Сергеева), знаменитый «гибридный» меч из кургана Ц-2 из раскопок 1949 г. (мечи типа Д в Скандинавии датируются временем не позже IX в.). Становится очевидно, что рискованно прямоли-

нейно переносить датировку скандинавского материала на восточноевропейские находки.

Второй вопрос о характере погребений. Предположение Н. Г. Недошивиной, что «крест в захоронениях является не только украшением, но служил ритуальным предметом, связанным с распространением христианской религии», подкрепляется, на наш взгляд, совместной находкой с крестиком свечей и воска. Некоторые авторы считали, что, не будучи связаны с христианским обрядом, свечи зажигались во время погребального действия и играли роль оберега от вредоносного воздействия мертвеца. Однако в христианстве восковая свеча тоже выступает в качестве оберега — от «нечистой силы». Видимо, погребенных в камерах с подвесками-крестиками и восковыми свечами можно считать одними из ранних христиан среди населения Смоленского Поднепровья.

Напомним, что с Гнёздовского селища происходит находка энколпиона, вероятно, второй половины X в.²⁹ Можно предполагать, что носителями новой религии в Гнёздове, как и в Тимереве и Киеве, явились представители населения, погребенные в 70-х годах X в. по смешанному обряду, объединившему новые культовые символы и старые языческие погребальные сооружения, и набор совершаемых при этом действий — помещение в могилу коня, бытовых предметов, заупокойных даров.

В заключение выскажем еще одно предположение. Обычно все скандинавские параллели некоторым элементам обряда и погребального инвентаря Гнёздова связывались с памятниками Средней Швеции. Рассмотренный здесь материал позволяет отметить еще одну линию связей, направленную в сторону Дании и Южной Норвегии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробно эта тема рассмотрена в специальной статье, что позволяет кратко изложить данный вопрос (Авдусин Д. А., Пушкина Т. А. Гнёздово в исследованиях Смоленской экспедиции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. История. 1982. № 1. С. 68—80).

² Авдусин Д. А. Скандинавские ингумаши в Гнёздове // VII Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докл. М.; Л. 1976. Ч. I. С. 122—123.

³ Grässlund A.-S. Birka. IV. The Burial Customs. Stockholm, 1981.

⁴ Обзор топографии, хронологии, этнических и социальных проблем по материалам Гнёздова см.: Авдусин Д. А. Гнёздово—der Nachbar von Smolensk // Zeitschrift für Archäologie. Berlin, 1977. N 7; Авдусин Д. А., Пушкина Т. А. Гнёздово в исследованиях Смоленской экспедиции.

⁵ Petersen J. Vikingetidens smykker. Slavanger, 1928. S. 59—67.

⁶ Недошивина Н. Г. Средневековые крестовидные привески из листового серебра // СА. 1983. № 4. С. 222—225.

⁷ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие // САИ. М.; Л., 1966. Вып. Е1—36. Т. II. С. 9—12.

⁸ Petersen J. De norske vikingesverd. Kristiania, 1919. S. 26—28 fig. 12.

⁹ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. М.; Л., 1966. Т. I. С. 32.

¹⁰ Petersen J. De norske... S. 154—156. Pl. III.

¹¹ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Т. II. С. 35.

¹² Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. Л., 1973. С. 47.

¹³ Arbmán H. Birka. Die Gräber, I. Uppsala, 1943. Taf. 214, i; 215, la—c; Lindeberg J. Holzschalen, Holzdoson und Beschläge zu derartigen Holzobjekten//Birka, II: 1, Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1984. S. 242—244.

¹⁴ Выражаем признательность М. В. Фехнер за определение тканей и почные консультации.

¹⁵ Недошвинова Н. Г., Фехнер М. В. Погребальный обряд Тимереvского могильника//СА. 1985. № 2. С. 111—112.

¹⁶ Блаифельд Д. І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ. 1977. С. 138—142. Курган 42.

¹⁷ ОАК 1892 г. Спб., 1894. Раскопки В. Ф. Завитневича. С. 140.

¹⁸ Brøndsted J. Danish Inhumation Graves of the Viking Age//Acta Archaeologica, København, 1936. V. 7, N 2. P. 106—107.

¹⁹ Ibid. P. 119—120. История открытия и результаты исследования с приведенным аргументированной датировки приводится в статье: Roesdahl E. The northern mound: burial chamber and grave goods//Medieval Scandinavia. Odense, 1974. N 7. P. 208—223.

²⁰ Shetelig H. Vestlandske graver fra Jernalderen. Bergen, 1912. S. 222—223.

²¹ Worsaae J. A. Om Mammen-fundet fra hedenskabets slutningstid, aarbøger for Nordisk oldkyndighed og historie. Kjøbenhavn, 1869. Pl. 7, 6.

²² Блаифельд Д. І. Указ. соч. С. 175—177, 188—189.

²³ Авдусин Д. А., Пушкина Т. А. Отчет о раскопках в Гнѣздове в 1976 году. Курган Ц—191; Авдусин Д. А., Каменецкая Е. В., Пушкина Т. А. Отчет о раскопках в Гнѣздове в 1978 г. Курган Ц—255.

²⁴ Блаифельд Д. І. Указ. соч. Курганы 26, 98.

²⁵ Авдусин Д. А., Пушкина Т. А. Отчет о раскопках в Гнѣздове в 1976 году. Курган Ц—196 (здесь же найдена еще одна привоска-крестик, не учтенная Н. Г. Недошвиной).

²⁶ Grässlund A.-S. Op. cit. P. 37—39.

²⁷ Worsaae J. A. Op. cit. P. 3.

²⁸ Благодарим Н. Б. Черных и А. Ф. Урьеву, исследовавших материал и представивших результаты в наше распоряжение.

²⁹ Асташова Н. И. Эпиклион из Гнѣздова//СА. 1974. № 3. С. 249—252.

С. А. ИЗЮМОВА

СУПРУТСКИЙ ДЕНЕЖНО-ВЕЩЕВОЙ КЛАД

В течение ряда лет Тульская археологическая экспедиция Московского университета вела исследование Супрутского городища, расположенного на высоком мысу правого берега Упы, в 50 км к югу от г. Тулы, в 0,8 км к юго-западу от с. Супруты Щекинского р-на Тульской обл. Археологические материалы, собранные при его раскопках, позволяют не только датировать данное городище I тыс. н. э., но и определить основные этапы его истории.

Археологический материал верхнего горизонта культурного слоя, относящийся к последней четверти I тыс. н. э. и связанный с жизнью на городище древних вятичей, является особенно ценным. Он существенно дополняет краткие летописные сведения об этом древнерусском племени.

Этот слой содержал остатки жилых, хозяйственных и производственных сооружений и множество разнообразных предметов: орудия труда, оружие, украшения, монеты; кроме того, там были найдены четыре клада.

Данная статья посвящена одному из кладов, обнаруженному в 1972 г. на западном участке городища (квадраты 341, 342, 344) на глубине 0,25—0,4 м от современной поверхности. Клад находился на уровне основания сгоревшей жилой постройки верхнего горизонта, в слое, содержащем остатки очажного развала, разрозненные кости человека и животных, куски каменного жернова и обломки лепной керамики роменско-боршевского типа.

Клад состоял из 19 серебряных арабских дирхемов и привозная и обломки лепной керамики роменско-боршевского типа. двух серег салтовского типа (одна целая и обломок второй) и проволочного височного кольца с разомкнутыми концами. Общий вес клада 120,65 г. Большинство вещей клада — одиннадцать монет и обломок серьги — лежали внутри гривны, свернутой в виде спирального браслета (рис. 1), а остальные предметы и монеты, видимо, растащенные плугом при распашке городища, лежали поблизости от гривны. Компактное расположение вещей клада позволяет пред-

Рис. 1. Супрутский клад в момент находки

полагать, что перед сокрытием они были сложены, вероятно, в мешочек, сторевший во время пожара. Следы огня прослеживались на отдельных монетах и гризне.

Монеты (определения Г. А. Федорова-Давыдова)

1. Аббасиды. Анонимная, чеканена при ал-Мансуре в ал-Басре в 144 г. х. (761/762 г.). Опубликована¹. Монета средней потертости, имеет два отверстия рядом, пробитые с лицевой стороны. В. 2,47 г. Д. 26 мм.

2. Аббасиды. Ал-Махди, чеканена в Мединет ас-Саям в 161 г. х. (777/778 г.). Опубликована². Монета хорошей сохранности. В. — 2,85 г. Д. — 24 мм.

3. Аббасиды, Ал-Махди, чеканена в Мединет ас-Саям в 162 г. х. (778/779 г.). Опубликована³ (2. С. 99, № 918; 3. С. 59, № 126). Монета средней потертости, имеет два отверстия рядом, пробитые с лицевой стороны. В. — 2,76 г. Д. — 23 мм.

4. Аббасиды, Ал-Махди, чеканена в Кермане в 168 г. х. (784/785 г.). Опубликована⁴. Хорошей сохранности, имеет два отверстия рядом, пробитые с лицевой стороны. В. — 2,47 г. Д. — 22 мм.

5. Аббасиды. Чеканена при Гаруне ар-Рашиде с именем ал-Амина в ал-Мухаммадии в 180 г. х. (796/797 г.), Опубликована⁵. Хорошей сохранности. В. — 2,87 г, Д. — 26 мм.

6. Аббасиды. Анонимная, чеканена при Гаруне ар-Рашиде в Мединет ас-Саям в 181 г. х. (797/798 г.). Опубликована⁶. Хорошей сохранности, имеет два отверстия рядом, пробитые с оборотной стороны. В. — 2,05 г, Д. — 25 мм.

7. Аббасиды. Чеканена при Гаруне ар-Рашиде с именем ал-Амина в ал-Мухаммадии в 182 г. х. (798/799 г.). Опубликована⁷. Средней потертости, имеет три отверстия рядом, пробитые с лицевой стороны. В — 2,65 г, Д. — 25 мм.

8. Аббасиды. Чеканена при Гаруне ар-Рашиде с именем ал-Амина в ал-Мухаммадии в 183 г. х. (799/800 г.). Опубликована⁸. Хорошей сохранности, имеет два отверстия рядом, пробитые с лицевой стороны. В. — 2,70 г, Д. — 26 мм.

9. Аббасиды. Анонимная, чеканена при Гаруне ар-Рашиде в ал-Мухаммадии в 190 г. х. (805/806 г.). Опубликована⁹. Монета хорошей сохранности. В. — 2,90 г, Д. — 22,5 мм.

10. Аббасиды. Анонимная, чеканена при Гаруне ар-Рашиде в ал-Мухаммадии в 191 г. х. (806/807 г.). Опубликована¹⁰. Сильно потерта, с о. с. имеет два отверстия рядом, пробитые с лицевой стороны. В. — 2,7 г, Д. — 22 мм.

11. Аббасиды. Анонимная, чеканена при Гаруне ар-Рашиде в Мединет ас-Саям в 193 г. х. (808/809 г.). Опубликована¹¹. Хорошей сохранности. В. — 2,85 г, Д. — 22 мм.

12. Аббасиды. Анонимная, чеканена при Гаруне ар-Рашиде, город и год не видны. Л. с. как у предыдущих монет; рамка в виде тройной окружности, за ней поясик из кружков. О. с. как у

монет № 9—11. Средней потертости, часть монеты отломана, имеет два отверстия рядом, пробитые с лицевой стороны. В. — 2,5 г, Д. — 23 мм.

13. Аббасиды. Ал-Амин(?), город и год не видны. Л. с. как у предыдущих монет. Рамка в виде тройной окружности, за ней поясик из трех одинарных и трех сдвоенных кружков. О. с. как у монеты № 7. Видна левая верхняя часть легенды. Средней потертости. Монета сохранилась на 1/3, остальное отломано. В. — 1,42 г.

14. Аббасиды. Ал-Му'тасим, чеканена в Исфагане в 227 г. х. (841/842 г.). Опубликована¹². Хорошей сохранности, имеет два отверстия рядом, пробитые с лицевой стороны. В. — 2,75 г, Д. — 25 мм.

15. Аббасиды. Ал-Мутаваккиль с именем Абу Абдаллаха, чеканена в 238 г. х. (852/853 г.). Такая же, как опубликованная¹³, но город не виден. Хорошей сохранности. В. — 2,75 г, Д. — 26 мм.

16. Аббасиды. Ал-Мутаваккиль с именем ал-Му'тазза, чеканена в ал-Басре в 243 г. х. (857/858 г.). Опубликована¹⁴. Монета хорошей сохранности, имеет два отверстия рядом, пробитые с лицевой стороны. В. — 2,75 г, Д. — 26 мм.

17. Аббасиды. Ал-Мутаваккиль с именем ал-Му'тазза, чеканена в ал-Мухаммадии в 245 г. х. (859/860 г.). Л. с. как у монеты № 16, но с другими выпускными данными. Между второй и третьей строками точка. О. с. как у монеты № 16. Хорошей сохранности. В. — 3,55 г, Д. — 23,5 мм.

18. Аббасиды. Ал-Му'тазз, чеканена в 252 г. х. (866 г.). Такая же, как опубликованная¹⁵, но город не виден. Средней потертости, имеет два отверстия рядом, пробитые с лицевой стороны. В. — 2,02 г, Д. — 24 мм.

19. Неопределенная. Сильно стертая, имеет два отверстия рядом, пробитые с лицевой стороны. В. — 3,21 г, Д. — 24 мм.

Клад, найденный в 1972—1973 гг. на городище у с. Супруты, включает в себя дирхемы, чеканенные от имени Аббасидских халифов и анонимные, чеканенные при их правлении. По периодам правлений монеты распределяются следующим образом:

ал-Мансур (136—158 гг. х., т. е. 753—775 гг.)	— 1 экз.
ал-Махди (158—169 гг. х., т. е. 775—786 гг.)	— 3 экз.
Гарун ар-Рашид (170—193 гг. х., т. е. 786—809 гг.)	— 8 экз.
ал-Амин (193—198 гг. х., т. е. 809—814 гг.)	— 1 экз.
ал-Му'тасим (218—227 гг. х., т. е. 833—842 гг.)	— 1 экз.
ал-Мутаваккиль (232—247 гг. х., т. е. 846—862 гг.)	— 3 экз.
ал-Му'тазз (251—255 гг. х., т. е. 865—869 гг.)	— 1 экз.
неопределенная	— 1 экз.

Итого 19 экз.

По месту чеканки монеты распределяются следующим образом:

ал-Басра	—	2 экз.
Мединет ас-Салям	—	4 экз.
ал-Мухаммадия	—	6 экз.
Исфаган	—	1 экз.
Керман	—	1 экз.
неизвестен город чеканки	—	5 экз.
Итого		19 экз.

Хронологический состав клада

760-е гг.	—	1 экз.
770-е гг.	—	2 экз.
780-е гг.	—	1 экз.
790-е гг.	—	4 экз.
800-е гг.	—	3 экз.
810-е гг.	—	1 экз.
840-е гг.	—	1 экз.
850-е гг.	—	3 экз.
860-е гг.	—	1 экз.

Итого 17 экз.

По хронологическому составу Супрутский клад занимает место между кладом из Новгорода (с последней монетой 864 г.) и кладом из Мишнево (с последней монетой 869 г.). По таблице, составленной В. Л. Яниным¹⁶, характеризующей хронологический состав куфических кладов Восточной Европы, видно, что Новгородский клад — последний в группе кладов, зарытых в 860-х годах, со значительной долей монет рубежа VIII—IX вв. Клад из Мишнево начинается собой группу кладов, зарытых в 860-х — начале 870-х годов, со значительным количеством монет также и последнего десятилетия (860-х годов) за счет уменьшения монет 790-х годов.

Несмотря на то что клад из Супрут мал, можно отметить, что значительная доля монет в его составе приходится на 780—800-е годы, но намечается тенденция увеличения доли монет последнего десятилетия перед зарытием (т. е. в 850-х годах). Клад был зарыт в 860-х годах. Он содержит монеты азиатских центров халифата, как и другие клады этого времени, что было отмечено еще Р. Р. Фасмером, и не имеет, за исключением одного экземпляра, обрывков и обломков монет, что также характерно для этих годов¹⁷. Одна серебряная монета была найдена в 1973 г. в 10 м от остальных монет клада. По своей сохранности и дате она вполне подходит к остальным монетам клада. Не исключено, что эта монета принадлежит ему.

20. Аббасиды. Анонимная, чеканена при Гаруне ар-Рашиде в ал-Аббасии в 171 г. х. (787/788 г.). Опубликовано¹⁸. Средней сохранности. В. — 2,5 г, Д. — 24 мм.

Предметы украшения

Гривна так называемого глазовского типа (рис. 2, з), вес 60,5 г изготовлена из литого круглого в сечении серебряного дрота (длина 49 см, диаметр 0,4 см) с утонченными концами (до 0,2 см), местами перекрученного (тордированного) в горячем

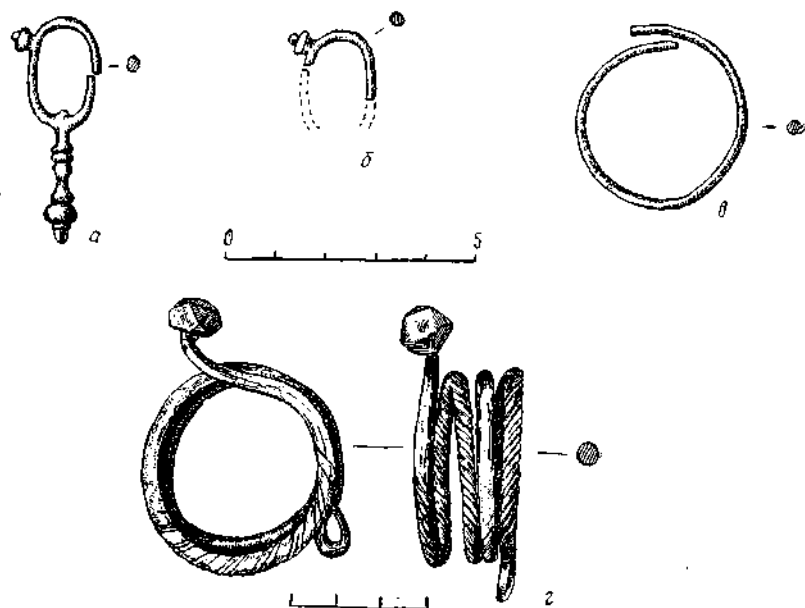

Рис. 2. Предметы из клада а, б) серьги; в) височное кольцо; з) гривна

состоянии. Один из концов гривны загнут в виде петли, а к другому припаяна литая граненая головка (0,9×0,9×0,7 см) в виде кубика с четырьмя срезанными углами. Гривна свернута в 3,5 оборота и имеет вид спирального браслета. Однако в этом качестве она вряд ли использовалась: во-первых, слишком мал диаметр — 4,5 см, и, во-вторых, концы браслета завершаются петлей и граненой головкой, составляющими застежку, характерную для гривн IX в.¹⁹ Аналогичные тордированные гривны из серебра известны по кладам IX—X вв. Северо-Западной и Северо-Восточной Руси²⁰, Прикамья²¹ и Скандинавии²². Такие же гривны, но из бронзы, встречены в мордовских и муромских могильниках²³.

Гривны глазовского типа В. П. Даркевич датирует концом IX — серединой XI в.²⁴ Супрутская гривна, найденная в комплексе с аббасидскими дирхемами, датируется второй половиной IX в.

О происхождении гривн глазовского типа у исследователей до сих пор нет единого мнения. Так, Т. Арне считал эти украшения привозными с Востока²⁵, а М. В. Фехнер относит их к предметам северо-западного импорта²⁶. По мнению В. Ю. Лещенко, в изготовлении гривн глазовского типа принимали участие ювелиры Волжской Булгарии²⁷. Наиболее интересна точка зрения Э. Тыниссона, который, убедительно доказывая северо-западное происхождение гривн с гранеными головками, высказал мысль о вероятности обращения их в качестве платежного средства при торговле Северо-Запада с Прикамьем²⁸, что полностью соответствует выводу В. Л. Янина о возможности превращения определенного рода стандартных изделий в товаро-деньги²⁹. Возможно, что гривна Супрутского клада, свернутая в виде браслета для удобства, хранения и транспортировки, тоже была получена при торговых сделках жителей Супрутского городища со странами Северо-Запада.

Височное кольцо из круглой проволоки, сечение 0,2 см, со слегка заходящими друг на друга концами (диаметр кольца 3,5 см, вес 4,5 г) лежало в 75 см к юго-востоку от гривны, на глубине 30 см (рис. 2, в). Височные кольца с неспаянными концами разных размеров, изготовленные из меди и бронзы, реже из серебра, относятся к числу распространенных женских украшений, встречающихся в погребениях, на поселениях и в кладах на территории Восточной Европы конца I — начала II тыс. н. э.³⁰

Серьги, так называемого, салтовского типа. Их две — одна целая, от другой же сохранился только обломок дужки (рис. 2, а, б). Целая серьга найдена на глубине 28 см, в 65 см к западу от гривны. Она литая и состоит из овального разомкнутого кольца с отходящей вниз подвеской в виде стержня с гирькой. На кольце сбоку выступ из трех шариков ложной зерни. Длина серьги 4,5 см, вес 5,26 г. Обломок дужки второй серьги лежал внутри гривны на кучке монет.

Аналогичные украшения бытовали в обширных лесной и лесостепной зонах Восточной Европы и в Сибири со второй половины VII до середины IX в.³¹ На Супрутском городище подобных серег найдено 15.

Супрутский монетно-вещевой клад 1972 г. территориально и хронологически соответствует выделенной Г. Ф. Корзухиной ранней группе Окских кладов, зарытых в IX в. и на рубеже IX—X вв.³²

Составляющие клад аббасидские дирхемы и привозные серебряные украшения указывают на существование в IX в. у населения Супрутского городища связей со странами Востока, Юго-Востока и Северо-Запада. Этот вывод подтверждается и наличи-

ем в слое поселения предметов иноземного происхождения (куфические монеты, украшения из серебра, стекла, камня, янтара, раковины каури). Преобладание восточных изделий над другими позволяет считать, что связи супрутского населения с Востоком в тот период были наиболее оживленными и носили торговый характер.

В числе товаров, поступающих на восточный рынок с городища лесной зоны, следует назвать пушнину — меха куницы и бобра. Из общего количества собранных при раскопках поселения костей диких животных кости бобра составляли более 1/3.

Товарообмен между населением Супрутского городища и странами Северо-Запада и Востока мог совершаться как по речным путям волжского бассейна, так и сухопутным — через донские степи.

Одной из причин сокрытия рассматриваемого клада могла послужить внешняя опасность. Не исключено, что она могла исходить от киевских князей, стремившихся еще до походов Святослава распространить свое влияние на соседние территории, в том числе и землю вятичей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Fraehnii Recensio numorum Muhammedanorum. Petropoli, 1826. P. 22. N 24.

² Тизенгаузен В. Г. Монеты Восточного Халифата. Спб., 1873. С. 97. № 907; Lane-Poole St. The coins of the Eastern Khaleefehs in the British Museum. London, 1875. P. 59. N 125.

³ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. С. 99. № 918; Lane-Poole St. Op. cit. P. 59. N 126.

⁴ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. С. 113. № 1048.

⁵ Fraehnii Recensio... P. 20. N 178.

⁶ Szarkiewicz M., Gupieniec A., Kmietowicz A., Kubiak W. Skarb monet arabskich z Kenkowicz Powiat Siemiatycze. Wroclaw; Warszawa; Kraków, 1964. S. 24. N 11.

⁷ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. С. 147. № 1313.

⁸ Lane-Poole St. Op. cit. P. 77. N 199.

⁹ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. С. 164. № 1473; Lane-Poole St. Op. cit. P. 79. N 207.

¹⁰ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. С. 162. № 1493; Lane-Poole St. Op. cit. P. 79. N 207.

¹¹ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. С. 170. № 1530; Lane-Poole St. Op. cit. P. 83. N 226.

¹² Szarkiewicz M., Gupieniec A., Kmietowicz A., Kubiak W. Op. cit. S. 38. N 47.

¹³ Ibid. S. 40. N 50.

¹⁴ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. С. 211. № 1918.

¹⁵ Fraehnii Recensio... P. 18. N 313.

¹⁶ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956.

¹⁷ Там же. С. 77—78; Фасмер Р. Р. Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе/Изв. АН СССР. Отд. общ. наук. 1933. № 6—7.

¹⁸ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. С. 124. № 1125.

¹⁹ Корзухина Г. Ф. Русские клады. М.; Л., 1954. С. 21.

²⁰ Там же. С. 81; Фехнер М. В. Шейные гривны//Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Тр. ГИМ. 1967. Вып. 43. С. 58.

²¹ Сплицын А. А. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых//МАР. 1902. № 26. С. 32. Табл. 11, 10, 12; Даркевич В. П. Художественный металл Востока. М., 1976. С. 22—23, 25.

²² Arne T. Y. La Suede et l'Orient. Upsala, 1914. P. 165—167. Fig. 306—307; Stenberger M. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Lund, 1947. II. Tabl. 1, 2—5; 12, 3; 35, 2—3; 36, 3.

²³ Ястребов В. Н. Лядинский и Томниковский могильники//МАР. 1893. № 10. Табл. XI, 1, 6; Материалы по истории Мордвы VIII—XI вв. Моршанск, 1952. Табл. VII, 6; XIV, 32.

²⁴ Даркевич В. П. Указ. соч. С. 22.

²⁵ Arne T. Y. Op. cit. P. 165—167.

²⁶ Фехнер М. В. Указ. соч. С. 59.

²⁷ Даркевич В. П. Указ. соч. С. 152.

²⁸ Tonisson E. Eesti aardeleid 9—13 Sejandist, Muisted Kalmed jaared//Archeologi line Kogumik. II. Toim N. Moora Ensvla Ajaloo instituut. Tallin, 1962. S. 209—210.

²⁹ Янин В. Л. Указ. соч. С. 189.

³⁰ Русанова И. П. Курганы полян X—XII вв.//САИ. М., 1966. Вып. Е1—24. Табл. 22, 1—4; Изюмова С. А. Курганный могильник у д. Западной//СА. 1964. № 2. С. 161; Москаленко А. Н. Городище Титчиха. Воронеж, 1965. С. 121; Ляпушкин И. И. Новотроицкое городище//МИА. 1958. № 74. С. 26.

³¹ Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы//СА. 1971. № 2. С. 121.

³² Корзухина Г. Ф. Указ. соч. С. 20—21.

Г. А. ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ

ИЗ ИСТОРИИ ДЕНЕЖНОГО ДЕЛА МОЖАЙСКА

(о некоторых неясных легендах
на ранних монетах Можайска)

В денежном деле Можайска конца XIV — начала XV в. имеется несколько монет с неясными легендами, представляющими своего рода загадки.

Первая из них связана с помещением на можайских монетах имени князя Василия.

Существует несколько серебряных монет, опубликованных А. В. Орешниковым и А. А. Ильным и отнесенных ими к чеканке суздальского князя Василия Дмитриевича Кирдяпы. Такие же монеты есть в собрании Эрмитажа, ГИМа, Новгородского музея и в Саранском кладе¹.

На лицевой стороне этой монеты помещено изображение четвероногого животного. Над его спиной — голова человека. Вокруг круговая легенда: ПЕЧАТЬ КНЯЖА ВАСИЛЬЕВА. На оборотной стороне в круглой лицевой рамке вписана прямоугольная рамка; между рамками — сетка с фестонами. Внутри рамки искаженные, но читаемые титул и имя: «Султан Токтамыш». Кроме того, имеется еще несколько монет, сходных с описанными лицевой стороной и разными типами подражаний на оборотной — подражание с решеткой в центре, подражание монете с символом всеры, подражание в квадратной и фигурной рамках².

Отнести эти деньги к чекану Василия Кирдяпы не позволяют ярко выраженные «можайские» черты на обеих сторонах этих монет. На лицевой стороне первого из названных выше типов мы видим характерное для можайских монет изображение четвероногого животного с головой человека над его спиной. На оборотной стороне — типичное для можайских монет оформление: рамка с сеткой. Княжеские монеты Кирдяпы имеют на оборотной стороне специфические типы подражаний дирхемам Гюлистана и Сарая ал-Джедид, чеканенным при хане Джайибексе, которых нет на рассматриваемых монетах. На них имеется имя Токтамыш, что более характерно для монет именно Московского княжества до конца XIV в. В Можайске монеты стали чеканиться примерно с 1399—1400 гг., когда малолетний князь Андрей, так же как и Петр, был отпущен Василием Дмитриевичем в свои уделы на княжение³. Чеканка Кирдяпы, окончившаяся после присоединения Нижнего Новгорода к Москве в 1392 г., и не могла заимствовать можайские элементы оформления монетного поля.

Другим Василием, от имени которого были чеканены эти монеты, мог быть только Василий Дмитриевич Московский. Все (кроме этих монет) деньги Василия Дмитриевича Московского, на которых сохранилось соответствующее место в легенде, имеют титул: «великий князь». Перед нами особые выпуски монет великого князя Василия Дмитриевича Московского с титулом просто «князь».

Представляется возможным высказать гипотезу, согласно которой эти монеты следует отнести к чеканке Василия Дмитриевича в Можайске до «отпуска» туда Андрея. Этому соответствует помещение на оборотной стороне одного типа этих монет имени Токтамыша, что было обязательным до ослабления и падения власти этого хана (до 1399 г.)⁴. На других монетах этого имени нет. Возможность помещать на оборотной стороне подражания без имени Токтамыша для московских денежников открылась только после падения этого хана. Следовательно, все эти монеты с животным и головой человека на его спине были чеканены в Можайске в последних годах XIV и в первых годах XV в.

Позднее некоторые черты оформления этих монет были усвоены можайскими мастерами: и манера изображать животное с головой человека над спиной⁵, и подражание в фигурной рамке⁶, и подражание символу веры с решеткой⁷. Особенно широко распространилась в денежном деле Можайска манера оформления монетного поля в виде прямоугольной рамки с сеткой, ставшей типичной для оборотной стороны можайских монет начала XV в. По этой рамке можно определить монеты можайского чекана⁸. В такую рамку включают и подражания и изображения людей и животных, в частности четвероногого с головой человека над спиной.

Наше предположение о чеканке монет в Можайске с именем князя Василия хорошо подтверждается другими выпусками, можайскими по типу, также имевшими это имя. С. И. Чижев читал легенду на монете одного из этих выпусков так:

ПЕЧАТЬНОВАМ...ВАІАОИМ⁹. Видимо, «О» — в конце искаженное «Д», такое искажение наблюдается на других можайских монетах¹⁰. Во второй части легенды вторая буква «А» — четкая буква «Л» (поперечная перекладина — случайный дефект штемпеля). Может быть, мы здесь имеем пропуск буквы «С», и конец легенды следует читать: ВА[С]ІЛДИМ. Буква «М» после слов «ПЕЧАТЬНОВА» может быть началом слова «князь» (соединение букв «К» и «Н»). Часть отчества на этой монете не оставляет сомнения в том, что упомянутый в легенде Василий — московский князь Василий I.

Чеканить монету в Можайске с титулом «великий князь» было неудобно. Удельному городу должен был соответствовать удельный ранг чеканки.

Появление на можайских монетах имени Василий, даже с простым титулом «князь», было необычным делом. Ведь по за-

вещанию Дмитрия Донского Можайск не был уделом Василия. Видимо, эти необычные, но достаточно массовые монетные выпуски отражали какую-то особую ситуацию. Нам представляется, что чеканка монет с титулом и именем «князя» Василия — первые выпуски в Можайске, когда малолетний Андрей еще был в Москве, хотя формально его удел был образован. Всеми делами ведал Василий I. Особое напряжение в этом самом западном уделе Московского княжества создавало на рубеже XIV—XV вв. соседство с Литвой. Василий I счел нужным утвердить свой суверенитет над Можайском, выпустив там монету со своим именем, но с титулом «князь», как и подобало удельному чекану. Когда Андрей был отпущен на княжение, он начал чеканить монету со своим именем, но продолжали чеканить монету и с именем Василия. Более того, чтобы утвердить свое «политическое присутствие» в Можайске, Василий Дмитриевич идет на то, чтобы поместить рядом со своим именем на можайских монетах титул «великий князь», мало приличествующий удельному центру.

Эта монета имеет легенду в зеркальном отображении: ..ИЛИСАВИКИЛЕВЪЗ...¹¹. И. И. Толстой отнес ее к чеканке великого князя Василия Дмитриевича Московского. Можайский ее тип несомненен и был отмечен этим ученым. Легко убедиться в том, что эта монета чеканена в Можайске по тождеству штемпелей ее оборотной стороны и некоторых оборотных сторон достоверно можайских монет с именем князя Андрея¹².

Два последних выпуска можайских денег с именем князя Василия были произведены в начале XV в., так как на них нет имени Токтамыша — обязательного для русских монет XIV в.

Возможно, что те обострения отношений между братьями Василием и Андреем Дмитриевичами, которые отражает, как мы полагаем, одновременная или попеременная чеканка в Можайске монет с обоими этими именами, достигала в определенные моменты такой остроты, что Андрей был вынужден резко снижать статус своей чеканки и выпускать анэпиграфные монеты по можайским типам¹³.

Не исключено, что эта ситуация и заставила заключить специальный договор между Василием и Андреем¹⁴.

Есть еще одна деталь в оформлении некоторых монет Можайска, которая говорит о влиянии Василия I. Некоторые можайские монеты, даже с именем Андрея, правильно написанным, несут яркий элемент, говорящий о суверенитете великого князя. Это всадник. В Московском княжестве всадник встречается только на московских великокняжеских монетах, будучи образом великого князя¹⁵, а также на можайских. В серпуховской, дмитровской, звенигородско-галичской чеканке его нет (в ранний период денежного дела, во всяком случае до начала второго десятилетия XV в.). А на можайских монетах он присутствует. На некоторых монетах Андрея всадник изображен почти идентично изображениям всадника на монетах Василия I, на что обратил внимание еще И. И. Толстой¹⁶.

Такова одна из загадок можайского чекана, связанная с помещением на деньгах этого удела имени Василий.

Но на этом загадки можайского денежного дела не кончатся.

Известна серия можайских монет с легендами, представляющими особый интерес. Приведем эти легенды:

ПЕЧАТЬКНЯЖАОНЪДРЪЛЕВ¹⁷

ПЕЧАТ...ЕИЪЕВАНЯ... I¹⁸

ПЕЧАТЬКНЯЖАОННДР ...ВАНА¹⁹

ПЕЧАТЬКНЯЖАОНДРЪЕВАНІ²⁰

ПЕЧАТЬКН...ЪЕЕВАЕВ²¹

ПЕЧАТЬКНЯЖАОНЛОЪСЕВЛЕВ²²

С. И. Чижов читал буквы ОНЛОЪСЕВЛЕВ как «Ондрѣва». Это совершенно правильное чтение. «Л» — это «Д» (перекладина слилась с ободком), «О» — это «Р», «С» — это недописанное «Е», второе «Л» — это плохо выполненное «А». Легенду эту следует читать так: ПЕЧАТЬКНЯЖАОНДРЪЕЕВАЕВ.

Есть сходная с предыдущей монета с легендой: ПЕЧАТЬК...НЛОЪВЕВЛЕВ²³. Здесь те же искажения: «Л» — это «Д», второе «Л» — это «А». Омега и «В» — дальнейшее искажение того рисунка букв, который на предыдущей монете читался как «ОЪ» («О» заменено на омегу, «Ъ» — на «В»). Поэтому сочетание омега и «В» следует рассматривать как искаженное «РЪ». Вся легенда может быть прочтена так: ПЕЧАТЬК(НЯЗАО)НДРЪЕВАЕВ.

Представляется возможным читать конечные части этих легенд как «ОНДРЕИ», «ОНДРЕЕ» с прибавлением имени Ивана (ЕВАНЯ, ЕВАНА, [Е]ВАНІ). Последние две легенды подтверждают это, так как здесь после полного имени «Андрей» в соответствующем падеже (ОНДРЪЕЕВА) идет начало имени Ивана (ЕВ)²⁴. Заметим, что Д. Солнцов видел в последних буквах обсуждаемых легенд начало имени Иван, полагая, что это отчество «Иванович» (он исходил из своего неправильного определения этих монет)²⁵.

Итак, перед нами соединение имени Андрея с именем Иван. Кто этот Иван? Наиболее вероятным кандидатом является Иван Андреевич — сын Андрея Можайского, родившийся от брака с дочерью князя Александра Патриксовича Стародубского. На монете Иван упомянут как наследник и соправитель Андрея. Это первый случай помещения имени сына на монетах в русском монетном деле. Более поздний пример — золотые монеты Ивана III и Ивана Ивановича Молодого.

В связи с монетами, имеющими кроме имени Андрея начало имени Ивана, можно высказать предположение, что в условиях напряженных отношений с Василием I, которые отразились, как мы видели, в монетном деле Можайска, Андрей считал нужным подчеркнуть владельческие права своей династии, обозначив в легендах имя своего сына.

Третья загадка денежного дела Можайска заключается в том, что на монетах, имеющих явно можайский облик, читаются имена без титула «князь»: Александр, Михаил и Офонасий. Было высказано предположение, что здесь помещены имена денежников²⁶. Это вызывает возражения. Во-первых, помещение имен денежников без имени князя — весьма маловероятное явление для того времени; оно нарушает представления о владельческих правах князей на чеканку монеты. Помещение имен монетчиков на монетах Ивана III сопровождалось помещением имени великого князя. Во-вторых, три монетчика, настолько значительных, что их имена полностью помещают на монетах, — не слишком ли много их для такого скромного чекана, как можайский?

Нам кажется, что первые два имени «Александр» и «Михаил» — плод неправильного чтения. Имя Александр не сохранилось полностью²⁷. Часть его ...ДРОВА могло быть концом имени Андрея. Именно так, с заменой букв «ЕЕ» на «О», написано это имя (...НДРО...) на одной ростовской монете²⁸. Тогда в утерянной части легенды вместо «Алексан» следует вставить «князя-он». Такая конъектура более убедительна. Тогда вся легенда может быть восстановлена как ПЕЧАТЬ КНЯЗЯ ОНДРОВА». Вопрос о денежнике Александре, таким образом, снимается.

Относительно имени Михаила мы уже писали в другой работе²⁹. Эту легенду можно прочитать иначе, если допустить, что здесь имеются некоторые искажения букв, обычные для можайского денежного дела. На одной такой монете³⁰ А. В. Орешников прочел «...АТЬКМИХАИЛОВ» («М» и «И» слитны) и привел в качестве аналогии монеты с более полной легендой, но без буквы «К»: ПЕЧАТЬМИХАИЛОВАЖЧОВА. В этой легенде, несмотря на искажения, все же читаются следующие слова: то, что А. В. Орешников читал как «МИХ» или КМИХ, можно прочесть как «КНЖ», «АИЛОВА» — как «АНДР[Е]ВА» (на можайских монетах встречается искаженное написание «Р» как «О», а «Д» как «Л») ³¹. В нашем чтении убеждает аналогичная монета из Эрмитажа³² с легендой ПЕЧАТЬКИНХАНЧОВАЖИ. Здесь первое «И» — лишнее; «З» передано знаком «Х» с перекладной сверху; «Ч» появилось от перевернутой буквы «Д»; «О» имеет хвостик, и читать его следует как «Р». Сочетание «ЖЧОВА» перделано в «ЖИ». Эти легенды могут быть прочтены так: «ПЕЧАТЬКНЖАНДРВАЖЧОВА и ПЕЧАТЬКНЗАНДРВАЖИ»³³. Окончание ЖЧОВА или ЖИ остается неразгаданным.

И наконец, «Офонасий». Это имя встречается на сходных по типу монетах с изображением двух человек в рост на лицевой стороне и животного с головой человека над спиной на оборотной стороне. Приведем эти легенды:

ПЕЧАТЬ ОФОН...

ПЕЧАТЬВА³⁴

ПЕЧАТЬОФОНАСОВАОЕИМОВАТ (крестик)³⁵

ПЕЧАТЬОФОНА... ПЕЧАТИВАНИЕ³⁶

Чтение имени Офонасия не может быть оспорено, особенно на второй легенде. Но мы видим здесь и начало другого имени. А. В. Орешников считал, что это начало имени Василия. Но на третьей легенде читается имя Иван (ИВАНИЕ). Слог ВА в первой легенде и ВАТ («Т» с крестиком — может быть искаженное «И») — во второй, вероятно, начало того же имени в уменьшительной форме (ср.: «ПЕТИ» — на монетах Петра Дмитриевича Дмитровского³⁷). ОЕИМО во второй легенде — необъяснимое искажение какого-то слова, может быть «ПЕЧАТЬ». Есть монета с легендой... ПЕЧАТЬВА... (того же типа, что и с именем Офонасия)³⁸. Может быть, это часть легенды, где было еще и ПЕЧАТЬ ОФОН...

По завещанию Дмитрия Донского Андрей получил (кроме Можайска) еще и Белоозеро — куплю Калиты. Он стал как бы патроном тех князей белозерских, которые оставались в этом княжестве. В. А. Кучкин справедливо считал, что в руки Андрея Дмитриевича перешел удел старшего белозерского князя Федора Романовича, погибшего вместе с сыном на Куликовом поле в 1380 г. Его брат Василий владел той частью княжества, которая называлась Сугорье³⁹. А. В. Экземплярский полагал, что Василий умер до 1380 г., так как на белозерском столе после смерти Федора Романовича сменил не его брат Василий Романович, а его племянник Юрий⁴⁰. Князь Юрий Васильевич, действительно, упоминается в актах того времени. Но, так как Белоозеро отходит к Андрею Можайскому, этот князь теряет самостоятельность и становится только наместником. Иное дело второй сын Василия Романовича — Афонасий Шелешпанский. Этот удельный князь владел (по мнению В. А. Кучкина) частью Белозерского княжества в Пошехонье, включавшееся в бывший удел Василия Романовича⁴¹.

Младший сын Василия Романовича Иван тоже владел небольшим уделом в тех же пределах⁴². Итак, сыновья князя Василия Романовича могли сохранять свое положение на уровне удельных князей. Вполне вероятно, что их владельческие права были удовлетворены их патроном Андреем Можайским чеканкой в Можайске монет с именами этих князей. Так как это были князья низкого ранга, то и чеканка была соответственного уровня — без титула «князь». При этом имя младшего — князя Ивана — пишут сокращенно или уменьшительно.

Мы писали, что монеты показывают некоторые различия во взаимоотношениях Московского великого князя и удельных князей, а иногда и столкновения князей. Некоторые расхождения внутри Московского княжеского дома в критических ситуациях могли проявляться довольно остро. Так было, видимо, в вопросах, связанных с взаимоотношениями с Литвой, обострившихся в 1408 г. в связи с дипломатией, а потом и с военным походом Едигея. Характерно сближение Василия I с частью литовских князей с целью оторвать их от Витовта (переход к Василию Свидригайло).

Василий I использовал в периоды обострения отношений с Витовтом для борьбы с Литвой своих братьев Петра и Константина. Особую позицию в литовской политике занимали Владимир Серпуховской и Андрей Можайский. Известны роль митрополита Киприана в вопросах объединения Руси, его программа широкого общерусского единения при участии Литвы, его энергия, хоть и малоудачная, деятельность на переговорах с Витовтом. Особая позиция митрополита проявилась в ряде литературных произведений. В них порой отчетливо звучит тема возвеличения Владимира Серпуховского, который иногда заслоняет фигуру великого князя Московского. Владимир был связан с литовским правящим княжеским домом, будучи женат на дочери Ольгерда.

Известно сотрудничество Андрея Можайского с Киприаном, а также его связь с выходцем из Литвы, в частности его женитьба на внучке князя Патрикея Наримановича. Восхваление белоозерских князей в ряде произведений Киприанова цикла должно быть также поставлено в связь с Андреем Можайским, который сам стал белоозерским князем. Характерно, что в протверском варианте «Повести о нашествии Едигея» осуждается связь Василия I со Свидригайло и подчеркивается роль Андрея и Владимира в Москве в 1408 г. в момент максимальной опасности, когда Василий I ушел в Кострому. Роль Петра Дмитриевича замалчивается, так же как и московского воеводы Ивана Юрьевича, хотя оба они тоже были в Москве⁴³. Тенденции этого произведения очевидны, но можно думать, что указанные «передержки» основывались на действительных разногласиях в среде московских князей, в частности по вопросам литовской политики Москвы. Эти разногласия в «Повести о нашествии Едигея» мы чувствуем, когда осуждаются действия московских «юных бояр» и они противопоставляются «барам старым», чья позиция, как справедливо заметил И. Б. Греков, была связана с политикой Киприана.

Следует вспомнить и раздоры Владимира Серпуховского с Василием I и обиды Серпуховского князя, у которого в пользу Петра Дмитриевича был отнят Дмитров.

Можно предположить, что, находясь в Москве в 1408 г. в момент едигеевского вторжения, Андрей Можайский и Владимир Серпуховской сблизилась больше между собой, нежели с третьим князем — Петром Дмитриевичем Дмитровским. На сложение этой ситуации могла оказать влияние та разница в отношениях Василия I к Серпухову и Можайску, с одной стороны, и к Дмитрову — с другой, о которой косвенно мы можем судить по монетам⁴⁴.

Известен (в двух экземплярах) тип «союзной» монеты Андрея Дмитриевича и Владимира Андреевича⁴⁵:

Л. С. В круглой линейной рамке погрудное изображение человека вправо, в короне с тремя зубцами и с саблей. За рамкой круговая легенда: ПЕЧ...НЯ...ДРЪЕВЪДИ.

О. с. В круглой линейной рамке петух вправо, над ним звездочка, перед головой — трилистник. За рамкой круговая легенда: ...ЯЗЯВОЛОДИМ. Легенды реконструированы по двум экземплярам из Эрмитажа.

По весу можно заключить, что эти монеты чеканены в первом десятилетии XV в. Они не имеют ни можайских, ни серпуховских признаков, но есть московский признак — петух, известный на монетах Дмитрия Донского и Василия Дмитриевича. Вероятнее всего, эти монеты чеканены в Москве.

Сложившаяся в Москве в 1408 г. в отсутствие Василия I ситуация как нельзя больше подходит для чеканки описанных «союзных» монет. Это был прокламативный выпуск Андрея и Владимира, должествующий выразить «особые» отношения этих князей. Подчеркнем, что высокопрестижный элемент (корона) помещен на той стороне, где имеется имя Андрея — в данном «союзе» он представлял старшую ветвь потомков Калиты.

Остается предположить, что и Петр Дмитриевич выпустил тогда же свои монеты по московскому типу как противовес можайско-серпуховским. Не являются ли таковыми монеты с именем Петра и петухом с зверьком, восходящие по лицевой и оборотной сторонам к монетному типу Дмитрия, на что указывалось в литературе⁴⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Орешников А. В. Русские монеты до 1547 года. М., 1896. № 847. Рис. 710; Ильин А. А. Классификация русских удельных монет. Л., 1940. Табл. V, 19; НГОМЗ. Собрание Гаршина. № 8; ГЭ. № 4706—4711.

² Орешников А. В. Указ. соч. № 848. Рис. 711; Спасский И. Г. Русская монетная система. Л., 1962. Рис. 53, 7; ГЭ. № 4712—4728.

³ Федоров-Давыдов Г. А. Монеты Московской Руси. М., 1981. С. 75—77.

⁴ Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч. С. 55 и сл.

⁵ Орешников А. В. Указ. соч. № 939—939а. Рис. 834, 835; Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч. № 293, 296; Чижев С. И. Дроздовский клад русских денег времени великого князя Василия Дмитриевича Московского // Тр. нумизматической комиссии. Пг., 1922. Вып. III. № 105, 106; Reichel J. Die Reichelische Münzsammlung in St. Petersburg. Bd I, SPb, 1842. N 4368; Шодуар С. Обзорные русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древних времен. Спб., 1837. Ч. I. № 2902; ГЭ. № 3830—3833.

⁶ Орешников А. В. Указ. соч. № 750. Рис. 602.

⁷ Орешников А. В. Указ. соч. № 947. Рис. 843.

⁸ Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч. С. 78—82.

⁹ Чижев С. И. Указ. соч. № 104.

¹⁰ ГЭ. № 3820, 3821.

¹¹ Толстой И. И. Деньги великого князя Василия Дмитриевича. 1389—1425. Спб., 1911. № 6.

¹² ГЭ. № 3811, 3812.

¹³ Орешников А. В. Указ. соч. № 947. Рис. 843.

¹⁴ О нем можно догадываться по пометке в начале договора Василия о Андреем и Петром.

¹⁵ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970. Т. II. С. 22—23, 37—38.

¹⁶ Толстой И. И. Указ. соч. С. 49. № 136, 137.

- ¹⁷ Reichel J. Op. cit. N 4119.
¹⁸ ГЭ. № 3841.
¹⁹ Орешников А. В. Указ. соч. С. 174. Рис. 9; Чижов С. И. Указ. соч. С. 29.
²⁰ ГЭ. № 3821.
²¹ ГЭ. № 3819.
²² Чижов С. И. Указ. соч. № 55.
²³ Reichel J. Op. cit. N 4370; Рейхель Я. Я. Дополнение к русской нумизматике среднего века. 1849. Т. I. С. 42. № 50.
²⁴ Написание имени Иван через «Е» известно (см., например: Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963. № 263, 278).
²⁵ Сонцов Д. П. Дополнение к нумизматическим исследованиям. М., 1972. С. 7; Орешников А. В. Указ. соч. С. 174.
²⁶ Орешников А. В. Указ. соч. С. 206; Чижов С. И. Указ. соч. С. 33, 34, 55.
²⁷ Орешников А. В. Указ. соч. № 832. Рис. 693; ГЭ. № 5177—5178.
²⁸ Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч. С. 153. III А.
²⁹ Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч. С. 80.
³⁰ Орешников А. В. Указ. соч. № 833. Рис. 694.
³¹ ГЭ. № 3820, 3821.
³² ГЭ. № 5189.
³³ Близкое прочтение этой легенды имеется в описании подобной монеты в коллекции В. В. Лукьянова в Новгородском музее (IV—5).
³⁴ Reichel J. Op. cit. N 4368; Рейхель Я. Я. Указ. соч. С. 41. № 49.
³⁵ Чижов С. И. Указ. соч. № 106; ГЭ. № 5221—5225.
³⁶ ГЭ. № 5216—5220.
³⁷ Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч. № 290.
³⁸ Орешников А. В. Указ. соч. № 939. Рис. 834; Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч. № 296.
³⁹ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 306 и сл.
⁴⁰ Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период. Спб., 1889. Т. 2. С. 165.
⁴¹ Кучкин В. А. Указ. соч. С. 311.
⁴² Там же. С. 312.
⁴³ Об этом подробнее см.: Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975. С. 248, 250, 253, 341, 382—384, 389, 427; Он же. Варианты «Повести о нашествии Едигея» и проблема авторства Троицкой летописи // Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982. С. 219 и сл.
⁴⁴ Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч. С. 120.
⁴⁵ Толстой И. И. Указ. соч. № 134; ГЭ. № 3856, 3857.
⁴⁶ Орешников А. В. Указ. соч. № 785. Рис. 639; Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч. С. 72, 102—103. № 277.

П. А. ШОРИН

О МЕТРОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ И ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ В МОНЕТНОЙ ЧЕКАНКЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА РЯЗАНСКОГО

Особенностью ранних этапов монетной чеканки в великом княжестве Рязанском явились изготовление местных подражаний джучидским дирхемам и снабжение их надчеканками в виде букв русского алфавита или характерной тамги¹.

Г. А. Федоровым-Давыдовым выявлены весовые нормы чеканки основных золотоордынских центров, монеты которых характеризуют ранний этап денежного обращения великого княжества Рязанского. Так, чеканка в Болгаре, монеты которого, правда, не проникали в Рязанскую землю, началась в конце 50-х годов XIII в. из расчета 100 монет на слиток серебра 204,756 г, т. е. исходила из веса русской гривны серебра. Чеканка в Крыму осуществлялась в 60-х годах XIII в. также из расчета 100 монет, но уже на вес русской литры — 163,726 г. В Сарае и Хорезме в 70—80-х годах XIII в. исходили из того же счета на 100, но положив в основу монетной стопы половинный вес хорезмского ратля в 458,64 г².

Таким образом, монетная стопа в отмеченных центрах была основана на десятичном принципе счета. К интересующему нас времени в золотоордынской монетной чеканке произошли значительные изменения, в результате которых был осуществлен переход на двенадцатиричную («дюжина дюжин») систему денежного счета³.

В Сарае и Сарае ал-Джедид, монеты которых составляют большинство среди надчеканенных русскими буквами и рязанской тамгой, чеканка осуществлялась по норме, основанной на этой системе счета ($204,756 : 144 = 1,42$ г). В Азаке, тесно связанном с русской торговлей на Дону, в 60-х годах XIV в. монеты чеканились из расчета 150 шт из слитка серебра в 204,756 г. Теоретический вес азакских дирхемов был равен, таким образом, 1,36 г. Но в 1369 г. он был увеличен до 1,42 г, т. е. и они стали чеканиться на основе двенадцатиричной системы счета.

Вес монет — 1,45 — 1,50 г, чеканившихся в Орде, в заметных количествах обращавшихся в рязанских землях, соответствовал 1/150 части половины хорезмского ратля. После реформы 1380 г. монеты и этого центра пришли в соответствие с 144-кратной стопой⁴.

Первые рязанские подражания джучидским монетам, появившиеся на рубеже 80—90-х годов XIV в., чеканились по весовой норме дирхемов, установленной монетной реформой Токтамыша в 1380 г. — 1,40—1,42 г⁵.

В. Л. Янин, исследуя метрологические основы ранней монетной чеканки в различных русских центрах, пришел к выводу, «что первоначально изменения в монетной норме рязанского обращения были определяющими. Согласованность изменений, происходивших в московской системе, с изменениями в рязанской наблюдается лишь с 80-х годов XIV в.; при этом Москва несколько отстает от Рязани. Судя по характеру новой терминологии, это определяющее значение рязанской нормы кажется вполне закономерным, так как именно в Рязани новые татароязычные термины находят вещественную основу в татарских же монетах. Можно думать, что оба новых термина (денга и алтын. — П. Ш.) ведут свое происхождение из Рязани где денгой был окрещен джучидский дирхем, а алтыном — два дирхема»⁶.

Начало собственного монетного производства Рязанского княжества застает в денежном обращении на его территории джучидские дирхемы, подавляющее большинство которых отчеканено по норме 1,40—1,42 г. В гривне серебра содержится ровно 144 дирхема Токтамыша — $204,756 : 144 = 1,42$. Обратимся к отмеченной В. Л. Яниным метрологической связи рязанской и московской монетных систем.

Норма мортки в Низовской денежной системе безмонетного периода 0,98 г⁷ находится в рациональном соотношении с практическим весом джучидских монет, обращавшихся в Рязанском княжестве до 1380 г., — $0,98 \times 3 = 1,47 \times 2$. Три московские денги Дмитрия Донского, чеканенные после 1380 г. по норме, близкой 0,90—0,93 г, по весу точно соответствуют двум пореформенным дирхемам Токтамыша и ранним рязанским подражаниям, практический вес которых был несколько ниже нормы, а именно 1,36 г.

Таким образом, предложенная В. Л. Яниным трактовка алтына как своеобразной переводной счетной единицы весьма убедительна. Подчеркнем, что если термин «алтын» действительно следует переводить на русский язык как «шесть белок»⁸, то его равенство шести единицам как нельзя более соответствует именно двенадцатиричной системе счета.

В. Л. Янин считает, что понижение веса московской денги при преемнике Дмитрия Донского великом князе Василии Дмитриевиче до 0,79 г произошло около 1409 г. и привело к падению веса рязанской денги, а также денги некоторых других центров русской монетной чеканки⁹. Если равенство двух рязанских монет трем московским сохранилось неизменным, то вес рязанских монет должен был понизиться в это время до 1,18 г, так как алтын в этом случае равен $2,37$ г ($0,79 \times 3$), а $2,37$ г : $2 = 1,18$ г.

Действительно, к этому весу тяготеет значительное число рязанских монет XV в. — времени княжения Федора Ольговича

(1402 — ок. 1417 г.). Но все же представляется, что и в это время определяющими были изменения именно в рязанской чеканке. Нам установлено, что в 1408 г., когда рязанский великокняжеский стол занял на короткое время пронский князь Иван Владимирович, чеканка монет осуществлялась им по норме, уже меньшей, чем 1,18 г¹⁰. К сожалению, число монет, отчеканенных Иваном Владимировичем в Рязани, невелико. Нам известны только 11 экземпляров этих монет, на которых кроме обычной тамги-надчеканки помещена строчная надпись с именем великого князя Ивана. Вес их следующий: 1,18 г — 1 экз., 1,16 — 2; 1,15—2; 1,14—3; 1,12—1; 1,11—1; 1,05 г — 1 экз.

Как показывает изучение веса рязанских подражаний джучидским дирхемам с надчеканкой тамги третьего (основного или окончательно установившегося) типа, появившихся в середине последнего десятилетия XIV в.¹¹, амплитуда колебаний их веса весьма значительна, что можно объяснить большим сроком их чеканки — до 1417 г. Ответить на вопрос, был ли вес 1,18 г установлен в результате монетной реформы или явился следствием постепенного, «ползучего» снижения веса рязанских монет, в настоящее время довольно трудно. Более предпочтительным представляется второе решение, так как официальное и к тому же существенное снижение веса монет должно было бы привести к изъятию из денежного обращения полновесных («старых») дореформенных монет. В этом случае следовало бы ожидать изменения монетного типа, однако все рязанские монеты конца XIV — начала XV в. (до появления монет великого князя Ивана Федоровича около 1417 г.) однотипны. Различить по внешнему виду монеты, чеканенные по норме, близкой 1,40—1,42 г, от монет весом около 1,18 г практически невозможно. Значительная группа монет, объединенных общими штемпелями, безусловно, фиксирует в рязанской монетной системе весовую норму 1,18 г. Интересно отметить, что 144 такие монеты весят 169,92 г, т. е. равны новгородскому рублю в 170,1 г. Это заставляет обратить внимание на одну метрологическую закономерность. Вес большинства ранних монет великого князя Ивана Федоровича (ок. 1417—1456) равен 1,00 г. Если умножить его на предполагаемое число рязанских денег в гривне, получим 144 г. Эта величина на 26,1 г меньше рубля в 170,1 г, который в свою очередь ровно на 26,1 г меньше веса гривны серебра в пятиричной системе, распространенной в низовских землях, — 196,2 г. Если «вес 196—197 г был той нормой, к воспроизведению которой стремились ливцы, следовательно, он приобрел самостоятельный характер и именно с ним следует в первую очередь сопоставлять другие денежные единицы»¹², то, разделив его на 144, получим вес 1,36 г, который имеет большинство ранних рязанских подражаний джучидским дирхемам.

Особенно важно, что здесь мы имеем дело с одним из ранних проявлений старой русской традиции, установленной В. Л. Яниным, а именно семь новых рязанских монет оказываются равны

ми по весу шести «старым» — $1,36 \times 6 = 8,16$ г, а $1,18 \times 7 = 8,26$ г; далее — $1,18 \times 6 = 7,08$ г, а $1,00 \times 7 = 7,00$ г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шорин П. А. Монеты великого княжества Рязанского: (2-я половина XIV — 1-я половина XV вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1971.

² Федоров-Давыдов Г. А. Основные закономерности развития денежно-весовых норм в Золотой Орде//АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 7—16.

³ Там же. С. 13.

⁴ Там же. С. 11—13.

⁵ Шорин П. А. Буквенные надчеканки на джучидских дирхемах и подражаниях им//Вестн. Моск. ун-та. Сер. История. 1971. № 6. С. 67.

⁶ Янин В. Л. Алтын и его место в русских денежных системах XIV—XV вв.//КСИИМК. 1956. Вып. 66. С. 29.

⁷ Янин В. Л. Деньги и денежные системы//Очерки русской культуры. XIII—XV веков. М., 1970. Ч. I. С. 327.

⁸ Трутовский В. К. Алтын, его происхождение, история, эволюция//Тр. секции археологии РАНИОН. М., 1928. Т. II; Спасский И. Г. Алтын в русской денежной системе//КСИИМК. 1956. Вып. 66; Янин В. Л. Алтын и его место в русских денежных системах XIV—XV вв.//КСИИМК. 1956. Вып. 66.

⁹ Янин В. Л. Деньги и денежные системы. С. 336.

¹⁰ Шорин П. А. К атрибуции одной группы монет с надчеканкой рязанской тамги//Нумизматический сборник ГИМ. М., 1971. Ч. 4.

¹¹ Шорин П. А. К вопросу о надчеканке тамги на монетах великого княжества Рязанского//Нумизматический сборник ГИМ. Ч. 4. С. 17.

¹² Янин В. Л. О метрологических закономерностях в развитии русских монетных норм XIV—XVII веков//АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 21 и сл.

И. Г. СПАССКИЙ

ПЕРВОПРОХОДЦЫ НАУЧНОЙ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ДОПЕТРОВСКИХ МОНЕТ XIV—XVI вв.

(Я. В. Брюс и П. В. Меллер)

В 1783 г. в Париже вышел 2-й том легковесного труда о России иностранного члена нашей Академии наук М. Л. Леклерка¹, в котором как приложение нашла место подаренная ему при посещении Петербургской Кунсткамеры рукопись «*Historia numismatica Imperiae Russici*» с таблицами зарисовок монет допетровского времени — труд родившегося, выросшего и умершего в России голландца Петра Вахрамеевича Меллера. Первое упоминание и лестную оценку его деятельности содержит запись 1725 г. некоего М. Фандербека о посещении Мюнцкабинета Кунсткамеры: «Все, что со времени Рюрика можно было найти, или собрать, по части нумизматики... все это недавно Петр Мулер, человек учнейший, привел в порядок и описал с величайшею точностью»². Упоминание о Рюрике не случайно: его, конечно, назвал, показывая гостю Мюнцкабинет, сам Меллер, касаясь самого темного тогда вопроса — о первых монетах Русского государства. При этом он вполне мог отправляться от известной серебряной деньги XV в. с легендой «Рарай» и изображением воина с секирой. Перед пожаром 1748 г. в Кунсткамере, надолго прервавшим ее нормальную деятельность, рукопись Меллера готовили к изданию и перевели на латынь. В ожидании печатания она устарела и ушла в архив. Дата ее написания — Петровское время, первая четверть века.

Нумизматические памятники прошлого «Преображенной России» все больше влекли тогда наблюдателей перемен и быстро политического, военного и экономического роста нашей страны: ведь старые деньги, а особенно клады их, — «глагол времени», «градусник», позволяющий судить о внутренних процессах общества и его тенденциях, а старые монеты в их атрибуции предлагают как бы готовый «архонтологический» (по Татищеву) каркас в познании прошлого. Этим и объясняется, что в Кунсткамере сохранился ряд подробных описей-каталогов, в разное время вливавшихся в нее коллекций разных лиц с их каталогами и ссылками на рисунки, но таблиц ни для одного из них нет! Они, как правило, уходили, раздаваемые как сувениры любопытствующим заграничным гостям. Название трехчастного анонимного сочинения 1721—1740 гг. ганноверского резидента

при русском дворе Ф. Х. Вебера «Das Veränderte Russland» очень характерно и удачно в этом отношении³, указывая на причины интереса к подборкам неказистых наших монеток (которые не просто было вывезти) или хотя бы зарисовок.

К сожалению, в 1929 г. была прекращена деятельность государственной службы выявления, сбора и изучения нумизматических находок, работавшей в составе ГАИМК. Теперь эти функции частично возложены на таможенный надзор, находящийся и перекрывающий «каналы» оттока предметов нумизматики. А что бы поставить заставу не в конце, а в самом начале этого оттока?

Труд Меллера по уровню его овладения материалом необходимо признать первым систематическим исследованием нашей допетровской монетной старины. Без первых шагов (труда Меллера и его сверстника Я. В. Брюса, успешно работавшего в том же направлении) было бы невозможно создание подлинно научной систематизации известной тогда массы древних монет XIV—XVI вв. А. И. Богданова. Он оказался в состоянии ориентироваться и в «татарщине» эпиграфики наших ранних монет, и не повторять промахи брюсовского каталога, «прихватывавшего», бывало, за русские и монеты Гиреев⁴.

Хранившийся в Кунсткамере до 1762 г. рукописный и рисованный Каталог большой коллекции Я. В. Брюса, несомненно, был главной «лабораторией» А. И. Богданова и наиболее широко использован им. На А. И. Богданове замкнулась цепь времен и накопленных фактов; сложилась подлинно научная систематизация и возникла сама дисциплина русской допетровской нумизматики — от «Синописа» и смешных бредней любознательного московского пола Федора⁵ до поддержанного авторитетом Ломоносова А. И. Богданова. Впереди были еще неизведанные области нашей дисциплины, но она, главное, уже ощутила твердую почву под ногами. В живой беседе «гида» с посетителем Кунсткамеры допустимо было высказывать те или другие предположения, по научный характер каталогов Меллера и Брюса проявился в их похвальной сдержанности.

Мои «Очерки по истории русской нумизматики» (1955), опиравшиеся на впервые поднятые материалы архива Академии наук СССР в Ленинграде, к сожалению, несколько пострадали при редактировании их А. А. Сиверсом, который ошибочно сверстал в единый комплекс данные введенного мной в научный обиход еще одного труда Меллера — небольшого его альбома «Рисование медалей» — и все мои справки о вовсе не принадлежавших к нему материалах... В тех же «Очерках», не найдя в Кунсткамере иллюстраций, к которым отсылали многие описи, я растерялся перед принадлежностью рисунков меллеровского каталога.

В первом десятилетии нового, XVIII в., «регулярная» нумизматика России делала первые шаги, только еще собираясь с силами: 15 января 1725 г., можно сказать, в день ее рождения,

и был поднят ее «флаг», когда протокол высшего органа Академии наук, ее «Конференция», отметил успех доклада П. Меллера, прочтенного — впервые в практике Академии — по-русски⁶. Тогда же принято решение Конференции опубликовать его, переводя на язык науки — латынь, что и было исполнено. Дело было новое, небывалое, рисунки художника при большом увеличении и подравнивании в кружок получились почти что неопознаваемыми, а последний лист более чем наполовину остался чистым. Леклерк уже в Париже, совсем некстати, распорядился дорисовать на нем свою «добычу» — несколько новейших русских монет, один ефимок Алексея Михайловича и сделать копии рисунков из привезенного им же меллерова альбомчика «Рисование медалей»⁷, а парижский художник с профессиональным блеском выкопировал интересовавшую Леклерка медаль Лжедмитрия и наивный рисунок из альбома Меллера (№ 154 и 163), срисовав и подлинник. Во Францию с Леклерком попал размноженный Меллером его альбом — 7-й или 6-й по счету: мне известны 2 экз. в Ленинграде — в Эрмитаже и в Публичной библиотеке (последний, может быть, упоминаемый архивными документами в собрании вел. кн. Георгия Михайловича), а один список его в 1914 г., накануне начала войны, был в Штуттгарте, в *Württembergische Landesbibliothek*⁸. Меллер предстает перед нами и как один из первых популяризаторов нашей дисциплины в России.

В свободном перечне Леклерка — Меллера к его русскому латиноязычному Каталогу не так уж много Р (Princeps) — когда атрибуция монеты не вызывала сомнений; чаще у него стоит РР (Principes) — если он не решался определить принадлежность даже зная отчество князя; сюда же относятся все монеты с одним именем, без отчества — Борисы, Василии и т. п. В отдельную группу сведены монеты с именами или упоминаниями в легендах городов, без особого порядка в перечислении их: Можайск, Тверь, Новгород, Псков, Рязань, Москва, Кашин... Порядок описания и, в частности, графление листов каталога — даты от С. м. и от Р. Х., «книги» — источник информации, листы — пагинация — здесь тот же, что и в Каталоге Брюса (и в альбомчиках Меллера). Это не случайность, а норма, уже сложившийся литературный этикет. Латынь в тексте Меллера — не его: это работа академического переводчика.

Чтобы уверенно выйти на особенно интересный для нас Каталог Я. В. Брюса, нам не миновать знакомства с неким Хриstoffом Шмидтом, прибавлявшим к своей тривиальной фамилии слова *gepannt Phiseldek*. Его печатные труды издавались в 1770—1780-х годах в Российской империи — только в Риге⁹, хотя он провел в Петербурге меньше года и в 1762 г. навсегда возвратился в Германию. Несомненно, печататься ему помогали петербургские покровители. А уж нам он поможет кое в чем разобраться в наследии наших нумизматических «предков» — от начала XIX в., от превознесенного Орешниковым Черткова до двух

последних виднейших знатоков русских монет в предреволюционной России — они же и зачинатели нашей советской нумизматики — А. В. Орешникова и А. А. Ильина. Даже им не избежать было «петель», расставленных, как на зайцев, коварным Шмидтом¹⁰!

Родившийся в Нордгейме близ Геттингена и закончивший в последнем курс университета, 19-летний Шмидт храбро отправился в Россию по рекомендации самого Бюшинга — одного из ведущих гуманитариев Геттингена, чтобы стать в Вологде губернатором сына бессрочно сосланного Елизаветой Петровной ее обидчика — И. Э. Миниха, камергера и генерал-поручика при Анне Иоанновне. Однако они не задержались там: смерть Елизаветы Петровны и воцарение обожавшего немцев тупого солдафона Петра III вскоре привели юного Шмидта к особе его шефа в Петербург, где он восхитительно провел полгода, обласканный соотечественниками, успешными к тому времени изрядно освоить новую столицу России, не миновав, конечно, и Кунсткамеру, с ее Шумахером и Таубертом, столько зла натворившими, раздавая в качестве сувениров археографическое наследие нашей нумизматики¹¹. Обласкали они и юного Шмидта — роскошным рукописным и рисованным альбомом. Это приобретение вскружило голову юнца Шмидта; он не удержался и заявил, что он есть именно «тот, кто посвятил свою жизнь изучению монет России».

В Кунсткамере же Шмидт приобрел на многие годы протекцию, связавшую его с рижским издателем И. Ф. Гартгофом, безотказно выпускавшим его писания: дважды начинавшиеся, но «скисавшие» на втором или даже первой половине второго тома, солидные (лишь по названию) серии: последнюю «первую половину» украшало роскошное посвящение *Der Allerdurchlauchtigsten und Grossmächtigsten Kaiserinnen und Grössen Frau, Catharina der Andern.*, а между сериями он промышлял томиками беспардонных компиляций, надерганных из разного ведомственного печатного материала, которым снабжали его друзья-соотечественники. Мечта обратить на себя внимание «великой женщины» серьезно владела им и придала ему смелости назвать очередную компиляцию из документов царствования Екатерины «Продолжением» *den Neuveränderten Russlandes* — благо Вебер, будучи дипломатическим агентом в России, не мог позволить себе подписывать свои книги. На прощание Шмидт по невежеству предложил Гартгофу для издания в 1784 г. старую чужую рукопись 1736 г. с посвящением недавно убитому по воле Екатерины II горемычному Иоанну Антоновичу — Иоанну III¹².

Первый том своей второй серии Шмидт и сам благоразумно предпочел выпустить анонимно — не попасться бы с краденым. Очень уж хотелось «застолбить» роскошный подарок — большой альбом-каталог самого Брюса. Шмидт «догружает» томик своих «Очерков истории» — новейшей, текущего столетия, — парой табличек с двумя десятками выкопированных из альбома мо-

нет, хоть они и не старше начала XVII в., с подстрочным примечанием на десяток страниц — *Etwas von Russischen Münzen*. Для маскировки пришлось обмолвиться, что альбом находится в Геттингене; впрочем, могла мелькнуть у молодого человека и благородная мысль осчастливить *Alma mater* подарком. Однако в конце концов альбом остался в Вольфенбюттеле, где Шмидт после нескольких лет преподавания в Коллегии Каролиниум в Брауншвейге стал вторым, а затем и первым архивариусом и умер в 1801 г.

Описание «геттингенского» альбома дало мне в руки конец нити Ариадны: «В вышеупомянутой Библиотеке находится драгоценное собрание зарисовок — более чем 300 по большей части старинных русских монет, которым соответствуют преимущественно совсем краткие выписки, как я полагаю, из очень больших книг (четырёхзначная пагинация «Степенной книги»! — *И. С.*) по-русски, а пару раз на латинском языке свидетельства и доказательства»¹³. Эти примеры, а пуще всего один из рисунков выдают Шмидта с головой как владельца похищенной редкости, а мне позволили прямо-таки увидеть этот ранее никому не ведомый альбом Вольфенбюттельской библиотеки герцога Августа, слушая увлекательный и яркий рассказ Н. С. Демковой (Пушкинский дом АН СССР) о ее «паломничестве» по русским фондам археографических хранилищ ФРГ.

Хранитель Библиотеки герцога Августа в Вольфенбюттеле доктор Мильде любезно откликнулся на мое письмо и заказал пленку, и вскоре я имел отпечатки почти 300 ее кадров — альбома с очень подробным реестром-указателем (больше 20 л.). Его особенность — пагинация не страниц, а разделов-листов, иногда прихватывающих и соседние. В работе по рисованию таблиц за добрых четверть века сменилось 4 или даже 5 рисовальщиков, очень разных по манере, приемам и опыту. У всех без исключения, конечно, страдала эпиграфическая сторона дела.

К концу работы над созданием альбома был момент, когда надолго иссякли поступления нового русского монетного материала (как я думаю, прежде всего кладов), и Брюс решил «подобрать» на свободные листы собравшийся случайный материал: сасанидскую драхму, которой он посвятил собственноручную запись: *Numus Basilidianum, de quibus scripsit Chifflesius...*», нерусалимский сикль и несколько эллинистических, римских и византийских монет, пражский грош и пару дорошевских медальонов великих князей; но подошла еще небольшая партия русских монеток, конми и закрылся каталог, «припечатанный» в конце парой золотых коронационных жетонов — дукатов Петра I и Анны Иоанновны.

Кроме рисовальщиков в работе над каталогом участвовал один и тот же писец. На полусотне вполне законченных им листов по всему альбому, когда вписывался текст из «Степенной книги» и других источников, названному на монете имени могут соответствовать до дюжины выписок, подтверждающих

принадлежность монеты, но после таких таблиц предлагается сборная таблица с совокупностью «безнадежных» имен, которым не соответствуют какие-либо монеты. Эта же рука только начала заполнение специальных клеток «Зри»: они рекомендуют сравнение либо данного имени, либо сюжета с подобными им. Только в них появляется еще одна новая «рука» с четким, стрелительным почерком, с легкими «всплесками» над строкой.

Не сам ли это Богданов? Изученные в Архиве описи трех-четырех коллекций позволяют представить организацию работы над коллекциями господ в XVIII в. Она препоручалась какому-либо грамотею из дворни, а владетель осуществлял общий надзор, изредка вписывая что-нибудь и собственноручно.

Знание геральдики обязательно для «интеллектуала» XVIII—начала XIX в. Оно-то и подвело Я. В. Брюса, когда он рассматривал отвратительно отчеканенное, да еще и затертое в обращении крохотное медное «Пуло московское» самого начала XVI в. с плохо скомпанованной трехстрочной легендой «пуло — ? мо ... ъское». Средняя строка на порядок ушла вправо, внося, что перед «мо» была буква. Тогда какая же? Перевернув монету, мы найдем на ней лишь правое крыло хорошо знакомой Гарпии, да справа — ее хвост крючком. Наклонив на 30° влево композицию, Брюс видит силуэт сидящей ласточки, а правее и ниже — крюк (на конце пушечного лафета): знакомая Брюсу композиция витовтоского герба Смоленска! «Для ясности» дорисует колесо и ствол пушки. А по законам зловерной вероятности, выбирая рисунки для копирования, Шмидт обязательно ткнет пальцем в эту пушку... и «запачкает обувь».

Увековеченное незадачей Шмидта «Смоленское пуло» чуть не полтора века владело умами наших нумизматов: простим Черткову, которого добрый А. Н. Орешников щедро произвел в гении: в его книге воспроизведена дрянная стрепия московских «партачей», травивших кислотой на расплюснутых полушках... В 30-е годы талантливый московский плут Егор Шухов додумался отпустить на огне джучидскую медную монету, вырезать штемпель и выбитое «Смоленское пуло» вручить Г. И. Лисенко, а он благоговейно перетрет свое сокровище на 125 странице книги сына и отца Д. и Н. Н. Мурзакевичей о Смоленске 1804 г.¹⁴ Имуществом умершего в 1842 г. и спустившего все состояние на любимую русскую нумизматику (к сожалению, и на подделки) энтузиаста завладевает, как и положено, его кредитор — подрядчик Тарасов. У него через несколько лет приобретет роковое пуло Э. К. Гуттен-Чапский, чтобы опубликовать его в 1875 г. как подлинное¹⁵. А теперь она хранится, вероятно, в Кракове, в таком уютном и приветливом музее Чапского. В последний раз о ней как подлинной монете писал А. А. Ильин в своей последней книге 1940 г.¹⁶

Если у Брюса заполненные графы и пояснительные выписки из источников получили всего около 50 листов альбома, то без «клеток» для аналогий не обходится ни один лист! Этому ана-

лизу придавалось, как видно, первостепенное значение не напрасно. А листы с выписками из источников делятся на две группы: первая представляет вполне четко определившиеся монеты — такого-то князя, упоминания которого имеются между такими-то годами. Вторая, очень небольшая и, вероятно, таявшая в ходе работы, — подборки по именам-отчествам, по которым до завершения работы не было найдено соответствующих монет. Результаты проведенной обработки материала говорят сами за себя: трудно предположить после Брюса и Меллера еще какое-то «звено обработки», остающееся неизвестным нам и приведенное к Богдановскому каталогу 1768 г. Все дело заключается, по-видимому, во внесенных П. И. Богдановым оттенках, почерпнутых из общения с коллегами-востоковедами, да в великолепном знании им Степенной книги и других источников, наконец, в постижении сути монет «удельного периода» — их окраски «перевитками прошлого».

Следует отметить особо интересную группу монет, которую не обошел вниманием руководитель работы над Каталогом Я. В. Брюса, а может быть и сам Я. В. Брюс; я имею в виду литовские монеты, которые достаточно известны в монетах «проволочной» техники общеизвестной серии. При введении собрания Брюса в собрание Эрмитажа группа замечательных литовских монет с другими сюжетами не была замечена. Эти монеты были извлечены мной из безличных дублетов, а один экземпляр с подобием буквы «Ю», показанный в Каталоге Я. В. Брюса дважды (№ 6 в самом начале и № 185 в конце), был, вероятно, потерян. Будем ожидать от литовских коллег поиска оригинального и опытного мастера штемпелей этих монет.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Le Clerc M. Histoire physique, morale, civile et politique. Paris, 1873. Т. 2. P. 1527—1549. Pl. I—IV.

² Фандербек М. Ш. Настоящее состояние просвещения в России//Сын отечества. 1842. Ч. 1. С. 22—23.

³ Veränderte Russland, in welchem die jetzige Verfassung des Geist- und Weltlichen Regiments; Der Kriigs—Staat zu Bande und zu Wasser... in einem bis 1720, gehenden Journal vorgestellt werden. Frankfurt, 1721. Hannover, (1729) и. 1740; Русский архив. 1872. Кн. 6. С. 1057—1168; Кн. 7—8. С. 1134—1147; Кн. 9. С. 1613—1704.

⁴ Спасский И. Г. Очерки по истории русской нумизматики//Нумизматический сборник. Тр. ГИМ. 1955. Вып. XXV. С. 46—48, 77.

⁵ Спасский И. Г. Рукописное наследие Древней Руси в нумизматике начала XVIII в. и нумизматические контакты В. Н. Татищева//Вспомогательные исторические дисциплины. 1978. Т. IX. С. 26—27.

⁶ Спасский И. Г. Рукописное наследие Древней Руси в нумизматике начала XVIII в. С. 25; Протоколы заседаний Конференции АН СССР с 1725 по 1803 г. Спб., С. 11. Т. 1.

⁷ Спасский И. Г. Очерки... С. 37—40.

⁸ Благодарю С. И. Белокопя (Киев) за информацию о материалах ЦНБ Киева.

⁹ Schmidt Ch. genannt Phisrelde k. Beiträge zur Kenntniss der Staatsverfassung von Russland. Riga, 1772; Schmidt Ch. Versuch einer neuen Entler-

tung in die Russische Geschichte nach bewahrten Schriftstellern, 1. Theil. Riga, 1773; 2. Theil. Riga, 1774; Schmidt Ch. Materialien zu der Russischen Geschichte seit dem Tode Kaisers Peter der Grossen 1725—1730. Mit Münzen. 1. Theil (без имени автора). Riga, 1777. 2. Theil. Riga, 1784; Schmidt Ch. Denkwürdigkeiten des Regierung Catharina der Zweiten, als ein Fortsetzung des Neuveränderten Russlandes. 1. Theil. Riga, 1780 (без имени автора).

¹⁰ Письма А. В. Орешникова А. А. Ильицу (оригинал) и А. А. Ильина А. В. Орешникову (список в Библиотеке ОН Эрмитажа).

¹¹ Станюкович Т. В. Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.; Л., 1953. Указатель.

¹² Allgemeine deutsche Biographie. Leipzig, 1897. Bd 32. S. 21—22.

¹³ Materialien zu der Russischen Geschichte seit dem Tode Kaisers Peters des Grossen. Erster Theil: 1725—1730, Mit Münzen. Riga, 1777. S. 37—38.

¹⁴ Мурзакевич Д. и Н. История губернского города Смоленска от древнейших времен до 1804 г. Смоленск, 1804. Экземпляр книги, принадлежавший некогда Г. И. Лисенко, приобрел и подарил Эрмитажу В. В. Лукьянов.

¹⁵ Гуттен-Чапский Э. К. Удельные, великожнзяжеские и царские деньги Древней Руси. Собрание Графа. Спб., 1875. С. 14, 15.

¹⁶ Ильин А. А. Классификация русских удельных монет. Л., 1940: С. 21, 22.

Э. А. ГОРДИНЕНКО

РОЗЕТКА НА ПЕЧАТЯХ КНЯЗЯ ИЗЯСЛАВА ЯРОСЛАВИЧА

Предложенная тема на первый взгляд может показаться незамысловатым упражнением в области декоративно-прикладного искусства. По существу она же является одной из тех таинственных тем, постановка которых влечет за собой не столько скорое и окончательное решение проблемы, сколько возникновение бесконечной цепи новых вопросов. В данном случае они связаны с историей и источниками княжеского культа в древней Руси, его духовным и эстетическим содержанием.

Данная статья во многом опирается на выводы В. Л. Янина, сформулированные в его исследовании, посвященном актовым печатям XI—XV вв.¹ Правда, о розетке на печатях Изяслава Ярославича сказано там мало, но включение самой печати в классификационную рубрику «архаической традиции», указание на единственность подобного изображения в русской сфрагистике² дают основание для дальнейших рассуждений.

По мнению В. Л. Янина, печати архаической традиции возникают уже в X в. и восходят не к византийской сфрагистике, как полагал Н. П. Лихачев, а к местному нумизматическому типу, представляя вместе с ранним чеканом одно из первых самобытных явлений рождающейся русской культуры.

Между тем самостоятельное изображение розетки неизвестно ни в русской, ни в византийской сфрагистике и нумизматике. Буллы № 4—9 — уникальные в своем роде памятники. Если обратиться к символике орнамента (а занимающая нас розетка принадлежит именно к этой сложнейшей сфере изобразительного искусства), то выясняется, что «розетка уже в древнейших восточных культах была эмблемой солнечных богов»³.

Исходя из этого, можно было бы ограничиться предположением, что на печатях киевского князя оживает солярный культ, в чем нет ничего невероятного, ибо в декорации главного русского христианского храма — киевской Софии — солнечные знаки многочисленны. В центральном алтаре собора, на фризе, отделяющем евхаристию от святительского чина литургии, изображены солярные знаки и четырехконечные кресты⁴. Не исключено, что с воспоминанием о небесных светилах, силах земли и космоса связаны и рельефы на шиферных парапетах хор⁵. Замечательна последовательность их орнаментальных элементов, заключенных в отдельные прямоугольные ячейки, находящиеся в

такой очевидной зависимости друг от друга, что весь рельеф кажется продуманной криптограммой, а не вольной фантазией художника на заданную тему. Закодированный смысл этих изображений подтверждается и важностью места расположения мозаичного фриза и шиферных парапетов.

Строителем Софийского собора был Ярослав Мудрый, с инициативой которого связаны не только архитектурный облик здания, его план, конструкция, но и программа внутренней декорации, служившей важнейшим фактором идейного воздействия.

Именно здесь наиболее полно раскрывалось мировоззрение человека, его представление о высшем разуме, о взаимосвязи и подчиненности природных сил. Оптимистический характер мировосприятия обусловил широту мышления, соединение разных точек зрения, восприятие далеких, хотя и взаимодополняющих, понятий. Христос и солнце, освещающая эпоху Ярослава, допускают элементы двоеверия в единую, неделимую сферу троичного божества. Солнце — самая прекрасная и светлая звезда небесного свода, — становилось метафорическим эпитетом не только самого Христа, «ибо Господь Бог есть солнце и щит»⁶, но и князя, ибо его слава — свет солнца, его милость — солнечное тепло, его смерть — закат солнца⁷. Уходя к языческой древности Владимира Святославича — Красного Солнышка, эта метафора пронизывает сочинения Иллариона, сравнивавшего христианство с «трисолнечным божеством», «зарей благоверия»⁸.

Философские и эстетические представления о мире и человеке, существующие при дворе Ярослава Мудрого, определили направление культуры, легли в основу формирования самобытных духовных традиций.

Старший сын Ярослава Изяслав был одним из самых образованных и любознательных людей своего времени. По его заказу или при его участии переписан сборник философских нравоучительных сочинений, переведенный ранее на славянский язык для болгарского царя Симеона. Помещенная в начале рукописи «похвала» обращена к ее первому заказчику, но слова ее, читаемые русскими князьями, не были им чужды. Для них призыв к проникновению в глубины разума, сравнение премудрого человека с «любодельной» пчелой, собирающей «со всякого цвета», были жизненным руководством, отвечавшим их воспитанию и отцовским поучениям. Исследователи отмечают, что содержание Изборника 1073 г. является указанием не только на круг известной в то время литературы, но и на состав библиотеки Ярослава Мудрого⁹. Энциклопедический характер рукописи, включающей не только избранные тексты священного писания, но и отрывки из истории культуры и естествознания, например прибавление к греческому тексту о быке Аписе и других египетских божествах¹⁰, включение зодиакального цикла в состав рукописи, позволил составителям назвать заказчика «новым Птолемеем». Имя это, кажется, должно было особенно импонировать Изяславу Ярославичу.

Мятежный ищущий характер этого человека раскрывается в его биографии, его «католических скитаниях», когда не могли не возникать вопросы о начале мира, о вере и смысле человеческого существования. Жизненные противоречия не мешали Изяславу быть покровителем, жертвователем Печерского монастыря¹¹, и, может быть, именно там, в «духовной академии», в беседах с Феодосием возникали вопросы, разрешение которых виделось в слиянии далеких понятий, в приспособлении нового учения к старому жизненному опыту, в принятии всей человеческой мудрости.

Включение солярных знаков, сюжетов из древнегреческой мифологии в систему декорации христианского храма, в содержание поучительной книги было характерной чертой русской культуры и являлось, конечно, следствием глубоких размышлений, сочетававших «верх» и «низ», «земное» и «небесное» в единое, неразрывное целое.

Времени и заказам Изяслава Ярославича приписываются шиферные рельефы, происходящие из Киево-Печерского и Димитровского монастырей. На двух из них изображены всадники-воины, очевидно, патроны Ярослава Мудрого и Изяслава. На других — Геракл в борьбе со львом и Дионис (?) на солнечной колеснице¹².

В средневековье Геракл отождествлялся с Самсоном, а тема борьбы Геракла (Самсона) рассматривалась как борьба Христа с демоническими силами и инстинктами¹³. Вместе с тем Самсон (в переводе «солнечный») служил олицетворением солнца, близости к богу.

В этой переходящей последовательности солнечных образов осознается пафос культуры середины XI в. с ее триумфальным культом императора, отождествляемого с солнцем.

Очевидно, следуя византийской и русской традиции, князь Изяслав избирает солнечный знак главным изображением на своей булле. На печати № 7 розетка изображена дважды. Кроме лицевой стороны печати она помещена еще на щите Димитрия, как бы удостоверяя закономерность своего появления.

Это изображение особенно важно и потому, что оно указывает путь, ведущий к источнику типа. Его историческая перспектива чрезвычайно далека и теряется во временах греческой архаики и высокой классики, откуда византийская культура взяла немало идей и образов. Один из них — образ героя-воина — переходит в культ воина-мученика, побеждающего духовной силой¹⁴. Изображения Георгия, Димитрия со щитом, украшенном розеткой на византийских печатях X—XII вв.¹⁵, внешне напоминая гордый облик античного героя, выступают олицетворением иного представления о мире, менее конкретного в своих категориях, ускользающего в условности абстрактного, синкретического мышления. Вместе с тем величавый образ воина сопутствует государственным деятелям, людям военной профессии, выступает покровителем стратигов, протоспафариев.

Ярослав Мудрый чеканит в Новгороде первые монеты, помещая на них погрудное патрональное изображение Георгия¹⁶. Розетка на его щите, кроме прочих стилистических черт и типологических аксессуаров, однозначно указывает на константинопольский, а через него на эллинистический источник.

Не исключено, что, прежде чем обратиться к истокам общечеловеческой древности, князь Изяслав прибегал к духовному наследию своего отца. Продолженная в его сфрагистике идея княжеского веления не ограничивается пафосом военной героики. В ней заключены и другие мысли, направленные не к божественной представительности государя, а к его земной, подверженной превратностям судьбы, природе.

Чтобы преодолеть или хотя бы задержать неумолимое предначертание судьбы, идеальный герой превращается в покровителя, в христианской оболочке культа которого оживает не умирающее суеверие обывателя.

Хорошо известно, что печати не только удостоверяли документ, но и имели значение оберегов. Об этом свидетельствуют сообщения летописей и других исторических источников¹⁷. Об этом же говорит само содержание благопожелательных греческих и русских надписей: «Господи, помози...» или «тебя, хранителя, моей души и моих писаний, вырезывая на моей печати, если будешь хранителем обоих — охрани больше душу»¹⁸. Таинственное «Дъньслово», по-видимому, также не только предупреждает о скрытом внутри слове¹⁹, но и оберегает его, выступая магическим заклинанием²⁰. В этом контексте его содержание близко надписи на византийской булле: «Запечатаяй, о, радость ангелов, слова Михаила архангела, кесаря!»²¹.

Тот же смысл несет в себе, кажется, и розетка, орнаментальный, абстрактный облик которой не исключает скрытого и неоднозначного содержания. Выступая солнечным знаком, розетка сопутствовала не только триумфальности княжеского культа, но и, как бы оправдывая эту свою высокую роль, должна была оберегать доверенного ее магической силе человека.

Кроме печатей Изяслава Ярославича розетка хорошо известна в произведениях торевтики XI—XII вв., происходящих из новгородского Софийского собора. Это — кратиры и серебряные оклады икон «Апостолы Петр и Павел» и «Богоматерь Иерусалимская»²². Розетка на окладе иконы «Апостолы Петр и Павел», который также является княжеским заказом, имеет значение, близкое печатям князя Изяслава, причем почти полностью совпадает и их внешний облик. Отличие состоит в сокращении второго ряда лепестков и отсутствии бусин внутри второго круга на окладе. В целом же характер изображения один и тот же и несет в себе покровительное содержание. Замечательно, что на окладе розетка находится в обрамлении виноградного стебля — символа света и вечной жизни, а также в окружении воинов-мучеников и целителей. При этом врачи занимают наиболее почетное место: на левом поле, одесную Христа. Все это вместе сос-

тавляет мир образов, в котором соединяется понятие о предстоянии в горнем мире и просьба человека о помощи и защите.

Универсальность содержания розетки, языческие корни ее происхождения, яркая пышность ее облика должны были вызывать к ней настороженное отношение. Розетка не была широко популярной в официальном декоративно-прикладном искусстве древней Руси. Зародившись в эпоху «восторга перед мудростью мироустройства», когда, казалось, что «вся вселенная» была «обращена к человеку, сочувственно участвуя в его судьбах»²³, розетка — символ солнца — выступала одним из эстетических эквивалентов этого мировосприятия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси XI—XV вв. М., 1970. Т. I—II.
- ² Там же. Т. I. С. 35—41, № 3—9.
- ³ Déchelette J. Le culte du soleil aux temps préhistoriques.//RA. Paris, 1909. Т. XIII. P. 314; Даркевич В. П. Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси//СА. 1960. № 4. С. 60.
- ⁴ Логвин Г. Н. София Киевская. Кива, 1971. Табл. 269—272.
- ⁵ Макаренко М. Скульптура й різьбярство Київської Русі передмонгольських часів//Київські збірники історії і археології, побуту й мистецтва. Київ, 1930. Зб. I. С. 73—79.
- ⁶ Псалтирь. 83, 12.
- ⁷ Андрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.; Л., 1947. С. 119.
- ⁸ Памятники древне-русской учительной литературы. Спб., 1894. Вып. I. С. 71, 75.
- ⁹ Жуковская Л. П. Древние книги и писатели в Изборнике Святослава 1073 года//Изборник Святослава 1073 года. М., 1983. С. 33.
- ¹⁰ [Горский А. В., Невоструев Г. И.] Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. второй. М., 1859. С. 370.
- ¹¹ Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. Спб., 1913. С. 210—212, 219—221, 224—227.
- ¹² Грабарь А. Светское изобразительное искусство домонгольской Руси и «Слово о полку Игореве»//ТЮДРЛ. М.; Л., 1962. Т. XVIII. С. 253; Даркевич В. П. Светское искусство Византии. М., 1975. С. 277—281.
- ¹³ Даркевич В. П. Подвиги Геракла в декорации собора во Владимире//СА. 1962. № 4. С. 99.
- ¹⁴ Grabar A. L'imago clipeata chretienne//Académie de Inscriptions et Belles-Lettres. Comptes rendus des Séances de l'année 1957, avril—juin. Paris, 1958. P. 209—213.
- ¹⁵ Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки. М., 1977. № 824, 840.
- ¹⁶ Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X—XI веков. Л., 1983. С. 96—111. № 222—224.
- ¹⁷ ПСРЛ. М., 1962. Т. I. С. 48; Лажнер А. Русская геральдика. Спб., 1855. Кн. I. С. 21.
- ¹⁸ Шандровская В. С. Византийские печати в собрании Эрмитажа. Л., 1975. С. 3—4. Ил. 5.
- ¹⁹ Янин В. Л. Указ. соч. Т. I. С. 75—86.
- ²⁰ Шандровская В. С. Указ. соч. С. 3.
- ²¹ Там же.
- ²² Гордиенко Э. А., Трифонова А. Н. Серебряные оклады икон Новгородского музея//Музей. Художественные собрания. М., 1986. Вып. VI.
- ²³ Лихачев Д. С. Стилеобразующая доминанта древнерусского домонгольского искусства и литературы//Средневековая Русь. М., 1976. С. 132.

П. Г. ГАЙДУКОВ, П. Д. МАЛЫГИН

НОВЫЕ СФРАГИСТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В ВЕРХНЕВОЛЖЬЕ

Издание в 1970 г. корпуса русских средневековых булл превратило печати в важный исторический источник по изучению политико-административной системы древней Руси¹. Русская сфрагистика накопила новый материал; его дают раскопки или случайные находки на территории средневековых русских городов. Изданы отдельные печати² или серии печатей, происходящих из одного города³.

Авторы видят свою задачу в том, чтобы ввести в научный оборот новый сфрагистический материал из Верхневолжья⁴. В сводке фигурирует пять пунктов: Торжок, Калинин (бывшая Тверь), селище Иловец (Удомельский р-н Калининской обл.), городище погоста Бежицы и г. Ржев. Печати и пломбы можно разделить на две группы. Одна состоит из печатей и пломб, найденных до 1917 г. и хранившихся в Тверском музее. Упоминания о них были опубликованы в дореволюционных изданиях⁵. Другая получена после 1970 г. в результате раскопок и случайных находок. Калинин был оккупирован в годы Великой Отечественной войны, и музейные фонды сильно пострадали, а сфрагистические находки считались утраченными. В 1984 г. в фондах Калининского государственного музея удалось обнаружить деревянный планшет, на котором между двумя стеклами находятся пять печатей и три пломбы. По сохранившимся на планшете старым номерам Тверского музея и отдельным надписям, свидетельствующим о месте находок, удалось восстановить все паспорта этих экспонатов⁶.

Торжок

1. Л. с. Изображение св. Феодора на коне, вправо. По сторонам колончатая надпись: ОАГІѠСѦЕОДОРЪ. Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение св. Феодора в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам надпись: ОАГИОС ѦЕОДОРЪ. Вокруг точечный ободок.

Д. — 21 мм. М. н. — Торжок, 1969 г., устье руч. Здоровец; найдена Е. В. Бодуновым. Хр. — НГОМЗ (рис. 1; 2.1).

Печать принадлежит князю Мстиславу Мстиславичу Удатному, который княжил в Новгороде в 1210—1215 и 1216—1218 гг.

Известно 16 печатей этого князя, восходящих к четырем парам матриц⁷. Рассматриваемая печать лучшая по сохранности из печатей этой пары матриц (имеются еще три печати)⁸. На л. с. справа от коня просматривается надпись «ѦЕОДОРЪ», не различимая на других печатях.

Деятельность Мстислава Мстиславича была тесно связана с Торжком. В 1210 г. он захватывает власть в городе, а затем садится на княжение в Новгороде⁹; в 1211 г. принимает участие в обороне Новоторжского рубежа¹⁰. В 1215 г., когда в Торжке княжил Ярослав Всеволодович, Мстислав на новгородском вече произносит знаменитые слова: «Да не будетъ Новый тѣргъ Новгородомъ, ни Новгородъ Тѣржкомъ»¹¹. В 1218 г. Мстислав Мсти-

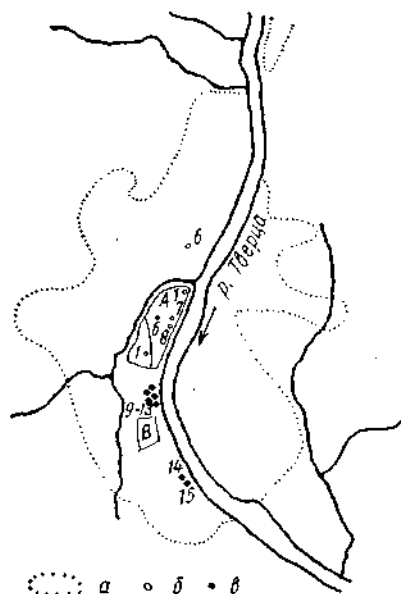

Рис. 1. План Торжка с указанием мест находок печатей и пломб. Номера находок соответствуют описанию в тексте. А — Нижнее городище; Б — Верхнее городище; В — Борисоглебский монастырь; а — границы средневекового культурного слоя; б — находки печатей; в — находки пломб.

славич вновь приходит в Торжок и расправляется там с неугодными боярами¹².

2. Л. с. Погрудное изображение св. Андрея Первозванного с крестом у левого плеча. Вокруг точечный ободок.

О. с. Погрудное изображение Богоматери «Знамение».

Д. — 28 мм. М. н. — Торжок, 1981 г., раскопки на Нижнем городище, в слое конца XIII — начала XIV в. Хр. — КГМ. Изд. — П. Д. Малыгин. Раскопки на Нижнем городище в Торжке // КСИА. 1984. Вып. 179. С. 79, рис. 5 (рис. 1; 2, 2).

Уже при первой консультации В. Л. Янин обратил внимание на резкое отличие стиля изображений на обеих сторонах печати. Изображение святого с крестом в точечном ободке в целом напоминает изображения святых на домонгольских печатях, в то время как изображение Богоматери «Знамение» выполнено в очень примитивной, грубой форме и близко к изображениям Богоматери конца XIII—XIV в. Все это говорит в пользу того, что печать могла быть изготовлена в XIII или XIV в. с использованием матрицы одной стороны более раннего времени.

Более детальное исследование печати показало, что изображение святого с крестом носит на себе следы вторичной доработ-

ки. Первоначальным здесь можно считать фигуру святого и точечный ободок. Нимб, черты лица и крест, судя по всему, грубо процарапаны на готовой печати. Все это осложняет ее интерпретацию.

Однако сочетание изображений: 1) анонимного святого и 2) Богоматери «Знамение» находит аналогии среди новгородских печатей так называемого «владычного круга». Это очень редкий тип, представленный всего четырьмя экземплярами. На одной стороне их изображена Богоматерь «Знамение», в полный рост, а на другой — святитель с кодексом в левой руке, также в полный рост¹³. Рассматриваемая печать аналогична новгородским лишь по сочетанию общих типов изображений, во всем остальном она сильно отличается — изображение святого погрудное, и это, видимо, не святитель; Богоматерь «Знамение» также изображена погрудно. Тем не менее изображение Богоматери позволяет связывать торжокскую печать с кругом владычных булл. Можно предположить, что она могла принадлежать какому-нибудь владыке или его наместнику, скорее всего XIII в. и причем связана с начальным этапом оформления его печати.

3. Л. с. Надпись в пять строк: ПЕЧ. Т./НОВОТОР./СКОГОН./МЕСТН./... В центре надписи крест.

О. с. Изображение св. Давида на столпе. По сторонам надпись: ДВ ДЪ.

Д. — 26—27 мм. М. н. — Торжок, 1879 г., огород А. А. Жемчужникова¹⁴. Хр. — КГМ. Изд. — А. К. Жизневский Описание Тверского музея. Археологический отдел. М., 1888. С. 186. № 938; Янин В. Л. Т. II. С. 186. № 524,1. Уп. — Плетнев, С. 384¹⁵ (рис. 2, 3).

Относится к буллам владычных наместников Торжка времени архиепископа Давида (1309—1325). Считалась не разысканной. Издана В. Л. Яниным по материалам А. К. Жизневского с двумя другими печатями, происходящими от одной пары матриц.

4. Л. с. Надпись в пять строк: ПЕЧА/ТЬНАМЪС/ТНИКАНО/ОТОРЖЪ./КАГ...

О. с. Изображение св. Давида на столпе. По сторонам надпись:

ДВ ДЪ
СА ВА.

Д. — 28—29 мм. М. н. — Торжок, 1981 г., раскопки на Верхнем городище. Хр. — КГМ (рис. 1; 2, 4).

Относится к буллам владычных наместников Торжка времени архиепископа Давида (1309—1325). Известна одна печать новоторжского наместника с надписью: ДАВИД и САВВА на о. с.¹⁶. Л. с. печати оттиснута той же матрицей, о. с. — другой, ранее неизвестной матрицей. Следует напомнить, что именно подпись имени Саввы на печати, найденной при раскопках на Перыни, позволила В. Л. Янину окончательно интерпретировать печати новоторжских владычных наместников¹⁷.

Рис. 2. Печати из Торжка. Увеличены в 1,5 раза.

5. Л. с. Надпись в пять (?) строк: ПЕЧАТЬ/НОВОТОР/
ЖЬСКОГО/АМЕСТ/.

О. с. Изображение св. Василия в полный рост с воздетыми руками; в левой руке кодекс. По сторонам надпись:

ВА СИ

Л БИ.

Д. — 31 м. М. н. — Торжок, 1978 г., правый берег р. Тверцы на «Подоле»; найдена при земляных работах в слое XIV в. В. А. Качновым. Хр. — ТКМ (рис. 1; 3, 1).

Относятся к буллам владычных наместников Торжка времени архиепископа Василия (1331—1352). По своему оформлению может быть причислена к печати № 530 по корпусу В. Л. Янина, однако изготовлена новой парой матриц.

6. Л. с. Надпись в пять (?) строк: ПЕЧА/ТЬНОВО/ТОРЖЬСК/
ГОНАМЪ/.

О. с. Изображение св. Василия в святительских ризах в полный рост. По сторонам надпись:

ВА СИ

Л БИ.

Д. — 27 м. М. н. — Торжок, до 1899 г. Хр. — КГМ. Уп. — ТМЕП в 1898—1901 гг. Тверь, 1903. С. 30; № 9748; Колосов. С. 24; № 9748 (рис. 3, 2).

Относится к буллам владычных наместников Торжка времени архиепископа Василия (1331—1352). Изготовлена той же парой матриц, что и печать № 531 по корпусу В. Л. Янина.

Торжские печати наместника архиепископа Василия существенно дополняют эту серию печатей. Ранее были известны три буллы с изображением св. Василия, две из которых найдены в Тверской губернии¹⁸. Сам архиепископ Василий, вероятно, пользовался в Торжке большой популярностью. В 1331 г. «поиха владыка на Брянск и прииха в Торжок... и ради быша новоторжци своему владыце»¹⁹. В этот приезд Василий пробыл в Торжке целый месяц²⁰.

7. Л. с. Надпись в пять (?) строк: ПЕЧА/ТЕОДО/РОВ.Ю/
Р...ИЧ/. Буква Ю в третьей строке изображена зеркально.

О. с. Изображение зверя вправо.

Д. — 31—36 м. (обломана, частично обгорела). М. н. — Торжок, начало 1980-х годов. Нижнее городище, правый берег Тверцы близ собора Спаса; найдена А. Е. Сергеевым. Хр. — коллекция А. Е. Сергеева (Торжок) (рис. 1; 2, 5).

Печать найдена впервые. Четко атрибутировать ее пока не представляется возможным, однако можно высказать два предположения.

1. Федора Юрьевича можно связывать с князем Федором, сыном Юрия Святославича Смоленского, который появился в Новгородской земле в 1403 г.: «...князь Юрьи Святославличь... прииха в Новгород с сыном своим Феодором, и с князем Семенов Мьстиславличом с Вяземьским и с братом его князем Володимиром; Новгородчи же прииха его в честь и даша ему 13

Рис. 3. Печати и шомбы из Торжка. 1, 2—увеличены в 1,5 раза; 3—9—увеличены в 2 раза.

городов: Русу, Ладогу, Оришок, Тивеский, Корельский, Копорью, Торжок, Волок Ламьский, Порьхов, Вышгород, Яму, Высокое, Кошькин городец»²¹. Однако близких аналогий среди княжеских печатей XV в., в том числе среди смоленских, новоторжская находка не имеет.

2. Сопоставление изображения и надписи на печати с буллами Великого Новгорода XV в. показывает следующее. Наиболее близка рассматриваемая булла печати двинского посадника Якова Федоровича, которая была привешена к одной из двинских грамот начала XV в. и имела с одной стороны многострочную надпись «печать Якова Федоровича», а с другой — изображение барса с поднятым хвостом²². К сожалению, эта печать до сих пор не разыскана и не сфотографирована²³, что не позволяет более детально сравнить ее с новоторжской находкой. В. Л. Янин отметил существование «на Двине в середине XV в. сместного суда двинского посадника и владычного наместника»²⁴. Подобная административно-политическая система существовала, по видимому, и в Торжке. Владычные новоторжские наместники, от которых сохранилось большое количество вислых свинцовых печатей, не встали в Торжке «на место посадника», как считает В. Л. Янин²⁵, а существовали, как и на Двине, параллельно с аппаратом новоторжских посадников. Письменные источники свидетельствуют о наличии новоторжских посадников в 1329²⁶, 1447—1455²⁷, 1462—1466²⁸ и 1474—1478 гг.²⁹, т. е. на протяжении XIV—XV вв. Все это позволяет высказать предположение: не является ли рассматриваемая печать буллой новоторжского посадника XV в. По наблюдениям В. Л. Янина, изображение зверя характерно для государственных печатей Новгорода 1416—1440-х годов³⁰. Причем зверь, эмблема Славенского конца, в 1430—1440-х гг. являлась общереспубликанской эмблемой³¹. В этой связи интересно замечание Н. П. Лихачева по поводу изображения барса на псковских печатях XV—XVI вв.: «...«барс» может напомнить и о том, что Псков был пригородом Великого Новгорода и, став самостоятельным, никогда не терял с ним связи. «Лютый зверь» новгородских печатей..., в сущности, это тот же псковский «барс»³². Таким образом, общереспубликанская эмблема вполне логична на печатях двинских посадников и на предполагаемой печати новоторжского посадника.

8. Обломок неопределенной печати.

М. н. — Торжок, 1970-е гг. Пижнее городище, правый берег Тверцы близ собора Спаса; найдена А. Е. Сергеевым. Хр. — коллекция А. Е. Сергеева (Торжок) (рис. 1).

Ниже описаны свинцовые пломбы из Торжка. Л. и о. с. для них определены произвольно.

9. Л. с. Изображение знака, напоминающего латинскую букву N.

О. с. Изображение знака, напоминающего древнерусскую букву Ч.

Д. — 8—10 мм. Изготовлена обычной техникой буллы со сквозным каналом (рис. 3, 3).

10. Л. с. Изображение знака, напоминающего латинскую букву N.

О. с. Изображение креста с точками на концах.

Д. — 7—10 мм. Изготовлена из пластинки, согнутой пополам (рис. 3, 4).

11, 12. Л. с. Изображение знака, напоминающего букву И.

О. с. Изображение креста с точками на концах.

Д. — 8—11, 8—10 мм. Изготовлены из пластинок, согнутых пополам (рис. 3, 5, 6).

13. Л. с. Изображение четырех крупных точек, образующих ромб.

О. с. Изображение креста.

Д. — 6—10 мм. Изготовлена из пластинки, согнутой пополам (рис. 3, 7). Мн. н. пломб № 9—13 — Торжок, 1970-е годы, правый берег Тверцы на посаде (Новгородская набережная), между рвом и Борисоглебским монастырем; найдены А. Е. Сергеевым. Хр. — коллекция А. Е. Сергеева (Торжок) (рис. 1).

14. Л. с. Изображение знака, напоминающего букву Л с перекладиной сверху.

О. с. Изображение знака, напоминающего букву И.

Д. — 12—15 мм. Изготовлена из пластинки, согнутой пополам. (рис. 3, 8).

15. Л. с. Изображение знака, напоминающего букву Д.

О. с. Изображение креста.

Д. — 13—16 мм (слегка обломана). Изготовлена обычной техникой буллы со сквозным каналом (рис. 3, 9). М. н. пломб № 14—15 — Торжок, 1970-е годы, правый берег Тверцы на посаде («пиз», Грузинская набережная); найдены А. Е. Сергеевым. Хр. — коллекция А. Е. Сергеева (Торжок) (рис. 1).

Свинцовые пломбы, подобные торжокским, в исторической литературе именуется «пломбами дрогичинского типа». Они стали известны в 60-х годах XIX в. по массовым находкам у г. Дрогичина на р. Западный Буг. В более позднее время пломбы были найдены и в других древнерусских городах — Новгороде, Пскове, Киеве, Рязани, Берестье³³. Известны также еще неопубликованные свинцовые пломбы из Смоленска, Дубны, Белоозера и Городца на Волге. В будущем, без сомнения, география находок пломб расширится. Датируются «дрогичинские» пломбы в основном XII—XIII вв.³⁴ Большинство исследователей относят их к сфере торговли³⁵. Развивая предположение В. Л. Яница, Б. Д. Ершевский рассматривает большинство пломб, найденных в Новгороде (с изображениями святых и княжеских знаков), как памятники сфрагистики³⁶. Знак на л. с. пломбы № 14 имеется на новгородской пломбе³⁷. Все остальные знаки торжокских пломб имеют аналогии на дрогичинских, хотя сочетание этих знаков на одной пломбе не выявлено³⁸.

Калинин (Тверь)

1. Л. с. Надпись в четыре строки: ДВДЪ/АРХИИе /ППЪНОВ-ГО/РОДЬСКЪ.

О. с. Изображение Богоматери «Знамение» в полный рост.

Д. — 30 мм. М. н. — Тверь, до 1912 г. Хр. — КГМ. Уп. — Колосов, С. 24. № 3316 (рис. 4, 1).

Печать принадлежит новгородскому архиепископу Давиду (1309—1325). Известно восемь печатей этого архиепископа, восходящих к трем парам матриц³⁹. Рассматриваемая печать изготовлена теми же матрицами, что и печать № 461 (известен 1 экз.).

2. Л. с. Надпись в пять строк: ПЕЧА/ТЬНОВО/ТОРЬСКО/ГО-НАМ./НИ...

О. с. Изображение св. Алексея Царегородского в полный рост с мученическим крестом у груди. По сторонам остатки надписи:

О.

Л..

Е.

Д. — 28—32 мм (по капалу сломана правое). М. н. — Тверь, 1899 г., левый берег Волги. Хр. — КГМ. Уп. — ТМЕП в 1898—1901 гг. Тверь, 1903. С. 29. № 9566; Плетнев. С. 186; Колосов, С. 24. № 9566 (рис. 4, 2).

Относится к буллам владычных наместников Торжка времени архиепископа Алексея (1360—1388). Известно пять печатей с изображением св. Алексея, изготовленных с помощью двух матриц лицевой и одной матрицы оборотной стороны⁴⁰. Тверская печать оттиснута теми же матрицами, что и печать № 532 (известны 3 экз.).

Находки печатей владычного круга в Твери не случайны, поскольку, по словам В. Л. Янина, именно с периода владычества Давида появляются «документы, поставившие Торжок в центр внимания Новгорода и великих князей»⁴¹. Особенно характерна в этом отношении печать новоторжского наместника архиепископа Алексея, так как с временем владычества Алексея связаны важные события 1372 и 1375 гг. по заключению договоров между Новгородом, тверским князем Михаилом Александровичем и Дмитрием Ивановичем Московским⁴².

Ниже описываются свинцовые пломбы из Калинина. Как и у торжокских пломб, л. и о. с. для них определены в основном произвольно.

3. Л. с. Изображение знака, напоминающего латинскую букву N.

О. с. Изображение креста с точками на концах.

Д. — 8—9 мм. М. н. — Тверь, до 1891 г., левый берег Волги против устья Тьмаки; найдена Убошковым. Хр. — КГМ. Уп. — ТМЕП в 1891 г. Тверь, 1892. С. 41. № 6250; Отчет Тверской ученой архивной комиссии за 1891 г. Тверь, 1893. С. 10; Плетнев. С.

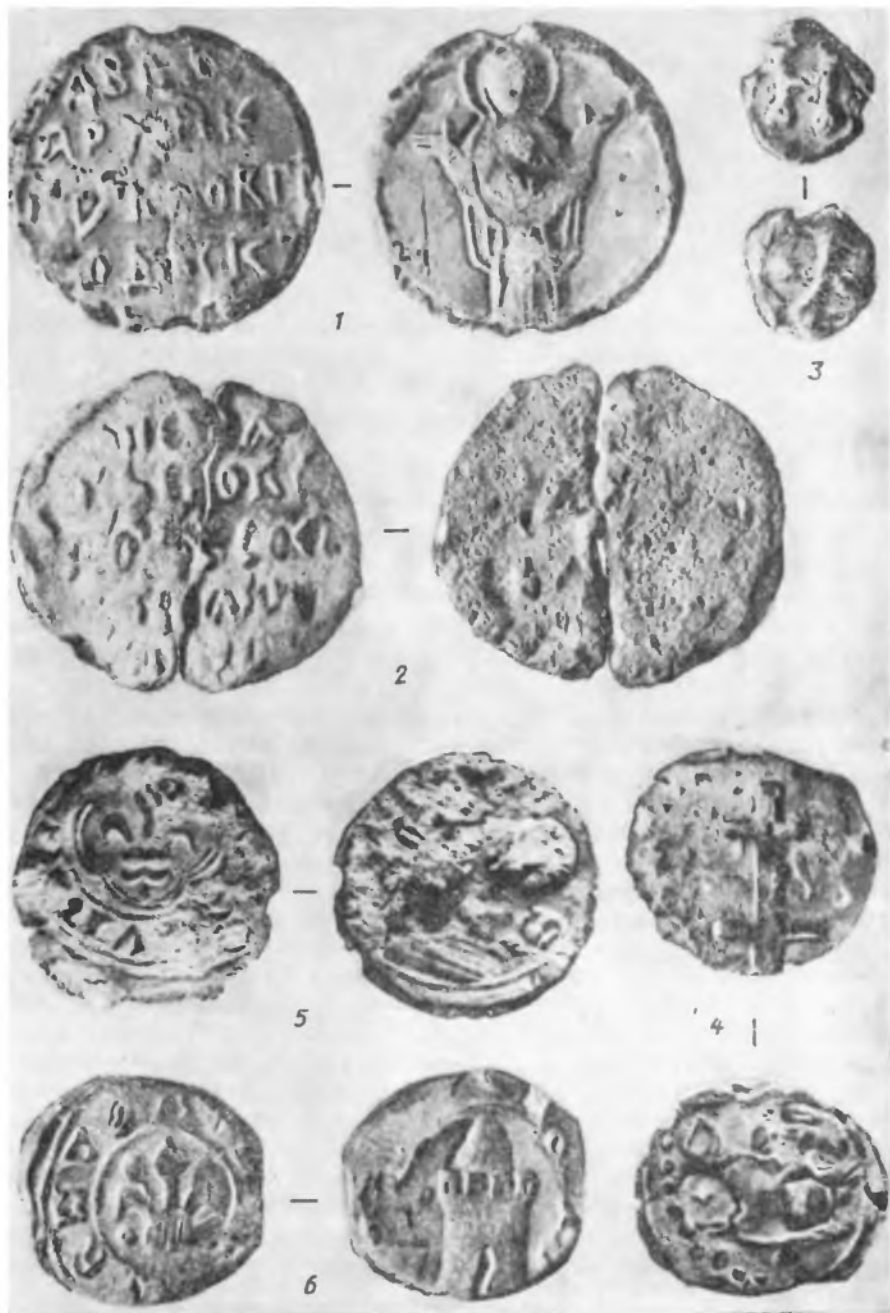

Рис. 4. Печати и пломбы из Калинина. 1, 2, 4, 5 — увеличены в 1,5 раза; 3, 6 — увеличены в 2 раза

186; Колосов. С. 24. № 6250. Изготовлена обычной техникой буллы со сквозным каналом (рис. 4.3).

Обращают на себя внимание близкое сходство знаков на пломбе с торжокскими пломбами № 11, 12 и полное сходство с пломбой № 10. Датировать пломбу следует XII—XIII вв.

4. Л. с. Изображение знака, похожего на шестиконечный крест, вокруг точечный ободок.

О. с. Неразборчивое изображение, вокруг точечный ободок.

Д. — 20—23 мм. М. п. — Тверь, до 1892 г., берег Волги. Хр. — КГМ. Уп. — ТМЕР в 1892 г. Тверь, 1894. С. 46. П. 328. № 6874 (рис. 4.4).

Пломба, вероятно, западноевропейского или прибалтийского происхождения, поскольку изготовлена из двух половинок, скрепленных двумя заклепками. Такая техника изготовления не характерна для русской средневековой сфрагистики. Оснований для датировки пломбы нет.

5. Л. с. Изображение лилии, вокруг которой между двумя точечными ободками помещена круговая надпись; различимы лишь три буквы: URN.

О. с. Изображение башни или крепостных ворот. С правой стороны буквы RS. Вероятно, это остатки надписи.

Д. — 22—23 мм. М. н. — Калинин, 1970-е годы, берег Волги (?). Хр. — КГМ. Пломба изготовлена из двух половинок, скрепленных двумя заклепками (рис. 4.5).

Пломба хранилась в музее среди беспаспортного подъемного материала (свинцовые купеческие пломбы XIX в., свинцовые грузики), поступившего в музей в 1970-е годы. Судя по составу и сохранности этих вещей, они происходят с берега реки.

Это пломба фландрского города Турнэ. Две подобные пломбы найдены недавно в Новгороде и на новгородском Городище⁴³. На них надпись сохранилась целиком: «De Tournaï» («Из Турнэ»). Новгородская пломба, найденная на Дубошином раскопе, датируется рубежом XIV—XV вв. На обеих новгородских пломбах отсутствует оборотная сторона. Пломба, аналогичная одной из новгородских, найдена в шведском городе Луиде⁴⁴. Известна также турнесская пломба из г. Турку⁴⁵. Турнэ — один из средневековых центров сукноделия. Подобные пломбы привешивались к кускам сукна. Фландрское сукно в средневековье распространялось по всей Европе. В Тверь сукно из Турнэ было завезено скорее всего из Новгорода, поскольку Новгород в XIV—XV вв. через посредство Ганзейского союза имел выход на западноевропейские товары. Можно предполагать, что через Новгород в это время западноевропейское сукно поступало и в другие центры Руси. Датировать тверскую пломбу следует по аналогии с новгородскими — XIV—XV вв.

6. Л. с. Изображение лилии, вокруг которой между двумя линейными ободками помещена круговая неразборчивая надпись латинскими буквами.

О. с. Изображение проездной крепостной башни, вокруг остатки круговой неразборчивой надписи латинскими буквами.

Д. — 15—17 мм. М. е. — Калинин, 1970-е годы, устье р. Тьмаки; найдена А. И. Лабзиным. Хр. — коллекция А. И. Лабзина (Калинин). Изготовлена обычной техникой буллы со сквозным каналом (рис. 4, б).

Пломба по характеру изображений очень похожа на пломбы из Турнэ и, вероятно, относится к одному из фландрских средневековых городов. В Тверь она могла попасть тем же путем, что и предыдущая находка. Техника изготовления пломбы со сквозным каналом применялась и в Западной Европе. Фландрская пломба из г. Турку изготовлена таким же способом ⁴⁶.

Селище Иловец

Л. с. Изображение архангела в полный рост с жезлом в правой руке и со сферой в левой.

О. с. Изображение св. Феодора в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. Справа остатки надписи: РЪ.

Д. — 22 — 23 мм. М. н. — селище Иловец 2 (Удомельский р-н Калининской обл.), близ оз. Иловец, в истоке р. Иловцы (правый берег), 1969 г.; раскопки Ю. Н. Урбана. Хр. — КГМ. Изд. — Урбан Ю. Н., Ивановская Н. И. Работа Калининского отряда Верхневолжской экспедиции //АО 1969 г. М., 1970. С. 35, 36. Уп. — Леонтьев А. Е. Древнерусские поселения Верхней Мологи//Археологические исследования в Верхневолжье. Калинин, 1983. С. 61; Леонтьев А. Е. Волжско-Балтийский торговый путь в IX в.//КСИА. 1986. Вып. 183. С. 7 (рис. 5, 1).

По своему географическому положению селище занимает срединное место между двумя важными районами Новгородской земли: Помостьем и Бежецким Верхом. Печать принадлежит смоленскому князю Ростиславу Мстиславичу. Известно 27 печатей этого князя, изготовленных четырьмя парами матриц ⁴⁷. Описанная находка является 16-м экземпляром печати № 152 и связана, очевидно, с периодом княжения Ростислава в Новгороде в 1154 и 1157—1158 гг. ⁴⁸ Новгородское княжение Ростислава ознаменовалось и организацией пригородного повоторжского княжения как формы верховной власти в Торжке. В 1158 г. «иде Ростислав к Смоленску... а сына своего Святослава посади в Новгороде на столе, а Давыда в Новем торгу» ⁴⁹. Судя по сообщению НПЛ под 1196 г., новоторжской волости были подвластны и Помостье и Бежецкий Верх ⁵⁰.

Городище Бежицы (Бежсы)

Л. с. Изображение сложной монограммы, состоящей из нескольких геометрических знаков, некоторые из которых похожи на буквы латинского алфавита; вокруг точечный ободок.

Рис. 5. 1 — печать с солища Иловец (увеличена в 1,5 раза); 2 — пломба с городища Бежаницы (увеличена в 2 раза); 3 — печать из Ржева (увеличена в 1,5 раза).

О. с. Не сохранилась, видна соединительная заклепка.

Д. — 25—28 мм. М. н. — городище Бежицы (совр. Бежецкий р-н Калининской обл.), до 1903 г. Хр. — КГМ. Уп. — Плетнев. С. 424; Колосов. С. 24 № 5762. Изготовлена из двух половинок, скрепленных заклепкой (рис. 5, 2).

Бежецкий Верх представлен свинцовой торговой пломбой, обнаруженной в культурном слое на городище погоста Бежицы (Бежецы). Археологический комплекс этого погоста (центра одноименной волости XIII—XV вв., находившегося в 20 км от современного г. Бежецка) помимо городища составляют селische площадью 5—6 га, группа сопок, сопочно-курганный могильник и несколько курганных групп⁵¹. Бежецкий Верх как особый район Новгородской земли в летописи впервые упоминается под 1196 г.⁵² Непосредственно Бежицы хорошо известны по приписке XIII в. о Бежецком ряде к грамоте Святослава Ольговича о церковной десятине⁵³, а также по многочисленным договорным грамотам Новгорода с великими князьями⁵⁴.

Геометрический знак, изображенный на пломбе, имеет прямые аналогии в средневековых западноевропейских (особенно германских) и прибалтийских материалах. Исследовав знаки на некоторых деревянных предметах и днищах бочек, найденных на Готском и Неревском раскопах в Новгороде, Е. А. Рыбина пришла к выводу, что подобные знаки (известные под названиями Hausmarke и Hofmarke, т. е. домовые и дворовые марки) широко употреблялись ганзейскими купцами⁵⁵. Имеются похожие знаки среди гербов и печатей Ревельского архива⁵⁶. Новгородские находки датируются XIV—XV вв., «т. е. относятся ко времени, когда купеческие марки нашли самое широкое применение в ганзейской торговле»⁵⁷. Бежицкую пломбу, вероятно, следует датировать тем же временем. находка торговой западноевропейской пломбы в Бежицах впервые позволяет поставить вопрос о торговых связях этого новгородского поселения XIV—XV вв.

Ржев

Л. с. Надпись в пять строк: ПЕЧАТ./НОВОГО./ЪСКОГО/АМБС./ИКА. Над верхней строкой помещена изломанная линия.

О. с. Изображение св. Алексея Цареградского в полный рост с мученическим крестом у груди. По сторонам надпись:

О .

Л С .

Е Ъ

Д. — 23—25 мм. М. н. — Ржев, до 1903 г., берег р. Халынки. Хр. — КГМ. Уп. — Плетнев. С. 70; Колосов. С. 24. № 8785 (рис. 5, 3).

Относится к буллам владычных наместников Торжка времени архиепископа Алексея (1360—1388). Известно пять печатей с изображением св. Алексея, изготовленных с помощью двух

матриц лицевой и одной матрицы оборотной стороны⁵⁸. Ржевская печать восходит к неизвестным ранее матрицам.

Все находки печатей владычных наместников новоторжских связаны с четырьмя городами: Торжком, Новгородом, Тверью и Москвой, поскольку документы, к которым привешивались данные печати, касались взаимоотношений прежде всего этих центров. Исключение составляет печать из Ржева. Эта находка, по нашему мнению, позволяет предположить о возможных попытках территориального расширения сферы влияния владычного новоторжского наместника во второй половине XIV в. Кстати, единственное отрывочное свидетельство о конфликтах на новоторжско-ржевском рубеже относится к 1392 г., ко времени наместника преемника Алексея архиепископа Иоанна (1389—1415). В это время князь Владимир Андреевич Серпуховский жалуется на новоторжцев, «яко пакости деют Ржевской его волости»⁵⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв.: В 2 т. Т. I. Печати X — начала XIII вв. М., 1970 (в дальнейшем — Янин В. Л. Т. I); Т. II. Новгородские печати XIII—XV вв. М., 1970 (в дальнейшем — Янин В. Л. Т. II).

² См., например: Моргунов Ю. Ю. Новый вариант печати Владимира Мономаха//КСИА. 1975. Вып. 144. С. 104, 105; Скржинская Е. Ч. Печать Никола (Киевская находка 1976 г.)//ВИД. Л., 1985. Т. XVI. с. 83—92; Седова М. В. Актовая княжеская печать из Суздаля//«Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985. С. 357—362.

³ См., например: Матюшкина Г. И. Новые находки вислых печатей из раскопок 1970—1973 гг.//Вестн. Моск. ун-та. Сер. История. 1976. № 1. С. 66—73; Лабутина И. К., Волочкова О. К., Лабутина В. И. Новые сфрагистические находки в Пскове//ОА. 1985. № 1. С. 220—230; Белецкий С. В. Печати «князя Олександра»//СА. 1985. № 1. С. 231—240; Кильдюшевский В. И. Средневековые печати и торговые пломбы из раскопок крепости Орешек//КСИА. 1986. Вып. 183. С. 110—114.

⁴ В. Л. Яниным издано семь печатей, найденных в Верхневолжье: три княжеские и четыре владычных наместников. По одной печати найдено в Торопце (Янин В. Л. Т. II. № 382,7), Старице (там же. № 423,1) и Торжке (там же. № 524,1); четыре печати не имеют точного паспорта, известно лишь, что они происходят из Тверской губернии (там же. № 219,2, 529, 531, 532). Следует отметить неточность, вкрадшуюся в описание печати из Торопца, найденную в 1960 г. при раскопках Г. Ф. Корзухиной. В корпусе она значится не изданной (там же. С. 160. № 382,7). В действительности эта печать издана (см.: Корзухина Г. Ф. О некоторых находках в древнем Торопце//КСИИМК. 1962. Вып. 87. С. 100, 101).

⁵ «Тверской музей и его приобретения», отдельные издания за 1892, 1894, 1903 гг. (в дальнейшем — ТМЕП); Колосов В. Краткое описание Тверского музея. Третья комната музея. Тверь, 1912 (в дальнейшем — Колосов); Плетнев В. А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. Тверь, 1903 (в дальнейшем — Плетнев).

⁶ Пользуемся возможностью выразить благодарность хранителю нумизматических фондов Калининского музея Н. Н. Ильинской, оказавшей содействие в поисках сфрагистических материалов Тверского музея.

⁷ Янин В. Л. Т. I. С. 206, 207. № 203—206.

⁸ Там же. С. 207. № 205.

⁹ НПЛ. С. 51, 249.

- 10 Там же. С. 52, 249.
 11 Там же. С. 55, 254.
 12 Там же. С. 57, 258.
 13 Янин В. Л. Т. II. С. 85, 86. № 575, 576.
 14 Локализовать на местности эту находку пока не удалось.
 15 Другие уломинания этой печати в литературе приведены В. Л. Яниным.
 16 Янин В. Л. Т. II. С. 186. № 526.
 17 Янин В. Л. Печати наместников новгородских//СА. 1954. Т. XIX. С. 283—292.
 18 Янин В. Л. Т. II. С. 187, № 529—531.
 19 НПЛ. С. 334.
 20 Там же.
 21 ПСРЛ. Т. 16. Стлб. 148, 149.
 22 Янин В. Л. Т. II. С. 122. № 700.
 23 Там же. С. 122.
 24 Там же. С. 123, 124.
 25 Там же. С. 66.
 26 Миллер В. Ф. Очерки Русской Народной Словесности. Былины. М., 1910. Т. II. С. 243.
 27 Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1952. Т. I. С. 141, 142. № 197.
 28 Там же. С. 228, 229. № 319.
 29 Там же. С. 324. № 433.
 30 Янин В. Л. Т. II. С. 142.
 31 Там же. С. 143.
 32 Лихачев Н. П. Печати Покова//ОА. 1960. № 3. С. 230.
 33 Ершевский Б. Д. Древнейшие печати новгородских посадников (1096—1117 гг.)//ОА. 1978. № 2. С. 240—242; Он же. Новгородские свинцовые пломбы конца XI — первой трети XIII в. как источник для политической истории Новгорода: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: М., 1979. С. 3; Лысенко П. Ф. Берестье. Минск, 1985. С. 384. Рис. 255.
 34 Ершевский Б. Д. Дрогичинские пломбы. Классификация, типология, хронология: (По материалам собрания Н. П. Лихачева)//ВИД. Л., 1985. Т. XVII. С. 44, 57.
 35 Ершевский Б. Д. Древнейшие печати... С. 240—242.
 36 Там же. С. 242—248; Он же. Новгородские свинцовые пломбы... С. 14, 15.
 37 Ершевский Б. Д. Дрогичинские пломбы... Табл. III, 94.
 38 Там же. Табл. I, II.
 39 Янин В. Л. Т. II. С. 176. № 460—462.
 40 Там же. С. 187—188. № 532—533.
 41 Там же. С. 66.
 42 Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М.; Л. 1948. Ч. I. С. 306—317, 354—356.
 43 Рыбина Е. А. Товарные пломбы из Турнаэ в Новгороде//СА. 1981. № 1. С. 298—300; Blaukoff J. A propos d'un plomb de Tournai Trouvé à Novgorod//Société Royale d'Histoire et d'archéologie de Tournai. Bulletin d'information. 1978. N 4. P. 5—12.
 44 Mårtensson A. W., Wahloo C. Lundafynd en Bilderbok//Archaeologica Lundensia. Bd VI. Lund, 1970. S. 90. Taf. 139.
 45 Таавитсаинен J.—P. Keskiajan kangaskaupasta kirjallisten ja esineellisten lähteiden valossa//Suomen Museo. 1982. S. 26.
 46 Ibid.
 47 Янин В. Л. Т. I. С. 197. № 152—155.
 48 Там же. С. 115.
 49 НПЛ. С. 30, 217.
 50 Там же. С. 43, 235, 236.
 51 Леонтьев А. Е. Древнерусские поселения Верхней Мологи//Археологические исследования в Верхневолжье. Калинин, 1983. С. 57.
 52 НПЛ. С. 43.

⁵³ Российское законодательство X—XX веков. М., 1984. Т. I. Законодательство Древней Руси. С. 225.

⁵⁴ ГВНЧП. № 1—3, 6, 7 и др.

⁵⁵ Рыбина Е. А. Археологические очерки истории новгородской торговли. М., 1978. С. 142—146; Она же. Западноевропейская система знаков собственности//ВИД. Л., 1981. Т. XII. С. 282.

⁵⁶ Рыбина Е. А. Археологические очерки... С. 142. Рис. 32; Nottbeck E. Siegel aus dem Revaler Rathsarchiv nebst Sammlung von Wappen der Revaler Rathsfamilien. Lübek, 1880. Taf. 2—4, 6—8, 10, 12, 13; N 20, 23, 27, 50, 56, 97, 103, 121, 124—126, 131, 154, 162, 200, 207, 301, 304.

⁵⁷ Рыбина Е. А. Западноевропейская система знаков собственности... С. 296.

⁵⁸ Янин В. Л. Т. II. С. 187, 188. № 532, 533.

⁵⁹ Борзаковский В. С. История Тверского княжества. Слб., 1876. С. 43.

М. В. СЕДОВА, Н. М. КУРГАНОВА

ТРИ СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ ПЕЧАТЕЙ XV в. В СУЗДАЛЕ

В древнерусской сфрагистике хорошо известны прикладные печати, предназначенные для воско-мастичных оттисков на документах. Появились они на Руси в послемонгольский период, постепенно сменяя подвесные буллы. Изготавливались эти печати из кости или цветных металлов. Преобладали в основном две формы: первая — миниатюрное изделие в виде шахматной фигурки с отверстиями для подвешивания и вырезанными изображениями на плоской нижней части; вторая — плоский медальон с ушком для подвешивания. Носились они на шее и груди на шнурках или цепочках. Говоря о прикладных печатях для воско-мастичных оттисков из Новгорода, В. Л. Янин продатировал их первой четвертью XV в.¹ Довольно полная сводка находок древнерусских костяных печатей приведена в работах М. Д. Полу-бояриновой². Снимки с печатей, приложенных к различным документам XIV—XVII вв., были опубликованы П. Ивановым в середине XIX в.³ Среди археологических находок воско-мастичные печати известны в очень небольшом количестве, поэтому каждая новая находка привлекала и привлекает внимание исследователей.

В г. Суздале в разные годы были найдены три печати, хранящиеся в настоящее время в фондах Владимиро-Суздальского музея-заповедника.

В 1976 г. в посадской части города вблизи Скорбященской церкви (ныне там расположена Торговая площадь) и ул. Негека местным жителем А. И. Почетаевым была найдена плоская костяная печать миндалевидной формы с двусторонними вырезанными изображениями⁴. Печать имеет размеры $2,4 \times 1,6 \times 0,4$ см и прямоугольное ушко для подвешивания. Печать эта уже публиковалась⁵, но, поскольку она занимает определенное место в ряду других публикуемых печатей, следует вернуться к ее анализу. На лицевой стороне (рис. 1.3—4) в центре, в ободке, помещена фигурка птицы с хохолком на голове, с пышным хвостом, обозначенным четырьмя уверенными линиями. Скорее всего изображен петух. Вокруг этой фигуры по контуру подвески расположена надпись, вырезанная в зеркальном изображении так, чтобы на оттиске получалась хорошо читаемая надпись, которая гласит: ПЕЧАТЬ БОГДАНОВА⁶.

Рис. 1. Именные печати из Суздаля: 1—2 — печать Прокоша Росо (л. с. и о. с.); 3—4 — печать Богданова (л. с. и о. с.); 5—6 — печать Харлампия Андреевича сына Послика (общий вид и щиток перстня)

На оборотной стороне по углубленному фону вырезано изображение шестикрылого серафима, а на ушке над ним ошибочная надпись: ХІР.

Изображения птицы и шестикрылого серафима отличаются лаконичностью и изяществом линий. Миниатюрные фигуры очень удачно вписаны в заданное пространство. Буквы надписей четки и хорошо читаемы. Видимо, изготавливал печать умелый резчик. Наиболее близкие аналогии описываемой печати представляют находки костяной привески-печати круглой формы с именем Ивана Коровы из слоя второй половины XV в. Великого посада Москвы⁷ и печати новгородского посадника Василия Никитича (годы посадничества — 1411, 1420, 1421 и 1423) с изображением в центре птички и с круговой негативной надписью вокруг нее⁸. Обе эти печати датируются XV в. Такой датировке не противоречит и написание букв на суздальской печати. Среди букв, написание которых может дать хронологические отличия, следует выделить букву А. Мачта у нее прямая, петля заостренная, слегка оторвавшаяся от строки. Аналогичное написание этой буквы встречается на произведениях прикладного искусства первой четверти XV в., в частности на изделиях владими́ро-суздальских мастеров⁹. Мачты букв Б и Ъ вертикальны, петли написаны с изломом, что характерно для полуустава XV в. Петля буквы Р написана более архаично и имеет подчетыреугольные очертания, что является признаком, характерным для XIV в.¹⁰

Лигатура является характерной чертой надписей рубежа XIV—XV в. и первых десятилетий XV в.¹¹, когда полуу́став переходит в скоропись. Особенно интересно в палеографическом отношении написание буквы V в виде галочки, без мачты. Такая форма буквы типична для памятников письменности конца XIV — первой четверти XV в.¹² Именно этим временем, т. е. рубежом XIV—XV вв., по-видимому, и следует датировать нашу печать.

Вопрос о том, кому могла принадлежать печать, пока не ясен. Скорее всего она была должностная. Близкая по характеру изображений новгородская печать принадлежала посаднику Василию Никитичу. Принадлежность московской печати Ивана Коровы не выяснена¹³. На свинцовых новгородских печатях, принадлежавших посадникам и тысяцким XV в., иногда встречаются изображения птиц¹⁴.

На отисках печатей, приложенных к различным юридическим документам XIV—XV вв., также встречаются изображения, близкие по характеру суздальскому¹⁵. Так, фигурки птиц помещены на печатях келаря Кириллова монастыря Федора (XIV в.), судьи Андрея Перелешанина, послуха Фарисея, архимандрита Симонова монастыря Афанасия, игуменов Кириллова монастыря Кассиана и Нифонта, игумена Феропонтова монастыря Филофея, а также бояр Никиты Васильевича Беклемишева и Михаила Глебовича Коровы-Кутузова (XV в.). Особенно близок по форме суздальскому отпечатку миндалевидной печати XV в. Ивана Федорова, сына Константиновича (№ 38).

Близкая эмблематика имеется и на монетах удельного периода. Например, справа помещен петух на монетах великого князя Дмитрия Ивановича Донского (1362—1380) и Василия Васильевича Темного (1425—1462). Слева изображен петух на монетах дмитровского князя Петра Дмитриевича (1389—1428)¹⁶. Начертание надписей с их палеографическими особенностями также близко нашей печати.

Изображенный на оборотной стороне суздальской печати шестикрылый ангел является скорее всего эмблемой церковной иерархии. Судя по наблюдениям В. Л. Янина, это изображение на свинцовых печатях XI в. с надписью «Дньъслово» служило эмблемой киевской митрополии¹⁷. Среди суздальских иерархов известен деятель с именем Богдан, это имя не христианское, а мирское. Видимо, владелец печати являлся высокопоставленным административным лицом и находился в зависимости от церкви. В письменных документах имя Богдана среди суздальских деятелей не упоминается. Но в данной грамоте Спасо-Евфимиеву монастырю (ок. 1444—1445) упомянут в качестве послуха «Данило Богданов суздалец»¹⁸ (возможно, сын Богдана — владельца печати).

Печать Богданова была обнаружена вблизи раскопок 1974—1976 гг., проводимых Владимиро-Суздальской археологической экспедицией Института археологии АН СССР и Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Территория раскопа захватила часть древнего кладбища. Первые погребения на нем, судя по формам крестов-тельников, сопровождавших покойников, были совершены в XV в. Следовательно, уже в XV в. на этом месте существовала одна из древнейших посадских церквей Суздаля, около которой, возможно, и была утеряна печать.

Вторая печать (рис. 1, 1—2) была найдена в 1953 г. суздальской жительницей В. Е. Шмаровой в восточной части кремлевского земляного вала, у современного здания пожарной охраны (ул. Кремлевская)¹⁹. Печать отлита из белого металла, имеет овальную форму и шестигранное ушко для подвешивания. Ее размеры 2,4×1,5 см, вес около 3,5 г. На лицевой стороне помещено углубленное изображение крылатого коня с рыбьим хвостом (гиппокампа). Эмблематическое изображение на печати (в разрезе) размещается несколько выше, чем следующая по краю строчная надпись: ПЕЧАТЬ ПРОКОША РАСО. На оборотной стороне в середине печати на гладкой поверхности помещена тамга. По краю проходит ободок, внутри которого размещен сетчатый орнамент — слева несколько более широкий, чем справа. Предмет отличается прекрасной сохранностью, ясностью и четкостью всех деталей. Изображение крылатого летящего коня, несомненно, интересно в художественном отношении. Мастеру в полной мере удалось передать динамизм, живость фигуры.

Наиболее близкой по форме аналогией суздальской печати является бронзовая миндалевидная привеска-печать с изображением зверя, найденная на Славне в Новгороде. Автор раскопок

А. В. Арциховский датировал ее временем не ранее XIV в.²⁰ Оттиски с печатей, носящих изображения гиппокампа, обнаруживают определенную близость с суздальской печатью. Наиболее близка по манере изображения (особенно головы и крыльев) печать Васюка Гаврилова Бобкова под разъезжей грамотой 1519 г. «па землю Стебачевскую Спасо-Евфимиева монастыря и Нелешскую, бывшую за Матвеем Судимантовым; по Суздальскому уезду»²¹. Привлекают внимание также еще два оттиска печатей: первая — судьи Василия Никифоровича Аксакова и вторая — судьи Прокофья Акимова Языкова под правой грамотой начала XVI в., данной «архимандриту Спасского монастыря Константину с братней на принадлежащие тому монастырю селища Зелинкова, которую присвоил себе под именем селища Кувекина игумен св. Иоанна Предтечи Киберганского монастыря Савва, с братиею, по Суздальскому уезду»²².

На печати Прокофья Акимова Языкова помещено изображение человеческой фигуры со стрелой в руке, на печати Василия Никифоровича Аксакова — крылатый конь. Изображение этого гиппокампа меньше похоже на нашу печать, чем изображение его на печати Васюка Гаврилова Бобкова. Здесь обращает на себя внимание сочетание имени Прокофья (Прокоши) и изображения гиппокампа на печатях, поставленных под одним документом. Особое внимание привлекает то, что обе грамоты, к которым приложены печати с изображениями гиппокампа, относятся к суздальскому Спасо-Евфимиеву монастырю.

Изображение крылатого коня с рыбым хвостом есть и на монетах удельного периода. Например, на монетах великого князя Бориса Александровича Тверского (1425—1461)²³. Близкая по рисунку фигурка конька помещена на шерстне-печатке, обнаруженном в Кидекше близ Суздаля²⁴.

Сетчатый орнамент, помещенный на оборотной стороне суздальской печати также встречается на монетах удельного периода²⁵.

Датировка описываемой суздальской печати может быть уточнена благодаря анализу начертаний букв строчной надписи. Широкое и короткое начертание почти всех букв надписи; написание буквы А с округлой петлей, не касающейся строки; одностороннее Ч, написание Т из трех палочек позволяют предположить почерк мастера конца XV в.²⁶ Обращает на себя внимание, что в слове «печать» буквы «П» и «Ч» оттиснуты зеркально. Может быть, мастер был не силен в грамоте или данный вид работ был ему незнаком. Об этом говорит и то обстоятельство, что он не рассчитал места для надписи, и последнее слово оказалось написанным несколько мельче других. Думается, что наличие аналогий, художественные и палеографические данные позволяют с большой убедительностью датировать найденный в Суздале памятник сфрагистики концом XV в.

Вопрос о том, кому могла принадлежать печать, пока не решен. Скорее всего это было должностное лицо, однако ни в ка-

ких письменных документах этого времени найти его пока не удалось. Остается неясным слово РАСО. Возможно, это было прозвище владельца или недописанная фамилия.

Третья печать была найдена и передана в 70-е годы в дар Суздальскому музею местным жителем Ю. Н. Огурцовым²⁷. Обнаружена она вблизи Тихвинской церкви, расположенной на правом берегу р. Каменки, вне земляных укреплений города. В древности на месте Тихвинской церкви находился Андреевский монастырь, сожженный в период польского нашествия в начале XVII в. В отличие от двух предыдущих печатей эта именная печатка помещена на щитке массивного серебряного перстня весом 8,6 г. Перстень диаметром 20 см имеет восьмигранный, округленный щиток размерами 1,5×1,5 см, на котором в 6 строк размещена надпись: ПЕЧАТЬ/ХАРЛАМП/ЛЯАНДРЪ/ІАНОАВСЫ/НАПОСНІ/КА, т. е. печать Харлампия Андреянова сына Посника (рис. 1, 5—6). Буквы вырезаны зеркально, чтобы на оттиске получалось правильное чтение.

Уже на первый взгляд надпись перстня-печатки дает представление о более позднем времени его создания, чем две предыдущие публикуемые печати. Здесь полууставное письмо переходит уже в вязь: буквы разновелики, некоторые из них уменьшены, мачты букв укорочены, много лигатур (АР, АН, ЮН, АП). Для палеографического анализа наибольший интерес представляют буквы Ч, А, Н, М. Буква Ч односторонняя, с прямой мачтой и скругленной верхней частью. Буква А также с прямой мачтой и заостренной узкой петлей, идущей почти от верхнего конца мачты. Буква Н имеет горизонтальную перекладину, иногда даже слегка наклоненную вправо. Буква М широкая, с прямыми мачтами и со скругленной средней частью. Все вышеперечисленные признаки характерны для начертания букв на изделиях прикладного искусства конца XV — начала XVI в.²⁸ Среди снимков оттисков печатей, изданных П. Ивановым, имеются образцы, очень близкие нашему. Так, 1492 г. датируется данная грамота старца Рождественского монастыря во Владимире Дионисия Ханыкова, XV в. датируется печать келаря Троице-Сергиева монастыря Саввы под духовным завещанием, к 1552 г. относится печать писца-межевника Федора Васильевича Ржевского по Бежицкому уезду²⁹. Все эти печати со строчными надписями объединяет то, что они оттиснуты перстнями-печатками. Близко суздальскому перстню и написание букв на этих печатках (одностороннее Ч, Н с прямой перекладной, многочисленные лигатуры и другие признаки). Так что, по-видимому, в конце XV в. в качестве личной печати стали получать распространение перстни-печатки с вырезанными надписями. Принадлежали они чаще всего некрупным должностным лицам, каким, видимо, являлся и Харлампий Андреянович Посник, живший на рубеже XV—XVI вв. Харлампий — довольно редкое имя, поэтому обращает на себя внимание печать Тимофея Харлампиевича Усова под правой разъезжей грамотой 1554 г. на спорный луг Суздальского уезда

под деревней Холмом³⁰. Не был ли Тимофей Харлампиевич Усов сыном Харлампия Андреяновича Посника? Тогда, возможно, Посник — это не фамилия еще в прямом смысле, а скорее прозвище. Правда, имя Посник встречается в письменных документах с XVI в., в том числе и в Суздале (Посник Щекин, дворцовый сытник и Поспик Колачов, дворцовый ключник)³¹. В писцовой книге г. Суздаля, составленной в 1628—1630 гг. в Кремле, упомянут «двор Степана Посникова сына Дмитриева»³². «Посников» тут уже употреблено в качестве фамилии.

Итак, находки в Суздале трех личных печатей с указанием имен отчеств, прозвищ и фамилий дают нам новые сведения о жителях Суздаля, не известных по письменным документам. По данным палеографии и аналогиям, все печати относятся к XV в. На их примере можно проследить эволюцию форм прикладных печатей для воско-мастичных оттисков.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Янин В. Л. Печати из новгородских раскопок 1955 г. // МИА. 1959. № 65.
- ² Полубояринова М. Д. Костяная печать из Серенска // КСИА. 1971. Вып. 125. С. 95—97. Рис. 33; Она же. Две костяные печати из Болгара // КСИА. 1983. Вып. 175. С. 95—97. Рис. 1.
- ³ Иванов П. Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Московском архиве министерства юстиции. М., 1858.
- ⁴ Передана во Владимиро-Суздальский музей. С. В. Вереш. Инв. № В—23429.
- ⁵ Седова М. В. Печать из Суздаля // СА. 1979. № 4. С. 278—280.
- ⁶ Авторы пользуются случаем выразить благодарность А. А. Медынцева за оказание помощи при палеографическом анализе надписей.
- ⁷ Рабинович М. Г. Материалы по истории Великого посада Москвы // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 1954. С. 74. Рис. 16.
- ⁸ Янин В. Л. Указ. соч. С. 304—305.
- ⁹ Николаева Т. В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XI — первой четверти XVI в. // САИ. М., 1971. Вып. Е1—60. С. 10, 32, 171.
- ¹⁰ Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956. С. 244; Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI—XIV вв. М., 1964. Табл. XI—XII.
- ¹¹ Рыбаков Б. А. Указ. соч. Табл. XI—XII; Николаева Т. В. Указ. соч. С. 10.
- ¹² Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 245; Щепкин В. Н. Русская палеография. М., 1967. С. 132. Рис. 55.
- ¹³ Рабинович М. Г. Указ. соч. С. 74.
- ¹⁴ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв.: В 2-х т. М., 1970. Т. II. С. 218, 224; № 698. С. 724—731.
- ¹⁵ Иванов П. Указ. соч. Табл. I, 5; Табл. II, 22, 23, 35—39, 47.
- ¹⁶ Орешников А. В. Русские монеты до 1547 г. М., 1896. № 449. Рис. 51, 321; № 588. Рис. 433; № 785. Рис. 639.
- ¹⁷ Янин В. Л. Актовые печати... Т. I. С. 82.
- ¹⁸ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. М., 1964. Т. III. С. 470. № 490.
- ¹⁹ Владимиро-Суздальский музей-заповедник. Инв. № СМ—2581.
- ²⁰ Арциховский А. В. Раскопки на Славне в Новгороде // МИА. 1949. № 11. С. 149. Рис. 21, г.
- ²¹ Иванов П. Указ. соч. С. 5. № 14. Табл. IV, 20.

²² Там же. Табл. VII. № 160. С. 13. Архимандрит Спасо-Евфимиева монастыря Константин упомянут в 1503 г. в связи с пожаром монастыря. В списке настоятелей Спасо-Евфимиева монастыря больше Константинов нет (см.: Сахаров Л. Историческое описание первоклассного Спасо-Евфимиева монастыря. 3-е изд. 1905. С. 37, 43—44).

²³ Орешников А. В. Указ. соч. № 234. Рис. 103, 104; № 640, рис. 4.

²⁴ Спицын А. А. Владимирские курганы//ИАК. М., 1905. Вып. 15. Рис. 198.

²⁵ Орешников А. В. Указ. соч. № 838. Рис. 699; С. 174. Рис. 9—10.

²⁶ Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 249—250. Табл. 5.

²⁷ Владимиро-Суздальский музей-заповедник. Инв. № В—30384/658.

²⁸ Николаева Т. В. Произведения русского прикладного искусства с надписями. С. 10—11. Табл. 81.

²⁹ Иванов П. Указ. соч. Табл. I, 9; II, 21; VI, 60.

³⁰ Там же. Табл. V, 68.

³¹ Тупиков Н. М. Словарь древнерусских собственных имен//ЗОРСА. Спб., 1903. Т. VI. С. 373.

³² Список с писцовой книги г. Суздаля с 7136 по 7138 г.//Тр. Владимирской ученой архивной комиссии. Владимир, 1904. Т. 6. С. 6.

А. В. ЧЕРНЕЦОВ

СИВИЛЛИНА КНИГА НА МИНИАТЮРЕ XVI в.

**(к вопросу о специфических чертах
городской культуры древней Руси)**

Культура средневековья — сложное по своему характеру явление. В научной литературе указывалось на существование двух культур эпохи феодализма: элитарной, связанной с верхушкой класса феодалов и духовенства, и низовой, полуязыческой, по преимуществу крестьянской¹. Первая тесно связана с книжностью, ее характеризуют изделия мастеров-профессионалов, вторая носит некнижный, фольклорный характер.

В реальной жизни культурная стратификация была, конечно, более многослойной. При этом, по мере развития феодального общества и культуры (в частности, распространения грамотности) все большее значение приобретают культурные явления, связанные с городом, городским образом жизни. Это культура рядовых представителей класса феодалов, плебейской части духовенства, горожан, в том числе и ремесленников высокой квалификации (поскольку их произведения отражают не только требования заказчиков, но и их собственные представления). Соответствующий этим социальным слоям пласт культуры представляет исключительный интерес, так как он, с одной стороны, обнаруживает значительную близость к собственно народной куль-

туре, а с другой — обладает способностью к усвоению инокультурных влияний, к быстрым изменениям. Мобильность и открытость для усвоения и развития прогрессивных тенденций являются наиболее существенными отличиями рассматриваемого пласта культуры, как от строго регламентированной культуры высших слоев духовенства и светской знати, так и от глубоко традиционной крестьянской культуры.

Обрисовывая приблизительные границы данного культурного феномена, представляется, что к нему следует отнести довольно широкий круг явлений. Прежде всего это произведения низкой литературы, включая зачатки светской беллетристики, сатиры, тексты, связанные с ходячими суевериями (в том числе гадательные книги). Сюда же следует отнести и всевозможные проявления еретических учений, а шире — неортодоксального восприятия христианства. В сфере изобразительного искусства это помимо сравнительно немногочисленных изображений, связанных с перечисленными выше явлениями, весьма многочисленные светские мотивы, отражающие господствовавшую в средние века феодальную идеологию (поскольку элитарная апология феодализма на Руси была практически исключительно облечена в религиозную форму).

Промежуточное положение рассматриваемых явлений культуры, разнохарактерность социальных прослоек, с которыми они связаны, должны были способствовать тому, что их элементы могут быть обнаружены и в вышележащих (элитарных) и в нижележащих (крестьянских) пластах культуры.

Одним из примеров переплетения элитарной, придворной и более демократической, городской по преимуществу, культуры могут служить миниатюры Лицевого летописного свода². Как исключительно богатая серия композиций на темы русской и всемирной истории, исполненная по царскому заказу и под наблюдением высших духовных и светских властей, она относится к произведениям элитарного искусства. В то же время поставленная заказчиками задача полного подробного изложения всех событий, отраженных в летописных и хронографических текстах, способствовала созданию нетрадиционных композиций, в которых находила свое воплощение не только идеология заказчиков, но и самих мастеров-миниатюристов, ремесленников-горожан. Источниковедческое значение миниатюр Лицевого летописного свода во многом определяется тем, что они отмечены высокой степенью оригинальности. Иконографические истоки композиций могут быть указаны только для очень немногочисленных миниатюр, воспроизводящих традиционные ветхозаветные и евангельские сюжеты. Чрезвычайный размах работы не позволял миниатюристам заниматься поисками изобразительных образцов, и, создавая миниатюры, они опирались исключительно на бытовавшие в их среде представления и традиционный набор образов и мотивов³. Нашедшие свое отражение на миниатюрах затруднения, возникавшие у мастеров при изображении черт

чужеземной культуры и быта и иных экзотических объектов, и те формы, в которых они воплощали свои представления о них, ярко характеризуют культурный кругозор, творческую фантазию и склад мышления кремлевских мастеров XVI в.

В данном обзоре речь пойдет об одной из миниатюр Лицевого летописного свода, на которой представлены мотивы, связанные, с одной стороны, с феодальной эмблематикой, с другой — со средневековыми гадательными книгами, и изображенные в соответствии с представлениями мастеров-горожан, работавших в кремлевских мастерских по царскому заказу.

На миниатюре Хронографического тома Лицевого летописного свода, хранящегося в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, изображена иллюстрированная волшебная (гадательная) книга (рис. 1). Она отражает соответствующий переводной текст и интересна тем, что указывает на тесную связь феодальной эмблематики и символических образов сокровенных книг, проливая тем самым свет на малоизученные аспекты социальной психологии и низовой культуры эпохи средневековья. Необычность сюжета и конкретного объекта требуют некоторых комментариев.

Миниатюра иллюстрирует события царствования византийского императора-иконоборца IX в. Льва V Армянина (813—820). Согласно хронографическому тексту, насильственная смерть этого императора была предсказана с помощью гадания по сивиллиной книге⁴. Пророчицы-сивиллы пользовались в средние века известностью главным образом как предсказатели, предрекшие рождение Христа. Начиная с первой половины XVI в. на Руси были известны краткие прорицания, связанные с этими пророчицами⁵. Помимо хронографического текста сведения о том, что сивиллины книги были иллюстрированы, автору неизвестны.

Согласно тексту, книга, содержащая «сивиллино пророчество», хранилась в царских палатах, причем в ней были «написаны» (т. е. в данном случае изображены) «образы зверем и человеком»: изображения носили довольно сложный, замысловатый характер и были полихромными («шарове же, ими же написани бяху зверие они, многоплетени и различни бяху»).

Иллюстрация, предвещающая гибель императора, представляет изображение льва, которого поражает копьем человек. Помимо изобразительных мотивов композиция включает также букву «Х», в которую «вхожаше копие» (буквенное обозначение содержало указание на время гибели царя).

Характер значительной части гадательных текстов, содержащих большой или меньший набор ответов-предсказаний (нередко в иносказательной форме), допускает возможность бытования иллюстрированных гадательных книг. При этом подобный лицевой кодекс мог использоваться для простейшей операции библиомантии, т. е. открывания книги наугад и прорицанию на основе того, что написано (изображено) на открывшейся странице.

Рис. 1. Миниатюра Лицевого летописного свода с изображением Сивиллиной книги (ГПБ, F IV 151, л. 881 об.)

Иллюстрированные магические книги известны. Для текстов, связанных с такими примыкающими к магии тайными науками, как астрология и алхимия, иллюстрации в виде миниатюр и гравюр обычны и весьма многочисленны⁶. Иллюстрации и упоминания о магических изображениях представлены и в наиболее известном сводном магическом трактате Агриппы Неттесгеймского «О сокровенной философии»⁷. Две значительные серии аллегорических композиций (эмблем) иллюстрируют прогностические сочинения Парацельса⁸. Сохранились упоминания и об иллюстрациях в русских колдовских книгах XVII в. («изображенные кресты осмиконечные и четвероконечные и змеи и прочее») ⁹.

Гадательная книга с картинками может быть сближена со специальными колодами гадательных карт (tarot, tarocco), включающими карты с изображениями эмблематического характера (ит. trionfi)¹⁰. Одно из этих изображений, «Сила», обыкновенно воспроизводилось в виде победы человека над львом¹¹, т. е. в принципе того же сюжета, что и на миниатюре.

Победа человека над царем зверей — львом — древний и популярнейший мотив державной эмблематики. Он известен, в частности, на византийских консульских диптихах (львы, которых колют копьями)¹². На Руси особой популярностью пользовался пришедший из Византии мотив победы Самсона над львом¹³. Наряду с ним известны и другие иконографические разновидности борьбы человека со львом (а также крупным хищником неопределенного вида)¹⁴. Все эти разновидности относятся к сфере феодальной эмблематики, символизируют воинскую, а не охотничью доблесть, победу над злом. Феодальному звучанию подобных композиций способствовали средневековые представления о льве как «царе зверей»¹⁵. Связь композиции, воспроизводящей образы сивиллиной книги с феодальной и державной эмблематикой, усиливается благодаря тому, что, согласно тексту, данная гадательная книга содержала «многа пророчества о царих»¹⁶. К феодально-рыцарским элементам композиции относятся и боевое оружие (копье). Объединение в одной композиции изобразительных и неизобразительных элементов характерно для развитой, специализированной символики.

Случайно ли созвучие феодальной эмблемы и образа гадательной книги? Очевидно, нет. Ведь и упомянутые выше изображения на картах, и «эмблемы» Парацельса тесно связаны с феодальными эмблемами. Феодальная идеология, будучи господствующей идеологией своего времени, естественно, отражалась в таких проявлениях низовой культуры средневековья, как гадательные книги, причем жизненные удачи и беды обрисовывались в духе феодальной иерархии ценностей, феодальных идеалов. При этом запретный по церковным понятиям характер гадательных книг способствовал их относительной независимости от церковного, аскетического идеала, восприятию и трактовке житейских ценностей в духе светской феодальной культуры.

Тесная связь феодальной эмблематики и гадательных текстов может быть ярко проиллюстрирована на материале древнерусских рукописей. В русских гадательных книгах важную роль играют образы феодальных правителей. «Стоит Золотая Орда грозным царем, земля русская добрым благоверным царем и великим князем (вариант: благоверным царем Адамом. — А. Ч.), а дом стоит умным господином»¹⁷. «Святой Борис и Глеб стоят над русскою землею и светят златыми венцы и поведают хвалу русских князей, врази их падут под ногами их, тако и тебе, человеку, врази мыслят зло, и ты не бойся их, бог тебе на помощь, святой Борис и Глеб, надежду добру имей»¹⁸. В текстах русских гадательных книг можно найти даже упоминание жестов,

относящихся к феодальному или придворному ритуалу: «государева рука высока и тебя пожалует»¹⁹ (образ может быть сближен с распространенной на русских удельных монетах XV в. иконографией правителя с поднятой рукой)²⁰.

Встречается в гадательных книгах и образ героизированного воина. «Храбрый муж поиде на супротивника, извлече оружие и не будет ему противника»²¹. Упоминается в гадательных книгах и образ воина-змееборца²², а также находящий аналогию среди популярных феодальных эмблем образ конного охотника с соколом²³. Упоминания оружия сближают гадательные книги с феодально-рыцарской символикой²⁴.

Ярко отразилось в русских гадательных книгах и так называемое «зоологическое мировоззрение», характерное для феодальной идеологии. При этом совершенно ясно, что зооморфные образы выступают лишь как иносказания. «Мнози врази воссташа на тя, зверь на зверя зубы скрежещет, разбойник на разбойника меч острит...»²⁵. «Воробей у ястреба дерется из кохтей, тако и ты, человеце, имаши драться из рук человеческих...»²⁶. «Лежит бел заяц, и прилете орел и взя зайца, понесе...»²⁷. В качестве иносказательных образов фигурируют лев²⁸, волк²⁹, «лютый зверь»³⁰.

Как видим, образы русских гадательных книг обнаруживают весьма значительное сходство с набором наиболее популярных светских мотивов древнерусского прикладного искусства и монетными типами XV в. Даже такой популярный мотив прикладного искусства, как пара птиц у «древа жизни», находит себе аналогию в гадательных текстах³¹.

Это совпадение, несомненно, не случайно и свидетельствует о том, что светские мотивы древнерусского искусства (в том числе те из них, которые стоят у истоков феодальной эмблематики) и образы гадательных книг характеризуют единый пласт культуры феодального общества. Это светская культура воинов-феодалов, а также тех слоев населения, которые в наибольшей степени находились под влиянием собственно феодальной культуры (прежде всего горожан). На Руси вплоть до позднего средневековья этот пласт культуры находил свое воплощение главным образом в низовой литературе, не потерявшей связи с устной эпической традицией. При этом характерно, что героические черты эпических образов воспринимались в прямой связи со злободневными житейскими проблемами.

Благодаря существованию этой связи русские гадательные тексты представляют собой важный источник для конкретизации представлений о смысловом значении светских образов древнерусского прикладного искусства, а также ранних феодальных эмблем.

Рассматриваемая миниатюра Лицевого летописного свода представляет собой конкретный пример соединения образов гадательной книги с политическим содержанием и изобразительными мотивами феодальной, державной символики.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Рыбаков Б. А. О двух культурах русского феодализма//Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970.
- ² Пресняков А. Е. Московская историческая энциклопедия XVI в.//ИОРЯС. 1900. Т. V. Кн. 3; Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 41—154; Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1964. С. 102—314.
- ³ Чернецов А. В., Данильченко В. П. Изображения обитателей моря на миниатюрах рукописи XVI в.//Культура и искусство средневекового города. М., 1984. С. 142.
- ⁴ ПСРЛ. Спб., 1911. Т. 22. С. 334, 335.
- ⁵ Казакова Н. А. «Пророчества еллинских мудрецов» и их изображения в русской живописи XVI в.//ТОДРЛ. Л., 1961. Т. XVII; Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVI вв. Спб., 1903.
- ⁶ Boll F. Stern Glaube und Sterndeutung. Leipzig; Berlin, 1926; Gündel W. Dekane und Dekansbilder. Hamburg, 1936; Hansmann L. Astrographik der späten Mittelalters//Gebrauchsgraphik. 1965. N 3; Lennep J. van. Alchimie. Contribution a l'histoire de l'art alchimique. Bruxelles, 1984.
- ⁷ Henrici Cor. Agrippae ab Nettesheim: De occulta philosophia libri tres. Parisiis, 1567.
- ⁸ Weber-Marshall J. Le prognostic de Paracelse. Prophetie en 32 figures et textes. Paris, 1948.
- ⁹ Елеонская Е. Н. К изучению заговоров и колдовства в России. М., 1917. С. 18.
- ¹⁰ Hoffmann n. Die Welt der Spielkarte. Leipzig, 1972. S. 15—19. Taf. 14—19.
- ¹¹ Ibid.
- ¹² Банк А. В. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. Л.; М., 1966. Табл. 32—35.
- ¹³ Chernetsov A. V. Types on Russian Coins of the XIV and XV Centuries. BAR International series. 167. Oxford, 1983. P. 85—87. Pl. X, 1—10.
- ¹⁴ Ibid. P. 83—85. Pl. IX, 16—22; Pl. XXXIV, 2.
- ¹⁵ Зарубин Н. Н. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л., 1932. С. 66, 98; Карнеев А. Материалы и заметки по литературной истории физиолога. Спб., 1890. С. 161.
- ¹⁶ ПСРЛ. Т. 22. С. 334.
- ¹⁷ Сперанский М. Н. Из истории отреченных книг. Вып. I. Гадания по Псалтыри. Спб., 1899. С. 22. Имя Адама в таком, не вполне понятном контексте (в роли русского князя — I) может быть сопоставлено с известным темным местом Задонщины: «...русская земля, топервое еси как за царем за Соломоном побывала» (Памятники литературы Древней Руси XIV — середины XV вв. М., 1981. С. 102).
- ¹⁸ Сперанский М. Н. Указ. соч. С. 60 (ср. с. 33).
- ¹⁹ Турилов А. А., Чернецов А. В. Отреченная книга Рафли//ТОДРЛ. Л., 1985. Т. XL. С. 309, 311, 313—316; ср. с. 317 в той же публикации («государева рука на тя ниска, бойся опалы»).
- ²⁰ Chernetsov A. V. Op. cit. P. 69, 92. Pl. X, 18—23.
- ²¹ Сперанский М. Н. Указ. соч. С. 27, 55, 73.
- ²² Там же. С. 42, 83.
- ²³ Там же. С. 34, 84.
- ²⁴ Там же. С. 34, 98 (ср. с. 32, 52, 53, 55, 73).
- ²⁵ Там же. С. 32.
- ²⁶ Там же. С. 37, 61, 81.
- ²⁷ Там же. С. 29.
- ²⁸ Там же. С. 23, 57.
- ²⁹ Там же. С. 65.
- ³⁰ Там же. С. 96.
- ³¹ Там же. С. 52, 53, 92.

СПИСОК СОКРАЩЕНИИ

АЕ	— Археографический ежегодник
АО	— Археологические открытия
В.	— вес
ВИД	— Вспомогательные исторические дисциплины
ГАНО	— Государственный архив Новгородской области
ГМТР	— Государственный музей Татарской АССР
Д.	— диаметр печати или пломбы
ЗОРСА	— Записки отделения русской и славянской археологии
ЗСПБАНО	— Записки Санктпетербургского археолого-нумизматического общества
ИАТ	— Институт археологической технологии
ИГО	— Известия географического общества
ИЗ	— Исторические записки
ИЗД	— Издание печати, включающее ее воспроизведение
ИОРЯС	— Известия Отделения русского языка и словесности
ИС	— История СССР
КГМ	— Калининский государственный музей
Л. с.	— лицевая сторона
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАР	— Материалы по археологии России
М. н.	— Место и время находки печати или пломбы
НГОМЗ	— Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
НГМ	— Новгородский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей.
НГПИ	— Новгородский государственный педагогический институт
НПЛ	— Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
НСНРПМ	— Новгородские специальные научно-реставрационные производственные мастерские
ПЛ	— Псковские летописи
ПОМЗ	— Псковский областной музей-заповедник
САИ	— Свод археологических источников
О. с.	— оборотная сторона
РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РИБ	— Русская историческая библиотека
ТКМ	— Торжокский краеведческий музей
ТМЕП	— Тверской музей и его приобретения
ЧОЛДР	— Чтения в Обществе любителей древностей российских
Уп.	— упоминание печати или пломбы
Хр.	— место современного хранения печати или пломбы

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	5
В. В. Седов. Начало славянского освоения территории Новгородской земли	12
А. А. Зализняк. Новгородские берестяные грамоты и проблема древних восточнославянских диалектов	18
Н. Н. Гринев. Легенда о призвании варяжских князей (об источниках и редакциях в Новгородской первой летописи)	31
Е. Н. Носов. Огнищане и проблема формирования новгородского боярства	44
В. Водов. К истории оформления докончаний Новгорода с князьями в XIII в. (наблюдения над политической лексикой)	53
И. О. Колосова. Посадничество и формирование кончанской системы в Пскове (XIV—XV вв.)	59
В. Г. Миронова. Из истории юридической практики Древней Руси	66
А. Л. Хорошкевич. Монголы и Новгород в 50-е годы XIII в. (по данным берестяных грамот № 215 и 218)	69
Е. А. Рыбина. Сведения о торговле в берестяных грамотах	74
Ю. Л. Щапова. Новый взгляд на две новгородские находки (Венецианское стекло в Новгороде)	82
А. С. Хорошев. К вопросу о «языческом могильнике» на Ярославовом Дворище	89
И. К. Лабутина. Языческое святилище Пскова	100
А. Н. Сорокин. Федоровский ручей в древнем Новгороде (вопросы топографии)	109
В. И. Поветкин. О происхождении гуслей с игровым окном (из опыта восстановительных работ)	116
Т. В. Рождественская. Эпиграфика и книжная культура древнего Новгорода	128
В. Д. Чёрный. Великий Новгород в древнерусской книжной миниатюре	134
Н. Н. Кузьмина. Памятник архитектуры XVI в. — церкви Филиппа апостола и Николая чудотворца на Нутной улице в Новгороде	147
П. П. Толочко. О торгово-ремесленном пути становления древнерусских городов	159
С. З. Чернов. Комплексное исследование русского средневекового ландшафта (экология культурной среды)	168
М. Д. Полубояринова. Связи Северо-восточной Руси с Волжской Болгарией (по археологическим данным)	179
Д. А. Авдусин, Т. А. Пушкина. Три погребальные камеры из Гнёздова	190
С. А. Изюмова. Супрутский денежно-вещевой клад	206
Г. А. Федоров-Давыдов. Из истории денежного дела Можайска (о некоторых неясных легендах на ранних монетах Можайска)	214
П. А. Шорин. О метрологических особенностях и закономерностях в монетной чеканке великого княжества Рязанского	223
И. Г. Спасский. Первопроходцы научной систематизации допетровских монет XIV—XVI вв. (Я. В. Брюс и П. В. Меллер)	227
Э. А. Гордиенко. Розетка на печатях князя Изяслава Ярославича	235
П. Г. Гайдуков, П. Д. Малыгин. Новые сфрагистические находки в Верхневолжье	240
М. В. Седова, Н. М. Курганова. Три случайные находки печатей XV в. в Суздале	257
А. В. Чернецов. Сивиллина книга на миниатюре XVI в. (к вопросу о специфических чертах городской культуры древней Руси)	265
Список сокращений	272